

Андрей Дементьев

АВЕН-ЕЗЕР

Евангельское движение в Приморье

1898-1990 годы

Владивосток
РУССКИЙ ОСТРОВ
2011

Автор сердечно благодарит Ларса Марвина Линдстедт и Руфь Линдстедт, Карен Ларсон, Всеволода Владимировича Блуштейна, Константина Ткаченко, Наталию Пейсти, Виктора Николаевича Горетого, Алексея Синичкина, Татьяну Кирилловну Никольскую, Владимира Тарасовича Лебедева, Константина Петрова, Константина Валерьевича Штомпеля, Александра Викторовича Исакова, сотрудников Государственного архива Приморского края и Российского государственного исторического архива Дальнего Востока.

Авен-Езер переводится с древнееврейского языка как «камень помощи». В Священном Писании говорится, что он воздвигнут израильтянами на месте их победы над филистимлянами (т. е. палестинцами). «И взял Самуил один камень, и поставил между Массифою и между Сеном, и назвал его Авен-Езер, сказав: до сего места помог нам Господь» (1Цар. 7:12). В переносном смысле Авен-Езер – памятник, знаменующий победу людей, уповающих на Бога, через какие бы испытания им не пришлось пройти.

Дементьев А.

АВЕН-ЕЗЕР: Евангельское движение в Приморье 1898-1990 годы. – Владивосток: Русский Остров, 2011. – 272 с.

Это документальная историческая проза по истории русского евангельского протестантизма (евангельских христиан, баптистов, пятидесятников) в XX веке на примере церкви Приморского края. Автор, будучи христианином, стремился осветить события «изнутри», представить их читателю «глазами верующих», сохраняя при этом документальную точность. В книге широко использовались документы Государственного архива Приморского края (ГАПК) и Дальневосточного филиала Российского государственного исторического архива (РГИА ДВ), в том числе рассекреченные документы спецслужб. Помимо этого использовались публикации СМИ, материалы научной и пропагандистская антирелигиозной литературы советского периода, документы церковных архивов, мемуары. Книга содержит более 100 иллюстраций - это фотографии из церковных и семейных архивов, а также фотокопии архивных документов и материалов прессы. Книга написана простым языком и рассчитана на самый широкий круг читателей.

ISBN 978-5-93577-054-2

**«Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков,
<...> и будете ненавидимы всеми за имя Мое;
претерпевший же до конца спасется.
<...> И не бойтесь убивающих тело, души же не
могущих убить».**

(Матф.10:16,22,28)

ОТ АВТОРА

Эта книга посвящена истории евангельского движения в Приморском крае с того времени, когда их появление подтверждено документально и до начала 90-х годов XX века. Под евангельским движением я подразумеваю современные христианские протестантские деноминации евангельского направления евангельских христиан-баптистов, евангельских христиан, пятидесятников, а также их исторических предшественников штундистов. История близкого к ним молоканства требует отдельного изучения.

Я не стал включать в это исследование историю других христианских протестантских деноминаций, богословски более или менее близких к евангельским верующим, – пресвитериан и методистов (присутствовавших в Приморье в первой четверти XX века и вновь появившихся в 90-х годах), а также адвентистов седьмого дня, которые хотя и не были столь многочисленны, как евангельские верующие, но зато их история пребывания в крае непрерывна и практически столь же длительна, как и история евангеликов. По понятным причинам сюда не вошли исследования по истории харизматического движения, возникшего в Приморье только в 90-х годах XX века.

Я не ставил перед собой задачу написать научную монографию, эта книга предназначена для самого широкого круга читателей. Я стремился, с одной стороны, исторически точно воспроизвести все наиболее значимые явления и события, имеющие отношение к этой теме, с другой, по возможности, показать их «изнутри», «глазами верующих».

Этим объясняется выбор источников. В исследовании использованы материалы двух государственных архивов, находящихся во Владивостоке, Государственного архива Приморского края (ГАПК) и Дальневосточного отделения Российского государственного исторического архива (РГИА ДВ). Одновременно с работой в архивах опрашивались верующие в церквях, изучалась литература как научная, так и художественно-мемуарная, велась переписка с родственниками эмигрантов, оставивших след в нашей истории. Отдельным источником стала электронная база данных о жертвах политических репрессий в Приморском крае.

Довольно много внимания в исследовании уделено явлениям, событиям и персонам, которые не имели прямого отношения к Приморью. Это объясня-

ется моим желанием показать читателю контекст, — для лучшего понимания и оценки происходившего в крае.

С выходом этой книги я не считаю эту тему исчерпанной, а свою работу в этом направлении законченной.

Отдельно обращаюсь к читателям, которые не являются верующими-евангеликами. Желаю вам избежать предвзятости. В этой книге показано, кто и как формировал стереотипы мышления общества в отношении евангельских верующих. Один из таких ложных стереотипов это «нетрадиционность» евангельской веры для России. Якобы она завезена сюда иностранными миссионерами. Конечно, богословское влияние зарубежных единоверцев бесспорно. Более того, как готовая богословская система баптизм действительно заимствован. Однако в России он возник не на пустом месте.

Исстари русские евангельские верующие были как внутри РПЦ, так и за ее «церковной оградой». Евангельско-баптистское богословие заимствовалось в XIX веке последователями такого русского протестантского течения, как молокане (очень схожего с баптизмом). И далее корни уходят в глубь веков — предшественниками молокан были духоборы, ранее раскольники-беспоповцы, нестяжатели, стригольники... Их история пока что плохо исследована, однако с каждым годом появляется все больше работ на эту тему. Тем, кому это интересно, я бы рекомендовал исследование доктора исторического богословия Санкт-Петербургского Христианского университета М. С. Каретниковой «Русское богоискательство». Электронный вариант этой книги есть в свободном доступе в Интернете.

«До тех пор, пока евангелическое движение охватывало лишь иностранных колонистов, живущих в Российской империи, оно не только фактически находилось вне опасности, но и постепенно легализовалось. Так, например, в 1879 г. получила от властей законное право на существование «секта» баптистов. Однако, как заявил тогдашний обер-прокурор Священного Синода Победоносцев, это решение никоим образом не распространялось на русских штундистов или баптистов. <...> Большинство лидеров евангелического движения подвергались длительному тюремному заключению и ссылкам, но, несмотря на это, не оставляли своей деятельности. Православная церковь создала даже специальное миссионерское общество, главная цель которого заключалась в искоренении штундизма. Власти запрещали молитвенные собрания штундистов, конфисковывали их дома, а порой доходили даже до того, что отбирали у них детей, чтобы уберечь их от «пагубного» влияния родителей-сектантов».

Вальтер Заватски «Евангелическое движение в СССР после Второй мировой войны»

ГЛАВА 1

1898-1899 годы. «Секта особо вредная»

Активное освоение Дальнего Востока России началось с середины XIX века. Генерал-губернатор Восточной Сибири граф Н. Н. Муравьев-Амурский сумел убедить императора Николая I в нужности этих земель России. После переговоров с Китаем Россия закрепила за собой левобережье Амура и укрепила позиции на востоке. Дальневосточный край стал постепенно заселяться, сначала казачеством, а затем и крестьянами.

Приамурские территории заселялись неравномерно. Чем западнее была территория, чем ближе к России, тем быстрее росло ее население. Причиной тому были трудности сухопутного передвижения: пеший путь к Амуру через Сибирь занимал до 4 лет, поэтому многие переселенцы не выдерживали и оседали в Сибири.

Чтобы стимулировать переселение, крестьянам, прибывающим из европейской части России, бесплатно предоставлялись наделы земли, кроме того, правительство давало льготные ссуды для переезда. В начале 1880-х стало практиковаться переселение морским путем за счет казны.

Разумеется, большинство переселенцев были православными, однако были среди них и религиозные неконформисты: старообрядцы, молокане,

духоборы, штундисты¹, которых привлекала религиозная свобода и отсутствие рекрутской повинности.

Нужно сказать, что в те времена на Дальнем Востоке светские власти отличались большей религиозной терпимостью, чем в европейской России. Перед властями стояла задача скорейшей колонизации края, а крестьяне-«сектанты» отличались трезвостью, большим трудолюбием и энергичностью, что при освоении диких земель было весьма ценно. Первые документальные сведения о появлении штундистов в Приморье содержатся в Всеподданнейшем отчете обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1898 г.».

Победоносцев, в частности, писал: «По донесению священного Владивостокского (имелся в виду епископ Владивостокский и Камчатский Евсевий — прим. авт.), в конце 1898 года штундисты обнаружены в селах Ивановке, Тарасовке, Ширяевой Южно-Уссурийского округа Приморской области². Они в числе других переселенцев прибыли из Европейской России и на новом месте своего жительства не только открыто заявили о своем заблуждении, но и стараются путем совращения увлечь в него своих односельчан».

Епископ Евсевий пытался руками государственных чиновников изолировать «сектантов» от паствы. В письме военному губернатору Приморской области от 28 мая 1899 года епископ сообщал:

«Распространителями секты явились крестьяне Емельян Хиль, Макар Чернявский, Еремей Гусак и Данил Людвиг³. Вредное влияние секты успело уже

Титульный лист «Всеподданнейшего отчета»

1 Штундисты (от нем. Stunde — час, для чтения и толкования Библии) — прямые предшественники баптистов, участники христианского движения, получившего распространение в России в XIX веке в среде немецких колонистов, а также части населения южнорусских губерний. В 1884 году большинство штундистских общин вошло в Союз русских баптистов Южной России и Кавказа. Но к баптизму в царской России было (да и сейчас в какой-то мере сохраняется) двойственное отношение. Если баптизм исповедовали иностранные подданные, то к ним относились как к представителям официальной вполне уважаемой христианской деноминации. Когда же речь шла о российскоподданных, то они именовались по-прежнему «штундистами», «сектантами», реже — «раскольниками» и подвергались преследованиям. На описываемое время приходится очередной виток гонений.

2 В настоящее время эти села существуют под теми же названиями, они находятся на территории современного Михайловского района Приморского края.

3 В ходе сталинских репрессий против верующих в 1938 году был арестован и расстрелян за религиозную деятельность (баптизм) Афанасий Данилович Людвиг, 1899 года рождения, уроженец и житель Тарасовки — очевидно, сын упомянутого епископом Евсеем штундиста Данила Людвиг. См. Мартиролог.

сказаться. По заявлению Благочинного Лефинского участка, переселившиеся в 1897 году из Киевской губернии в деревню Тарасовку, штундисты-новоселы за последнее время совратили в свою секту почти всех православных старожилов названной деревни. Проникли даже в соседнюю Ширяевку в приходы Анучинский и Аяличенский. Меры вразумления, которые предпринимал против штундистов местный священник Василий Рождественский и Благочинный Священник Александр Охлопков, оказались не действенными. Штундисты остаются упорными в своем лжеучении, а некоторые из них (Иеремия Гусак) не стесняются открыто выражаться что они здесь неуязвимы: «В России с нами близко жил священник, – говорят они, – приезжали миссионеры, и Архиерей, и то сделать ничего не могли, а здесь и подавно ничего не сделают».

<...>

Так как штундистская секта более других сект вредна и опасна для православных <...> не признаете ли, ваше высокопревосходительство, возможным сделать распоряжение о выселении штундистов в одно место, где бы они были лишены возможности постоянно сообщаться с православными и вредно влиять на них. И, наконец, если можно, принять вообще меры против переселения в Южно-Уссурийский край штундистов из южных губерний Европейской России»⁴.

Очевидно, военный губернатор Приморской области Н. М. Чичагов, по просьбе епископа, сделал распоряжение о выселении штундистов из деревень. На что его подчиненный, начальник Южно-Уссурийского округа, ответил рапортом от 4 августа 1899 года в защиту крестьян:

«Имею честь <...> доложить, что как предполагаемое выселение штундистов из деревни Тарасовки на реке Улахэ, так и вообще всякое насильственное переселение очень тяжело отзывается по материальной стороне крестьянина-колониста успевающего сродниться и с местностью и с жизненными условиями.

Очень жаль, что убедительность пастырей в ложном направлении того или иного учения среди невежественной массы быстро подчиняющейся влиянию как добра так и зла, не своей цели.

<...>

Вероятно, это происходит от недостатка образованного духовенства, но мне хорошо известно в настоящее время, что состязательный характер им совершенно не допускается и вся деятельность в таких случаях ограничивается обычными угрозами закона и предстоящими наказаниями, т. е. мерами чисто полицейскими.

Мне казалось бы, что прежде переселения крестьян д. Тарасовки по Улахэ, не будет ли признано возможным командировать в д. Тарасовку образованного и гуманного священника для ведения собеседования с штундистами, о чем я и ходатайствую пред Вашим Превосходительством и при этом докладываю, что при личном разговоре с штундами я вынес впечатление что они вполне признают высшую государственную власть со всеми ее прерогативами, но не признают наше православное духовенство за то, что они за все религиозные требоисправления получают деньги со своих пасомых»⁵.

4 РГИА ДВ ф.1 оп.7 д.470 л.1.

5 РГИА ДВ ф.1 оп.7 д.470 л.17.

Однако Чичагов продолжал требовать от начальника Южно-Уссурийского выселения «сектантов»:

«Поручаю вашему высокоблагородию ускорить исполнение предписания <...> о выселении штундистов в одно место, где бы они были лишены возможности постоянно сообщаться с православными и вредно влиять на последних», – писал он в своем распоряжении от 24 августа 1899 года⁶.

Очевидно, на самого военного губернатора Приморской области давили сверху – из МВД, которое, в свою очередь, общалось со Святейшим Синодом. Сохранилось письмо-инструкция на будущее из переселенческого управления МВД от 20 декабря 1899 года Приамурскому генерал-губернатору, которое тот, в свою очередь, переслал своему подчиненному – военному губернатору Приморской области:

«Вследствие сообщенных обер-прокурором Святейшего Синода сведений о вредной деятельности переселившихся в Южно-Уссурийский край штундистов <...> приняты меры к неуклонному исполнению распоряжения о невключении этих сектантов в уссурийские переселенческие партии. Требование об этом, при условии самой тщательной проверки не принадлежности к штунде не исключает однако возможности проникновения в край последователей этого вероучения, в виду особой тщательности, с которой они скрывают свое сектантство, чтобы получить разрешение переселиться.

Вследствие сего считая своим долгом просить ваше высокопревосходительство сделать распоряжение о водворении штундистов, которые будут обнаружены в составе уссурийских переселенческих партий, в местностях, наиболее удаленных от православного населения. И лишь в случае выяснившейся невозможности устроиться в этих местах, приселять таких лиц по предварительном сношении с епархиальным начальством к обществам, где имеются храмы и возможен близкий и деятельный надзор за причта и администрации...»⁷.

К сожалению, не найдены документы о том, были ли в конечном итоге выселены штундисты из этих деревень. Епископ Евсевий тревогу по этому поводу больше не бил. Возможно, что они были выселены, но позднее вновь вернулись. Либо дело было все-таки замято, и они остались жить на прежнем месте с условием, что не будут раздражать православное духовенство. Во всяком случае известно, что примерно в 1920 году, во время активной миссионерской деятельности баптистов в этой местности, одними из первых общины были созданы именно в этих селах⁸.

Приложение 1

Конец XIX – начало XX вв. охарактеризовались для России бурным развитием экономики с одновременным ростом социальной напряженности в обществе и провалами во внешней политике. Поражение в русско-японской

6 РГИА ДВ ф.1 оп.7 д.470 л.13.

7 РГИА ДВ ф.1 оп.4 д.1928 л.3.

8 Рукопись В. Т. Лебедева «История насаждения и жизнь церквей ЕХБ на Дальнем Востоке» Хабаровск, 1981 год, и журнал «Слово и Жизнь» №1-2 за 1922 год.

войне и усиление протестных настроений вылились в первую русскую революцию 1905-1907 годов.

В это время РПЦ, имея колоссальные льготы от царского правительства, взамен обязана была поддерживать в народе идеи монархизма, повиновения царской власти. Государство возлагало на РПЦ явно выраженные полицейские функции (вплоть до нарушения тайны исповеди священником).

Яркой и характерной для того времени фигурой был К. П. Победоносцев.

В 1880-1905 годы он занимал пост обер-прокурора Святейшего Синода (обер-прокурор – светский чиновник, назначавшийся Российским Императором и являвшийся посредником между Синодом и Императором. Статус обер-прокурора был практически равен министру). Победоносцев был ярким противником демократических преобразований в обществе, сторонником «охранительства» и неразрывного союза РПЦ и государства. Ему приписывается фраза, сказанная в начале 1900-х Николаю II: «Я сознаю, что продление существующего строя зависит от возможности поддерживать страну в замороженном состоянии. Малейшее теплое дуновение весны, и все рухнет»⁹.

Поэт Серебряного века А. А. Блок написал о нем и его эпохе в поэме «Возмездие» (1911):

*Обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев
(1827-1907)*

В те годы дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла,
И не было ни дня, ни ночи,
А только — тень огромных крыл;
Он дивным кругом очертил
Россию, заглянув ей в очи
Стекланным взором колдуна.

Время его обер-прокурорства для неправославных христиан России стало периодом тягчайших испытаний. Слабые ростки веротерпимости эпохи Александра II были растоптаны. Именно при нем баптисты (штундисты) на законодательном уровне были признаны “сектой особо вредною”, что дало возможность развернуть на них широкомасштабные гонения.

Факт существования русских баптистов не признавался, баптистов умышленно старались не отличать от штундистов. Кличка «штунда», появившись 20 лет тому назад на страницах журналов духовного ведомства и в официальной печати, превратила баптиста

в штундо-баптиста, а потом в штундиста; а сама, первоначально безобидная, кличка превратилась в 90-х годах XIX века в руках «власти предержавшие» в грозное, универсальное орудие борьбы с баптистами¹⁰.

По всей России «сектантские» священнослужители арестовывались и отдавались под суд, после чего нередко отправлялись в ссылку или приговаривались к тюремному заключению. Сохранились свидетельства жестоких расправ над неправославными христианами. Избиения и средневековые истязания, которым они подвергались, в частности, описаны в очерке известного советского религиоведа начала XX века В. Д. Бонч-Бруевича «Среди сектантов». Детей баптистов принуждали осенять себя крестным знаменем, целовать крест и даже насильственно крестили. Детей забирали у родителей и помещали в монастыри либо православные семьи «для охранения малолетних детей от соращения».

Репрессии продолжались до 1905 года, когда был принят декрет о веротерпимости, благодаря которому «инославные» христиане получили значительно больше свобод, а Победоносцев оставил свой пост.

ГЛАВА 2

1909-1915 годы. Лутковская церковь

В 1903-1905 годах несколько новых законодательных актов заметно ослабили преследования протестантов. В частности, было разрешено переходить из РПЦ в другие конфессии. А революция 1905 года помогла и в дальнейшем бороться за веротерпимость. Кстати, и среди православных были свои сторонники веротерпимости, считающие, что такая политика пойдет на пользу РПЦ. Правда, это послабление было недолговечным, всего 5-7 лет.

Именно в этот период появилась старейшая евангельская церковь Приморья – Лесозаводская. Впрочем, сам Лесозаводск появился на карте уже при советской власти, он был образован путем административного слияния трех расположенных рядом селений Иманского уезда – села Лутковского, казачьей станицы Донской и полукрестьянского-полуказачьего поселка Медведицкий. Так что мы эту общину будем называть Лутковской, как ее называли сами верующие и царские власти.

Первым руководителем церкви (он подписывал значительную часть ходатайств от имени общины в качестве «уполномоченного») местные власти считали казака станицы Донской Александра Дмитриевича Калашникова. Начальник Иманского уезда в 1911 году в секретном донесении в Приморское областное правление сообщал личную информацию о нем: возраст 42 года, имеет жену Анисью и пятерых детей в возрасте от 1 до 15 лет, занимается малярной работой, недвижимого имущества не имеет, проживает у Смалиуса (члена общины)¹¹.

Также заметными своей активностью членами Лутковской общины в самые первые годы ее существования были казак Иван Яковлевич Сулимин (впрочем, вскоре и Калашников и Сулимин будут исключены за «сектантство» из казачества и переведены в крестьянское сословие), крестьянин Филипп Филиппович Шахновский, Иван Комлев и 19-летний помощник сельского писаря Гавриил Чередник.

Неизвестно, как и через кого основатели Лутковской общины приняли веру. Возможно, Калашников и Сулимин уверовали через кого-то из казаков (уже в те годы на 42 тысячи православных казаков Уссурийского казачьего войска к 1914 году приходилось 168 «раскольников»)¹². Возможно, они уверовали после посещения Лутковского приезжими благовестниками.

11 РГИА ДВ ф. 1. оп. 2 д. 2097 л.46об.

12 Мурыгина Е. А. диссертация «Баптистские общины в поликонфессиональной структуре Дальнего Востока России во второй половине XIX – 30-е гг. XX вв».

Протестанты – книгоноши

Может быть, были верующими еще до своего переезда в Лутковское (как первые штундисты Тарасовки).

В уже упоминавшемся секретном донесении Иманского уездного начальника говорилось, что на начало 1910 года в общине насчитывалось 9 семей, а в 1911 году – уже около 100 человек. Там же сообщалось о посещениях Лутковского «искусными пропагандистами баптизма»: зимой 1909-1910 года – жителями города Никольск-Уссурийского (современный город Уссурийск) Марком Константиновичем Гончаренко и Михаилом Кондратьевичем Чубатовым, 8 мая 1911 года – Александром Андреевичем Персиановым (Персианов был союзным разъездным благовестником евангельских христиан – то есть профессиональным миссионером, уполномоченным Всероссийским Съездом евангельских христиан), а 27 мая 1911 года – благовестниками из Хабаровска, крестьянами Тимофеем Филипповичем Чешевым и Андреем Григорьевичем Чешевым.

Вероятно, днем рождения общины следовало бы считать 10 августа 1910 года, когда верующие Лутковского и соседних селений заявили о себе именно как об общине. В этот день они направили по почте в адрес военного губернатора Приморской области заявление:

«В настоящее время в селении Лутковском, в станице Донской, поселке Медведицком и селении Большой Силан Тихоновской волости Иманского уезда находится более 50 нас, евангельских христиан баптистов. Так как мы из правосла-

вия еще не исключены и не оформлены на законном основании, то местные власти воспрещают собрания и совершать нам религиозные обряды.

Руководствуясь высочайшим указом от 17 апреля 1905 года о переходе из православия в другие инославные христианские исповедания... имеем честь покорнейше просить ваше превосходительство исключить нас из православия и разрешить собрания для совершения религиозного отправления и утвердить самостоятельную общину под названием «Уссурийская»¹³.

Под заявлением стояло 12 подписей, но уже через несколько дней вдогонку был направлен полный список членов общины из 63 человек (в их числе 32 крестьянина Лутковского, 24 казака Уссурийского казачьего войска станиц Донской и Медведицкого и 7 крестьян селения Большой Силан). Позже христиане сообщили дополнительно: «...постоянного молитвенного дома мы не имеем, до постройки оного предполагаем общественные молитвенные собрания в селении Лутковском в доме Филиппа Филипповича Шахновского»¹⁴.

Однако военный губернатор Михаил Михайлович Манакин, по закону обязанный в течение месяца исключить их из православия и разрешить собрания, делать этого не спешил. Почему? Судя по тем сведениям, которые можно найти о нем в Интернете, Манакин не был таким уж ревностным православным. Скорей, служака, военный до мозга костей, — с юности и до гробовой доски посвятивший себя военной карьере. Приморское военное губернаторство было лишь очередной ступенькой в его офицерской карьере, к тому же он совмещал это с должностью наказного атамана Уссурийского казачьего войска. Возможно, именно это и заставило положить заявление лутковских «сектантов» «под сукно», ведь среди баптистов попадались и полные пацифисты, отказывающиеся принимать воинскую присягу и брать в руки оружие. А может быть, губернатор просто ощущал веяния из столицы, где уже раскручивался маховик новых гонений на «сектантов».

В самом деле, ситуация с веротерпимостью в Империи быстро ухудшалась. В течение 1907-1909 годов Министерство внутренних дел под руководством Петра Столыпина занималось расправой над участниками первой русской революции 1905-1907 годов. Это было время массовых казней по всей стране и еще более массовых посадок «политических». К 1910 году с «политиками» было более-менее покончено и власти всерьез взялись за «сектантов».

Пятилетний благодатный для евангельских христиан и баптистов период послаблений закончился. В январе 1910 г. обер-прокурор Святейшего Синода С. М. Лукьянов писал Столыпину о религиозной ситуации на Дальнем Востоке: «Сектантство растлевает душу верующего простолюдина и глубоко подрывает в нем православную веру, эту основу русского национального сознания. ...Принося с собой чуждые русскому духу идеалы, сектантство, что всего хуже, подготавливает широкий доступ разрушительным политическим и общественным явлениям»¹⁵. В том же году Столыпин издал два циркуляра. Согласно им, запрещалось устраивать собрания для евангелизации, говорить что-либо против РПЦ и ее вероучения. На богослужениях должен был присутствовать представитель

13 РГИА ДВ ф. 1. оп. 2 д. 2097. лист 1, 1 об

14 РГИА ДВ ф. 1. оп. 2 д. 2097. лист 8

15 РГИА ДВ. ф.702. оп.3. д.108. л.1об.

Крещение, 1907 год, г. Минусинск

полицейской. В последующие годы, до самой революции, правила для «сектантов» будут все более ужесточаться, по всей стране начнутся закрытия ранее открытых молитвенных домов, различные провокации со стороны власти и маргиналов.

В июне 1911 года на II Всемирном конгрессе баптистов в Филадельфии секретарь Всемирного Союза Баптистов Шекспир, приветствуя малочисленную делегацию баптистов из России, скажет: «Вот наша баптистская воинствующая церковь. Взгляните в лица этих мучеников. Они ради Иисуса терпели побои, заключения в темницах, они лишены были своего имени, они были разлучены с женами и детьми, многие из них носят на теле язвы Господа нашего Иисуса Христа»¹⁶.

А тем временем в России в 1911 году Столыпин был убит в результате покушения. На посту министра внутренних дел его сменил Александр Макаров. В историю Макаров вошел своей фразой «Так было и так будет впредь», сказанной на выступлении перед депутатами Госдумы по поводу расстрела рабочих Ленских золотых приисков, когда были убиты не менее 270 человек и ранены не менее 250 человек (в своей речи Макаров всю ответственность за случившееся возложил на самих рабочих). Чуть ниже мы процитируем письмо Макарова губернатору Приморья Манакину по поводу христиан Лутковской общины, написанное им в 1912 году. Это письмо также очень ярко характеризует его личность.

16 Журнал «Баптист», № 32, 1911, с. 25. Цитируется по Плетт И. П. «История ЕХБ с 1905 по 1944 год».

Разумеется, осенью 1910 года баптисты из Лутковского ничего этого еще не могли знать. Они молились и ждали ответа от губернатора Манакина. Время от времени представители общины посылали письма и телеграммы во Владивосток с просьбой ускорить решение их вопроса либо разово разрешить проведение очередного собрания, поскольку богослужения периодически разгонялись местной полицией.

Вот тексты некоторых телеграмм губернатору: *«Просим уведомить, в каком положении находится наше дело»*. *«Начальник уезда ввиду не зарегистрирования общины проводить собрания не разрешает»*. *«Просим ускорить утверждение собрания праздниками необходимо»*. *«Просим уведомить что препятствуют исключению из православия»*¹⁷.

Очевидно, что уездные и губернские власти пребывали в некоторой растерянности по поводу возникновения «сектантской» общины. С верующими проводилась «воспитательная работа». Так, в течение 1911 года 10 человек из общины были привлечены к уголовной ответственности за распространение баптизма среди православных. Со стороны православного духовенства шли «пастырские увещания». Местные власти то разрешали богослужebные собрания (в присутствии полицейского чина), то запрещали их. Полицейский пристав Лутковского докладывал начальнику Иманского уезда: *«При разрешении сектантам открытия в с. Лутковском молитвенного дома необходимо добавление в Лутковский стан хотя бы урядника, который в отсутствие мое мог бы присутствовать в молитвенном доме сектантов, не допуская под видом богослужebных и молитвенных собраний, чтений и собеседований, не имеющих характера богослужebний и молитвословий, а равно не допуская на эти собрания детей сектантов и других»*¹⁸.

В свою очередь, иманский пристав в своем донесении в Приморское областное правление писал, что неплохо бы выслать подальше главных проповедников – Калашникова, Чередника и других (к слову, в 1912 году Калашников переберется в Никольск-Уссурийский, Чередник и Сулимин – во Владивосток, а Шахновский в 1914 году вовсе эмигрирует в Австралию. Вынужденные или добровольные были эти переезды, неизвестно).

Несмотря на все это христиане все еще не теряли надежды официально зарегистрироваться. В очередном большом ходатайстве в 1911 году на имя военного губернатора они напоминали, что на все ранее поданные прошения и телеграммы так и не получено положительного ответа.

*«Уже второй год как мы отделились от православия и в течение этого времени у нас бывают случаи рождения детей, а также и смерти, которые должны быть записаны в метрических книгах, чего не делается вследствие неутверждения общины»*¹⁹.

Верующие писали, что отделились от православия, но юридически из господствующей церкви их так и не отпустили.

Наконец, Манакин принял решение отказать Лутковским верующим в легализации. В ответ они обратились уже непосредственно в Санкт-Петербург, в Министерство внутренних дел, которое ведало делами «сект».

17 РГИА ДВ ф. 1. оп. 2 д. 2097.

18 РГИА ДВ ф. 1. оп. 2 д. 2097 л.15.

19 РГИА ДВ ф. 1. оп. 2 д. 2097 л.31.

Из МВД был сделан запрос военному губернатору Приморья, шла вялая чиновничья переписка, к которой подключилась канцелярия губернатора Приамурья (Приморская область в то время административно входила в состав Приамурского края, и Манакин был подчинен Приамурскому губернатору Н. Л. Гондатти). Однако Манакин нашел убедительные аргументы для чиновников. 19 марта 1912 года он написал в департамент духовных дел МВД:

«4 марта с. г. в станице Донской, находящейся смежно с селением Лутковским, где среди казаков замечается особо значительное распространение секты баптистов, в Донском станичном правлении приводились к присяге на верность службе молодые казаки, подлежащие в этом году зачислению на действительную службу. В числе таковых казаков был казак Донской станицы Иван Бездетный из последователей секты баптистов, каковой отказался принимать установленную законом присягу на верность службы мотивируя свой отказ тем, что Евангелие присягать не велит. Казак этот вновь вызванный 6 марта в Донское Станичное Правление <...> сказал: «Я буду служить также как и те, которые давали присягу, но только стрелять не буду как в мирное так и в военное время и никакого оружия в руки брать не буду, чтобы не прекращать жизнь человека»²⁰.

Это был убедительный аргумент. После этого министр внутренних дел Александр Макаров написал Приамурскому губернатору Гондатти.

«Прежде всего я не мог не обратить внимание, что в производстве дела об отпадении учредителей названной общины от православия <...>, со стороны местной административной власти допущено существенное отступление от порядка, <...> заключающееся в том, что дело это <...> в течение более года не получало разрешения. Между тем как по прямому смыслу Высочайше утвержденного 25 июня 1905 года Положения Комитета Министров <...> производство в губернских учреждениях дел об отпадении от православия положен месячный срок.

<...>

Что же касается затем непосредственно дела о легализации самой общины Лутковских сектантов, то я считаю себя прежде всего обязанным заметить, что с точки зрения закона <...> образование отпавшими от Православия сектантами религиозных общин составляет их право.

<...>

За всем тем, однако, обращаясь к рассматриваемому данному частному случаю и принимая во внимание совершенную исключительность обстановки его как по условиям места, так и всей совокупности обнаруженных губернскою властью особенностей Лутковских сектантов, резко проявляющих отрицательные стороны своего учения, не исключая даже и прямо противогосударственного направления, <...> не усматриваю оснований к отмене распоряжения Военного Губернатора Приморской области об отказе в легализации общины этих сектантов и в соответствии с сим оставляю жалобу их на таковой отказ без последствий»²¹.

Таким образом, легализоваться при царской власти Лутковская церковь так и не смогла. Впрочем, разумеется, это не означало прекращения общинной жизни. Для христиан гонения со стороны власти, вынужденное существование

20 РГИА ДВ ф. 1. оп. 2 д. 2097 л. 81 об.

21 РГИА ДВ ф. 1. оп. 2 д. 2097. л. 84.

на нелегальном положении – это нормально. Однако в 1912 году в Лутковском произошли события, которые нанесли по общине удар, куда более ощутимый, чем чиновничье-полицейские меры.

В середине 1912 года в Приморье прибыл Генрих Генрихович Гебель, выходец из немецких колонистов Саратовской губернии, талантливый проповедник адвентизма седьмого дня (АСД). В Саратовской губернии Гебель был рукоположен в пресвитеры адвентистской общины, а затем направлен для проповеднической работы на Дальний Восток. Гебель вместе с женой поселился в Никольск-Уссурийском. Он избрал профессию книгоноши – то есть бродячего распространителя христианской литературы и проповедника.

Обложка справочника «Законы о раскольниках и сектантах» 1903 г.

Очевидно, после такого удара жизнь общины евангельских христиан-баптистов нарушилась и, по сообщению иманского уездного начальника, «распространение баптизма стало ослабевать». Однако через год-два ситуация стабилизировалась. В дальнейшем в Лутковском существовали как баптистская, так и адвентистская общины.

В 1915 году после неоднократных ходатайств Манакина Гондатти дал разрешение на высылку Гебеля из Приморья в Якутск. Однако когда полиция прибыла на квартиру Гебеля, чтобы исполнить это поручение, оказалось, что находившийся под надзором полиции проповедник уже с семьей выехал в маньчжурский город Харбин. Больше о нем ничего не известно. Полицейскому приставу из Никольск-Уссурийского, под чьим надзором находился Гебель, был объявлен выговор.

В том же году иманский уездный начальник направил в Приморское областное правление поименный список баптистов, проживающих в районе Лутковского стана Иманского уезда. В списке было 56 человек в возрасте от 17 до 63 лет. Первым в списке был Андрей Федосьевич Ведута – новый пресвитер и проповедник, который будет руководить этой общиной как минимум до 1931 года.

Гебель проповедовал как среди православных, так и в баптистских общинах (а в 1912 году помимо Лутковского уже сформировались общины Владивостока и Уссурийска). Причем проповедовал Гебель весьма успешно, сумев расколоть Лутковскую общину, которую регулярно навещал. В итоге разделения почти половина общины перешла в адвентизм, в том числе бывшие ее руководители – Александр Калашников и Иван Сулимин. В том же, 1912, году Калашников переехал в Никольск-Уссурийский, а Сулимин – во Владивосток, где они стали работать по организации на месте адвентистских общин.

Очевидно, после такого удара жизнь общины евангельских христиан-баптистов нарушилась и, по сообщению иманского уездного начальника, «распространение баптизма стало ослабевать». Однако через год-два

ГЛАВА 3

1911-1915 годы. Общины Владивостока и Никольск-Уссурийского

Душная предвоенная атмосфера

Второе десятилетие XX века для Российской империи ознаменовалось грандиозными праздниками. В 1912 году отмечали столетие победы над Наполеоном, в 1913 году — трехсотлетие Дома Романовых. Правда, праздники были подпорчены текущими событиями — расстрелом в 1912 году на Ленских золотых приисках демонстрации рабочих, в результате чего только убитых было более 250 человек. На следующий год в обществе разразился скандал, связанный с судебным процессом против еврея Менделя Бейлиса, ложно обвиненного в ритуальном убийстве русского подростка. Несмотря на все усилия устроителей процесса дело развалилось.

Михаил Геллер в «Истории Российской империи» так характеризует это время: *«Страна шла одновременно в двух направлениях: Россия развивалась, крепла, становилась <...> нормальным государством; русское общество распадалось, атомизировалось, правительственная бюрократическая машина препятствовала развитию экономики, ибо безнадежно устарела, Дума с трудом находила формы сотрудничества с царем, который не хотел с ней вообще сотрудничать. Потеряло всю силу дворянство, некогда основа самодержавия и государственной системы, раскалывалось крестьянство, вступившее на капиталистический путь. Множество политических партий, в непрерывной борьбе между собой и с внешним миром, предлагали свои проекты продвижения России вперед или заторможения движения. Противоречия, конфликты, требования реформ и сопротивление им — форма существования нормального государства. В России конфликты и противоречия принимали иногда более острый характер, чем в других «нормальных» странах, ибо Россия меняла форму правления: «старый режим» отмирал, но продолжал сопротивляться».*

За царской семьей маячила зловещая фигура Распутина. Самодержавная власть становилась все более и более неадекватной. *«Одна капля царской крови стоит дороже, нежели миллионы трупов холопов»*, — написала у себя в дневнике императрица Александра, ознакомившись со статистическими данными о количестве казненных и арестованных в результате подавления первой русской революции²². Русско-японская война закончилась революци-

ей, однако этот урок не пошел впрок. В начале второго десятилетия XX века Россия готовилась к новой войне. В обществе нагнетались антигерманские настроения и «квасной патриотизм». Патриотический подъем необходим был, чтобы общественное мнение одобрило втягивание страны в гибельную для нее войну. Шли поиски внутренних врагов — для поднятия боевого духа и консолидации. Ими стали евреи и «сектанты». От предоставленных на волне революции 1905 года послаблений в вопросах свободы вероисповедания не осталось и следа. В 1912 году вышел циркуляр МВД об ограничении религиозной пропаганды сектантов, а в 1913 году еще один — об энергичной борьбе с баптизмом. Начиная с 1912 года заметно усилились притеснения новообращенных; в ряде мест запрещались молитвенные собрания. Многие взятые в наем церковные помещения оставались закрытыми, хотя за них была внесена арендная плата. На верующих, принимавших участие в богослужениях, часто налагались штрафы. Некоторые руководители церквей были преданы суду. За «сворачивание православных» давали 2-3 года тюрьмы²³.

В ответ от Союза баптистов в правительство было подано заявление:

«...Если же, несмотря на все наши слезные молитвы и ходатайства, правительство все-таки решится довести до конца начатую против нас кампанию, мы смиренно, но с упованием на защиту всемогущего Бога, заявляем, что требованию не принимать приезжих братьев и подобным требованиям мы, по велению нашей совести и Слова Божия, святого Евангелия, подчиняться не можем. Если правительству угодно будет многих из лучших своих подданных, трезвых, честных и верноподданных притеснять и вследствие нашего убеждения преследовать, мы готовы страдать».

На это заявление правительство ответило, что жалоба не приемлема, так как исходит от «нелегального Всероссийского союза баптистов, какое установление, как непредусмотренное законом, в свое время было признано недопустимым»²⁴.

Что касается Дальнего Востока, то в 1912 году здесь уже было введено военное положение. Дальневосточный генерал-губернатор Николай Львович Гондатти в отношении к тем или иным инославным общинам христиан ориентировался на мнение местных властей. В Благовещенске и Хабаровске власти были более-менее лояльны к «сектантам», а в Приморье к ним относились жестче. В это тяжелое предвоенное время практически одновременно попытались легализоваться баптистские общины двух крупнейших городов Приморья — Владивостока и Никольск-Уссурийского (ныне г. Уссурийск).

Появление общины Владивостока

В 1921 году в издававшемся баптистами в Приморье журнале «Благовестник» была опубликована небольшая статья одного из основателей Владивостокской церкви — Ефима Викентьевича Забудского. Забудский

23 «История ЕХБ в СССР» ВСЕХБ, Москва, 1989.

24 Плетт И. П. «История ЕХБ с 1905 по 1944 год».

Владивосток, полицейское управление. Открытка начала XX века

рассказывал и о том, как он уверовал (его биографию см. в приложении к этой главе) и как создавалась община. Забудский был крестьянином-баптистом из Сибири, который из-за неурожая был вынужден искать работу в городах и после долгих мытарств попал во Владивосток. С помощью единоверца ему удалось найти работу.

«Материально я был устроен и благодарил Бога, — писал Забудский, — но во Владивостоке не было собрания, и никто не хотел об этом заботиться. Пришлось много работать и по этому делу, так как по закону требовалось 25 человек членом из совершеннолетних, чтобы получить право на открытие собрания. У нас же оказалось только 12 человек. Мы решили пригласить молокан, они согласились, но не доставало еще 2-х человек. Тогда мы пригласили 2-х православных и число набралось. Начали хлопотать и, наконец, 10 мая 1912 г. получили разрешение на собрание. 15 мая устроили первое собрание, на котором было 14 человек»²⁵.

Одновременно в этом же направлении работал союзный благовестник (т. е. миссионер) евангельских христиан Яков Никитич Ходюш²⁶. По-видимому, в первые месяцы существования общины именно Ходюш исполнял обязанности пресвитера. По словам Забудского, уже за первое лето к Церкви присоединилось 30 человек²⁷.

К сожалению, неизвестно, кто выдал первое разрешение на проведение богослужений. Однако через полгода власти вдруг спохватились: 3 ноября 1912 года начальник Владивостокского охранного отделения в секретном донесении сообщил военному губернатору о существовании в городе религиозного общества, на чьих собраниях бывает «масса чернорабочих

25 «Благовестник», 1921 г., №5.

26 РГИА ДВ ф. 1. оп. 2 л. 2097 лист 134, 134 об., журнал «Братский Вестник», 1955г., №5.

27 Там же.

и нижних чинов». Сообщалось также, что видную роль в обществе играли крестьянин Воронежской губернии Острогужского уезда Василий Григорьевич Лозовой и крестьянин Приморской области Иманского уезда Гавриил Корнеевич Чередник (тот самый 19-летний помощник сельского писаря из Лутковского, в 1910 году стоявший у истоков тамошней церкви и перебравшийся позднее во Владивосток). Начальник охраны добавил, что молитвенные собрания проходят в доме № 251 по Благовещенской улице, принадлежащем молоканину Захару Борисовичу Разваляеву²⁸.

В ответ губернатор Манакин дал указание начальнику охраны установить наблюдение за Лозовым и Чередником, «чтобы не принимались меры к соращению православных в сектанство и в случае обнаружения с их стороны такой деятельности привлекать их к уголовной ответственности»²⁹.

От полиции губернатор потребовал пресечь нелегальные собрания. И 11 ноября полиция разогнала очередное богослужение, составив на присутствующих протокол для привлечения их к ответственности. В ответ 16 ноября члены общины подали новое ходатайство о разрешении им молитвенных собраний. Ходатайство содержало список из 29 фамилий членов общины. И владивостокский полицмейстер, подполковник И. Г. Лединг, убедившись, что указанный в прошении дом отвечает противопожарным и строительным требованиям, разрешил им проводить богослужения³⁰.

Позднее Лединг сообщал в рапорте губернатору:

«На собраниях евангельских христиан происходят моления, пение религиозных псалмов и чтение Библии. Назначавшимися для присутствования на собраниях помощниками приставов не замечено, чтобы там происходили поругания или поношения догматов, обрядов и установлений православной церкви, и непристойного отношения к ней и к предметам ее верования, а равно призыва к отпадению православных от православия и присоединения к их секте. Не замечено также, чтобы сектанты принимали какие-то меры к приглашению на их молитвенные собрания посторонних лиц.

<...>

Деятельность крестьянина Иманского уезда Гавриила Чередника, состоящего во Владивостокской Коммерческой артели и служащего в конторе «Проводник», и крестьянина Воронежской губернии Василия Лозового, занимающегося торговлей овса и сена, заключается в том, что первый из них говорит на собраниях проповеди на религиозные темы, не затрагивающие догматов православной веры, а второй читает Библию»³¹.

Впрочем, разрешение Лединга было разовым. В дальнейшем владивостокские евангельские христиане и баптисты периодически обращались в полицию за дозволением провести богослужение. Иногда им разрешали, иногда отказывали (например, если собиралось менее 25 человек). Кроме того, видимо, часто христиане собирались без предварительных ходатайств.

28 РГИА ДВ ф.1. оп.2 д.2097 л.124.

29 РГИА ДВ ф.1. оп.2 д.2097 л.128.

30 РГИА ДВ ф.1. оп.2 д.2097 л.134.

31 РГИА ДВ ф.1. оп.2 д.2097 л.134, 134об.

Община города Никольск-Уссурийский

Одновременно с Владивостокской попыталась легализоваться и община Никольск-Уссурийского, которая была основана баптистскими благовестниками с Амура³². Предположительно, синхронность в легализации с Владивостокской общиной объясняется работой союзного благовестника Я. Н. Ходюша. Так, 18 апреля 1912 года местный полицмейстер доложил военному губернатору о том, что к нему поступило ходатайство 32 жителей города о разрешении им открытия в городе молитвенного дома. *«При сем докладываю, что все поименованные в ходатайстве лица, проживают здесь по установленным видам на жительство, на открытие означенного молитвенного дома согласны и что избранное ими помещение для молитвенного дома удовлетворяет как в строительном, так и в пожарном отношениях»*, — добавил он³³. (Таковы были юридические требования того времени для открытия «сектантской» церкви).

Несмотря на соблюдение буквы закона, полицмейстер, на всякий случай, запретил христианам собираться и стал ждать решения губернатора Манакина. Спустя месяц пришло предписание Манакина: *«сборищ штундистов не допускать, ввиду неимения ими надлежащего разрешения»*³⁴. Сам Манакин в это время направил запрос по поводу общины в Департамент духовных дел МВД, ведавший делами «сектантов», и получил оттуда одобрение своим действиям.

В качестве предлога для неразрешения молитвенных собраний использовалась номинальная принадлежность верующих к православию. Хотя члены общины подали заявления о выходе из православия, это дело было застопорено. Разумеется, «сектанты» продолжали собираться. Периодически в богослужения вмешивалась полиция, разгоняла их. Христиане вынуждены были менять дома, где происходили собрания. Первый пресвитер общины Марк Гончаренко, так же, как в свое время и лутковцы, периодически посылал военному губернатору телеграммы, где напоминал о существовании общины, сообщал о трудностях с полицией и просил разрешить легальные собрания. Однако безрезультатно.

Так прошел год. Об одном из инцидентов с полицией, когда дом члена общины, где происходило собрание, был закрыт и опечатан казенными печатями, стало известно в Госдуме. Приморский вице-губернатор Лодвиженский вынужден был писать по этому поводу объяснение: *«В Никольск-Уссурийском нет и не было законно разрешенного молитвенного дома евангельских христиан, почему вошедшие во внесенный в Государственную Думу запрос сведения о закрытии такового не соответствуют действительности»*. При этом Лодвиженский сообщал: прошения о выходе членов общины из православия им «приняты к производству»³⁵.

Однако Никольской общине так и не разрешили легализоваться. Как и в Лутковском, до конца дореволюционного периода верующие вынуждены были собираться «подпольно».

32 «Баптист», 1914 г., №13-14.

33 РГИА ДВ ф.1. оп.2 д.2097 л.97.

34 РГИА ДВ ф.1. оп.2 д.2097 л.197-199.

35 РГИА ДВ ф.1. оп.2 д.2097 л.206.

Разделения и проблемы молодых церквей

Какими они были, первые церкви? Если костяк Никольск-Уссурийской церкви был сформирован из покинувших православие казаков, то во Владивостокской церкви большинство членов было, видимо, из молокан. Сами же члены церкви в одном из ходатайств о разрешении очередного собрания называли себя «евангельскими христианами из молокан». К тому же и собирались они в доме молоканина Разваляева.

В. Г. Павлов. Фото с CD «История Евангельского движения в Евразии»

Очевидно, что в молодых церквях хронически не хватало хороших проповедников. Каждый приезд союзного благовестника был огромным событием. В 1913 году во Владивостоке побывал один из руководителей российских баптистов Николай Васильевич Одинцов. А в июне 1914 года Никольск и Владивосток посетил председатель Союза русских баптистов, пресвитер Одесской церкви Василий Гурьевич Павлов. В основанной на его дневниках биографической книге А. В. Попова «Стопы благовестника. Жизнь и труды В. Г. Павлова» это посещение упоминается так:

«Покровительство над гостями взял Николай Николаевич Протасов. В прошлом году он принял крещение от Николая Васильевича Одинцова и сразу же начал проповедовать Евангелие. Новые общины были слабо утверждены в учении Христа, из-за разногласий по незначительным вопросам верующие дробились на маленькие группировки, обличая и поучая друг друга. В общинах не было подготовленных проповедников. «Новички, местные полуграмотные братья с великим самоуслаждением говорили проповеди, — отметил Павлов. — И я имел удовольствие послушать их, а для меня уже не осталось времени говорить. По окончании собрания в заседании членов я высказал свои соображения относительно длинных речей и объяснил, почему я отказался говорить».

Очевидно, что членам Владивостокской и Уссурийской общин было сложно не только проповедовать, но и выстраивать здоровые отношения в церкви. Начались ссоры и разделения.

В то время общероссийские союзы баптистов и евангельских христиан существовали отдельно. Руководители союзов вели переговоры об объединении, однако, несмотря на отсутствие серьезных догматических противоречий (небольшие, не имеющие принципиального значения, различия есть в богослужбной практике), так и не могли договориться.

Прибыв в Никольск-Уссурийский, В. Г. Павлов как раз столкнулся с богословскими спорами евангельских христиан и баптистов, объединенных

в одной общине. Верующие не могли научиться по-христиански разрешать недоразумения и с достаточным уважением и пониманием относиться друг к другу. Бесконечные споры разгорались по второстепенным предметам: следует ли, например, возлагать руки на крещаемых?³⁶ Проповедники с обеих сторон очерняли друг друга, досталось от евангельских христиан и баптисту Павлову.

При Павлове состоялось окончательное разделение Никольской общины, – со всеми причитающимися случаю спорами и взаимными обидами. Для живого церковного организма – это как операция без наркоза, причем операция совсем не нужная и даже вредная. В журнале «Баптист» №13-14 за 1914 год были опубликованы сразу две заметки о разделении Никольск-Уссурийской общины. Автором одной из заметок был Георгий Иванович Шипков, пресвитер Благовещенской церкви баптистов. Он писал:

«В. Г. Павлов прибыл туда в самое критическое для тамошней общины время и, после усиленных, но тщетных попыток примирить спорящих, дал наставление тем братьям, которые хотели сохранить «единство Духа в союзе мира», дабы они, называясь баптистами, не пренебрегали и не унижали называющихся евангельскими христианами, снисходя к их немощи названия ради. Тем не менее часть братьев, протестуя против захвата насиженных баптистами гнезд со стороны евангельских христиан, отделилась от них, и через В. Г. Павлова прислала правлению Д.В. Отдела Союза протокол о солидарности Никольской Общины русских христиан баптистов с всероссийским Союзом баптистов. Временно исполняющим обязанности в той общине поставлен бр. Федор Степанович Манжелей, живущий по Духовской ул. д. 100».

Сообщалось также, что аналогичное решение принято было и в Маньчжурской общине на КВЖД. Вскоре произошло разделение на евангельских христиан и баптистов и во Владивостокской общине. Баптист Забудский вспоминал это так:

«[В 1914 году] к нам стали чаще наезжать проповедники из Союза Ев. Христиан, стараясь вводить свои порядки. Я этому воспротивился и заявил, что это Община Баптистов и что общий порядок у нас будет, порядок принятый в Общинах Баптистов. На это мне ответили, что тут Евангельские, а другие говорили: «Нас здесь большинство, и если вы не хотите подчиниться, то можете

Ваше Христ. Спас. П. Тавричан.
Владислав Братский. К. Саран.
О проповеди и прощ. Братских, обретен
Пад. учредительств. Г. И. Милосла.
Кто был, Ф. А. Желтов.
Кто объявлено созвать общину Г. Шанов.
Исполн.
Приветствие от бр. В. К. Марьян.
Варна.
Гробы Братских.
Объявлено

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Отъ Никольск-Уссурийск. общины баптистов.
Этой годъ июня, 1914 г. съ еванг. проповедни-
ковъ А. В. Евстратовъ и К. Г. Барбана, состо-
явшихъ на съѣздѣ върженъ годъ и былъ провозгла-
шенъ бр. В. Г. Павловъ организавши въ со-
стоятельную баптистскую общину, которая будетъ при-
надлежать къ Дальневосточному Отделу Союза Ру-
сскихъ баптистовъ.
Нѣкоторые изъ евангелист. общинъ, протес-
туясь съобщили по дѣлу общины напередъ въ адресъ
пресвитера Степановичу Манжелей,
Дуновск. 100, Владивостокъ-Уссурийск.
По адресу общины В. Павлова.

Отъ Маньчжурской общины.
Владиславъ евангелист. общины, кто же, бывши
членъ Маньчжурской общины, вѣро году июня, 1914 г. послъ
продѣланнымъ бр. В. Г. Павловъ, сдѣлано
общину съ самостоятельную общину, которая будетъ
принадлежать Маньчжурской Общинѣ - Баптистской.

въ Лодзь въ 1905 г. атамъ
перевести безъ экспромта.

Въ Хабаровскъ съдѣ бапти-
стской общины (съдѣ бапти-
стской) на Никольской улицѣ
№ 20. Братъ просятъ выдѣлить
продѣланнымъ черезъ Хабаров-
скъ въ Владивостокъ и братья не выноса

ГРЕЙДЫЕ ПОДРОБНЫЕ ПРОСВЕДѢ
УНИВЕРСИТЕТЪ НА Д

Архивъ дѣлъ общины баптистовъ
1905-1914 гг. въ Хабаровскѣ
общины, принадлежатъ бр. Грѣи-
стскому. Въ Хабаровскѣ община
баптистовъ, въ Хабаровскѣ община
баптистовъ, въ Хабаровскѣ община
баптистовъ.

**БАКИНСКАЯ
ОБЩИНА РУССКИХЪ БАП**

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ СОВѢЩА-
ния Общины съдѣ общины
Маньчжурской общины съ члѣ-
нами, проповѣданъ о Христѣ,
гробы, и въ общинѣ духовно
въ общинѣ и въ общинѣ
въ общинѣ и въ общинѣ
въ общинѣ и въ общинѣ

Заметка из журнала «Баптист» о разделении Уссурийской церкви

себе устраивать свое собрание». Не желая спорить, мы Евангельских оставили и стали искать новое помещение для себя. Нас было 20 человек и пришлось снова хлопотать себе разрешение, и искать помещение и заводить инвентарь. Наконец, добились того и другого и третьего, и начали работать. Но как только души у нас каялись, то Евангельские уговаривали их переходить к ним и креститься, так как у нас крестить было некому, за неимением на то разрешения из Благовещенска (где в то время находилась центральная на Дальнем Востоке церковь — прим. авт.) Мы написали туда и к нам прислали проповедника, который принял у нас и крестил 13 душ. Одновременно и я был поставлен руководящим Общиной с правом крестить и преподавать Вечерю Господню»³⁷.

После разделения баптисты стали проводить богослужения в доме Массона на Сретенской ул., 37 (современное название ул. Сретенской — Советская). В результате конфликта в последующие два десятилетия отношения между местными евангельскими христианами и баптистами были враждебными, и только мясорубка сталинских репрессий в 30-х годах примирила их. После разделения Владивостокскую общину евангельских христиан возглавил Иосиф Антонович Вахник, который пробыл пресвитером более 20 лет, — до 1935 года, когда был репрессирован...

Но вернемся в 1914 год. Заметки в журнале «Баптист» о разделении Никольской общины прочли светские власти. Упоминание в них о существовании Дальневосточного Отдела Союза русских баптистов вызвало переполох в окружении военного губернатора. Как так идет война, а тут не просто община, а целая нелегальная баптистская (якобы пацифистская!) организация под носом?

Последовала обширная переписка по этому поводу, чиновники требовали от полиции точных и полных сведений «о проявлениях баптистского движения». Полиция отписывалась. По сути собрать информацию об Отделе полиция не смогла и свалила все на Генриха Гебеля (того самого адвентиста-проповедника, который расколол Лутковскую общину): — дескать, он организатор³⁸. Разумеется, адвентист Гебель никакого отношения к Отделу не имел и не мог иметь. Отдел был создан во время пребывания на Дальнем Востоке Василия Гурьевича Павлова на региональном съезде баптистов, прошедшем под его руководством в ноябре 1913 года в Благовещенске³⁹.

Тем не менее в ходе полицейских, говоря современным языком, оперативно-розыскных мероприятий были собраны довольно любопытные сведения. Так, и. о. начальника владивостокской крепостной жандармской команды ротмистр Лебедев в секретном донесении начальнику штаба Владивостокской крепости от 10 марта 1915 года докладывал:

«Разваляев Захар Борисович, домовладелец, у него жена, имя ей пока не установлено и трое детей. Одну половину дома сдает под молельню баптистов, а другую занимает сам. Разваляев служит в складе керосина бр. Нобель, что на

37 Журнал «Благовестник», 1921 г. №5.

38 РГИА ДВ ф.1. оп.2 д.2097 л.290.

39 Мурыгина Е. А. Диссертация «Баптистские общины в поликонфессиональной структуре Дальнего Востока России во второй половине XIX — 30-е гг. XX вв».

Первой Речке. Сам Разваляев не баптист, а молоканин, но это ему не мешает, и он часто посещает молельню баптистов. Две взрослые дочери также посещают молельню, но баптисты относятся к этим посещениям дочерей Разваляева крайне недружелюбно: подобные отношения установились вследствие того, что дочери Разваляева посещают молельню не с целью молитвы и учения, а исключительно, чтобы быть в среде молодых людей и с ними пококотничать. Баптисты об этом не раз высказывали Разваляеву свое неудовольствие, говоря: если твои дочери ходят в молельню, пусть держат себя благопристойно.

Вахник Иосиф Антонович, у него жена Анна и двое детей, домовладелец, сам живет в районе 2-го крепостного артиллерийского полка, один дом имеет на пристани Шевелева, что в районе 2-го крепостного артиллерийского полка, другой же дом на Первой Речке. Официально – служит сторожем на пристани Шевелева. Главный доход Вахника составляют коровы, – он занимается продажей молока. Вахник – баптист (здесь ошибка, жандарм, видимо, не различал евангельских христиан и баптистов – прим. авт.), является ответственным лицом на собраниях баптистов. В случае каких-либо инцидентов на собраниях, Вахник, по своему усмотрению, вызывает полицию. Если проповедники при произнесении речей говорят много лишнего, Вахник их отстраняет.

На улице Линевича в д. №8 проживает сам домовладелец – Протасов Николай Николаевич, горный инженер в отставке. У него жена Евдокия Петровна и трое детей – два сына и одна замужняя дочь. Сам Протасов баптист (тоже ошибка: Протасов был евангельским христианином – прим. авт.), его жена и дети к баптистам не принадлежат. К Протасову часто по вечерам собираются матросы-баптисты, к этим посещениям относится госпожа Протасова крайне недружелюбно, когда не бывает мужа дома, она в случае захода кого-либо из баптистов, прямо их выгоняет. В этом же доме помещается Владивостокское почтовое отделение. О разрешении отлучиться от православия Протасов подавал прошение и ему это прошение было удовлетворено.

Ко всему изложенному доношу, что 7 марта молельня баптистов в Куперовской Пади (район, где находилась Благовещенская улица – прим. автора) дом Разваляева была посещена городской полицией. В качестве представителя был околоточный надзиратель 4-ой части, который оставил в молельне лишь баптистов, постороннюю публику всю удалил, после чего все были переписаны. В воскресенье 8-го марта они не собирались. Что же касается Протасова, то ему очевидно происшествие в Куперовской Пади известно, оно на него сильно подействовало, и есть сведения, что он выезжает вовсе из г. Владивостока»⁴⁰ (никуда он не уехал, – прим. авт.).

За собраниями «сектантов» следила не только жандармерия, но и городская полиция. Пристав 4-ой части городской полиции Парамонов разработал специальную инструкцию для подопечных. Проект инструкции был направлен им Владивостокскому полицмейстеру, а затем лег на стол военному губернатору Приморья А. Д. Сташевскому (сменившему «сектоборца» Манакина). Сташевский внес в нее поправки, после чего документ был утвержден, причем сразу для всего Приморья.

По инструкции, из-за отсутствия официально разрешенных молитвенных

домов каждая группа «сектантов» составом менее 25 человек и строго ограниченная средой только своих единоверцев (чужим запрещено!) могла собираться исключительно на частные «богомоления», при условии обязательной подачи перед этим письменного уведомления с указанием адреса и даты проведения, а также точного числа желающих собраться. Такое заявление должно подаваться не позднее, чем за три дня до собрания. В противном случае собрание считалось тайным, а его участников следовало привлекать к ответственности.

Каждый участник обязан был иметь при себе паспорт, где указано вероисповедание, например, «баптист». При этом баптист не мог присутствовать на собрании, например, евангельских христиан или пресвитериан. Если в паспорте значилось «сектант», то обладатель такого паспорта не мог быть допущен никем.

«Само собой разумеется, – гласила инструкция, – что всякое частное моление сектантов любой группы должно быть строго религиозным и всякое, даже малейшее стремление сектантов использовать свое частное моление для проведения в среду последователей каких-либо посторонних идей, особенно противогосударственного характера, или идущих во вред патриотическому настроению народа русского повлечет за собой решительные меры для прекращения дальнейшего пребывания здесь таких сектантов.

Обложка журнала «Баптист»

Руководители сектантских групп должны твердо помнить, что они свои религиозные убеждения могут развивать только среди последователей своей группы и под страхом законной кары не должны прикасаться к убеждению совести лиц, не принадлежащих к их религии, памятуя что в пределах государства только одна православная, как господствующая, церковь, имеет право убеждать последователей иных христианских исповеданий и иноверцев к принятию ее учения о вере»⁴¹.

Несмотря на противодействие властей, баптистские и евангельские общины росли, появлялись новые.

Так, в конце 1915 года стало известно о существовании группы верующих в поселке Сучанские Рудники (современный город Партизанск). Местный уездный начальник в секретном рапорте от 5 декабря в Приморское областное правление сообщал, что рабочие Илья Трофимов с женой, Иосиф Полушванко

с женой, Михаил Романкин и Евдокия Медведева подали ходатайства о переходе из православия в евангельские христиане⁴².

Ревнителю, военное время

РПЦ, как могла, противодействовала нарастающему евангельскому движению в Империи. В 1913 году в Подольской епархии прошел общероссийский съезд ревнителю православия. Православное духовенство называло этот съезд «смотром миссионерских сил перед новым наступлением»⁴³. Не обошло ревнительство и в Приморье. В 1915 году владивостокские православные создали «противосектантское» «Братство Христа Спасителя», которое позднее перерастет в «Общество ревнителю православия»⁴⁴. К сожалению, нередко «новое наступление миссионерства» выражалось не только в попытках переубедить верующих, но и в подстрекательстве общества к насильственным действиям против «сектантов».

Местный архиепископ Евсевий (тот самый, который в 1898-99 годах требовал выселения «сектантов» из Ширяевки, Тарасовки и Ивановки в окрестностях Никольск-Уссурийского) на этот раз добился выделения в Епархии специальной штатной единицы — «противосектантского» священника (о. Сергей Толпегин)⁴⁵.

31 января 1915 года Евсевий отправил послание военному губернатору Приморской области Арсению Сташевскому. Архиепископ сообщал о собраниях баптистов во Владивостоке, что «сектантские» богослужения посещают матросы флотского экипажа и солдаты пехотных полков. *«В то время, как все православные русские люди и даже иноверцы встали, как один человек, на защиту веры, царя и Отечества, небольшая кучка людей, именующихся евангельскими христианами, становятся врагами своей Родины, проповедуя в присутствии нижних воинских чинов непротивление врагам нашего Отечества и выражая протест против войны»* — пишет он. — *Признавая вред, приносимый сектантами православию и государству, особенно в нынешнее военное время, имею честь просить ваше превосходительство не отказать в принятии против сектантов г. Владивостока надлежащих мер, в целях пресечения вредной их деятельности»*⁴⁶.

Однако реальных фактов проявления пацифизма среди военных под влиянием проповедников у Евсевия не было, за исключением случая в Лутковском в 1912 году, когда молодой казак, не отказываясь служить, не стал принимать присягу и заявил, что не будет стрелять в людей. Впрочем, уже через три дня «факты» появились. 3 февраля комендант военной крепости Владивостока переправил губернатору Сташевскому поступившую к нему анонимную «докладную записку» следующего содержания:

«Считаю своим долгом доложить вашему высокоблагородию, что вчера вечером

42 РГИА ДВ ф.702 оп.3 д.425 лист 399.

43 И. П. Плещт «История ЕХБ с 1905 по 1944 год».

44 Официальный сайт «Братства Ревнителю Православия во имя Свт. Тихона» pravbrat.narod.ru/bratstvu_10_let.htm

45 РГИА ДВ ф.1. оп.2 д.2097 л. 100.

46 РГИА ДВ ф.1. оп.2 д.2097 л. 264.

я посетил знакомого огородника г. Проценко, проживающего между складом бр. Нобель и железнодорожным переездом, у которого хотел купить редьки. В разговоре с г. Проценко я узнал от последнего, что на Первой Речке проживает некто Сулимин (Первая Речка, Северный проспект, собственник дома), который года полтора-два перешел в секту баптистов, и что от этого момента материальное положение г. Сулимина стало очень значительно улучшаться.

В настоящее время почти ежедневно и обязательно по субботам у г. Сулимина бывают собрания, большинство посетителей которых немцы и австрийцы русскоподданные. Посещают собрания и солдаты местного гарнизона, на собраниях проповедуется Евангелие, проповедники постепенно переходят на вопросы, касающиеся военных событий. Причем откровенно занимают сторону немцев, говоря при этом, что убивать немцев грех, так как они воюют для защиты всего мира, а Вильгельма называют Богом. Помимо этого присутствующим на собраниях солдатам советуют сдаваться в плен, выдают им брошюры (своего рода билеты), отпечатанные на немецком языке и советуют <их> представлять немецкому начальству по <попадании> в плен. Г. Проценко уверяет, что подобного рода билетов было много роздано в отъезжающих на театр военных действий частях»⁴⁷.

Заметим, что анонимщик здесь допустил грубый ляп: Сулимин не был баптистом. Он был один из активных членов (возможно, пресвитер) Владивостокской общины адвентистов седьмого дня.

Начальник штаба Владивостокской крепости в сопроводительной записке к анонимке назвал анонимщика «человеком, заслуживающим доверия»⁴⁸. Но и это не помогло. Анонимке не дали хода. Тогда, спустя неполный месяц, 1 марта комендант крепости направил губернатору письмо с просьбой отреагировать на анонимку:

«Дело это по обстоятельствам настоящей войны я считаю чрезвычайно важным, так как не подлежит сомнению, что баптизм, адвентизм и другие рационалистические вероучения получили свое начало из Германии, получают руководство, проповедников, а также денежные средства от германских центральных организаций. И что планомерная пропаганда этих сект среди населения и войск Российской империи, особенно усилившаяся перед русско-германской войной, есть дело немецких рук в целях подрыва нашего государственного и военного могущества»⁴⁹.

В связи с этим комендант крепости просил губернатора «о принятии самых серьезных мер к надлежащему наблюдению как за собраниями баптистов, так и за отдельными личностями, и вместе с тем сообщить мне, по обнаружении, имена их главарей, к которым мною будет немедленно применено выселение из крепости, как опасных для ее спокойствия»⁵⁰.

После этого губернатор Сташевский дал распоряжение собрать более подробную информацию о «сектантах», но уже не полиции, а жандармерии

47 РГИА ДВ ф.1. оп.2 д.2097 л. 270.

48 Там же.

49 РГИА ДВ ф.1. оп.2 д.2097 л. 274.

50 Там же.

(политическому сыску). Параллельно (2 марта) Сташевский обратился к архиепископу Евсевию с письмом, где сообщил о большом количестве поступающих к нему *«прошений разных проживающих в области лиц, о регистрации их перехода из православия в сектантство»*. В связи с чем губернатор просил *«направления пастырско-миссионерской деятельности духовенства на борьбу с сектантством»*⁵¹.

Между тем, с начала 1915 года в зоне боевых действий положение российской армии постепенно ухудшалось. В предыдущем 1914 году немецкий кайзер Вильгельм основные силы направил на Западный фронт, и главные события Первой мировой войны разворачивались на территории Люксембурга, Бельгии и Франции. Добиться окончательной победы германским войскам там не удалось. И в 1915 году кайзер, понимая, насколько тяжела война на два фронта, решил выбить из Антанты Россию. Он переместил основную тяжесть наступления на Восточный (для себя) фронт.

Русская армия стала терпеть неудачи. Началось отступление. Потери русской армии в 1915 году составили 2,5 млн человек, — убитыми, ранеными, попавшими в плен. Были утрачены Польша, Литва, Курляндия. В обществе восторг и шапкозакидательские настроения, характерные для начала войны, улеглись, начался активный поиск шпионов и прочих внутренних врагов.

Нужно отметить, что евангельские христиане и баптисты, будучи по духовному призванию гражданами неба, никогда не пренебрегали своими земными обязанностями. В ходе войны церкви собирали пожертвования в фонд «Милосердный самарянин» для обслуживания раненных помощи семьям погибших. Ближе к фронту, в Европейской России, одни церкви на свои средства содержали лазареты для раненых, другие общины организовывали шитье и отправку на фронт теплой одежды. В Латвии одна из церквей сверх мобилизации самостоятельно откомандировала на фронт двух верующих — служить санитарями⁵².

Но как оценило царское правительство вместе с РПЦ проявление патриотизма со стороны евангельских верующих? Поражения русской армии на фронте оживили надежды православных миссионеров на успех в борьбе с баптистами и евангельскими христианами. Миссионеры усердно распространяли в народе нелепые слухи о пособничестве баптистов Германии, о предательстве ими своего Отечества⁵³.

В конце 1915 года в дальневосточной газете «Утро России» появилось «письмо» от имени «баптистов» несуществующего «слюдянского и мысовского братолюбия». На основании этой публикации в Верхнеудинскую тюрьму были заключены баптисты, которые работали на Забайкальской железной дороге⁵⁴. Это письмо перепечатала владивостокская газета «Дальний Восток», присоединив собственный комментарий. Вот текст:

51 РГИА ДВ ф.1. оп.2 д.2097 л. 274.

52 «История ЕХБ в СССР» ВСЕХБ, Москва, 1989.

53 С. В. Санников «История баптизма».

54 «История ЕХБ в СССР» ВСЕХБ, Москва, 1989.

«Вот так откликнулись!»

На одном из заседаний Государственной Думы возник своего рода теологический спор. Милюков, Скобелев и Чхеидзе «обличали» правительство в «преследовании» баптистов, требовали полной свободы пропаганды баптистским агитаторам. Министр внутренних дел князь Щербатов указывал на опасную связь баптистов с протестантизмом, вылившимся в пангерманизм.

Этот спор долетел до далекой Сибири, где – царство баптизма.

И вот как откликнулись на него баптисты письмом в «Утро России», напечатанным в №242 этой газеты.

«Покорнейше просим дать отпор министру внутренних дел, что мы, баптисты, восприняли благодать Господа нашего Иисуса Христа, и поэтому, идя евангельскими путями, познали истину, которою также руководствуется хранитель евангельских истин благодатный царь земли кайзер Вильгельм, как первоисточник евангельских истин и исповедник их. Этою благодатною силою поразит он всех врагов Христа. Кто, как не свыше, открыл ему совершать победы силою омраченного воздуха? Мы, баптисты, преклоняемся перед величием благодатной славы кайзера Вильгельма, который, как верный и благодатный баптист, мечом и Евангелием победит весь мир и наступит тогда благодатное царство его по всей земле. Министр внутренних дел сам должен восчувствовать благодатную силу евангельских христиан и преклониться перед силою евангельской благодати, а не порицать, как окаянный, нас, баптистов.

Просим и наше сие святое и благодатное слово пропечатать в вашей газете».

К этому письму газета делает примечание. Русский читатель подумает, прежде всего, что все письмо это – миф, создание какого-либо черного провокатора. Так в начале подумал и я, пока не дочитал до адреса. Адрес дан полный – и публикую его весь без боязни упреков в доноситељстве... Авторы подписались «железнодорожными служащими слюдянского и мысовского братолюбия».

Иначе говоря, громадная и важная для успехов войны Забайкальская железная дорога обслуживается врагами России и друзьями благодатного кайзера Вильгельма.

«Дополните, – пишут г.г. забайкальцы в post-scriptum»е, что всякая победа кайзера нами воспевается милостью Иисуса, и мы видим своих братьев евангельских христиан победителями богоотступников всей языческой русской земли»

Вот каковы забайкальские баптисты!

Князь Игорь»⁵⁵

Какими глазами смотрели после этой чуши на приморских евангельских христиан и баптистов соседи, знакомые, сослуживцы, родственники!

Один из проповедников владивостокской баптистской церкви Андрей Григорьевич Косолапов в газете «Далекая окраина» №2712 опубликовал ответ, в котором доказывал абсурдность и бредовость фальшивки. Он писал, что у него самого родные на войне. В числе прочего Косолапов сообщал, что у баптистов нет никаких отделений под названием «братолюбие».

На статью Косолапова все в том же «Дальнем Востоке» отзывался «противосектантский» священник Владивостокской епархии Сергей

Владивосток, центр города. Открытка начала XX века

Толпегин, доказывавший, что все, написанное в первоначальной провокации, — правда. А что касается «братолюбия», так сам о. Толпегин это слово прочел в журнале «Баптист» №10 за 1910 г., (правда, Толпегин уточнил, что там «братолюбием» называется все «сектантство»). *«Сомневаться же в подлинности заявления железнодорожных служащих слюдянского и мысовского братолюбия не приходится»,* — заключил свой комментарий священник Толпегин⁵⁶.

Этим «противосектантская» деятельность Толпегина не ограничивалась. Сохранился 5-страничный рукописный доклад о. Толпегина во Владивостокский Епархиальный миссионерский совет от 15 марта 1916 года. В нем батюшка сообщал о местах проведения баптистских собраний во Владивостоке, Никольск-Уссурийском, Харбине, селении Лутковском и поселке при железнодорожной станции «Маньчжурия».

«Во всех этих собраниях ведется открытая наглая пропаганда сектантства и унижение всего православия», — писал Толпегин. Он утверждал, что баптисты всех православных считают «слугами дьявола». По мнению Толпегина, в сочинениях баптистов *«содержатся и социалистические учения»,* — в доказательство он сослался на журнал «Баптист» за 1910 г. №34, где в его интерпретации говорилось, что введению коммун препятствуют богатые, которые несогласны своим имуществом поравняться с бедными.

Еще одно обвинение Толпегина — в антипатриотизме: *«Сектанты молятся «за царей и правителей», т. е. президентов, не выделяя русского царя. Они ему столько же желают добра, сколько и президенту Америки и самому кровавому кайзеру, если последнему не больше, на что есть даже и указание»,* —

56 Там же.

писал Толпегин и дальше ссылался на приведенную выше заметку с письмом «слюдянского и мысовского братолюбия».

«Таким образом во Владивостокской Епархии пропаганда сектантства ведется открыто, без всякого противодействия со стороны предрержащей власти», — констатировал Толпегин⁵⁷.

Архиепископ Евсевий собрал все эти «документы» (газетные вырезки и доклад Толпегина) и переслал их военному губернатору для принятия строгих полицейских мер в отношении «сектантов»...

Однако те, кто непосредственно имел дело с «сектантами», на них не жаловались. *«Во время войны сектанты в войске ничем не проявляют себя и случаев уклонения от обязанностей службы по религиозным соображениям не было»,* — писал в адрес Приамурского генерал-губернатора Гондатти наказной атаман Уссурийского казачьего войска⁵⁸.

*«На каждое молитвенное собрание баптистов командирруется чин полиции для наблюдения, — рапортовал военному губернатору Приморья полицмейстер Владивостока. — Случаев выступления баптистов на их собраниях против Православия и государства после ноября 1914 года зарегистрировано не было»*⁵⁹.

«В деятельности баптистов города Никольск-Уссурийского, число коих менее 25 человек, антигосударственного направления не отмечалось», — докладывал полицмейстер Никольска⁶⁰.

Однако военный губернатор Приморья больше склонен был верить теоретическим «доказательствам». На их основании губернатор пришел к заключению, что *«учение этой секты»* имеет *«крайне вредное и антигосударственное направление, вынуждающее правительство возможно скорее положить предел дальнейшему развитию на окраине России этого разрушительного вероучения»*⁶¹.

Приложение 1

Забудский Ефим Викентьевич 1885-?

Один из основателей и пресвитер Владивостокской церкви ЕХБ

Уроженец Киевской губернии, он переселился жить в Сибирь, в одну из деревень Енисейской губернии. Там он посещал богослужения баптистов и уверовал во Христа на 26-ом году жизни.

«Став христианином, — писал он в своей автобиографии, опубликованной в журнале «Благовестник» №5 за 1921 год, — я испытал много гонений. Гонения сыпались со всех сторон, но большие всего от моей жены, которая начала поносить меня и оскорблять всякими словами и делами, и в минуты ярости даже плевала мне в лицо и т. п. Но Господь укреплял меня и дал силы перенести все это. Я думал

57 РГИА ДВ ф.702 оп.3 д.425 л. 100-102.

58 РГИА ДВ ф.702 оп.3 д.425 л.116.

59 РГИА ДВ ф.702 оп.3 д.425 л.л.264.

60 РГИА ДВ ф.1. оп.2 д.2097 л.394.

61 РГИА ДВ ф.702 оп.3 д.425 л. 53.

и молился только о том, чтобы моя жена скорее обратилась к Господу. Господь услышал мою молитву, и через некоторое время она отдалась Господу.

Нотут пришлось пережить новое испытание. У моей жены вдруг отнялись обе руки и ноги, так что она должна была лежать неподвижно. Все мои знакомые и особенно священник стали говорить, что пока мы не станем поклоняться иконам, жена не выздоровеет. Пошли разные толки, но Господь нас миловал и вместе с испытаниями посылал также много радостей, и через неделю моя жена выздоровела, а я заявил о желании принять крещение. Хотя в нашей деревне было много воды, но начальство было против, почему пришлось для этого поехать верст на 30, в другую деревню. Это было зимой, стояли морозы в 30 градусов. Оставив дома еще слабую после перенесенной болезни жену, я отправился в дорогу. И, несмотря на большой мороз и лед, толщиной в аршин, Бог благословил меня принять крещение».

Е. В. Забудский. Фото из журнала «Благовестник», 1921 г., №5, ГАПК

Это было зимою 1910-1911 годов. Прошли весна и лето. 1911-й год выдался неурожайным, и крестьянская семья (а у Забудских было трое детей) осталась без средств к существованию. Осенью Ефим Викентьевич отправился на заработки. В конце 1911 года, после долгих злоключений он приехал во Владивосток, имея в кармане 1 рубль и адрес брата-баптиста. С его помощью Забудскому удалось устроиться на работу.

Во Владивостоке он стал одним из организаторов баптистско-евангельской общины, а после разделения на баптистов и евангельских христиан он стал пресвитером у баптистов. Ефим Викентьевич руководил общиной два года, до прибытия в 1919 году Роберта Андреевича Фетлера, который стал новым пресвитером, а Забудский — помощником при нем.

В 1922 году Забудский стал пресвитером Сучанской церкви.

В 1928 году в числе других священнослужителей был лишен гражданских прав.

Когда и при каких обстоятельствах он эмигрировал, неизвестно, однако известно, что в 40-е годы он был пресвитером русскоязычной церкви в Шанхае.

Основные источники:

Журнал «Благовестник», 1921 г. №5

L. M. Lindstedt «A history of the Russian Mission of the Swedish Baptist General Conference of America»

Приложение 2**Ходюш Яков Никитич
1879 – 1963****Союзный благовестник евангельских христиан, один из основателей
Владивостокской церкви ЕХБ**

Яков Никитич родился в городе Двинске (ныне Даугавпилс) в семье рабочего. В семнадцатилетнем возрасте он обратился к Господу и вскоре принял крещение. В 1906 году он прибыл в Екатеринослав (ныне — Днепропетровск) и присоединился к недавно созданной местной церкви. Яков проявил способности к проповеди, и церковь направила его на учебу в Библейскую семинарию. По окончании учебы он принял служение благовестника. В 1912 году он организовал церковь Владивостока и был некоторое время ее первым пресвитером.

В 1913 году Яков Никитич был арестован по обвинению в совращении православных.

В октябре 1914 года он был вызван в Петербург, где его рукоположили известные священнослужители Каргель, Проханов, Петров и Реймер. В 20-е годы Яков Никитич нес служение на Дальнем Востоке, в том числе в 1924 году был председателем областного правления ВСЕХ. Он также сотрудничал в журнале «Христианин». В 30-е годы он служил пресвитером общины в Днепропетровске.

После Великой Отечественной войны Яков Никитич нес служение в церкви Днепропетровска, там он и закончил свою земную жизнь

Основные источники: «История ЕХБ в СССР», Москва, 1989 г.
журнал «Братский Вестник» (1948 г., №6 и 1955 г. №5).

ГЛАВА 4

1917-1920 годы. Революция и ее последствия

Наступил 1917 год, принесший Российской империи две революции и переломивший весь дальнейший ход ее истории. Люди предчувствовали наступление радикальных перемен. Монархическая газета «Дальний Восток» прорицала:

«1 января. 1917 год. Наступает новая година русской страды и мировой скорби.

В крови и хаосе нарождается не только новая Россия, но целый новый мир. От кровавой купели воспринимается он, столь загадочный, столь трагический, что ни один из прозорливцев не рискнет заглянуть в его будущее.

Грядет ли царство благородного духа, духовное ли царство лучших мечтаний человечества, о котором страстно вздыхают наши сектанты-хлысты: Он царство, ты царство, духовное царство!

Или царство антихриста, Мармоны древнего, но более жестокого Ваала торгошеской Финикии. В мятеже духа, в болезненных исканиях было человечество до этой мировой войны и многие мечтают, что, пройдя через кровавое крещение, очистится, засияет мир.

Прекрасная, единственно спасающая от отчаяния мечта! И страшно даже представить себе, что произойдет, если она не осуществится, хотя бы частично.

Трагедия человечества достигает своих вершин, и что перед нею все великие и малые революции, бывшие доселе!? Игра детей. К страшному ответу и на страшный суд позвано историей современное человечество. Предъявлен ему колоссальный счет обид — тайных, горьких, неоплаченных слез, падений, потерь дорогого, близкого, кровного. И остается пожелать всеми силами души, всюю напряженностью желания, чтобы в Новом, кровавом году сумело человечество уменьшить этот счет, залечить часть своих ран, сделать шаги к уменьшению неизбежной катастрофической перелицовки мира...

Катится громадная лавина, и почему-то хочется верить, что в новом, 1917 году, она упадет и от падения его великого, апокалипсического, сотрясется до основания древний мир...»⁶².

Февральская революция принесла российским протестантам полную свободу. РПЦ была лишена своего государственного статуса, а религиозным «преступникам» была объявлена амнистия, благодаря чему они смогли вернуться в свои семьи и церкви. Временное правительство приняло постановление о свободе совести.

Обложка журнала «Гость»

современной жизни и пр. Но для нас важно, как бы Христос ко всему этому относился.

Какое положение должна занять церковь Христа? Когда Его пожелали сделать царем, после накормления Им 5000 народа, Он, помните, ушел от них. Даже тогда уклонился Он, когда Его просили разрешить спорное дело о разделе имения... Может быть, мы останемся одни, покажемся людям странными, несоответствующими времени, для нас важно одно – воля Божия⁶³.

В отличие от баптистов, евангельские христиане, более ориентированные на преобразование мира вокруг себя, даже обсуждали на своем съезде возможность создания христианско-демократической партии «Воскресенье». Идею эту выпестовал лидер евангельских христиан Иван Степанович Проханов – человек, весьма неравнодушный к общественной деятельности. Впрочем съезд его инициативу не поддержал, большинство делегатов сочли «нежелательным, чтобы общины были увлечены политикой».

Взвод благовестников

Как революцию встретили верующие в Приморье? Представляется, что у баптистов до 1919 года был «застой». Так, известно, что к середине 1919 года Владивостокская община баптистов насчитывала всего лишь от 30 до 40 человек⁶⁴.

Центральные органы баптистов и евангельских христиан воспользовались благоприятным временем, чтобы решить организационные вопросы и провести общероссийские съезды. Официальной позицией баптистов был политический нейтралитет. Баптистский журнал «Гость» наставлял верующих: «Сегодня новый день, данный нам Господом. Как мы его переживем? Если мы возрождены, мы знаем волю нашего Господа. Какая же программа нашей деятельности? Апостол говорит нам, что, как свободные, мы не должны употреблять во зло свою свободу. Также и политическую свободу, полученную нами, мы должны употреблять как рабы Божии. Теперь мы слышим различные голоса, увлекающие нас, призывающие интересоваться политикой, злобами

63 Журнал «Гость» 1917 год, №5, с.6.

64 L. M. Lindstedt “A history of the Russian Mission of the Swedish Baptist General Conference of America”.

Гораздо лучше шли дела у евангельских христиан. Дьякон Хабаровской церкви ЕХБ Владимир Тарасович Лебедев, собиравший устные свидетельства членов церковей ЕХБ Дальнего Востока в 50-80-е годы прошлого века, приводит такой факт: «Описывая историю Владивостокской церкви ЕХБ, брат Боримский А. М., член церкви двадцатых годов, свидетельствовал: брат Бескровный А. Т., проживающий в городе Новый Оскол, будучи на военной службе во Владивостоке в 1917 году, 18 июня впервые посетил собрания ЕХ, которое проходило также в доме брата Разваляева по ул. Читинской. Проповедовал в тот день брат Забудский Е.В. (отметим, что Забудский был баптистом, но, вероятно, в то время его допускали к проповеди в общине ЕХ – прим. авт.) и на собрании присутствовало 12 человек верующих. По свидетельству братьев Ульянова, Кузнецова и из письма брата Бескровного известно, что в то время командир взвода, в котором они служили, посещал собрания и уверовал, а с ним 30 человек солдат их роты, в том числе был брат и Бескровный А.Т.»⁶⁵.

Некоторые из них после демобилизации вернулись в родные города и села и, немало потрудившись, основали новые церкви. Так, например, упомянутый Николай Иванович Кузнецов, крестившись летом 1917 года, осенью того же года вернулся домой, на станцию Вяземская (Хабаровский край), где стал первым проповедником в этой местности и вскоре собрал новую общину. К 1920 году Вяземская община насчитывала уже 70 душ⁶⁶.

Другой упомянутый Лебедевым солдат, Евгений Федорович Ульянов, стал первым баптистом района им. С. Лазо Хабаровского края (старое название района – Киинский). Крестившись во Владивостоке, он в 1918 году, после демобилизации, прибыл в село Екатеринославка, где стал искать общения с верующими. «С женой Феклой Ивановной перед Пасхой поехали в Хабаровск и, проходя через базарную площадь, услышали глашатаев, призывающих посетить молитвенное собрание. Молодые девушки и юноши раздавали виньетки с текстом Матф. 11:26 и указанным адресом молитвенного дома. Был день Пасхи 1918 года, и на первом собрании уверовала Ф.И. Ульянова, вскоре уверовал весь дом Ульяновых. Так в селе Екатеринославке организовалась церковь. На период 1927 года количество членов достигало 40 душ. Был молитвенный дом, первым пресвитером был Е.Ф. Ульянов». Однако Ульянов вскоре оставил пресвитерское служение и был направлен благовестником в Приморье⁶⁷.

Вероятно, из этой же группы солдат был и Иван Ефимович Олейников. После службы он вернулся в деревню Красное Поле близ Сучана и стал проповедовать Христа. «В 1919 году в деревне «Красное Поле», усердием брата Олейникова, была организована община из числа 15 душ», – сообщает Лебедев⁶⁸. Через несколько лет из-за плохого климата жители Красного Поля были вынуждены переехать в деревню Березовка и город Сучан (ныне –

65 В. Т. Лебедев «История насаждения и жизнь церковей ЕХБ на Дальнем Востоке».

66 Там же.

67 Там же.

68 В. Т. Лебедев «История насаждения и жизнь церковей ЕХБ на Дальнем Востоке».

Партизанск). В Сучане группа евангельских верующих существовала еще с дореволюционного периода⁶⁹, однако ее рост впечатляет. К 1923-24 годам в Березовке была церковь численностью около сотни душ, в Сучане – около пяти сот. Иван Ефимович упоминается в журнале «Слово и Жизнь» № 1-2 за 1922 г., издававшемся во Владивостоке евангельскими христианами, как руководитель Краснопольненской общины. *«Молодой брат, чей труд Господь обильно благословляет»*, – пишут о нем.

Еще одним солдатом – основателем общины стал Андрей Михальков. После демобилизации он прибыл из Владивостока в село Вознесенку (на северо-восток от Уссурийска), где начал благовестие. Михальков довольно скоро ушел в вечность (неизвестно, при каких обстоятельствах), однако община продолжала развиваться и в 1922 году насчитывала уже 26 душ⁷⁰.

Демобилизованными солдатами была основана и церковь Спасска-Дальнего. Вот свидетельство, сохранившееся в летописи Спасской церкви:

«Одними из первых братьев, обратившихся ко Христу, были Вильчик Афиноген Федорович и Вартовой Федор из села Александровка. В годы первой империалистической войны 1914-1917 годах они были призваны в армию и служили во Владивостоке. У брата Вартового были там верующие родственники Якименки... Вот они-то и пригласили Вартового на молитвенное собрание. Необходимо отметить, что в те далекие годы было большое пробуждение в народе. И богослужения посещали многие военнослужащие, которые дислоцировались во Владивостоке. После окончания войны в 1917 году, возвращались домой в свои родные места. Они привозили своим родным и окружающим и новую веру. Так было и в Спасске. Брат Федор Вартовой вернулся в свое родное село Александровку и стал свидетельствовать о Христе своим родным и близким. Для этого он написал письмо с приглашением братьям во Владивосток, чтобы кто-то приехал к нему. Братья послали благословенного проповедника брата Живицкого Иосифа Людвиговича. Первый его приезд в село Александровку был в январе 1919 года.

Он пробыл там некоторое время, затем брат Вартовой пригласил его в Спасск, к своему дяде Яковцу Егору. От него он узнал адрес Вильчика, с которым служил. И вот 19 января 1919 года в день праздника Крещения, они, бр. Живицкий и Вартовой пришли к Вильчику. Брат Вильчик был рад их приезду и поспешил известить своих друзей о приезде проповедника. Среди его друзей был Прокуда Емельян Власович, его он и пригласил на беседу к себе. Прокуда быстро откликнулся на приглашение и утром 19-го поспешил прийти. Там впервые встретился с братьями Живицким и Вартовым. Получилась душевная беседа о Христе, о евангельском вероучении. Вечером этого же дня Прокуда Е. В. пригласил брата Живицкого и других к себе домой, где и было проведено первое молитвенное собрание, т. е. по улице Хрищатинской в доме Прокуда.

Эту дату 19 января 1919 года и можно считать юбилейной датой.

На первом собрании был один проповедник, брат Живицкий. Он читал слово Божие и все слушающие слагали слышимое в свое сердце. Он также и пел христианские гимны, молился. Брат пробыл в Спасске с неделю, каждый день читая

69 РГИА ДВ ф. 1. оп. 2 д. 2097 л. 399.

70 Журнал «Слово и жизнь», 1922, №1-2.

Е. В. Прокуда с семьей, 1956 г. Один из основателей и пресвитер Спасской церкви. Был арестован в 1934 году. После заключения, в 1938 году, был выслан в Новосибирск (режимный город). Позднее ему было предложено уехать и оттуда, но вернуться на Дальний Восток не разрешили. Уехал в Краснодар, где в 1974 году отошел в вечность. Фото из архива Спасской церкви

и наставляя. Первый гимн, которому он научил, был «Брат мой, к Господу приди» (сборник, 136). После краткого пребывания брат уехал к себе во Владивосток. Остались жаждущие слушать слово Божие, а проповедовать некому, но Господь стал возвращать посеянное братом, вечерами все единодушно стали собираться у брата Прокуды, читая Евангелие и молясь. Вскоре их снова посетил брат Живицкий. Теперь они сняли помещение под церковь и на Пасху собрались там на служение. Число жаждущих слышать слово Божие увеличивалось. И летом 1919 года было совершено первое крещение по вере в Спасской церкви. Крещаемыми были братья Вильчик, Вартовой и другие. Крещение совершал брат Живицкий. В это время, зная, что в Спаске есть небольшая группа верующих, многие братья из Владивостока, Никольск-Уссурийского, Благовещенска стали посещать ее. Осенью этого же года было второе крещение. Крещаемыми стали братья Маринкевич Ф. С., Постоев П. М. и другие».

...В 1937 году в числе многих других верующих будет расстрелян Вильчик, в 1938 году – Олейников...

Но, прослеживая служение и судьбы солдат из этой группы, мы забежали далеко вперед. Вернемся в 1917-й.

Сразу после Октября

В конце 1917 года власть в Питере взяли большевики. Уже 2 декабря 1917 года, то есть через месяц с небольшим после Октябрьской революции, Поместный Собор РПЦ вынес определение «О правовом положении

РПЦ», в котором утверждались привилегии по сравнению с другими вероисповеданиями (первенствующее публично-правовое положение, закрепление ряда главных государственных должностей только за православными, освобождение от повинностей священников и монахов и т. д.) Однако в начале 1918 г. большевики приняли декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» (другое название «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»). Документ носил общедемократический характер и лишал РПЦ ее привилегированного, по сравнению с остальными религиями, положения («Каждый гражданин имеет право исповедовать любую религию или не исповедывать никакой. Все правовые ограничения, существовавшие для отдельных исповеданий, отменяются»). Декрет вызвал большое неудовольствие патриарха РПЦ Тихона (Белавина) и значительной части православных клириков⁷¹.

Протестантов отмена привилегий для православия вполне устраивала. Однако помимо общедемократических принципов декрет лишал права владения собственностью и права юридического лица все, без исключения, религиозные и церковные организации. Принцип отделения церкви от государства предусматривает предоставление церковным организациям идеологической и экономической самостоятельности, которая не позволяла бы государству оказывать на них давление административными методами. Но узаконенное декретом лишение организаций права на собственность и образование юридического лица предоставляло государству широкие возможности для такого давления. *«Кроме того, в СССР фактически отсутствовало равноправие вероисповеданий, поскольку атеизм стал подобием государственной религии, наделенной множеством привилегий, тогда как остальные вероисповедания подвергались преследованиям и дискриминации. По сути, Советский Союз никогда не был светским государством, хотя и декларировал это в своих правовых документах»*, – отметила историк Татьяна Никольская⁷².

С первых же месяцев своего существования советское государство начало наступление на религию. До 1928-29 годов основная тяжесть репрессий была направлена против РПЦ. Причины этому вполне очевидны. Во-первых, православие было тесно связано с ненавистным большевикам царизмом: при нем оно имело статус государственной религии и многочисленные льготы, а в ответ служило монархии главным идеологическим орудием для сохранения старых порядков. Протестанты в это время подвергались жестокому гонениям, они сидели в тех же тюремных камерах, что и революционеры, и изнемогали на общих каторгах.

Во-вторых, у РПЦ было что отбирать: она была крупнейшим землевладельцем в стране, также владела многими зданиями, дорогой утварью и значительными финансовыми средствами. В то время как большинство протестантских общин не имели даже собственных молитвенных домов.

Наконец, РПЦ вступила в конфликт с большевиками во время Гражданской войны: многие православные священники открыто

71 Т. К. Никольская «Русский протестантизм и государственная власть».

72 Там же.

поддерживали белогвардейцев. В то время как многие евангельские верующие во время Гражданской войны, по-видимому, сочувствовали большевикам⁷³.

В первые годы после революции политика Советской власти в отношении «сектантов» носила двойственный характер. С одной стороны, им симпатизировали некоторые влиятельные большевистские руководители во главе с В. Д. Бонч-Бруевичем, поддерживаемые В. И. Лениным. В рамках своих теоретических марксистских выкладок они склонны были рассматривать русское «сектантство» как форму социального недовольства и эскапистского протеста крестьянства против царизма. Привлекала советских лидеров и «общественно-коммунистическая» сторона «сектантских» вероучений, наличие в них идей социального и экономического равенства. Именно «сектанты – коммунисты», этот якобы многомиллионный «народ внутри народа», должны были послужить для большевиков доказательством того, что извечная народническая мечта имела под собой реальные основания⁷⁴.

Таким образом возник миф о «сектантах – коммунистах» как о верных сторонниках советской власти, который получил в начале 1920-х годов большое распространение. Одним из важнейших следствий этого мифа стал подписанный В.И. Лениным декрет от 9 января 1919 г., который предоставлял «сектантам» привилегию освобождения от военной службы. Благодаря этому декрету в ряды сектантов хлынул поток молодежи призывного возраста. Правда, на практике воспользоваться этим правом сумели немногие. Как признал в 1924 г. В.Д. Бонч-Бруевич, на основе этого декрета получили освобождение от военной службы всего 657 человек за 5 лет⁷⁵.

Однако лояльное отношение к евангельским церквям никогда не было единственной доминирующей линией в большевистской политике. Значительная часть членов партии и органы политической полиции априори бескомпромиссно выступали против «сект». Они рассматривали деятельность «сектантства» как «попытку приспособления религии к новым условиям», «очередную форму антисоветского движения кулаческих элементов в деревне». Тем более что большевики достаточно быстро убедились в том, что «прогрессивные группы сектантов – коммунистов», представителей старых русских сект, составляют пассивное меньшинство в сравнении с «мелкобуржуазными» протестантскими общинами⁷⁶.

Впрочем, на Дальнем Востоке большевики не продержались у власти и полугодом: в апреле 1918 года во Владивостоке высадился японский десант, и началась интервенция, в которой принимали участие сразу несколько государств. Гражданская власть переходила из рук в руки. Целые районы Дальнего Востока постоянно контролировались красными партизанами. Люди познали весь ужас и безумие братоубийственной Гражданской войны...

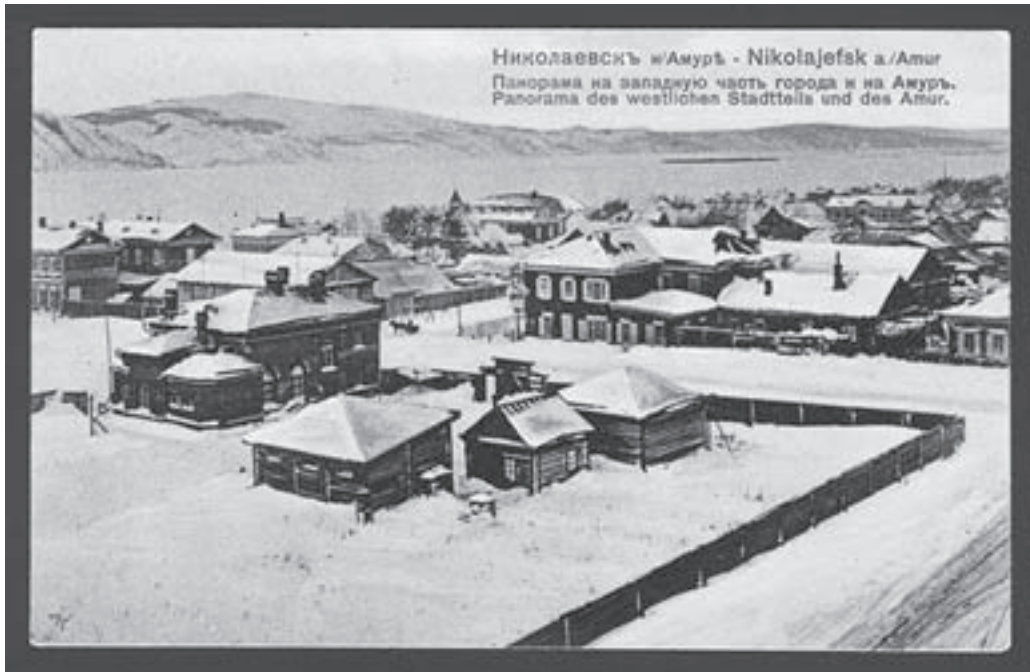
Здесь политика в отношении протестантов в большей степени определялась не умопостроениями партийных теоретиков, а волей «полевых командиров»

73 Там же.

74 А.И. Савин «Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б) – ВКП(б) и евангельские церкви в 1922 – 1929 гг.

75 Там же.

76 Там же.

Николаевск-на-Амуре. Почтовая открытка начала XX века

воюющих сторон. Автору не известно ни одного случая притеснения «сектантов» со стороны белых. А вот с красными было по-разному. Такой случай, например, описывала городская газета Никольск-Уссурийского «Уссурийское слово» в 1921 году:

«Из местной баптистской общины были посланы два проповедника в с. Теллинды, где имеется небольшая баптистская община. В этом селе проповедники были арестованы начальником партизанского отряда Морозовым, заключены под арест в какую-то каморку, где их продержали двое суток, все время жестоко с ними обращаясь и подвергая побоям.

Заключенные, основательно избитые, были отправлены пешком в Анучино, откуда им с трудом удалось освободиться»⁷⁷.

Николаевский инцидент

Совершенно дикий инцидент произошел в городе Николаевске-на-Амуре в 1920 году. Город находится за пределами административной границы Приморского края. И тем не менее рассказ об этом эпизоде Гражданской войны включен в книгу. Во-первых, эта церковь тщательно опекалась владивостокскими миссионерами. Во-вторых, ситуация там принципиально не отличалась от того, что происходило в Приморье: такая же интервенция, такая же молодая церковь. И, наконец, главное — до нас дошло не так много живых свидетельств того времени, дающих прочувствовать драму

⁷⁷ Перепечатка из «Уссурийского слова» была размещена в издававшемся во Владивостоке журнале баптистов «Благовестник» №5 за 1921 год (хранится в ГАПК)

Крещение на Амуре, 1929 год. Фото из архива В. Т. Лебедева

гражданской войны. В этом страшном свидетельстве видится как будто бы прообраз грядущих потрясений XX века: и массовых узаконенных убийств 30-х и государственной антирелигиозной истерии конца 50-х — начала 60-х и даже несостоявшегося покаяния нашего общества в 90-х...

Прежде чем перейти к основному документу, необходимо дать некоторые пояснения. Город Николаевск-на-Амуре находится в устье реки Амур, напротив Сахалина. В сентябре 1918 года город был оккупирован японскими войсками. В начале 1920 года в городе, кроме русского населения и белых отрядов (ок. 300 человек), был размещен японский военный гарнизон численностью 350 человек, кроме того, проживало около 450 человек японского гражданского населения. В январе 1920 года город осадил крупный красный партизанский отряд численностью 4 тысячи человек под командованием Якова Тряпицына. 24 февраля японцы заключили с партизанами перемирие и разрешили им войти в город. Некоторое время после входа партизан в город перемирие сохранялось, но Тряпицын начал вылавливать и расстреливать белых. 12 марта японцы неожиданно напали на партизан. Бои продолжались несколько дней и закончились победой партизан. К вечеру 14 марта главные силы японцев были разгромлены, а 15 марта в 12 часов капитулировала их последняя группа. Большая часть японцев погибла в бою, около 100 человек были взяты в плен.

Когда в конце мая стало известно, что из Хабаровска в Николаевск отправлены японские войска, Тряпицын велел отступить и расстрелял оставшихся в городе японцев и белогвардейцев, а сам город поджег. По подсчетам местных краеведов, в результате было уничтожено 97% зданий: деревянные были сожжены, а каменные — взорваны⁷⁸. Позднее, по постановлению областного исполкома Тряпицын был арестован и предан суду. За массовые расстрелы гражданского населения его приговорили к расстрелу⁷⁹.

78 В.И. Юзефов. «Годы и друзья старого Николаевска» 2005 г.

79 По материалам Википедии.

Несколько слов о свидетельстве. Его автор – член церкви евангельских христиан Николаевска-на Амуре Степан Макарович Болотов-Каменев. Оно хранится в Государственном архиве Приморского края, в архивном фонде Приморского губернского комитета ВКП(б), в деле №320 (название: «Материалы о сектах евангелистов на Сахалине и в Николаевске-на-Амуре»). Судя по содержанию материалов этой папки, документы собирались силами оперативных работников ГПУ. Это же можно сказать и непосредственно о свидетельстве Болотова-Каменева: на документе стоит дата 15 января 1924 года и отметка с подписью: «С подлинным верно. Начсоч ГПУ Серков». (Начсоч – начальник секретно-оперативной части). Таким образом, местным сотрудникам ГПУ, менее чем через 4 года после описанных событий, свидетельство Болотова-Каменева фантастическим не казалось, и отнесли они к нему серьезно.

Для удобства читателей документ несколько сокращен, опущены третьестепенные детали. Также из текста убраны почти все многочисленные ссылки на Библию – в основном это отрывки из книги древних пророков, где речь идет о Дне Господнем⁸⁰. Название документа – «Выписка из письма «Жизнь евангельских христиан гор. Николаевска-на-Амуре во время проходивших в нем событий с 21 мая по 3 июня 1920 года».

Очевидно, что еще до начала описанных событий, в трехмесячный период пребывания партизан в городе, отношения между ними и христианами сложились весьма напряженные.

Итак, содержание выписки. 21 мая партизанские власти обязали все население г. Николаевска под угрозой расстрела выйти на общественные работы. Поскольку день выпадал на воскресенье, когда в местной общине ЕХ проходило утреннее и вечернее богослужение, то ЕХ, несмотря на угрозы, отказались. В 10 утра, как обычно, они собрались на богослужение, во время которого появились вооруженные милиционеры во главе с комиссаром, переписали всех и арестовали – всего 33 человека. В арестное помещение христиане шли «с сияющими радостию и христианскою любовью лицами, прославляя Господа духовными песнопениями». Находясь в камерах, тоже пели. Проходящая мимо публика, слыша пение, в основном «хулила» их.

В камеру, куда их поместили, прибыл председатель исполкома Николаевского округа Железин в сопровождении комиссара милиции Табашникова и еще одного человека и, прочтя «изрядную нотацию», удалился. Затем, (было еще в воскресенье) их повели на работу. Идя по улице, христиане продолжали петь. Их привели на место работы – к берегу Амура, но поскольку это было время вечернего молитвенного собрания (5 часов вечера), то христиане отказались работать, «*проводя время в молитве и пении псалмов*». Конвоиры-милиционеры вызвали председателя исполкома, который, увидев эту картину, без разговоров приказал вести их обратно в арестное помещение.

«Все происходящее давало чувствовать, что Господь творит что-то нео-

80 Под Днем Господним в Ветхом Завете понимается день или момент, когда Бог явственно вмешивается в человеческую историю для суда или спасения. В отдельных пророчествах День Господень иногда может быть связан с концом времен.

быкновенное, т. е. Господь хочет в последний раз через детей Своих сказать Свое слово призыва на путь истины», — отметил Болотов-Каменев.

Они вошли в арестное помещение, все поместились в одной камере. Через некоторое время пришли сотрудники следственной комиссии и, отделив мужчин от женщин, начали по одиночке вызывать на допрос в помещение милиции, где некоторых мужчин избили за отказ оставить молитвенное собрание.

«Ни арест, ни даже побои нисколько не ослабили сердца братьев и сестер, уповающих на Господа», — пишет автор.

После допросов и побоев, около 11 часов вечера, отпустили почти всех, в заключении остались лишь четверо мужчин и одна женщина. Тем не менее богослужebное собрание в церкви в тот вечер состоялось: его провели оставшиеся на свободе члены церкви.

После этого церковь ежедневно пребывала в молитве за находящихся в заключении. Затем 23 мая было совершено крещение над 8 обратившимися душами, 24 мая *«был арестован брат Попов и, очевидно, убит, так как его и по сие время нет»*, а 25 мая состоялось Хлебопреломление (Причастие). После Хлебопреломления на богослужении появились партизаны с револьверами и арестовали *«брата Конончука, который в ту же ночь был где-то убит»*. Также были арестованы женщины — Диженкова и Шатаева, позднее их выпустили.

«Чем дальше, тем ужаснее становилось положение города, так как истребление началось поголовное, — вспоминает Болотов-Каменев. — Взгляд каждого встречного был ужасен, так как все дышало враждой». Христиане посчитали, что над Николаевском сбывается пророчество Софонии (Соф. 1:14-18).

«Несмотря на угрозы умертвить нас всех, мы в укрепляющем нас Господе духом оставались непоколебимы <...> Началась эвакуация женщин, стариков, а затем и самих партизан. По отношению к эвакуации мирных жителей города был приказ о том, что эвакуация не является обязательной, а только желающих.

<...>

28, 29 и 30 мая город представлял из себя пустыню. Лишь можно было встретить разнообразно одетых, вооруженных, в пьяном виде расхаживающих или развезжающих людей и редко где-либо напуганную женщину или старика...

К нам несколько раз приходили и говорили: «Почему вы не уезжаете, вас убьют японцы, разве вы не знаете, что они убивают всех — и старых и малых? Кроме того, мы, когда будем уходить, всех уничтожим».

Христиане отказывались, говоря, что они не ищут блага жизни в настоящем, а лишь в будущем, в глазах Господа. И цитировали библейские пророчества.

«31 мая, около 12 часов дня, начинается выполнение задуманного плана: на окраине первой части города показались громадные клубы дыма, от которого мгновенно город погрузился в ужасную, не поддающуюся описанию картину сплошного ада. Под этим мраком около часа дня были освобождены из-под ареста наши братья и сестра.

<...>

К вечеру, ожидая картину сплошного моря огня, мы въехали на окраину

города, но в эту ночь пожар свирепствовал лишь в первой части города. В этот момент в городе было всего верующих в Господа нашего Иисуса Христа мужчин и женщин и детей, принятых через Святое Крещение, 37 человек и малолетних детей 45 человек, всего 82 человека».

Далее Болотов-Каменев пишет, что 19 верующих разместились в домике на окраине города: брат Колосовский с женой и пятью детьми, брат Арабей с женой и пятью детьми, сам Каменев с женой и годовалым ребенком, а также братья Грудинин и Смышляев. Остальные 63 человека скучились во дворе одного из членов церкви на окраине города, около кладбища. Кроме того, с ними были 8 человек «*неверующих, но слушающих слово Божие, и некоторые из них в слове — близкие*».

«У нас в домике также было двое неверующих — старик и один молодой человек, некто Фролов. Ужаснейшее его положение, он слабого рассудка, но все же когда ему стали внушать слово Божие, он молился. Старичок же, которому было уже лет 60, хотя читали и объясняли ему познание истины Божией, все же не мог отрешиться от блага земного.

1 июня запылала и вторая часть города: вечером уже было сплошное море огня. Утром 2-го послышались сильные взрывы, от которых наша хата дрожала. Взрывы продолжались целый день. Днем посетили нас прилично одетые во все военное конные партизаны, очевидно начальство, которые, строго спросив нас, почему не выезжаем и, получив от нас ответ, подобный предыдущим, удалились. Проводив посетителей, мы полагали, что это прошел последний вал, но человек предполагает, а Бог располагает — последний вал был еще впереди.

Часов около 5 дня прошла артиллерия и пехота крепости Чнырах. Об этом мы узнали из того, что хозяин хаты, в которой мы временно помещались, также служил в крепости Чнырах и, отступая со всеми, зашел очевидно взглянуть на свое жилище в последний раз. Или может, он хотел его сжечь, но увидев такое количество скученных ребятишек, сказал несколько слов, напился воды и удалился».

Прошло еще некоторое время. Христиане поужинали и стали устраиваться на ночлег.

«Дети уже спали. В это время к хате подъехал конный развезд. Вызвали людей на улицу: «Все вы евангелисты?» Ответили, что да, кроме старика и Фролова. Спрашивают: «Почему вы не уезжаете?» Другой говорит: «Нечего с ними разговаривать, скорее расправиться и ходу... Мужчины направо, женщины налево». Третий говорит: «Ничего подобного, мужчины, заходи в помещение, а женщины без детей, выходи. Ставим кругом часовых и зажигаем». Заходим в хату. Заходит один из них, видимо, старший и спрашивает: «Сколько всего детей?». «Одиннадцать». Оружие есть? Нет. Одна из сестер обращается с просьбой пощадить детей. «Не наше дело... Женщины, выходите» — говорит он. Вышли, вышли и партизаны. Дверь закрыта и забита, мы преклонили колени перед Спасителем Иисусом Христом и, всецело отдавшись на попечение Его, просили, чтобы Господь сохранил наши сердца от зла, и чтобы нам претерпеть до конца.

Вот запылала наша хата, оцепленная партизанами, державшими ружья наготове. Проснувшихся детей мы взяли на руки. На руках у меня один годовалый

мальчик, у брата Колосовского два ребенка и трое на своих ногах. Старший из них, 7-летний мальчик Гоша, усиленно, во всеуслышание, со слезами на глазах просил Господа: «Господи, если Тебе угодно прервать мою жизнь, то пусть они лучше убьют меня. Как же я буду терпеть, ведь я слаб. О, Господи, услышь нас» и т. д. 6-летний брат его Коля лишь безудержно плакал, приговаривая: «Мама, мама». Обративший на него внимание старший 7-летний брат его Гоша обратился к нему с приглашением: «Коля, молись и ты Богу и он нас спасет».

<...>

Молитва и плач чистосердечных детей были настолько трогательны и глубоки, что сердца вздрагивали и невольно лились слезы. От таких глубоких молитв и слез казалось, что и самое грубое и безжалостное сердце не может не поколебаться. Но у этих поджигающих и подкарауливающих нас партизан, безусловно, слышавших слова молитвы и детский вопль, сердца не дрогнули. Они продолжали выполнение своего плана. Закрытого с нами старика-неверующего охватил ужас. Он стал умолять партизан о пощаде, но не просил Бога о помощи. Да он и не мог это делать, так как не знал Его. Он говорил: «Братья, выпустите меня одного, неверующего старика».

Но дверь не открывалась. Тогда он, выбив окно, стал вылезать, навстречу ему полетели три пули и он стих. Другой неверующий молодой человек по-нашему приглашению стал молиться. Я спросил его: веришь ли ты, что Христос тебя спас. Верю — говорит он. Тогда говорю ему: давай будем молиться и благодарить Господа. Этот молодой человек успокоился и молился. Слава Нашему Господу. Он вразумляет и утешает.

Попрощавшись друг с другом и успокоив детей тем, что еще немного и мы будем у Христа, снова преклонили колени, молясь: «Господи, если тебе угодно отозвать нас к себе, прими наш слабый дух». Но сердце свидетельствовало, что еще не настал момент нашего отшествия. Смотрим на огонь, а его почти нет, только дымится. Вдруг стук, треск и нет окна. Таскают хворост, стараясь скорее усилить пламя. Мы стали петь псалом (Гусли №106):

«Господь, дай жизнь душе моей»

<...>

От усиленной шуровки огонь усилился. Хата переполнена дымом, дышать стало трудно. Стена под самым потолком прогорела. От ветра летят искры и падают на одеяло находящегося у меня на руках ребенка. Сбрасываю их и думаю: зачем сбрасывать, все равно гореть. Но сердце несогласно было с такой мыслью, оно спокойно свидетельствовало, что нам надлежит выйти из этого огня. Дети продолжали с большой ревностью молиться. Слышу — братья также молят Господа о спасении от огня. Начинаю также молить Господа: «Господь, если Тебе угодно, прекрати это пламя. Впрочем, Твоя воля, поступи Ты с нами, как Тебе угодно». Пламя снова утихает и стены лишь курятся.

<...>

Вот слышим сильный треск окна с другой стороны хаты. Думаем, наверно, хотят покончить с нами, чтобы не мучились дети. Но оказалось иначе.

«Мои мысли не ваши мысли», говорит Господь. В выбитом окне показались братья Тимофей, Степан и Владимир. Входят к нам и говорят: «Идемте, все у-

хали, а нас послали спасти вас». Вышли и тут же преклонили колена и благодарили Господа, что Он услышал вопль детей Своих и освободил нас от огня. Просили также Господа, чтобы он не вменил в грех того, что сделали эти люди, ибо они не знают, что делают. Пошли к братьям, где узнали, что партизаны, зажегши нашу хату и оставив необходимое число для окарауливания нас, уехали к братьям и там приступили к проделке того же, что сделали и с нами, т. е. женщин вывели, а мужчин с детьми закрыли в доме для сожжения.

Закрытые братья и здесь, помолвившись Господу, стали петь псалом из «Гуслей» № 106 и 262

«Господь, моей Ты жизни свет. «Господь услышал чистосердечную молитву и вопль детей Своих, разбил коварные сердца партизан и разрушил жестокий их замысел. Они, страшно обличенные Господом через молитвы и пение псалмов, входят в помещение, прося извинения: «Простите нас, что мы так жестоко поступили с вами и вашими братьями. Жены ваши придут, за них не беспокойтесь».

Тут братья говорят: «Господь вас простит, давайте с нами помолимся Богу». Они сказали: «Потом, нам некогда, а вы скорее бегите спасать ваших братьев, если успеете, они горят». Партизаны поспешно скрылись, а братья поспешили к нам, находящимся в горячей хате.

Таким образом по великой милости Божией произошло избавление нас от огня. Сестры же куда-то уведены. Их нет. Ожидая их возвращения, пребывали в молитве. Вот показались сестры, пришли, но не все. Молимся за остальных. И вот постепенно возвращаются все. Некоторым из них нанесены побои, но все это сложили к ногам Христа, нашего дорогого Искупителя и, преклонивши колена, за все благодарили Его.

Помолвившись Господу, стали размещаться кто где мог, на отдых. Было уже светло. 4 часа утра 3-го июня. Только что уложились, пошел дождь, на дворе оставаться нельзя. Все собрались в оставшихся трех домиках. Спустя некоторое время слышим орудийные выстрелы и где-то протрещал пулемет. Стало ясно, что в городе японцы. Хорошо, будем молиться, чтобы Господь даровал здравое рассуждение и смягчил сердца, дабы все обошлось по-хорошему.

Слышим, вызывные свистки парохода. Руководящие братья идут на берег и встречаются с японцами. После некоторого объяснения двое из братьев пришли с японцами в штаб, а один с офицерами и солдатами возвратился к нам, т. е. к месту нахождения христиан. Офицер приказывает вызвать всех во двор, как мужчин, так и женщин и детей. Осмотрев всех мужчин, офицер объявил: «Ничего не бойтесь, живите спокойно, никто вас не тронет. Никуда со двора пока не выходите, так как будут ходить солдаты и по незнанию, что вы мирные жители, поднимут на вас стрельбу».

Затем было предложено разойтись по домам. Мы все поблагодарили офицера за добродушное и миролюбивое обращение с нами, в чем мы и не сомневались, и разошлись, прославляя Господа за то, что по Его великой воле встреча обошлась по-хорошему.

Все здесь изложенное и пережитое нами мы приняли с радостью и благодарением, как от Самого Господа нашего Иисуса Христа, Спасителя и Хранителя душ и тел наших.

Евангельский христианин С. Каменев»⁸¹.

ГЛАВА 5

1918-1922 годы.

Приморье, период Гражданской войны

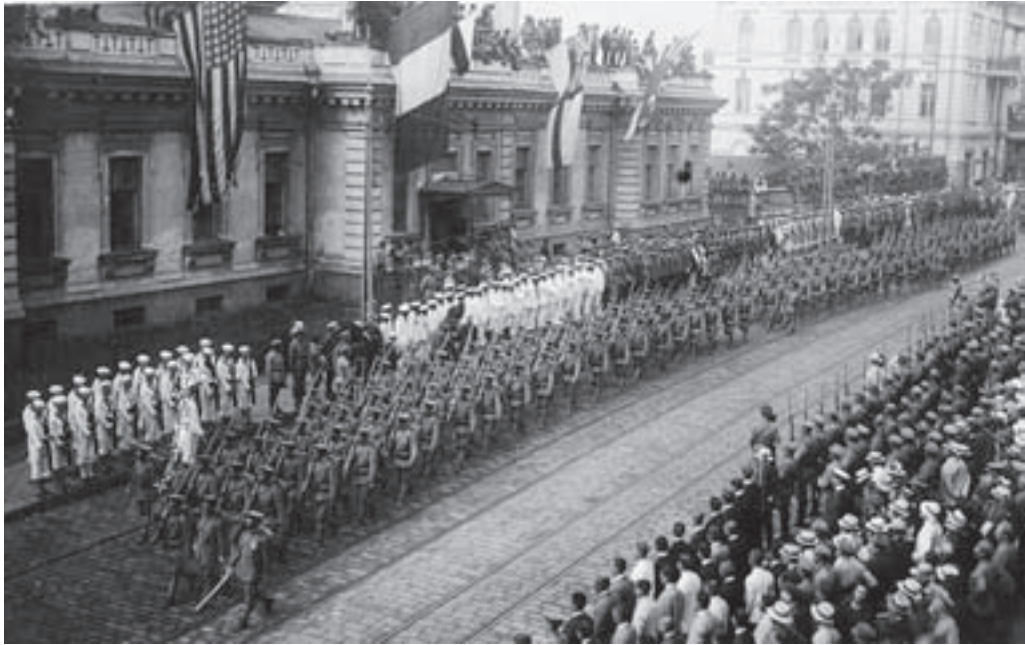
Евангельский призыв

Революция 1917 года пробудила в мире особый интерес к ситуации в России, в том числе и среди протестантов. Отмена государственных привилегий РПЦ и притеснений остальных конфессий дали возможность проповедовать здесь Евангелие. Десятки миллионов людей здесь, числясь православными, по сути были лишь номинальными христианами, либо вовсе неверующими. У многих религиозность выражалась лишь в слепом исполнении обрядов без понимания сути христианской веры. Страна на переломе своей истории нуждалась в проповеди Евангелия. Поэтому вскоре после революции были организованы крупные иностранные миссионерские программы для России. Например, на Первой Генеральной Конференции по евангелизации России, прошедшей 24 июня 1918 года в Чикаго, звучало:

«Революция в России открыла для Евангелия крупнейшую страну с самым большим населением белых людей в мире. В России 182 млн. жителей, но не так много евангельских работников в Чикаго. Многие там с нетерпением ждут Евангельской вести. Когда недавно один из лидеров миссии «Дом Евангелия» в Петрограде, сразу после возвращения из Сибири, вышел со своим хором и помощниками на большую площадь, прямо напротив Зимнего дворца, и они провели впервые в истории этого города евангелизацию под открытым небом, то собралось множество людей. После проповеди они обратились к проповеднику и спросили: «Где ты был так долго? Почему ты не рассказал нам об этом раньше?» «Я был в Сибири», — был ответ»⁸².

Среди проповедников, которые отважились отправиться в охваченную Гражданской войной Россию, были пасторы Эрик Валдмар Олсон (Eric Waldmar Olson) и Яков Яковлевич Винс. Олсон был шведом, за несколько лет до этого эмигрировавшим из Швеции в Америку. А Винс был обрусевшим голландцем, — несколько поколений его предков жили в Россию. Винс был пастором баптистской церкви в Самаре, царские власти выслали его из страны за проповедь Евангелия. С падением царизма Винс решил вернуться. Они

82 Good News For Russia, J. W. Brooks, editor, The Bible Institute Colpartage Association, Chicago, 1918, с.17 цитируется по L. M. Lindstedt «A history of the Russian Mission of the Swedish Baptist General Conference of America».

Парад интервентов на ул. Светланской во Владивостоке. Почтовая открытка

познакомились в Америке, готовясь к поездке в Россию. Винса материально поддержали американские баптисты немецкого происхождения, а Олсона – верующие американцы со шведскими корнями⁸³.

16 июня 1919 г. Олсон и Винс прибыли во Владивосток. Винс, правда, здесь не задержался. Он хотел вернуться к своей церкви в Самару, однако пробраться в Европейскую Россию через Сибирь, где вовсю шли боевые действия, не представлялось возможным, и в августе он остановился в Благовещенске. Местная баптистская община насчитывала 150 человек. В ноябре община единодушно избрала его своим пресвитером⁸⁴. (В дальнейшем мы еще о нем вспомним).

Что касается Олсона, то он счел, что Владивосток нуждается в его миссионерском служении. В отличие от бурно разраставшейся общины евангельских христиан, у местных баптистов дела до этого времени шли не слишком хорошо – община насчитывала 30-40 верующих и была плохо организована⁸⁵.

Владивосток, 1920...

Давайте попытаемся представить, что из себя представлял Владивосток. Большевицкий разведчик, журналист и востоковед Константин Харнский, через пять лет в газете «Красное Знамя» описывал Владивосток 1920 года так:

83 L. M. Lindstedt “A history of the Russian Mission of the Swedish Baptist General Conference of America”.

84 Письмо Лизы и Якова Винс Ивану Артеменко, опубликовано в журнале «Вера и Жизнь», 1990 г №4.

85 L. M. Lindstedt “A history of the Russian Mission of the Swedish Baptist General Conference of America”.

«Кафе, спекулянты, дельцы по политической части, множество газет, от монархических до анархических, министерства, парламент, консулы в роли полномочных посланников, военные мундиры чуть ли не десятка государств, куда-то торопящиеся эсеровской наружности люди с ворохами проектов в портфелях, сутолока, сумятица, политические споры, керенищина в войсках, штаб войск, где красные звезды украшали рукава вчерашних доверенных офицеров Розанова, мчащиеся во все стороны автомобили с флажками всех наций, неожиданные появления из Германии, Америки и Австрии людей, больной оптимизм танцующих на вулкане, жизнь на авось, тревожные и странные слухи, передаваемые шепотом, украдкой, слухи и слухи без конца, без перерыва — водопад слухов...

Где-то далеко, в неправдоподобном тумане, была Россия, загадочная, таинственная. О ней складывались легенды, о ней передавали противоречивые рассказы, о ней угадывали, читая между строк иностранные газеты. «Красное знамя». Маленькая газета с крупным шрифтом, издаваемая в том самом дворе, где польские безлошадные уланы учились пехотной муштре, где слонялись без дела солдаты чешских, румынских, латышских полков и несли караул китайские солдаты, знакомила читателей с бытом Москвы по газете из Манчестера...

Здесь затевались всевозможные «спасения России» и не было недостатка в рецептах, планах и схемах. Старались до упаду эсеры, прожестковали кадеты, нечленораздельно мычали монархисты, упражнялись в сверхлевиэне забывшие этимологию и синтаксис необычайного вида анархисты и еще каких-то разных наименований свобододолюбцы.

Чуть ли не десять тысяч, если только не больше, откуда-то понаехавших бездельных офицеров наполняли город, гуляли с утра до вечера по улицам и раз в месяц приходили требовать то жалование, которое им, во избежание неприятностей, платило деньгами всех стран и народов растерянное правительство.

Процветали самочинные биржи. В светланских подвалах вырастали, точно грибы, всевозможных степеней претенциозности кабаки. Повсюду бродили выходцами с того света влюбленные в себя кокаинисты. Издавались сборники стихов, где было больше знаков восклицания и многоточий, чем букв, и больше незаполненных, чем заполненных листов. Убийства, грабежи были обычным делом...

Волна преступности захлестнула город. Множество уголовных элементов съехалось сюда из уральских, сибирских и забайкальских городов. Среди них были и столичные «гастролеры». Грабили и убивали. Особо опасным было то, что нередко среди жертв оказывались иностранные граждане. А это грозило новыми демаршами интервентов, создавало им поводы для «принятия мер», которые они считали нужными для «наведения порядка» в городе»⁸⁶.

Бывший потомственный дворянин Харнский описывает город хотя и очень выразительными мазками, однако в темных тонах. Он противопоставляет его советской России, «загадочной и таинственной», не упоминая, что помимо авантюристов и спекулянтов во Владивостоке, спасаясь от коммунистов, собралась и интеллигенция (творческая и техническая) и лучшие офицеры, — то, что называется, «цвет нации». Тот самый «цвет

86 Цитируется по сборнику «Владивосток. Штрихи к портрету». В. 1985.

нации», который впоследствии частью будет выдвигаться в эмиграцию, частью сгинет в Гражданскую войну, частью — будет уничтожен во время сталинских репрессий. Время все расставит на свои места, и сам Харнский в 1938 году будет расстрелян, как «враг народа»...⁸⁷

А нам важно прочувствовать дрожащую атмосферу того времени, — ту нестабильность, страдания, страх и материальную неустроенность... Благовестники с головой погружались в водоворот событий, они рисковали собой и подвергали риску своих близких, но уповали на помощь Божью. Это было время большого числа обращений людей ко Христу. Ведь именно на изломах истории люди особенно остро нуждаются в незыблемом. Именно в такой атмосфере приходит понимание, насколько сильно люди зависят от Бога.

Работники виноградника Господня

Татьяна Ивановна и Роберт Андреевич Фетлер, 1919 г. Владивосток. Фото из Архива Санкт-Петербургской Церкви ЕХБ ф. 4 оп. 1, д. 15

Итак, Эрик Олсон остался, объединившись с пресвитером церкви Ефимом Забудским и одновременно формируя команду работников на ниве Божьей.

Примерно в августе 1919 года во Владивосток приехал 27-летний латышский проповедник Роберт Андреевич Фетлер со своей женой Татьяной Ивановной. Фетлеры пытались эмигрировать из России в Америку, но «застряли» во Владивостоке, потому что находившийся здесь американский консул не дал им въездной визы, подозревая в Роберте тайного коммуниста⁸⁸.

Олсон пригласил Фетлера работать во Владивостоке, и вскоре Роберт был избран пресвитером баптистской общины. Забудский стал его помощником и был этому несказанно рад. Говоря о своем предыдущем труде по руководству

общинной, он писал: «В этом служении я перенес все тяжести до тех пор, пока Господь не услышал нашу молитву и не прислал дорогих братьев В. И. Олсона и Роберта Андреевича Фетлера, которые сняли с меня эту тяжелую ношу»⁸⁹. Помимо пресви-

87 Бондаренко Е. Ю. «Журналист, педагог, ученый (Константин Андреевич Харнский).

88 С. В. Севастьянов «Фетлер Роберт Андреевич». Неопубликованная рукопись, 1973 г. Архив РС ЕХБ.

89 Журнал «Благовестник» 1921 г., №5.

Семья Пейсти, 1920-е. Фото из архива семьи Пейсти.

терства Фетлер продолжил регулярно выпускать журнал «Благовестник» (он начал его издавать в 1918 году в Омске, когда служил там помощником пресвитера) и, по-видимому, достаточно часто совершал миссионерские поездки по краю.

С ними также стал работать и Николай Иванович Пейсти, еще один молодой (одногодка с Фетлером) пастор, приехавший во Владивосток в конце 1918 или начале 1919 года. Пейсти был поставлен на пресвитерское служение в общине Никольск-Уссурийского⁹⁰ вместо трудившегося там благовестника из Хабаровска Ивана Никифоровича Каныгина, который вернулся домой.

К ним присоединился и латыш Август Пуке – отставной военный курьер, которого убедили остаться во Владивостоке после демобилизации. Пуке был талантливым музыкантом, композитором и проповедником. Со временем он организовал во Владивостокской общине прекрасный хор и стал его регентом (руководителем).

Совместная работа была довольно успешной, количество людей, посещающих богослужения, постепенно росло. Владивостокская община стала искать просторное помещение для богослужений. В конце концов удалось арендовать на продолжительное время помещение лютеранской церкви. Олсон писал об этом позднее:

«...Мы получили возможность снимать просторную лютеранскую церковь. Однако даже она была заполнена во время последних наших служений. В то время как в первую встречу здесь было не более 40 человек, которые просили молитв, в том числе два офицера, ставших впоследствии важными и энергичными работниками в виноградарстве Господнем»⁹¹.

90 Журнал «Путь веры», январь-февраль 1948 г.

91 Solsken och Moln i Siberien, E. W. Olson editor, Los Angeles, 1927, с.31, цитируется по L. M. Lindstedt "A history of the Russian Mission of the Swedish Baptist General Conference of America".

Эти два армейских офицера, В. М. Леонтьев и И. Г. Курышев, также вошли в команду евангельских работников, которую формировал Олсон. Летом 1920 года Олсон отправился обратно в Америку, чтобы привлечь внимание верующих к миссионерской работе во Владивостоке, найти новых сотрудников и собрать средства. А сформированная ранее команда осталась и продолжила свой труд.

Евангельские христиане, 1920-1922 годы

В это же время в Приморье продолжали расти общины и евангельских христиан. В 1920 или 1921 году во Владивостоке прошел первый съезд

Обложка журнала «Благовестник», издававшегося во Владивостоке. ГАПК

Дальневосточного Отдела Всероссийского Союза евангельских христиан (ДОВСЕХ), на котором обсуждались насущные вопросы братства. В ДОВСЕХ входили церкви Приморской и Приамурской областей, городов Харбина и Николаевска-на-Амуре, центром ДОВСЕХ стал Владивосток⁹².

Первым председателем Совета ДОВСЕХ стал Николай Никитович Красев – инженер-путеец, работавший в Губземуправлении⁹³. В дальнейшем, до середины 20-х годов, съезды ДОВСЕХ проходили регулярно – 1-2 раза в год. Красев возглавлял Совет примерно до 1926 года. Помимо него членами Совета выбирались Яков Никитич Ходюш (который, пробыв несколько лет в Украине, вернулся на Дальний Восток), Гавриил Корнеевич Чередник, Николай Николаевич Протасов⁹⁴. В тесном общении с ними был и пресвитер Владивостокской общины ЕХ Иосиф Антонович

Вахник. (Напомню, что все четверо стояли у истоков создания первой евангельской общины в городе в 1912 году). Позднее в Совет входили служители Потоцкий, Поломошников, Живицкий и др.

В отличие от баптистов, дальневосточные ЕХ помощи из-за границы

92 Из материалов Второго съезда ДОВСЕХ, состоявшегося 4-5 ноября 1921 г. во Владивостоке, газета «Утренняя Звезда» 1922 г. №3-4-5.

93 ГАПК ф. П-61, оп.1, д. 685, л.16.

94 Из материалов Второго съезда ДОВСЕХ, состоявшегося 4-5 ноября 1921 г. во Владивостоке, газета «Утренняя Звезда» 1922 г. №3-4-5.

практически не получали, во всяком случае такие факты не известны. Известен лишь случай передачи небольшого количества Библий от верующих из Америки и от Владивостокского отделения ХСМЛ⁹⁵. Несмотря на острую нехватку средств и духовной литературы, дела у ЕХ шла неплохо. *«Дело Божие ширится и углубляется. Там, где были ранее общинки и отдельные верующие, теперь более менее значительные общины и иногда целые районы»*, – сообщалось в 1922 году в журнале «Слово и Жизнь», издававшемся ЕХ во Владивостоке⁹⁶.

Благодаря жертвенности верующих, ДОВСЕХ содержал 7-10 благовестников из числа наиболее талантливых проповедников, которые постоянно занимались миссионерской деятельностью в районах края, а также в Николаевске-на-Амуре и на Сахалине. В число штатных благовестников входили Поломошников, Чиченков, Живицкий, Ходюш, Савельев, Крюков, Басок, Картук, Мостовенко... Кроме того, была создана специальная касса ДОВСЕХ для пожертвований в пользу голодающих верующих в России. Подробные отчеты о поступлении пожертвований и переводе денег в европейскую часть России публиковались в журнале «Слово и Жизнь».

Кстати, о журналах. Первый журнал местных евангельских христиан «Луч истины» издавался в 1918 году. Однако из-за нехватки средств удалось выпустить только два номера. В 1921 году ДОВСЕХ начал регулярно издавать журнал «Слово и Жизнь». Его главным редактором был Николай Красев. Журнал распространялся не только по Дальнему Востоку, но и в Америке, где у него было 70 подписчиков. Был издан также ежедневный календарь «Будильник Души» и сборник «Духовные Песни».

В начале 1920-х по всей России (уже в основном советской) создавались христианские артели и кооперативы. Вдохновителем этого движения был склонный к общественно-политической деятельности Иван Проханов – лидер ЕХ в России. Подобное происходило и в Приморье. Так, на Третьем съезде ДОВСЕХ, проходившем в начале ноября 1922 года, обсуждался вопрос об организации братского кооператива евангельских христиан всего Дальнего Востока.

*«Было заслушано специальное письмо союза Спасской трудовой миссии. В Спасском районе с нынешней весны была организована братская посевная кампания, которая дала возможность засеять поля бедным, слабым, вдовам и сиротам. Она обеспечила бедных на зиму хлебом и дала христианский пример помощи. С нынешнего года организовывается союз трудовой миссии, чистая прибыль будет вся обращена на дело Божие»*⁹⁷.

После тщательного рассмотрения этого вопроса съезд принял решение об организации такого кооператива с отчислением всех прибылей на дело Божие. Все вопросы, связанные с открытием кооператива, были возложены на Совет ДОВСЕХ.

95 Там же. ХСМЛ – это Христианский Союз Молодых Людей, международная благотворительная организация, существующая и поныне и, несмотря на слово «христианский» в названии, занятая больше общегуманитарными проектами, нежели религиозными.

96 Из материалов Третьего съезда ДОВСЕХ, состоявшегося 4-9 ноября 1922 г. во Владивостоке, «Слово и Жизнь» №3-4 за 1922 г.

97 Из материалов Третьего съезда ДОВСЕХ, состоявшегося 4-9 ноября 1922 г. во Владивостоке, «Слово и Жизнь», 1922 г., №3-4.

Скорей всего, этот кооператив организовать не удалось, во всяком случае, другие упоминания о нем не найдены. Однако сама идея осталась, и в эпоху НЭПа христианские кооперативы и артели в Приморье существовали. Но об этом позже.

На съезде рассматривался вопрос об отношениях с баптистами. Нужно сказать, что на всероссийском уровне попытки объединения союзов предпринимались неоднократно, еще с дореволюционных времен. Более того, обеими сторонами периодически достигалось принципиальное решение о слиянии, однако когда речь заходила о частностях (например, о составе и формате руководящего органа), переговоры срывались. На местном уровне отношения были хуже. Баптисты прямо обвиняли ЕХ в переманивании верующих в свои общины. В ответ на съезде было принято решение *«считать недопустимым посылать своих благовестников для открытия новых общин там, где есть баптистские общины»*⁹⁸.

Журнальные материалы ЕХ тех лет полны оптимизма. В одной из публикаций сообщается, что благовестники из церкви Николаевска-на-Амуре (той самой, которую в 1920 году едва не сожгли заживо) в 1921 году проникли в колонию прокаженных вблизи их города. В результате «уверовало 17 прокаженных, которые были крещены бр. Тихим ночью в реке, протекающей у ограды колонии. Из братьев прокаженных один поставлен пресвитером». А зимой 1922 года эта же церковь откомандировала благовестника на Южный Сахалин для создания новой общины⁹⁹.

Вот, для примера, две небольших статьи, характерных для того времени.

«По Уссурийскому краю.

8 мая (1922 года — прим. авт.) Господу было угодно направить меня в деревни посетить Общины Евангельских Христиан: поделиться радостью о спасении с братьями и сестрами во Христе, и благовествовать мир незнающим мира. Заехавши на 3 дня в Раздольное, я отправился в Спасск, где пробыл 4 недели, посещая деревни Красный Кут, Славянку, Хвалынку и Александровку. Во всех этих деревнях Господь уже зажег огонь Своей любви и эти огонечки распространяют вокруг себя свет и тепло на леденеющие сердца человеческие.

Особенно Господь благословил в Александровке работу брата — юноши Ф. Вартового: в большом селении, будучи одним верующим, он не переставал трудиться во славу Божию, и в этом году Господь благословил уже там принять 5 душ в число членов церкви и есть несколько человек, весьма близких к истине.

В первых числах июня Господь положил мне на сердце желание посетить Общины, находящиеся в так называемой нейтральной зоне (то есть территории не занятой ни красными, ни белыми, — прим. авт.), что при помощи Божией я и выполнил, сделавши около 200 верст пешком и посетивши деревни: Лутковка, Елеоновка, Иннокентьевка, Уссурка, Крыловка, Березовка, Шетуха, Ольховка, Успенка и Комаровка. В этих деревнях, за исключением Крыловки, Успенки и Комаровки, уже были общины, а в Крыловке теперь мною преподано крещение одному брату — старичку.

98 Там же.

99 Газета «Утренняя Звезда», 1922 г. №1-2 (январь-февраль).

Посещение этих деревень представляло собой большой праздник духовного торжества. Каждый раз в сопровождении братьев и сестер одной общины, когда мы приходили в другую, то все любящие Господа оставляли повседневные работы и проводили целые дни в общении с Господом через Его святое Слово и наши молитвы. Наше близкое общение с Господом не осталось без плода: в каждой общине принятые Господом заявляли о своем желании заключить через водное крещение вечный союз с Искупившим их, что и было исполняемо при большом стечении народа. Заканчивалось посещение общины в воспоминание страданий Христовых совершением «преломления хлеба».

Из всех этих деревень обращает на себя особенное внимание маленькая, состоящая из дворов 20, деревня Березовка: здесь два года тому назад Господь из местных жителей избрал себе верных свидетелей, которые не умолкали ни днем, ни ночью, и теперь уже в 7 домах славят Господа омытые кровью Христа.

Благовестник С. Поломошников»¹⁰⁰.

«Открытие молитвенных домов Ев. Христиан на Дальнем Востоке»

12 ноября (1922 года – прим. авт.) Раздольнинская община Ев. Христиан праздновала открытие собственного молитвенного дома. Община эта состоит преимущественно из низших железнодорожных служащих и с материальной стороны самая бедная во всем Приморье. Неимение сколько-нибудь подходящего в станционном поселке помещения под собрание навело на мысль о постройке собственного дома.

Горячая молитва к Господу породила желание применить свой труд и средства на благое дело.

Один приближенный брат пожертвовал небольшой (8x10 саж.) клочок земли. Некоторые соседние общины помогли деньгами, а Елеоновская община прислала бесплатно на 1 месяц брата-плотника. К 12 ноября уже имелся законченный постройкой домик 13,5x9 аршин с залом для собрания 9x9 арш. Торжество открытия началось с 3 часов дня призывным собранием и продолжилось вечером любви до 10 вечера».

(В редакционной приписке к этой заметке добавляется, что на ст. Уссури общиной ЕХ закончена постройка такого же молитвенного дома и на 17 декабря назначено его открытие)¹⁰¹.

Обложка журнала «Слово и Жизнь», издававшегося во Владивостоке. ГАПК

100 «Слово и Жизнь», 1922г. №1-2.

101 «Слово и Жизнь» 1922 г. №3-4.

Баптисты, 1920-1922 годы

А что же баптисты? Итак, в июне 1920 года Эрик Олсон отправился в Америку для поиска сотрудников и сбора средств на работу миссии. Он ездил по американским церквям, вел переговоры, начал выпускать ежемесячный журнал на шведском языке *Ryska Evangelisten*, посвященный поддержке работы русской миссии (журнал выходил до октября 1924 года). Этот маленький журнал вызвал довольно большой интерес среди шведских баптистов по обе стороны Атлантики. Уже после первого выпуска *Ryska Evangelisten* на призыв работать в миссии откликнулись две молодые христианки из Хьюстона, штат Миннесота – Эдла Свенсон и Дженни Уэйссер.

Летом 1921 года Эрик Олсон отправился из Америки в Швецию, – все с теми же целями. Денег в Швеции ему удалось собрать немного, зато он познакомился там с местным пастором Августом Линдстедтом (August Lindstedt), который уже бывал в России и мечтал вернуться туда, чтобы проповедовать Евангелие. Он с радостью откликнулся на призыв Олсона.

Перед отъездом из Швеции Августу удалось договориться с местными христианами о финансовой поддержке своей миссионерской работы во Владивостоке (впоследствии реально он ничего не получил: казначей в Швеции, ответственный за сбор денег, оставил их себе). Из Швеции Эрик Олсон и Август Линдстедт поехали вновь в Америку, чтобы забрать семью Эрика и сделать еще один призыв. К этому моменту двух христианских девушек из Миннесоты, собиравшихся ехать в Россию, успели отговорить родственники и друзья, опасавшиеся за их жизни.

В Энджелвудской (Engelwood) баптистской церкви Чикаго на призыв проповедовать в России откликнулась 22-летняя Маргарет Бергсколд

*Дом молитвы (на 2 этаже) баптистской церкви в Никольск-Уссурийском, 1922 год.
Фото из архива семьи Пейсти*

(Margaret Bergskold). Поскольку она была музыкантом и учительницей, а они надеялись открыть во Владивостоке Библейский институт, это было как дар небес, особенно если учитывать отказ двух других девушек. Мать Маргарет, Агнес Теолинда (Agnes Teolinda), была категорически против поездки дочери в кипящую Россию. Однако когда Маргарет пообещала, что ее пребывание в России продлится только год или около того, разрешение с неохотой было дано. Эрик, Август и Маргарет отплыли из Ванкувера 18 мая 1922 года. Прежде чем их пароход дошел до Иокогамы, Маргарет и Август обручились. Свадьба их состоялась уже во Владивостоке, где они оказались летом 1922 года¹⁰².

Власть в Приморье в это время находилась в руках белого генерала Михаила Дитерихса, бывшего сподвижника Колчака. Дитерихс все еще надялся повернуть вспять ход истории России и освободить страну от коммунистов. В Приморье были дислоцированы довольно мощные силы белой гвардии.

Дитерихс был глубоко верующим человеком, православным. Видя, что местное население слабо поддерживает Белое движение, он объявил эту войну войной за веру. Еще в 1919 году в армии Колчака создавались отдельные воинские части, сформированные по религиозному признаку, – православные и исламские. Такие части отлично зарекомендовали себя в боях. Дитерихс надеялся повторить подобное в гораздо большем масштабе и в Приморье. Через несколько месяцев выяснится, что широкой поддержки народа он не получил. Возможно, это было связано с тем, что Дитерихс пользовался помощью японских интервентов. Для нас важно, что Дитерихс, судя по всему, терпимо относился к христианам-протестантам.

Общая численность членов баптистских (без евангельских христиан) церквей и групп в южной части Приморья составляла 725 человек. Однако эти цифры не являются достаточными для характеристики работы благовестников, которые трудились здесь во имя Христа. По-видимому, число обращенных к Господу было значительно больше: однако здесь тогда была очень высокая текучесть населения из-за потока военных, а также беженцев, спасавшихся от коммунизма и пытавшихся через Владивосток покинуть страну. Так, по данным чекистов, в одном лишь Владивостоке еженедельно баптисты совершали 10-15 крещений. В городе было открыто 5 молитвенных домов. Помимо регулярно выходившего журнала “Благовестник” издавались журналы “Сеятель Истины” и “Труд крестьянской молодежи”¹⁰³.

Основные центры баптистов были во Владивостоке, Никольск-Уссурийском и Сучане. Во Владивостокской церкви по-прежнему пастором был Роберт Фетлер, ему помогал Август Пуке. Сучанской церковью руководил Ефим Викентьевич Забудский, а в баптистских группах близлежащих районов трудились Иосиф Полушвайко, Евстартий Мостовой, Антон Мартыненко. Пастором церкви Никольск-Уссурийского оставался Николай Иванович Пейсти, ему помогали А. Брахман, Н. Кацебанов, А. Репченко, Н. Марченко,

102 L. M. Lindstedt “A history of the Russian Mission of the Swedish Baptist General Conference of America”.

103 ГАПК ф. П-61, оп.1 д. 685 л.11.

И. Игнатъев и А. Перминова. То есть в основном на ключевых позициях были люди, работавшие с Олсоном в 1919-1920 годах¹⁰⁴.

Прибыв во Владивосток, миссионеры всецело погрузились в работу по организации Библейского института для подготовки проповедников и миссионеров. Институт открылся в Никольск-Уссурийском 4 сентября. Его директором стал Николай Иванович Пейсти. В институте одновременно обучалось 20 студентов, которым предоставляли место в общежитии и выплачивали небольшую стипендию. Учебная программа включала богословие, гомилетику, историю Церкви, русскую литературу, английский язык, музыку. Помимо Пейсти преподавателями стали Август и Маргарет, а также И. Осипов и А. Перминова. Финансировался институт частично на средства, собранные в Америке, частично – за счет местных источников. Институтский совет возглавлял Пейсти, также в него входили Эрик Олсон, Роберт Фетлер и Август Линдстедт.

Миссионеры также решили открыть детский приют во Владивостоке для детей-сирот, которых к концу гражданской войны было немало. Местные власти одобрили этот проект и разрешили баптистам использовать под приют пустующие помещения армейских казарм в пригороде Владивостока. Однако этот проект не был осуществлен, поскольку уже 4 октября войска красных начали наступление с севера Приморья. Спустя пять дней, 9 октября, они заняли Спасск (основной оплот белогвардейцев в центральном Приморье), 13 октября красные заняли станцию Угольную, 15 октября – Никольск-Уссурийский, а 25 октября – вошли во Владивосток, который к тому времени покинули и белые, и интервенты.

Имело ли место военное сотрудничество баптистов или евангельских христиан с белогвардейцами в Приморье? Во время антирелигиозных кампаний, начиная с 30-х годов и позже в «антисектантских» статьях, «всплывали» некие ссылки на воспоминания «старых партизан» о том, что местные протестанты якобы участвовали в Гражданской войне на стороне белогвардейцев. Однако при этом никаких конкретных фактов и фамилий «сектантов» и партизан не приводилось.

Между тем, в архивах сохранились обширные справки о «сектантах» в Приморье, составленные чекистами в 1925, 1927 и 1928 годах. В этих документах рассматривались не только настоящее «сект», но и их недавняя история в Приморье. Сравнивая с другими, независимыми от них источниками, можно отметить довольно высокую точность и подробность собранных чекистами материалов. В этих документах ни одного такого факта не приводится, хотя если авторам документов был бы известен хоть один подобный случай, он, несомненно, был бы упомянут.

Приложение 1

Эрик Валдмар Олсон 1881-?

Эмиль Эрик Вальдемар Олсон родился в Швеции 13 сентября 1881 года. Он уверовал в 1903 году, и был крещен в том же году в Карлскроне. С 1906

104 L. M. Lindstedt «A history of the Russian Mission of the Swedish Baptist General Conference of America».

по 1909 он был благовестником Иностранного миссионерского общества в городе Оребро (Orebro), после чего провел два года в миссионерской школе Оребро. Отсюда Олсон отправился в Стокгольм, где служил помощником пастора Пятой баптистской церкви в течение двух лет.

Вместе со своей невестой в конце 1914 года эмигрировал в Соединенные Штаты. Став американским гражданином, он изменил написание своего имени на Эрик Валдмар Олсон (Eric Waldmar Olson). Он служил пастором шведской баптистской церкви Гумбольдт Парк (Humboldt Park) в Чикаго в 1915-17 годах, одновременно он учился в Северной баптистской богословской семинарии.

Заинтересовавшись миссионерской работой среди русских людей, он стал брать уроки русского языка. В 1917 Эрик оставил свою церковь, чтобы посетить русский Библейский Институт в Филадельфии (Philadelphia), где он познакомился с Яковом Винсом. В 1919 году они вместе прибыли во Владивосток.

В течение 5 лет Эрик был организатором и руководителем Шведско-Американского баптистского миссионерского общества на Дальнем Востоке. В 1923 году из-за захвата власти коммунистами вынужден был переехать в Китай, где работал с русскими эмигрантами. В 1924 году неожиданно оставил работу миссии и вернулся в Соединенные Штаты, где служил пастором. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Основной источник: L. M. Lindstedt "A history of the Russian Mission of the Swedish Baptist General Conference of America"

Приложение 2

Август Линдстедт 1887-1950

Август Линдстедт родился 2 января 1887 года близ Вастанфорса (Vastanfors) в Швеции, первый из шести детей. Его отец был литейщиком на сталелитейном заводе. Мать звали Анна Каролина Ларсдоттер (Anna Carolina Larsdotter). Это была бедная семья, жившая в простом некрашеном доме.

Август смог окончить только 6 классов в школе. К этому времени его отец тяжело заболел и умер от «черных легких». Чтобы помочь матери и прокормить младших братьев и сестер, Август пошел работать на тот же сталелитейный завод, где трудился его отец.

Неизвестно, когда и как Август уверовал в Господа Иисуса и когда он был крещен. Известно, что еще молодым человеком он получил откровение: Бог хочет, чтобы он проповедовал Благую Весть о спасении через Иисуса Христа для жителей России. Нужно сказать, что Россия и в то время была страной, достаточно закрытой для европейцев, — особенно для христианских проповедников и особенно во время Первой мировой войны. Тем не менее

Август и Маргарет Линдстедт (стоят), Эрик Олсон с женой и сыновьями (сидят), 1922 год. Фото из архива семьи Линдстедт

Август стал готовиться к миссионерской работе среди русских. К 20 годам он окончил Баптистскую библейскую школу в шведском городе Оребро (Orebro).

Во время обучения в школе Август одновременно трудился пастором баптистской церкви в городе Кумла (Kumla). Он получил возможность въехать в Россию в 1915 году – вместе с группой инженеров, которых наняли для создания завода стальных тросов и обучения русских рабочих. Этот завод строился на Урале – в Екатеринбурге.

Август трудился на заводе, одновременно проповедовал Евангелие, изучал русский язык и постигал нашу культуру. Между тем, политическая ситуация в стране стремительно ухудшалась. В конце декабря 1917 года Август вместе с остальными шведами был вынужден бежать из страны, охваченной революцией. Вернувшись в Швецию, он снова стал пастором.

Время, проведенное в России, дало ему знание русского языка и культуры, а также некоторое понимание политической ситуации в стране. Его чувство Божьего призыва к миссионерской работе в России за это время только усилилось. Однако возможность вернуться в Россию у него появилась только после знакомства в 1921 году с Эриком Олсоном.

Перед поездкой в Россию они заехали в Соединенные Штаты, чтобы забрать семью Олсона из Джеймстауна (Jamestown), штат Нью-Йорк, а также чтобы продолжить сбор средств и найти еще соратников. В Энджелвудской (Engelwood) баптистской церкви Чикаго на призыв проповедовать в России откликнулась 22-летняя учительница Маргарет Бергскولد (Margaret Bergskold). Впоследствии она стала женой Августа. Они обвенчались с Августом 8 января 1923 года во Владивостоке.

В январе 1924 года Август был арестован, а затем отпущен большевиками, после чего они были вынуждены переселиться из Владивостока в Манчжурию, где продолжили миссионерскую работу. В 1924 году Эрик Олсон оставил миссию, после чего она временно прекратила свою работу. Август и Маргарет вернулись в США. В 1925 году Августу предложили возобновить работу миссии в Манчжурии, и он с радостью согласился. Они продолжали опекать русскоязычных эмигрантов.

*Семья Линдстедт, начало 1930-х.
Сыновья (слева направо): Ларс Марвин, Олаф, Карл.
Фото из архива семьи Линдстедт*

Это была очень беспокойная семья, которая меняла место жительства каждый год-два. Справедливости ради надо отметить, что иногда это было вызвано политической ситуацией, ведь в Китае в то время была гражданская война, затем пришло время японской оккупации.

Семья жила в Харбине, Шанхае, Тяньцзине, передвигаясь вслед за большими потоками русских беженцев. Между тем, в 1929 году в США начался самый сильный за их историю экономический кризис, который получил название Великая Депрессия, – в это время финансирование миссии полностью прекратилось, помощь иссякла, однако Линдстедты не прекращали служение.

Когда началась Вторая мировая война, город был оккупирован японцами. Линдстедты избежали интернирования, положенного американцам, благодаря шведскому гражданству Августа. Маргарет и сыновья могли бы бежать на корабле с эвакуированными в Гоа (Индия) в 1942 году. Но семья предпочла остаться вместе. Это стало возможным благодаря тому, что шведский посол дал Маргарет шведский паспорт.

К концу войны у Августа резко ухудшилось здоровье. В 1947 году он вернулся в США. Оттуда он и ушел в сретенье Господу в феврале 1950 года – в возрасте 63 лет.

Его сын Олаф был банкиром, под конец жизни возглавившим собственный банк. Другой сын, Карл, работал продавцом в магазине. Оба к настоящему времени уже скончались. Младший сын Рой занимается брокерским бизнесом, живет в Северной Каролине.

Наконец, старший сын, Ларс Марвин, пошел по стопам отца, став миссионером. Около 36 лет длилось его миссионерское служение на Филиппинах. Он организовал 4 церкви на двух островах. Позднее был сначала профессором, а затем и президентом Библейского колледжа. Д-р Ларс Марвин Линдстедт – автор ряда духовных книг, в числе прочего он вместе с филиппинскими сотрудниками перевел на себуанский язык

сборник псалмов для богослужений. Сейчас он на пенсии, живет в Миннесоте.

 Основной источник: *L. M. Lindstedt "A history of the Russian Mission of the Swedish Baptist General Conference of America"*

Приложение 3

Николай Иванович Пейсти 1892-1947

Николай Иванович родился в городе Санкт-Петербурге. Отец его был инженером-кораблестроителем, шведом по национальности, а мать русской — из рода Олениных. Родители Николая уверовали во время служения в России лорда Редстока и Василия Александровича Пашкова и начавшегося вслед за этим евангельского пробуждения в среде русской аристократии Петербурга.

В 1895 году отец Николая Пейсти ушел в вечность, и трехлетний мальчик остался с матерью. Когда ему было 10 лет, мать потеряла все свое состояние и должна была зарабатывать на пропитание себе и сыну, при этом заботясь, чтобы мальчик получил образование. Мальчик также вынужден был работать. Юношей он стал учеником первой в России воскресной школы, организованной княгиней Натальей Федоровной Ливен. «Маленький белокурый мальчик Коля», который «впоследствии стал благословенным проповедником», — так

*Н.И. Пейсти с княгиней С.П. Ливен (основательницы первой воскресной школы ЕХ в России) и дочерьми князя В. Пашкова (одного из основателей движения ЕХ в России) в Париже, 1947 г.
 Фото из архива семьи Пейсти*

отзывается о нем ее дочь, Софья Павловна Ливен в своей книге «Духовное пробуждение в России». В 15-летнем возрасте Николай Пейсти пережил обращение ко Христу, выражаясь его собственными словами, он вышел «из гнетущего мрака сомнений к светлой и радостной вере в Бога».

В 1911 году он уехал в Германию во Франкфурт-на-Майне учиться в Методистском Богословском институте. Но Первая мировая война заставила его возвратиться в Санкт-Петербург. Здесь он трудился, распространяя евангельскую литературу, за что однажды был арестован и выслан в Финляндию.

Там он встретил Марту Ивановну Финкас, которая стала ему верной спутницей на всю жизнь. В начале 1918 года чета Пейсти приехала в Россию.

Зимой 1922 г. Николай Иванович Пейсти с семьей, теперь состоящей из жены и трех детей, переехал в Маньчжурию в город Харбин. Николай Иванович никогда не был жестко привязан к одному конкретному христианскому течению и всячески старался помогать тем, кто проповедовал Христа распятого, независимо от их деноминаций. Он был директором Методистского Богословского института, руководящим общинами как баптистов, так и методистов, и пятидесятников.

В январе 1927 года он с семьей через Сибирь и европейскую Россию вернулся в Скандинавию. Побыв некоторое время в Финляндии, поехал в Швецию, где проповедовал в главных городах страны, а затем вернулся в Гельсингфорс (Хельсинки). Там он три года был пастором большой финско-шведской общины.

Трудясь в Скандинавии, он все-таки очень хотел проповедовать русским, что и заставило его еще раз оставить Финляндию и через Америку поехать в Маньчжурию. В Америке он посетил сотни общин, рассказывая о нуждах русских. Здесь он присоединяется к Русской и Восточно-Европейской Миссии и, по поручению Миссии, отправляется в Харбин, где со своим семейством прожил пять лет. Он был пресвитером эмигрантской общины, преподавал в Библейской школе, им организованной, и положил начало изданию русского журнала «Путь веры». В Харбине он потерпел много гонений со стороны японских оккупантов.

Весной 1935 года он перебрался в Нью-Йорк. Много благовествовал, издавал духовную литературу на русском и английском языках, разъезжал с миссионерскими поездками по всему миру. Проповедуя, Николай Иванович постоянно напоминал слушающим о нуждах русского народа. Во время Второй мировой войны пастор Пейсти возвещал Благоую весть на двух радиостанциях: всемирной НСJB в Кито (Эквадор) и местной – города Нью-Йорка.

Ненавистная война со всеми ее ужасными последствиями сильно повлияла на его здоровье. Сердце стало сдавать. Летом и осенью 1947 года, больной, вместе со старшим сыном Ярлом он посетил девять стран разоренной Европы, где неустанно проповедовал. В Финляндии во время проповеди он потерял сознание.

Он вернулся в Нью-Йорк и слег. Болезнь прогрессировала. Спустя три недели, вечером 19 ноября он продиктовал длинное письмо своим братьям в Европу, затем собрал семью и молился за каждого в отдельности, вспоминая и многих работников на ниве Божьей. Этой же ночью Николай Иванович спокойно во сне отошел в вечность.

Дети Николая Ивановича пошли по стопам отца, неся людям свет Евангелия. Мэри жила в Нью-Йорке, была замужем за Генри Валегир, у них одна дочь. Мэри очень много ездила по американским церквям, рассказывая свидетельство ее матери Марты Ивановны «Чудо на Волге».

Даниил был по призванию евангелистом, трудился в миссии «The Pocket Testament League», распространяя Библии в Восточной Европе и Советском Союзе. У них с женой Руфью двое детей. В последние годы своей жизни он много трудился при той же миссии, благовествуя в американских тюрьмах.

Имя радиопроповедника, пастора и богослова Ярла Пейсти знакомо очень и очень многим русскоязычным христианам. Основатель миссии «Русское Христианское Радио», он с конца 1940-х годов готовил и передавал проповеди, транслировавшиеся на СССР. Сейчас записи его проповедей можно легко найти в Интернете. Ярл Николаевич – автор многих духовных книг и статей.

(Основной источник – биография Н. И. Пейсти, опубликованная в журнале «Путь Веры» за январь-февраль 1948 года).

Приложение 4

Чудо на Волге

За сухими словами «прибыли во Владивосток», «продолжили свой труд», «вошли в команду» стоит множество событий, слов, поступков, эмоций, о которых мы ничего не знаем и даже не догадываемся. А ведь это важно. Поэтому живые рассказы участников тех событий представляют особую ценность. Ниже – сохранившееся свидетельство жены пастора Пейсти Марты Ивановны о том, как они в 1918 году ехали в Сибирь через воюющую Россию. Через много лет семья Пейсти будет жить в Америке, и, стремясь привлечь внимание местных верующих к судьбе христиан по другую сторону океана, они будут рассказывать о том, что пережили в России. Это стенограмма одной из радиопередач с участием Марты Ивановны (Краткое пояснение: Марта Ивановна – шведка, родилась и выросла в Финляндии).

«Я очень рада, что имею возможность участвовать в этой радиопрограмме сегодня. В Евангелии от Иоанна 3:16 написаны эти знакомые нам всем слова: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную». Эти слова нам всем знакомы, но верим ли мы этим словам, верим ли мы, что Бог действительно возлюбил весь мир, что Он любит все народы одинаково? Для меня некогда это было трудным к восприятию. Еще ребенком я посещала воскресную школу. В нашу церковь приезжали миссионеры из разных стран. Меня всегда интересовали подробности о тех странах, про которые говорили миссионеры, показывая какие-нибудь предметы, вывезенные из этих стран. И тогда я часто думала, как бы я хотела стать миссионеркой.

В начале мировой войны 1914 года я пережила один радостный день в моей жизни: Господь возродил меня, и я узнала, что грехи мои прощены, что я Его дитя. Сразу же мне стало ясно, что когда Господь нас обращает, Он хочет, чтобы мы несли эту радостную весть другим, еще не знающим Его. Теперь мне пришлось на сердце: может быть, Господь хочет, чтобы и я была Его свидетельницей, миссионеркой в какой-нибудь стране, где Его еще не знают. И эта мысль дала мне великую радость. Как я уже говорила, это случилось в начале Первой мировой войны. И вдруг мне пришла мысль: «Что, если Господь хочет послать меня в

Россию?» И меня страшила эта мысль. Почему-то я думала, что Россия — это какая-то страшная и загадочная страна. Я старалась оттолкнуть эту мысль от себя.

В начале 1915 года в нашу церковь приехал молодой миссионер из России. Он рассказывал о своей работе там. Его сердце огнем горело любовью к русскому народу. И мне очень понравились его проповеди. Прошло некоторое время, я ближе познакомилась с этим миссионером. В 1916 году он стал моим супругом. Теперь я поняла ту мысль, которую Господь вселил в меня еще давно: что если я не хочу ехать в Россию одна, то теперь должна ехать с мужем. Сердце мужа горело желанием возвратиться в Россию, чтобы продолжать свое дело проповеди Евангелия.

В начале 1918 года, в разгар русской революции, в один день мой муж приходит ко мне и говорит: «Ты знаешь, мы должны поехать в Россию. Я чувствую, что Господь зовет меня туда». У нас в то время был маленький ребенок, и я говорила мужу: «Как же мы можем ехать в Россию в такое страшное время?» Помню, что когда мой муж выразил это желание в церкви, все верующие запротестовали, говоря, что это желание не от Бога. Они говорили: «Вам все равно не будут давать проповедовать там. Вас расстреляют, или вы умрете от голода». Но мой муж всегда, узнав о чем-нибудь, что это воля Божья, не сдавался в исполнении, и никто не мог его отговорить. Итак, мы упаковались и поехали в Петроград.

Марта Ивановна и Николай Иванович
Пейсти, 1919 г. Никольск-Уссурийский.
Фото из архива семьи Пейсти

По прибытии на место мы действительно узнали, что слухи о России у нас не преувеличены. Голод был страшный, и людей убивали прямо на улицах. Я своими глазами видела подобное. Продукты мы получали по карточкам. Нашу дневную порцию составляла восьмушка фунта хлеба на человека. Ребенок же получал по своей карточке два яйца и один фунт крупы на месяц. Я помню, что я несколько раз измеряла крошечный кусок хлеба, он был не длиннее и не толще моего пальца, но в то же время он был страшно тяжелый от различных примесей. Этот кусок я делила на три части: одну на завтрак, другую на обед и третью на ужин, — и это была вся наша пища. Ни за какие деньги нельзя было что-то купить. На Пасху нам выдавали три фунта мерзлой картошки, это был наш пасхальный обед.

Дорогие слушатели, вы понимаете, что наш ребенок не мог жить на той порции, которую он получал. Вы понимаете, как мое сердце страдало, когда я видела моего

ребенка голодающим, и я не имела ничего, чем бы могла накормить его. Конечно, и мой муж и я так же голодали и страдали. И, несмотря на все это, муж продолжал свое служение при общине. Смертельно уставший, он приходил ко мне с вопросами: «Можешь ли ты дать мне что-нибудь поесть? Я уже не в состоянии продолжать мое служение». Конечно, у меня дома ничего не было, что я могла бы дать ему, и мы еще больше страдали потому, что мы видели голодным нашего ребенка.

Но духовно Господь обильно благословлял нас. Мы имели большие собрания, часто муж проповедовал на улице. Многие души тогда отдавались Господу, но мое сердце все время роптало на Господа. Часто по ночам, когда мой муж и ребенок спали, я вставала, выходила в кухню, преклоняла мои колени перед Господом и говорила: «Господи, почему мы здесь? Не было разве другого места в мире, где мы могли бы благовествовать Твое Евангелие? Почему я должна видеть своего ребенка умирающим от голода?» Но я всегда слышала Его нежный голос, говорящий мне: «Я оставил Свои небесные обители и пришел на эту грешную землю, чтобы спасти и тебя, бедную грешницу, и ты не хочешь здесь быть и говорить о спасении, которое ты нашла». Так прошло несколько месяцев.

Однажды мой муж говорит, что он видит волю Божью, чтоб мы оставили Петроград и поехали бы на юг России, в Царицын. Там тоже нуждаются в проповедниках, и мы слышали, что там есть возможность иметь больше пищи. Когда мы поделились нашим намерением в церкви с верующими, то они очень скорбели, думая, что мы оставляем их, но они поняли, что мы хотим спасти жизнь нашего ребенка. В то время существовал такой закон, что никто не может без специального разрешения выехать из Петрограда. И выдавали такое разрешение только партийным людям и больным. Мы не попадали ни под одну из этих категорий, так что у нас мало было надежд получить разрешение на выезд. Но мы верили, что если это воля Божья, то Он нам откроет дорогу.

После молитвы мой муж пошел в комиссариат, в котором выдавались разрешения на выезд. Когда он пришел на место, то увидел две длинные очереди. Над одним окном было написано: «Для принадлежащих к партии», над другим: «Для больных». И в то время мой муж не мог решить, в какую очередь ему встать. Но он молился и просил: «Господи, укажи мне». Итак, он встал в ту очередь, которая вела к окну «Для принадлежащих к партии». Когда его очередь подошла, и он смог подойти к барышне, сидевшей там, она спросила у моего мужа партийную карточку. Он ей ответил: «Я не принадлежу к партии». Она большими глазами смотрела на него и затем сказала: «Кто же вы? Как ваше имя?» Когда он назвал себя, барышня еще раз посмотрела на него и сказала: «О пастор Пейсти, я вас знаю. Я бывала на ваших собраниях, и они мне очень нравились. Я постараюсь сделать все, что могу, чтобы вы получили разрешение». Она вышла в соседнюю комнату, через некоторое время вернулась, и в руках у нее была бумага. Это было разрешение, и там была написана правда. Там было написано, что мы миссионеры и нам разрешается выехать из Петрограда. С великою радостью мой муж пришел домой и известил меня об этом.

За несколько дней мы распродали все из своего имущества, попрощались с нашими дорогими верующими и отправились на вокзал. Мы должны были попасть в поезд Петроград – Нижний Новгород. Мы имели билеты второго класса. В купе, которое было предназначено для четырех человек, нас было набито 22 человека.

Поезд был переполнен людьми, старавшимися убежать из голодного Петрограда. Так мы приехали в Нижний Новгород. Там мы узнали, что наш пароход отходит на следующий день, и мы должны где-то ночевать. Еще на вокзале нам стало известно, что все гостиницы и постоялые дворы переполнены людьми. Где же нам ночевать? Тогда я вдруг увидела одну даму, одетую в форму Армии Спасения. Она стояла в стороне и разговаривала с каким-то молодым человеком. После мы узнали, что она шведка и является последним из работников Армии Спасения, что она также на следующий день покидает Россию. И Господь ее оставил там для нас, потому что по ее форме мы узнали, что она верующая.

Мой муж подошел к ней и начал спрашивать, не знает ли она место, где мы могли бы переночевать. Тогда вдруг ее собеседник, молодой человек, обернулся к моему мужу и говорит: «Как ваша фамилия?» Когда мой муж сказал свою фамилию, этот молодой человек крепко обнял его и поцеловал. Затем сказал: «Дорогой брат Пейсти, как я рад вас видеть! Я недавно получил вашу литературу и вашу книгу «Песни». Мое желание было увидеть вас, и вы пойдете ко мне переночевать». Он говорил еще, что его дом очень бедный, но что я имею, я вам дам. Мы с радостью приняли его приглашение. Когда мы вошли в его дом, мы действительно увидели, что он был очень бедный, состоящий из маленькой комнатки и кухни. В комнате жили его отец и мать, а в кухне он имел маленькую узкую кровать. Он указал на эту кровать и сказал: «Мую кровать вы можете занять на эту ночь». Конечно, ни мой муж, ни я не могли спать в эту ночь, но мы, по крайней мере, могли уложить нашего ребенка на эту кровать. И в наших молитвах мы благодарили за это дорогого брата, который отдал все, что он имел. Мы не знаем, где он сам спал в эту ночь, но утром он пришел, чтобы проводить нас на пароход.

Мы взошли на переполненный пароход. В нормальное время переезд из Нижнего Новгорода до Царицына занял бы два дня, но теперь мы в ужасных условиях плыли две недели. Но мы так и не достигли Царицына. На пароходе за большие деньги можно было доставать кое-какую пищу. Трудности поездки связывались с тем, что в районе Средней Волги шла гражданская война. Мы слышали выстрелы наступавшей армии и не могли пристать ни к одному из берегов. И последние три дня нашего путешествия явились наиболее ужасными. Мы не имели ни куска хлеба.

Однажды в 12 часов ночи, внезапно, мы услышали стук в дверь нашей каюты. Когда муж открыл дверь, то увидел красноармейского солдата. Солдат сказал, что пароход дальше не пойдет, так как из-за войны он должен возвратиться обратно. Он спросил, хотим ли мы возвратиться или предпочитаем остаться здесь. Он еще говорил, что здесь нет даже пристани, ибо в окружности до тридцати верст нет никаких селений. Но красные все же постарались так пристать к берегу, чтобы желавшие сойти могли это сделать. Мы решили сойти с парохода с твердым намерением, что если нам суждено умереть от голода, то мы умрем здесь. С тем мы и сошли. Пароход вернулся, и мы остались среди ночи на берегу.

Шел дождь, дул очень холодный ветер. Я села на камень, стараясь прикрыть своего ребенка, сколько могла, чтобы защитить его от холодного ветра и дождя. И в сердце своем я все роптала на Господа: «Почему мы должны быть здесь?» Мой муж не мог смотреть, как плачут его ребенок и я. Он оставил нас и сам ушел. После он говорил, что пешком шел по берегу Волги и прошел с версту. Там он преклонил колени и молился. Он говорил: «Господи, Ты сам призвал нас в Россию, чтобы мы могли про-

поведовать Твое Евангелие, и Ты в Своем слове обещал, что Ты позаботишься о своих детях. Теперь Ты видишь, что мы здесь, в этой пустыне, должны умирать с голоду. Я прошу Тебя: пошли пищу моему ребенку, ведь Ты послал пищу Илии, и Ты теперь можешь послать Ангела или ворона, которые могут принести нам пищу теперь».

Когда он поднял свою голову, то издали увидел приближающуюся человеческую фигуру. Фигура подходит все ближе. Мой муж всегда говорил при воспоминании об этом случае: «Не знаю, кто это был, мужчина или женщина. Но когда подошедший был близко, то сказал моему мужу: «Я знаю, что ты ищешь пищу для своего ребенка». И Он оставил пакет в руках моего мужа, повернулся и исчез.

Мой муж вернулся ко мне с этим пакетом и рассказал, как его получил. Я боялась открыть этот пакет, будучи уверена, что это был дар Ангела, посланного с неба. Пакет содержал завернутую в белоснежную бумагу чудесную теплую манную кашу. Я дала ее своему ребенку. Ребенок много не мог есть, так как перед этим много голодал. Так что там осталось моему мужу и мне подкрепить наши силы. Чудный мой Господь! Он знал, в какой пище нуждался мой ребенок в тот момент. Он не послал кусок хлеба или мяса. Он послал эту чудную теплую сладкую кашу. Да будет слава Ему во веки!

Слишком много ушло бы времени, чтобы рассказать, каким образом мы выбрались из этой пустыни. В конце концов, мы прибыли в город Самару, который красные только что оставили, и в него вошли белые. Неубранные мертвые лежали на всех улицах города.

Месяц спустя, после нашего приезда в Самару, родилась наша вторая дочь. Ей был один месяц, когда красные вошли обратно в Самару, и мы должны были оставить город. Мы поехали в Сибирь, приехали в город Иркутск. Там уже условия жизни были лучше, пищи было достаточно. Но моя малютка, которая так долго страдала от голода, уже не могла поправиться в этих лучших условиях и ушла от нас к Господу. Я помню тот день, когда я стояла около ее открытой могилки. Я преклонила мои колени и сказала Господу: «Я знаю, дорогой Господь, почему Ты потребовал от меня ребенка. Потому что я не могла согласиться с Твоей любовью. И сейчас я своими собственными силами не могу это делать. Но я прошу Тебя: наполни мое сердце любовью к русскому народу, даруй, чтобы я всегда была покорна воле Твоей».

В тот момент, когда я стояла на коленях, один русский брат подошел ко мне, положил руку на мое плечо и сказал: «Дорогая сестра, не плачь! Скоро Христос придет, и тогда ты увидишь свою дочурку». В этот момент Господь наполнил мое сердце такою любовью! Я видела в этом брате весь страдающий русский народ. Я готова была обнять и поцеловать его. С того дня я всегда говорю, что по крови я шведка, но сердце мое русское. И я знаю, что скоро Господь придет. Скоро прозвучит последняя труба Архангела, и могилы откроются. И маленькая могилка там, в далекой Сибири, откроется, и могила моего дорогого мужа, которая у меня здесь, в Нью-Йорке, который 40 лет трудился для Господа, и она откроется. И я, если еще жива буду, тоже буду восхищена на встречу им и на встречу моему дорогому Спасителю, который умер за меня и отдал Свою драгоценную Кровь во искупление меня. Там я так же встречу всех тех дорогих русских, которые были спасены в те годы, когда мы путешествовали по России и Сибири. Дорогой мой слушатель, встречали ли вы там меня? Готов ли вы встретить Его? Омыты ли твои грехи Кровью Его? Если нет, Он хочет сделать это сейчас. Прими Его как своего личного Спасителя. Господь тебя да благословит! Аминь».

ГЛАВА 6

1923-1928 годы. Первые годы советской власти

Первые репрессии

Итак, 25 октября 1922 года большевистская армия вошла во Владивосток, незадолго до этого оставленный белогвардейцами. Через три недели Народное собрание буферной Дальневосточной республики приняло решение о воссоединении с РСФСР и сложило с себя руководящие полномочия. 16 ноября 1922 года территория Дальнего Востока была объявлена частью РСФСР.

В это время в стране завершалась кампания по изъятию церковных ценностей, приведшая к разгрому РПЦ (местные власти на только что занятых территориях Приморья в нее сразу включились и проводили форсированными темпами). Параллельно разворачивалась первая крупная «антисектантская» репрессивная акция, проводимая силами ОГПУ (будущего НКВД-МГБ-КГБ-ФСК-ФСБ). Суть ее сводилась к закрытию незарегистрированных общин, причем с помощью различных уловок чекисты добивались, чтобы в число «незарегистрированных» попало максимальное их количество. Так, например, в Сибири в результате этой чекистской операции была фактически прекращена легальная деятельность всех евангельских конфессий¹⁰⁵.

«Тлетворное влияние этих групп (т. е. протестантов – прим. авт.), несмотря на отсутствие обрядов, тем не менее громадно, и не только в селах, а и в городах. ГПУ приходится бороться с ними как с очагами контрреволюционных течений. Со стороны Отдела управления приняты меры к недопущению молелен этих групп в зданиях, где есть жильё», – говорилось в докладе отдела управления Приморского губернского исполкома в отдел управления Дальревкома в феврале 1924 г.¹⁰⁶.

В русле общей политики работал и Владивостокский окружной отдел ОГПУ. «Разработка» «сектантов» местными чекистами началась с января 1923 года¹⁰⁷. Первыми, как наиболее организованные и многочисленные, под удар попали баптисты. Позднее в секретном «Докладе о развитии сектантства в Приморье по состоянию на 15 марта 1925 г.» (судя по контексту, доклад был подготовлен по материалам, предоставленным чекистами) секретарь губкома ВКП(б) Константин Пшеницын сообщал:

105 А. И. Савин «Эта работа... произведет соответствующее впечатление и на Европу».
106 РГИА ДВ 2422 ф. 1 д. 1080 л. 5 об.
107 ГАПК ф. П-61 оп.1 д. 685. л.10-20.

«В феврале месяце 1923 года через Губернский отдел народного образования были закрыты все баптистские издательства, библейский институт и миссионерские курсы, изъято большое количество религиозных журналов и литературы со складов издательства. Параллельно с этим через Комхоз были предприняты шаги по закрытию молитвенных домов. Против деятелей баптизма стали приниматься шаги, в результате чего из Совучреждений были удалены под разными предложениями служащие баптисты. Разъездные проповедники взяты на учет и всякая попытка выехать в губернию нами пресекалась. После примененных со стороны ГО ОГПУ репрессий, представитель Шведско-Американского общества баптистов Ольсон со своими сотрудниками уезжает, и Фетлер с рядом активных работников. Таким образом наша работа оказала известное влияние на ход дальнейшего развития баптизма»¹⁰⁸.

Помимо Олсона и Фетлера Приморье покинул Пейсти, позднее – Леонтьев, Пуке и другие. Они перенесли свою работу в Харбин, – город в Маньчжурии, который строился для обслуживания КВЖД и чье население на тот момент было преимущественно русскоязычным. В Харбине на долгие годы осела значительная часть (от 150 до 200 тысяч человек) эмигрантов, бежавших из России от коммунистов. К этому времени в Харбине уже существовали довольно крупные (по несколько сотен человек) общины баптистов и евангельских христиан.

Однако миссионеры не теряли надежду продолжить свою работу и в Приморье. Эрик Олсон писал:

«Наше движение здесь не повлечет за собой изменение в нашей работе, это всего лишь изменение резиденции. Под китайским законодательством мы имеем полную свободу, которая нужна нам для благовестия среди русского народа. Кроме того, мы достаточно близки к нашим братьям и церквям в Сибири (имелся в виду Дальний Восток – прим. авт.), чтобы позволить нам осуществлять контроль и следить за тем, чтобы все шло гладко... Таким образом, у нас нет неопределенности в отношении работы»¹⁰⁹.

Дольше других, несмотря на закрытие Библейского института, во Владивостоке оставались Август и Маргарет.

Руфь Линдстедт, невестка Августа (жена его старшего сына Ларса Марвина), спустя много десятилетий, делая для семейного архива биографический очерк о свекре, рассказывала со слов Маргарет:

«Американский консул предложил миссионерам перебраться на дружественные территории. Он приводил в пример допрос Августа в январе 1924 года. Тогда коммунисты изо дня в день вызвали различных людей на допросы. Маргарет находилась на 6 месяце беременности, когда вызывали Августа. Он был в России во время революции, и они хотели бы знать, что он здесь тогда видел и мог бы он об этом молчать.

Она ходила взад и вперед перед 2-этажным зданием, где допрашивали мужа. Из дома вышел арестованный человек и конвоир, приставив к его спине винтовку

108 Там же.

109 Ryska Evangelisten, 1923, сентябрь, с.3 цитируется по L. M. Lindstedt “A history of the Russian Mission of the Swedish Baptist General Conference of America”.

со штыком. Куда они шли? Что будет с ними? Маргарет волновалась и молилась. В то время враги государства просто исчезали и никто никогда о них больше не слышал.

Наконец, появился Август. Он шел один, его правая рука была в кармане, и он насвистывал, когда спускался по лестнице. Оказалось, военных волновало то, что он был в России во время революции. Они знали, что он видел вещи, которые, по их мнению, не следовало бы видеть иностранцу. Он видел слишком много их неудачных попыток захватить заводы, и видел много насилия и жестокости. Они добивались от него обещания никогда об этом не рассказывать. Это должно было стать условием для его освобождения. Он отказался.

Случилось так, что в это время в комнате находился один еврей. Он сказал: «Вы не можете повесить замок на его рот. Во всяком случае, он просто безобидный шведский проповедник. Просто дайте ему уйти». Августа выпустили. Он сошел с лестницы, не боясь, и имея уверенность, что Бог все-таки хочет, чтобы он работал с русскими»¹¹⁰.

После этого случая и Линдстедты перебрались в Харбин.

«Религиозный НЭП»

Во второй половине 1923 года жесткая репрессивная кампания неожиданно приостановилась. В августе 1923 г. ЦК РКП(б) разослал циркулярное письмо № 30 «Об отношении к религиозным организациям» за подписью Иосифа Сталина. В циркуляре сообщалось о многочисленных серьезных нарушениях, допущенных партийными организациями «в области отношения к верующим и к их культам». Вина за ущемление свобод верующих целиком возлагалась на местные организации партии. Последним предписывалось незамедлительно «воспретить закрытие церквей, молитвенных помещений и синагог по мотивам не исполнения административных распоряжений о регистрации, а где таковые закрытия имели место — отменить немедленно». Вместо гонений на верующих предписывалась «терпеливая и вдумчивая критика религиозных предрассудков»¹¹¹.

Местные органы власти стали послушно искать «перегибы». Так, в докладе Дальревкома об отделении церкви от государства и сдаче в аренду церковного имущества (28 мая 1924 года) говорилось: «Проведение в жизнь Декрета проходило более или менее безболезненно, но тем не менее на этой почве были конфликты, достигавшие иногда довольно резкой формы. Наиболее характерные случаи:

<...>

В середине 1923 года в Сергеевке, Казанке, Фанзе, на Сучанском Руднике у местных баптистов были отобраны сотрудниками ГПУ богослужебные книги с воспрещением собираться для религиозных целей, <...> Раздольненский Волисполком издал распоряжение сельсовета о закрытии молитвенных домов и недопущении богослужений христианами вероучений, несогласных с так называемым православным. Сельсоветом Уссурийского Стекольного завода воспрещены богослужения евангельских христиан, в Никольск-Уссурийске

110 Ruth Lindstedt "August Lindstedt. An old fashioned swede", неопубликованная рукопись, 1995 г.

111 А.И. Савин «Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б) – ВКП(б) и евангельские церкви в 1922 – 1929 гг.»

*Верующие из с. Черниговка Приморского края. 20-е годы.
Фото из архива церкви «Свет миру» г. Уссурийска*

притеснениям подвергались методисты, в Посъетском районе притеснения были направлены против пресвитериан, в Седими отобран ключ и закрыт молитвенный дом, в Ново-Киевске, Седими, Славянке и Посъете не разрешают совершать богослужения. Были случаи передачи, например, в Посъетском районе богослужбных зданий РКСМ без соблюдения установленных формальностей»¹¹².

С приостановлением репрессивной кампании 1922-1923 года начался период так называемого «религиозного НЭПа». Что представляло из себя евангельское движение в Приморье в 20-х?

Для начала немного статистики (использованы данные партийных органов, по-видимому, неполные). Владивостокская община баптистов, насчитывающая на начало 1923 года более 300 членов, через год уменьшилась до 218 членов (вероятно, в первую очередь, за счет эмиграции, а также отлучений и добровольных выходов из общины), а еще через два года, к началу 1925 года, она «усохла» до 183 душ. В 1928 году – общая численность расколотой церкви составила так же 183 человека.

В целом в Приморье на 1 января 1925 года насчитывалось 22 общины баптистов численностью 757 человек, в 1927 году – 710 человек, в 1928 году – 577 человек (без северных районов края – от Имана и севернее).

Евангельские христиане в 1927 году имели 1064 человека, в 1928 году – 37 общин и групп численностью 688 человек (но это без северных районов, в то время как в одном только Имане община насчитывала в 1928 году 420 человек, и кроме этого были многочисленные группы ЕХ на территории нынешнего Красноармейского района¹¹³.

112 РГИА ДВ ф. Р2422 оп. 1 д. 1092 лист 3, Зоб. 4.

113 Данные взяты из дел: ГАПК ф. П-61, оп.1, д. 685, ГАПК ф.Р-959 опб д13, ГАПК ф. П-67 оп.1 д.110, ГАПК ф. П-67 оп.1 д.178 л. 115-120.

Как видим, евангельские христиане довольно быстро росли в численности, опережая баптистов. У баптистов рост с середины 20-х годов остановился и даже наблюдалось некоторое снижение, что, вероятно, вызвано эмиграцией миссионеров и талантливых местных благовестников, а также успешным противодействием властей, о котором речь пойдет ниже.

И баптисты и евангельские христиане содержали на пожертвования от 4 до 10 благовестников, которые постоянно занимались проповедью Евангелия. При общинах существовали собственные хоры и даже оркестры. Для молодежи организовывались спортивные кружки, устраивались библейские и музыкальные вечера с чаем и закусками, на которые приглашались и неверующие.

Характерно, что увлечение социалистическими идеями не обошло и верующих, особенно евангельских христиан. Идеологом «христианского социализма» стал лидер ЕХ в СССР Иван Проханов. В статье «Новая, или евангельская, жизнь» Проханов излагал проект будущего общественного устройства: общественная жизнь «...будет построена на принципе удовлетворения законных потребностей каждого члена. В ней, с одной стороны, не будет нужды, а с другой стороны, не будет места излишеству и роскоши». Предполагался коллективный труд и бытовое единообразие: «*весь день распределен строго по часам*», «*одежды всех должны иметь по преимуществу светлые цвета*», «*дома должны быть окрашены по преимуществу в белый цвет*», «*перед домом должен быть палисадник*», а позади дома «*непрерывно фруктовый сад или огород. Дороги между селениями должны быть обсажены фруктовыми деревьями, причем никто не имеет права трогать плоды до их созревания, после чего представители обоих сел торжественно собирают их*»¹¹⁴.

*«Идеал Проханова, хотя и подкрепленный библейскими цитатами, мало отличается от коммунистических утопий, — резюмирует историк Татьяна Никольская. — Как и всякая утопия, проект Проханова совершенно непрактичен и расточителен. Есть, например, указание, что по ночам «над селом должно гореть искусственное солнце» (неясно, для кого, если все люди будут спать в одно и то же время). Интересно, что христианин Проханов подходит к вопросу изменения жизни с материалистических позиций, т. е. считает, что грубые нравы изменятся к лучшему под воздействием построенного труда и здорового образа жизни (а не веры в Бога и духовного обновления)»*¹¹⁵.

Пожалуй, самой знаменитой прохановской утопией стала идея построения в Сибири христианского «Города Солнца», который он хотел назвать «Евангельском». В 1927 году этот план Проханова получил официальное одобрение, власти даже пообещали ему финансовую помощь и приняли участие в церемонии символической закладки города на месте слияния рек Бии и Катуня, ознаменовавшейся высадкой нескольких деревьев. Однако дальше дело не пошло: вскоре власти кардинально изменили свое отношение к строительству.

Тем не менее кое-какие из идей «христианского социализма» все-таки удалось воплотить на практике. С легкой руки Проханова, по всей стране стали возникать трудовые христианские кооперативы, артели и даже

114 Архив церкви ЕХБ Санкт-Петербурга Ф. 4, оп 4, д. 20 л.9 цитируется по Т. К. Никольской «Русский протестантизм и государственная власть».

115 Т. К. Никольская «Русский протестантизм и государственная власть».

коммуны. Были они и в Приморье. Так, в 1926-1927 годах баптист Колотий организовал во Владивостоке артель бондарного производства «Приморье». В артели работало 30-35 квалифицированных работников, набирались ученики, которым выплачивалась стипендия. В ходе сворачивания НЭПа в 1929 году артель была расформирована властями¹¹⁶.

Кроме того, во Владивостоке христианами была создана женская швейная артель «Игла», также швейная группа существовала в Никольске. В Черниговке было машинное товарищество, в Лутковке — пасечная артель. В селах действовали христианские артели, занимавшиеся выращиванием риса¹¹⁷.

Приток людей в общины обуславливался тем, что евангелизмом занимались все верующие. *«Каждый сектант представляет из себя маленький агитпрон и в семье, и на предприятии, и на улице»* — писал заместитель начальника Владивостокского ОО ОГПУ Петр Коркин в докладной записке о религиозных организациях Владивостокского округа¹¹⁸. В докладе Окружкома ВЛКСМ за 1927 год приводится такой пример: *«в Сучанском районе в результате усиленной деятельности баптистов в одной из деревень и слабой работы комсомольской ячейки — рассыпался пионеротряд и некоторые комсомольцы вышли из союза»*¹¹⁹.

Неудивительно, что успехи христиан вызывали противодействие Советской власти.

Расколы и разделения

Однажды автору довелось общаться с опытной сотрудницей архива ФСБ, речь зашла о работе чекистов в 20-30-е годы. Женщина сетовала на то, что виртуозные разведчики и чекисты 20-х, продумывавшие и разыгрывавшие сложные многоходовые комбинации, едва ли не поголовно погибли в мясорубке репрессий 30-х годов. Органы сами же себя и «зачищали», выметая наиболее талантливых.

Действительно, в 20-е чекисты вели интеллектуальные оперативные игры, направленные на разложение «сект» изнутри. Административные репрессии продолжали применяться, но выборочно и не слишком часто, поскольку создавали «сектантам» невыгодный для власти имидж жертв гонений. Главными методами борьбы стали засылка в ряды верующих своих агентов, шантаж и вербовка членов церквей, распускание выгодных им слухов, организация антирелигиозных кампаний в прессе, сеяние розни и недоверия в общинах. В уже упоминавшемся секретном «Докладе о развитии сектантства в Приморье по состоянию на 15 марта 1925 г.» описываются меры по разложению баптистов после отъезда Олсона, Фетлера, Линдстедтов:

«С этих пор местные общины заметно слабеют и количественно и качественно. Численность (Владивостокской — прим. авт.) общины с 328 человек падает до 200 человек. После съезда старых руководителей во главе общины становится местный баптист Леонтьев, который под нашим давлением оставляет общину и

116 В. Т. Лебедев «История насаждения и жизнь церквей ЕХБ на Дальнем Востоке».

117 ГАПК ф. П-67 оп.1 д.110.

118 ГАПК ф. П-67 оп.1 д.178 л. 115-120.

119 ГАПК ф.П-34 оп1 д. 17 л. 58.

Съезд ДОВСЕХ, 1924 г. Во втором ряду первый слева — В. М. Блуштейн, пятый слева — председатель ДОВСЕХ Н. Н. Красев, восьмой слева — Н. Н. Протасов. В третьем ряду четвертый слева — благовестник К. С. Чеченков, пятый слева — пресвитер Владивостокской церкви ЕХИ. А. Вахник. Фото из архива В. Т. Лебедева

удирает в Харбин. Во главе общины становятся Мильтин, Пуке и Эверт. С нашей стороны были предприняты меры по разложению данной общины, в результате мы имеем еженедельные исключения из состава общины, добровольный уход. Масса активных работников общины настроена против головки. В этом отношении нами было использовано национальное чувство верующих (Мильтин, Пуке, Эверт – иностранцы). Была выявлена связь местной головки с Фетлером и Ольсеном. Из этой связи было выявлено, что Харбинская община тоже раскололась. Во главе одной группировки стал Винс, который ориентировался на Русско-Германскую миссию и держал связь непосредственно с Дальневосточным Отделом баптистов и с центральным Всероссийским советом баптистов, Фетлер же ориентировался на Шведско-Американскую миссию, находящуюся за границей. Следовательно, Владивостокская община, имея непосредственную связь с Фетлером, также ориентировалась на заграничную миссию. Это также было использовано для разложения общины на две группировки. Вначале намечался раскол на милитаристов и антимилитаристов, но в октябре месяце общиной было принято постановление о признании общиной службы в Красной Армии. В настоящее время создается инициативная группа, через которую и думаем провести разложение общины»¹²⁰.

(Примечание. Как выяснится позднее, раскол Владивостокской общины на «милитаристов» и «антимилитаристов» (пацифистов) на самом деле, видимо, все же произошел, однако сам процесс разделения общины длился достаточно долго и на момент написания этого доклада еще не завершился).

Упомянутые события в Харбине имели негативные последствия. Миссионеры развернули там достаточно активную деятельность. В июне 1923 года пастором Харбинской общины был избран Роберт Фетлер. Через некоторое время в Харбине появился Яков Винс – тот самый миссионер, который прибыл во Владивосток летом 1919 года вместе с Эриком Олсоном, но вскоре перебрался в Благовещенск и был избран там пресвитером местной общины, а затем возглавил Дальневосточный Отдел Союза баптистов.

Его присутствие вызвало дух противоречия в общине. Во время членского собрания Харбинской общины один из верующих неожиданно потребовал, чтобы Фетлер был уволен. Основанием для этого стало утверждение, что он нерусский и оказывает неоправданное покровительство нерусским членам общины, а также совершил некие проступки в исполнении пасторских обязанностей. Собрание обернулось скандалом. Присутствующего Винса (хотя он и не был членом общины) тут же избрали временным председателем. Он объявил, что в голосовании могут участвовать только те верующие, которые являются членами общины не менее 6 месяцев (таким образом, все приехавшие недавно из Владивостока отпадали). Фетлера отстранили, и сразу после голосования Винс и его сторонники покинули собрание. Вскоре они объявили себя истинной баптистской церковью, а группу, оставшуюся с Робертом, исключили. Таким образом, в городе возникли две баптистские церкви. Разделение продолжалось более года, в течение которого община Фетлера крестила 40 человек.

Однако в конце 1924 года не выдержал Эрик Олсон. Неожиданно для всех он объявил об окончании работы миссии и вскоре уехал в Америку. Все остальные

сотрудники пребывали в недоумении. Постепенно все разъехались. Пейсти, хотя и остался в Харбине, но еще с 1923 года работал самостоятельно, вне миссии. Роберт Фетлер уехал на родину, в Латвию, куда к тому времени из Америки перебрался его старший брат. Семья Линдстедтов отправилась в Америку – к родителям Маргарет. (Спустя год Август Линстедт получил предложение от американских шведов возобновить работу миссии в Харбине. Он с радостью согласился, они с Маргарет вернулись и более 20 лет, практически до конца земного пути Августа, вели миссионерскую работу среди русских эмигрантов в Китае. Однако поддерживать связь с баптистскими церквями непосредственно в Приморье уже не представлялось возможным)...¹²¹

Точка зрения самого Якова Винса на события в Харбине отражена в материалах Дальневосточного съезда баптистов, состоявшегося в Хабаровске в июле 1925 года под председательством самого Винса:

*Печать Владивостокской
общины баптистов.*

ГАПК ф.Р-86, оп.5 д.3 л.45

«Начиная доклад на имеющихся под руками документах Яков Яковлевич Винс оговаривается, что работу представителей Шведского Миссионерского Общества – В. И. Олсона, Р. А. Фетлера и Н. И. Пейсти – он разграничивает на евангелизационную работу и работу по домостроительству Церкви Христовой, признавая евангелизационную работу их точно такой же, как и евангелизационную работу баптистов во всем мире. Другой же род работы он не может признать правильным, так как этому мешают следующие факты:

1) удаление союзного благовестника И. Н. Каньгина из Никольск-Уссурийского, без ведома ДВ Отдела Всероссийского Союза баптистов, и поставление там на его место Н. И. Пейсти;

2) перерукоположение Р. А. Фетлером на служение помощника пресвитера брата Забудского, который уже был рукоположен с пресвитерскими правами;

3) вторичное рукоположение Р. А. Фетлером брата Осипова на пресвитерское служение в Харбинской общине, несмотря на то, что брат Осипов заявлял о том, что он рукоположен Д. И. Мазаевым;

4) работа по строительству Церкви Божией в городе Харбине, приведшая к образованию в Харбине двух общин, что в настоящее время, по милости Господней, устранено.

Съезд, заслушав доклад Винса, находит деятельность ШМО по строительству церкви Божией заслуживающей неодобрение и выносит пожелание на будущее время о том, чтобы этого больше в нашем братстве не наблюдалось»¹²².

Автору представляется, что целью действий Винса в Харбине был вывод общины из-под контроля миссионеров и распространение на нее влияния Дальневосточного Отдела, что косвенно подтверждает резолюция съезда «...*надо отметить одно*

121 L. M. Lindstedt «A history of the Russian Mission of the Swedish Baptist General Conference of America».

122 РГИА ДВ ф. р-2413 оп. 4 д.1653 л. 6.

радостное явление: присоединение к ДВ Союзу братьев, живущих на крайнем Востоке, после того, как Р. А. Фетлер и В. И. Олсон ликвидировали там свою работу».

Последствия этих событий были скорей негативные. Надежной связи с Харбинской общиной у Дальневосточного Отдела уже на тот момент не было, о чем также говорилось на съезде. Оказать серьезную помощь другу Дальневосточный Отдел и Харбинская община (и остальные общины в Маньчжурии, вдоль КВЖД) не могли. А спустя несколько лет в ходе репрессий Отдел и вовсе был ликвидирован. Зато раскол в Харбинской общине привел к распаду команды Олсона и прекращению помощи с их стороны баптистам Приморья.

Милитаристы и пацифисты

Одним из самых спорных в богословии евангельских христиан и баптистов был вопрос об отношении к службе в армии с оружием в руках. В то время значительная часть русских протестантов, включая многих лидеров, была пацифистами. Общепринято, что этот вопрос является вопросом личных убеждений христианина, — каждый сам определяет к нему свое отношение. В 20-е годы баптисты и евангельские христиане часто пытались пользоваться возможностью альтернативной службы, прописанной в декрете 1919 года, однако на практике это удавалось не очень многим.

С 1923 года власти начали оказывать давление на руководство союзов баптистов и евангельских христиан — с тем, чтобы заставить их однозначно отказаться от пацифизма. В марте 1923 года на квартирах московских баптистов и в канцелярии Всероссийского союза баптистов прошли аресты и обыски. А в апреле 1923 года был арестован лидер евангельских христиан Иван Степанович Проханов. Он провел в заключении 4 месяца. Ценой его освобождения стало написанное им послание Высшего Совета ВСЕХ «Всем общинам и всем отдельным братьям евангельским христианам, проживающим в СССР», в котором верующие призывались *«работать искренне и беспрекословно во всех советских, военных и гражданских учреждениях, а также нести службу в Красной Армии и не отказываться вообще от таковой»*. Относительно предшествующих пацифистских заявлений Проханова сообщалось, что они относились исключительно к верующим зарубежных стран, которые *«по своей неосознанности... до сих пор еще защищают интересы капитала»*. До сведения всех членов союза доводилось, что евангельские христиане, отказывающиеся от военной службы или уплаты налогов, будут исключаться из общин¹²³.

Характерно, что сам Проханов в своей книге «В котле России» подробно описывал свой арест и пребывание в тюрьме, однако обошел молчанием как содержание допросов, так и причины своего освобождения, ограничиваясь комплиментами в адрес Советской власти: «Я полагал, что раз я арестован ЧК — значит власти остановят весь наш евангельский христианский труд. Но в то время, когда я был в тюрьме, Советское правительство не только не закрыло наши Богослужения в Петрограде, не только не остановило публикацию нашего журнала «Христианин», но власти даже не вмешивались в работу

123 А. И. Савин «Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б) – ВКП(б) и евангельские церкви в 1922 – 1929 гг.»

Нужно отметить, что вместе с Прохановым обращение об отказе от пацифизма подписали три очень уважаемых в союзе пресвитера (правда один из подписантов, Ф. С. Савельев, позднее публично отрекся от этого письма и, чувствуя свою вину, сложил с себя обязанности пресвитера Московской общины)¹²⁵.

Прошедший в Петрограде 1-10 сентября 1923 г. IX съезд ВСЕХ высказался под давлением чекистов в поддержку опубликованного воззвания Проханова и признал военную службу за оброк, т.е. за подлежащую отбыванию обязанность. Баптисты сопротивлялись дольше. Несмотря на жесткое давление ГПУ, XXV съезд баптистов, проходивший в Москве в декабре 1923 года, не принес желаемых чекистами результатов. ГПУ арестовало 11 делегатов этого съезда, наиболее последовательно отстаивающих пацифизм. Из них 6 было осуждено на 2 года и выслано на Соловки, в Сибирь и Туркестан. И только в декабре 1926 года на XXVI съезде баптисты признали воинскую службу обязательной.

Однозначное решение руководящих органов по спорному в обоих союзах вопросу в пользу позиции власти вызвало сложную реакцию на местах. Как отмечал в «Информационном письме о религиозном состоянии округа» секретарь Владивостокского окружного комитета ВКП(б) Трофимов, *«...на этой почве у баптистов начался раскол, кулаческий элемент в деревне и зажиточный в городе пошел за антимилиитаристически настроенными вожжами... многие считают подобное решение «не по евангелию», в общинах наблюдается поэтому брожение и недовольство верхами»*¹²⁶.

Так, Владивостокская община баптистов, как упоминалось выше, вынесла решение против пацифизма еще в 1924-м или начале 1925-го года. Примерно в это же время наметилась тенденция к отколу от общины нескольких десятков верующих во главе с Андреем Григорьевичем Косолаповым (проповедником в общине с 1913 года). Вскоре они окончательно вышли из общины и образовали Вторую баптистскую церковь Владивостока. Автор не нашел прямых свидетельств, что причиной их отделения стал именно «пацифистский вопрос», однако логика происшедшего и некоторые косвенные доказательства позволяют делать такое предположение.

(С 1927 или 1928 года обязанности пресвитера во Второй баптистской общине будет нести Михаил Васильевич Петров, также вышедший из Первой баптистской церкви. В январе 1930 года он будет арестован, спустя почти полтора года уголовное дело против него будет прекращено, — такое еще иногда случалось в начале 1930-х. О судьбе самой общины после 1930 года ничего не известно).

Любопытно, что Дальневосточный Отдел союза баптистов под председательством Я. Я. Винса принял решение об обязательности военной службы на съезде в июле 1925 года, то есть на полтора года раньше, чем Всероссийский союз. Похоже, что этот вопрос был основным в повестке съезда. В его работе принял участие 71 делегат, представляющий 5 тысяч баптистов Забайкальской, Амурской и Приморской губерний. Характерна атмосфера взаимной лояльности с властями, в которой проходил съезд: для его проведения власти бесплатно предоставили помещение зимнего драмтеатра Хабаровска, за что съезд выразил

125 Т. К. Никольская «Русский протестантизм и государственная власть».

126 ГАПК ф. П-67 оп.1 д.110 л. 17.

благодарность председателю Совнаркома тов. Рыкову и председателю Дальревкома тов. Гамарнику. Еще один жест, делегатам съезда власти организовали бесплатную экскурсию в местный музей. А когда в ходе работы съезда на него прибыл в качестве наблюдателя старший инспектор отдела Управления делами Дальревкома тов. Ф.Е.Дмитрук, съезд приветствовал его вставанием¹²⁷. Можно предположить, что «доброта» властей как раз была вызвана заранее обговоренным решением съезда по принципиальному вопросу о пацифизме.

В ходе работы съезда был рассмотрен вопрос о лишении делегатских полномочий А. Г. Косолапова, «как исключенного из братства и не принятого вновь, но посланного частью Владивостокской общины делегатом на съезд». Съезд принял решение не допустить до участия в своей работе Косолапова...¹²⁸.

Несмотря на решения съездов некоторые верующие продолжали оставаться пацифистами. Так, в 1932 году при рассмотрении этого и других вопросов во Владивостокской общине ЕХ, несмотря на позицию руководства, трое верующих отказались поддержать милитаристскую резолюцию собрания.

Таким образом, становится очевидно, что вопрос о признании воинской службы ослабил евангельское движение и внес в его ряды дух разделения. Многочисленные попытки евангельских христиан и баптистов объединиться, предпринимаемые с 1907 года, прекратились. «После 1923 года в вопросе о единстве наступает застой, и обе реки текут, почти не соприкасаясь друг с другом»¹²⁹. Трения по этому вопросу имели место и между конфессиями, и внутри общин. Многие верующие были недовольны конформистской позицией руководства. И тем не менее полномасштабного раскола внутри евангельского и баптистского союзов, подобного тому, который

произойдет в 60-е годы, все-таки удалось избежать.

Пропаганда

Коммунистические теоретики основным оружием в борьбе с религией видели все же не репрессии, провокации спецслужб и жесткое администрирование, а пропаганду. «Марксизм есть материализм, — писал Владимир Ленин. — В качестве такового, он <...> беспощадно враждебен религии <...>. Мы должны бороться с религией. Это — азбука всего материализма и, следовательно, марксизма. Но марксизм не есть материализм, остановившийся на азбуке. Марксизм идет дальше. Он

Рисунок с обложки журнала «Безбожник», 1927 г.

127 РГИА ДВ ф. р-2413 оп. 4 д.1653.

128 Там же.

129 «Братский Вестник» №1 1945 год, «Доклад по вопросу об объединении ЕХ и баптистов».

Обложка журнала «Безбожник у станка», 1924 г.

говорит: надо уметь бороться с религией, а для этого надо материалистически объяснить источник веры и религии у масс»¹³⁰.

Еще в июле 1922 года (то есть еще до захвата власти в Приморье) Приморское областное бюро РКП утвердило инструкцию агитпропотдела, где выражалась позиция местных коммунистов по отношению к религии:

«Всякое вероисповедание или религия идет против нашей идеи и мы должны устранять эти противоречия, но чтобы не оттолкнуть от нас в большинстве верующее население, мы должны постепенно агитировать против религии, а не требовать сразу отказаться от нее»¹³¹.

Нужно отметить, что подобные призывы к разумной агитации, как мантра, повторялись во многих партийных документах, и особенно — в первое десятилетие Советской власти.

Например, спустя полтора года, в декабре 1923 года, циркулярное письмо Приморского Губкома РКП(б), разосланное всем уездным и районным партийным комитетам, предписывало *«разъяснить членам партии, что наш успех в деле разложения церкви и искоренения*

Фрагмент антирелигиозного спецвыпуска краевой газеты «Красное знамя», 25 декабря 1923 г.

130 В. И. Ленин, ПСС, т. 17, с. 418..

131 ГАПК ф.П-2567 оп.1 д.3 л. 81.

религиозных предрассудков зависит не от гонений на верующих, гонения только укрепляют религиозные предрассудки, а от тактического отношения к верующим, при терпеливой и вдумчивой критике религиозных предрассудков, при серьезном историческом освещении бога, культа религии и пр.»¹³²

Можно привести еще ряд аналогичных заявлений в партийных инструкциях и циркулярах. Однако на деле пропаганда все чаще оборачивалась травлей верующих, с каждым годом становящейся все более разнузданной. Многие коммунисты видели в позиции советской власти одобрение (пусть и не всегда озвученное) любым кощунственным выходкам.

Секретарь Губкома РКСМ Насонов, отчитываясь о проведении в апреле 1923 года агитационной «Комсомольской пасхи», сообщает:

«По губернии подготовительной работы не было и проведение пасхи выразилось в устройстве вечеров в пасхальную ночь. Учитывая, что в деревнях, где есть невыдержанные комсомольцы, пасха может превратиться в глумление над религиозными чувствами, Губком разрешил устраивать только лишь крепким деревенским ячейкам. В пасхальную ночь во всех комсомольских клубах были устроены вечеринки, на которых по приблизительным подсчетам было более 4 тысяч человек. Они не имели глубокого характера, так как не было достаточного кадра товарищей антирелигиозников. Пасха в некоторых местах (деревнях) дискредитировала наших комсомольцев, так как комсомольцы, напившись, выкидывали разные хулиганские штуки»¹³³.

Заместитель начальника Владивостокского окружного отдела ОГПУ Петр Коркин в своей докладной записке о религиозных организациях Владивостокского округа (в который на тот момент входила значительная часть территории Приморского края) в 1928 году сетовал на слабую активность антирелигиозной пропаганды, отмечал, что ее подменяют хулиганством или административным давлением («где такая борьба ведется, там отсутствуют научные аргументы, а налицо физическая сила»):

«В д. Фроловке (Суч. район) ячейка ВКП, видя растущее влияние попа, решила убить последнего, что и намеревалась провести в жизнь в первый день пасхи стрельбой в окна по попу. Итоги — на селе увеличился фанатизм, пал авторитет ячейки.

<...>

Профсоюзы и клубы религиозную работу ведут от случая к случаю (кампании). В коллективах, где есть религиозники, работа по их разложению заключается в травле (Дальзавод, ст. Раздольная, Никольск), почему результаты получаются обратные, сектанты в глазах своих единомышленников обращаются в страдальцев и т. д. Исключение из членов союза за религиозные убеждения — в корне подрывают профсоюзные организации Владивосток, Петухов, с 25 лет. трудовым стажем, Раздольная — засовщик Таран и т. д.)

Газета «Красное Знамя» также, нужно сказать, несерьезно относится к передаче фактов из религиозной жизни. <...> В газеты даешь материал о «прелюбодеянии», а газеты пишут об изнасиловании. Искажение и раздутие фактов умалет газету в глазах верующих, газетным сообщениям мало верят.

<...>

132 ГАПК ф. П-61 оп. 1 д. 320 л. 18.

133 ГАПК ф. П-35 оп. 1 д. 7.

Передача мол. домов или церквей под клубы происходит без достаточной обработки общественного мнения. Здесь часто Рики (районные исполкомы – прим. авт.) нарушают постановления ВЦИК о передаче домов – церквей под общественный орган. «Захват» церквей вызывает недовольство и лишнюю апелляцию на имя Калинина.

<...>

Во время перевыборов в Советы Риками допускалось лишение голоса целых семей сектантов (д. Ущерпия, Промысловка Шкотовского р-на) или же руководящих групп (3-5 чел.), не извлекающих прибыли и. д. (тоже противозаконное деяние). Административный нажим только породил ненависть и усиливал рвение к религии. (Примечание автора: с того же 1928 года лишение верующих избирательных и других гражданских прав в крае приобрело массовый характер).

Вс. Ляличи в 1925 г. группа евангелистов была 8 чел., сейчас имеет 33 человека, организована рисовая артель. Причины роста – использование проповедниками случая разгона председателем с/совета крещения евангелистов»¹³⁴.

Резюмируя, можно отметить, что усилия властей в 20-е годы по подавлению религиозной жизни в Приморье не увенчались успехом.

Приложение 1

Савельев Андрей Иосифович

*Годы начала и конца земного пути
неизвестны*

А. И. Савельев и его жена, свадебная фотография, 1926 г. Фото из архива церкви г. Спасска-Дальнего

Проповедник, благовестник, пресвитер евангельских христиан. В царское время за проповедь Евангелия отбывал каторгу на Сахалине. После революции был направлен разъездным благовестником в северные и центральные районы края. В 1920-26 годах был пресвитером Спасской церкви. Позднее руководил ДОВСЕХ.

Газета евангельских христиан «Утренняя Звезда» (№6-7-8 за 1922 г.) опубликовала небольшую информацию о нем:

«Благовестник Дальневосточного Отдела ВСЕХ А. Савельев сообщает нам из Сибири, что он работает от Спасска-Уссурийска до Хабаровска, где насчитывается до 20 общин. В 1921 г. им организовано 5 общин и предвидится открытие еще новых общин. Работа очень затрудняется

134 ГАПК ф. П-67 оп.1 д.178 л. 115-120.

тем, что приходится совершать между деревнями пешим порядком по 50 верст, а с другой стороны деревни отстоят от железной дороги нередко на 100 верст».

Заместитель начальника Владивостокского окружного отдела ОГПУ Петр Коркин в секретном докладе от 12.09.28 сообщал:

«Евангелисты во Владивостоке имеют Дальневосточный Совет (отделение Всероссийского Союза Евангельских Христиан – ВСЕХ), во главе стоит монтер, бывший каторжник за религиозные убеждения – Савельев. Савельев фанатик, работает много, не порывает с производством (сейчас работает в АКО по сборке рыболовного судна) хорошо знает запросы и нужды рабочих»¹³⁵.

Судьба Андрея Иосифовича после 1928 года неизвестна.

Приложение 2

Русские баптисты, бежавшие в 20-30-е годы от коммунистов в Китай из Приморья, постепенно разъехались по всему свету. О некоторых из них что-то известно. Так, В. М. Леонтьев в 50-е годы был пастором русской баптистской церкви в Брисбене (Австралия). П. В. Потлов – пастором Первой русской баптистской церкви Сан-Франциско. В. В. Шадрин, последним из русских пасторов оставив работу в Русской миссии в Китае, перебрался в Австралию и нес служение там. Об основателе Владивостокской церкви Е. В. Забудском известно, что в 40-х годах он был пастором русскоязычной церкви в Шанхае...

Источник – Л. М. Lindstedt «A history of the Russian Mission of the Swedish Baptist General Conference of America»

Приложение 3

Иван Степанович Проханов **1869 – 1935**

Иван Степанович Проханов родился во Владикавказе Терской области в семье молоканина. В 17-летнем возрасте Иван Степанович обратился к Богу и присоединился к местной общине баптистов. Проханов окончил реальное училище и в 1888 году поступил в Технологический институт в Петербурге, где встретился с местными верующими и вскоре стал проповедником и пастором. Основал первое в России единоверческое издание «Беседа». После окончания института в 1893 году посетил Л.Н. Толстого в Ясной Поляне; по просьбе писателя побывал у выехавших на Кипр из России духоворов. В начале 1890-х Проханов основал в

Таврической губернии первую в России евангельскую всеобщину (коммуну) «Вертоград».

В 1895 году он отправился в Англию — получать богословское образование. В 1901 году Иван Степанович вернулся на родину, работал в Санкт-Петербурге и, как религиозный деятель, попал под негласный надзор полиции. В 1901 году женился. Вскоре Проханов получил место инженера в компании «Вестингхауз», где работал до 1921 года.

Проханов много трудился и обретал все большее влияние в среде евангельских верующих. Он был чрезвычайно одаренным в познании и иностранных языков, в ораторском искусстве, в административной работе, в поэзии и музыке. Издал сборники духовных песен, христианских стихотворений, неумоимо работал, стараясь обеспечить правовую защиту гонимых евангельских общин, начал выпускать периодических издания — христианские газеты и журналы. Много времени было посвящено созданию, руководству и расширению Союза общин евангельских христиан.

В 1909 году Иван Степанович стал первым президентом Всероссийского союза евангельских христиан, а в 1911 году был избран одним из шести вице-президентов Всемирного баптистского альянса.

После Февральской революции 1917 года организовали и провел в Петрограде очередной Всероссийский съезд евангельских христиан. Летом того же года основал в Тверской губернии христианскую коммуну «Гельфсимания», превратившуюся в один из образцовых кооперативов. Основал христианско-демократическую партию «Воскресенье», однако большинство евангельских христиан не одобрило такую активную политическую деятельность, и партия не оставила значимого следа в истории России.

После победы большевиков Проханов, несмотря на гибель в годы Гражданской войны жены и потерю в 1926 г. сына, продолжил свою деятельность в качестве руководителя ВСЕХ до 1928 года, когда покинул страну в условиях возобновившихся репрессий против религиозных лидеров.

Ушел в вечность 6 октября 1935 года в Берлине. Современный писатель-публицист А. А. Проханов приходится ему внуком.

Основной источник — И. Проханов. «В котле России»

ГЛАВА 7

1928-1940 годы. Время тяжелых гонений

Союз воинствующих безбожников

В 1928-1929 годах в государстве произошли серьезные изменения внутривнутриполитического курса – был свернут НЭП, начиналась насильственная коллективизация. Одновременно с этим ужесточилась и антирелигиозная политика. Хотя наиболее трезвомыслящие представители партийного руководства прекрасно понимали, что усиливающиеся репрессии в отношении верующих создают им образ мучеников, гонимых советской властью, и повышают их популярность среди населения, однако повлиять на общий политический курс не могли. Антирелигиозная пропаганда становилась все менее «вдумчивой» и все более нетерпимой.

В этот же период сменился и сам вектор государственной антирелигиозной политики. Место православия в качестве «религиозного врага государства №1» заняли «сектанты». Историк А.И. Савин, исследовавший около 300 публикаций о протестантах в сибирской прессе 1928-1929 годов, пришел к такому выводу:

«Произведенный анализ публикаций с полным основанием позволяет утверждать, что в основе «антисектантской» кампании конца 1920-х годов лежали, по меньшей мере, три главные причины. Во-первых, в 1928 – 1929 гг. у руководства партии сформировалось убеждение, что русская православная церковь более не является, не смотря на значительное число сохранившихся приходов и верующих, серьезным противником «новой революции». Отсюда в газеты перекочевал ряд стандартных утверждений: православные священники ленивы, неизобретательны, безнадежно проигрывают состязание в идеологической борьбе. Совсем иное – сектантство. Сектант более гибок, опытен, хитер, популярен. В возродившихся в конце 1920-х годов диспутах православные священники всегда – в изложении авторов репортажей – были беспомощны, зато «куда мудрее, подготовленней и слащавее были оппоненты-баптисты». Соответственно и «сектантские организации» расценивались как более гибкие, изворотливые в сравнении с русской православной церковью.

<...>

Во-вторых, «сектантство» фундировало сталинский тезис об усилении классовой борьбы по мере продвижения к социализму. В соответствии с марксистской ортодоксией усиление активности классового врага должно было сопровождаться и активизацией идеологического наступления на социализм.

Карикатура «Сектант — кулацкий Петрушка»

«Сектанты» как нельзя лучше подходили на роль идеологов кулачества, «рупора классового врага».

<...>

В третьих, «сектантство» расценивалось как носитель альтернативы строительству социализма. «Под религиозным флагом преподносится программа, отвечающая на все вопросы современности, но программа не наша, программа капиталистических, реставраторских групп», — писал в мае 1929 г. «Рабочий путь». «Сектанты» выступали в глазах большевиков в роли извратителей, а, как известно, еретик более опасен. Не последнюю роль сыграли «сектантские» кооперативы и артели, выступавшие убедительным доказательством, в том числе и для части большевиков во главе с В.Д. Бонч-Бруевичем, «что к коммунизму можно прийти разными путями»¹³⁶.

Важную роль в государственной антирелигиозной политике сыграла общественная организация «Союз

воинствующих безбожников» (СВБ), до 1929 года называвшийся «Союзом безбожников» (СБ). В начале 20-х государство издавало ряд антирелигиозных центральных газет и журналов. На их фоне выделилась газета «Безбожник», редактируемая видным партийным деятелем Емельяном Ярославским.

Писатель Михаил Булгаков, просматривая номера «Безбожника», был потрясен: «Соль не в кощунстве, хотя оно, конечно, безмерно, если говорить о внешней стороне. Соль в идее, ее можно доказать документально: Иисуса Христа изображают в виде негодяя и мошенника... Не трудно понять, чья эта работа. Этому преступлению нет цены»¹³⁷.

Вокруг этого издания было создано «Общество друзей газеты «Безбожник»», которое в 1925 г. и было преобразовано в Союз безбожников. Безбожники организовывали свои ячейки в школах, армии, на заводах, в колхозах и т.д. Ярославский возглавлял ее с первого дня существования до его фактического распада во время Великой Отечественной войны. В 1926 г. СБ насчитывал около 90 тыс. членов, а в 1932, по разным данным, от 3 до 5,7 млн. членов. «Через безбожие — к коммунизму» и «Борьба с религией — это борьба за социализм» — таковы были главные лозунги СБ.

Государство активно участвовало в насаждении ячеек безбожников. Так, в 1928 году Бюро Владивостокского окружкома ВКП(б) в секретной резолюции

136 А. И. Савин «Инфернальный враг. Протестантские церкви в сибирской прессе 1928–1930 гг.»
137 «Независимая газета» 22 декабря 1993 г.

«О сектантах в округе», отмечая «наряду с продолжающимся распадом православия некоторый рост сектантов в округе, особенно евангелистов и баптистов», постановило:

«1. Предложить Райкомам и комфракции Окрсовета Союза безбожников выполнить директиву ОК (Окружкома — прим. авт.) о создании повсюду работоспособных Райсоветов СБ. Приступить к организации сильных ячеек союза безбожников в сектантских районах и пунктах.

<...>

2. Приступить к созданию подготовленного кадра антирелигиозных работников, пропагандистов против сектантства.

<...> Поручить комфракции Совета СБ организовать осенью ряд выездов квалифицированных антирелигиозников в сектантские районы.

3. Принять меры к всеческому укреплению и дальнейшему росту организаций Союза Безбожников. Выделить по линии политпросвета средства на антирелигиозную работу для Совета Безбожников.

4. <...> Принять меры к недопущению различных сектантских школ, детских кружков и т. д. на основании имеющихся законов. Комфракциям РИКов и Райкомам внимательнее подходить и к регистрации различного рода сектантских артелей, товариществ и т. д., не допуская регистрации тех из них, которые представляют из себя замкнуто сектантскую общину»¹³⁸.

Апогеем деятельности Союза безбожников стал II Всесоюзный съезд, состоявшийся в 1929 году. На съезде присутствовало 1200 делегатов. С речами на съезде выступили Бухарин, Луначарский, Максим Горький, Демьян Бедный, Владимир Маяковский. Живые классики советской литературы поучали безбожников, как им строить антирелигиозную пропаганду. Так, например, Максим Горький говорил:

«Насколько я знаком с тем, что делается в той области, где вы боретесь, мне кажется, что многие к этой важной и ответственной работе относятся несколько казенно, слишком хладнокровно, как к делу обычному, тогда как это дело совсем не обычное, а глубоко важное: приходится вытравлять из жизни то, что внедрялось в течение 20 веков. В работе вашей чувствуется некоторая казенщина и этакое хладнокровие, холодок. Это — одна сторона. Но есть и другая — это маленькое хулиганство, которое вторгается в работу. Вместо того, чтобы дать желательные нам результаты для вящего развития масс, мы получаем то, что видим: рост сектантства и прочее. Со стороны врагов действуют эмоции, действует пафос, это — огромная сила. С нашей же стороны пафоса как-будто не чувствуется, а если и чувствуется, то он выражается в формах, которые не столь убеждают, сколь раздражают»...

Во время выступления Горькому поступила из зала анонимная записка:

«Горе тому, кто пререкается с Создателем».

«Это, конечно, анекдотическая шутка, что из среды безбожников идет такая записка», — отреагировал Горький.

«Провокация попов», — раздался голос из зала.

Горький ответил:

«Может быть, это провокация попов, но она идет через какого-то человека, сидящего здесь, среди вас. Я не хочу сказать этим, что здесь много людей, которые бы подписались под таким текстом, но один есть. И вот этот один человек говорит, что пререкаться с Создателем — горе. Это один из старых текстов, это от пророка Исаии. Этими словами церковь грозила нам десятка два веков. Но мы спорим против церкви, и спорим фактами. Весь тот быт, который мы создаем сейчас, насквозь антирелигиозный. Во всем, что сейчас делается в нашей стране, что строится маленькими людьми, массаами, — во всем этом сказывается ясно антирелигиозная воля, иногда, может быть, достаточно ясно не осознанная. Ясно — религии нет места в том огромнейшем процессе культурного творчества, который с невероятной быстротой развивается в нашей стране»...¹³⁹

Однако Горький, призывавший безбожников всего лишь «дать более серьезное, научное оружие» в борьбе с религией, не попадал в мейнстрим партийной политики, в отличие от поэта Маяковского, шагавшего в ногу со временем. Маяковский говорил гораздо резче, назвал съезд «немножко вегетарианским», а закончил свою речь так:

«Товарищи, обычно дореволюционные ихние собрания и съезды кончались призывом «с богом», — сегодня съезд кончится словами «на бога». Вот лозунг сегодняшнего писателя»¹⁴⁰. (В том же 1929 году Маяковский написал кощунственное стихотворение «Надо бороться», призывавшее к борьбе с Богом).

Резолюция съезда гласила: *«Сектантские организации в лице верхушек, проповедников, активистов являются политической агентурой... и шпионскими организациями международной буржуазии»¹⁴¹.*

В целом съезд ознаменовал отказ от и так не соблюдавшихся призывов к умеренности антирелигиозной пропаганды. Дальнейшая пропаганда сравнивалась с боевыми действиями. *«Антирелигиозный фронт в настоящее время является боевым фронтом, и мы должны нашу работу развернуть широко»* — говорилось в циркуляре Владивостокского горкома ВКП(б) от 13 декабря 1929 года «Об антирелигиозной пропаганде»¹⁴². Однако и это не помогло. Начиная с 1929 года звезда агипроповцев из СвБ стала постепенно меркнуть. Вместе с СвБ постепенно анахронизмом становились и интеллектуальные чекистские оперативные игры с «сектантами». В них все менее и менее нуждалось государство, переходившее к широкомасштабным и беспрецедентным по своей жестокости репрессиям.

Ужесточение гонений

Вообще-то первая волна массовых репрессий в отношении священнослужителей прокатилась еще в 1926–28 гг. Инструкцией ВЦИК РСФСР от 4 сентября 1926 г. были лишены избирательных прав не только монахи и священнослужители, но и верующие — активисты, дети священников и т.д.¹⁴³ По факту вместе с избирательными отбирались и другие гражданские права:

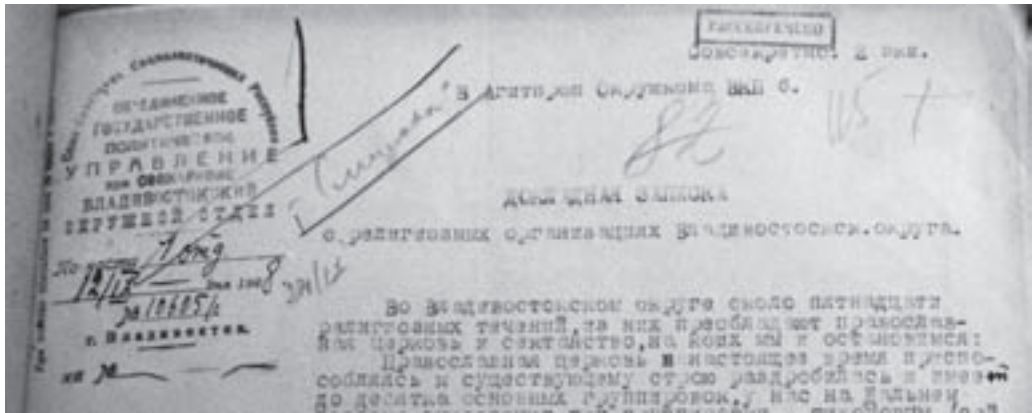
139 Интернет-сайт Союза воинствующих безбожников.

140 Там же.

141 Материалы 2-го Всесоюзного съезда воинствующих безбожников. М., 1929.

142 ГАПК ф. П-3 оп. 1 д. 175 л. 204.

143 РГИА ДВ ф. Р-2413 оп. 4 д. 691 л. 32.

Фрагмент одного из секретных докладов чекистов о «церковниках» и «сектантах» на территории края — по состоянию на вторую половину 1928 года. Слева — угловой штамп Владивостокского ОО ОГПУ. ГАПК ф. П-67 оп. 1 д. 178 л. 115

лишенцам было сложно устроиться на работу, им не выдавались продуктовые карточки, у них могли отнять жилье, как, например, в 1931 году была лишена квартиры в Благовещенске семья арестованного священнослужителя Петра Яковлевича Винса¹⁴⁴. Священнослужители были обложены подоходным налогом, как частные предприниматели (81 % дохода), налогами за неучастие в выборах, за непризываемость на военную службу, высокой платой за квартиру и пр. В случае неуплаты налогов их арестовывали. Они были лишены всех видов государственной страховки, права на бесплатное лечение и т.д.

Отметим, что священнослужители лишались прав наряду с остальным «чуждым элементом» — кулаками, бывшими белогвардейцами и т. д. Так, в Государственном архиве Приморского края существует электронная база-картотека жителей Владивостока, лишенных прав в 1926-1938 годах. В этой базе более 22 тысяч записей — это при том, что население города составляло в 1929 году всего 115 тысяч человек¹⁴⁵. Не имея возможности самостоятельно поработать с этой картотекой, автор «навскидку» назвал сотрудникам архива 5 имен священнослужителей (В. М. Блуштейн, П. А. Мильтин, Е. В. Забудский, Н. Н. Протасов, И. А. Вахник), — и все они оказались «лишенцами», внесенными в эту базу.

8 апреля 1929 года вышло печально известное Постановление ВЦИК «О религиозных объединениях». Деятельность общин была ограничена «удовлетворением религиозных потребностей» верующих в стенах молитвенных домов: миссионерская деятельность, религиозная пропаганда запрещались. Районы деятельности проповедников и наставников (пресвитеров) ограничивались местожительством членов обслуживаемых ими общин и местонахождением молитвенного дома. Воспрещалось оказывать материальную поддержку своим членам; создавать кассы взаимопомощи, кооперативы, производственные артели; организовывать детские, женские, юношеские молитвенные собрания; библейские, рукодельнические, трудовые, по обучению религии и т.п. собрания, группы, кружки и отделы.

144 Г. П. Винс «Тропой верности».

145 Сборник «Владивосток. Штрихи к портрету». В., 1985.

Группа хористов Спасской церкви. 1931 г. Фото из архива церкви ЕХБ Спасска-Дальнего

В мае 1929 г. на XIV Всероссийском съезде Советов была отредактирована ст. 4 Конституции РСФСР. Теперь вместо «свободы религиозной и антирелигиозной пропаганды» признавалась «свобода религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды», что ставило верующих в неравноправное положение.

В Москве деятельность центральных союзов как баптистов, так и евангельских христиан в 1929 г. была временно приостановлена. Их лишили права выпускать свои издания. Баптистам пришлось убрать из руководства пацифистов П. В. Павлова и М. Д. Тимошенко. В 1930 году Союзу баптистов разрешили вновь собраться, однако последовавшие за этим аресты практически парализовали его работу. В марте 1935 он официально прекратил свое существование¹⁴⁶.

Что касается ВСЕХ, то формально он свою работу не прекращал. Еще в 1928 году Проханов выехал за границу для сбора средств. В СССР он больше никогда не вернулся. По одним сведениям, такое решение было принято им по совету знакомых, по другим, — въезд ему был запрещен советскими органами власти. Он умер в Берлине 6 октября 1935 года. Место Проханова в качестве председателя ВСЕХ занял Я. И. Жидков. Ко времени, когда Жидков был арестован и сослан в один из совхозов Магаданской области, на свободе оставались только два члена ВСЕХ — А. Л. Андреев и М. А. Орлов. Председателем Союза стал М. А. Орлов и оставался им до 1944 года, когда его сменил освободившийся Жидков¹⁴⁷.

Нет никакой информации о деятельности ДОВСЕХ во Владивостоке после 1928 года. Можно только догадываться: сам ли он прекратил работу или был насильственно разогнан. Также ничего не известно о дальнейшей судьбе его первого руководителя Н. Н. Красева и сменившего его А. И. Савельева.

146 И. П. Плетт «История евангельских христиан-баптистов с 1905 по 1944 год».

147 Там же.

В 1932 году в стране началась так называемая «безбожная пятилетка», ставившая своей задачей полное уничтожение религии к 1937 году.

Расстрелы, расстрелы...

Постановление правительства «О борьбе с контрреволюционными элементами в руководящих органах религиозных объединений» 15 февраля 1930 года предписывало местным органам власти усилить контроль за руководителями общин, а «враждебных советскому строю» лиц исключить из актива религиозных объединений. Дальневосточным УГБ НКВД в 30-е годы были сформулированы основные причины, по которым можно выносить обвинительный приговор за антисоветскую деятельность «церковникам и сектантам»: сектантская пропаганда среди населения; проникновение в советские учреждения городов, в сельские советы; противодействие культурно-политическим мероприятиям партии и государства; агитация против налоговой политики государства; распространение контрреволюционных, провокационных слухов; связи с зарубежными контрреволюционными бело-эмигрантскими организациями и иностранными разведками и т. п.¹⁴⁸

С 1930 года в Приморье начались регулярные посадки протестантских священнослужителей и просто верующих. К сожалению, материалы архивно-следственных дел о репрессиях тех лет до сих пор малодоступны для исследователей. Поэтому информация о репрессиях в этой книге — очень отрывочная и неполная. И тем не менее...

В январе 1930 года был арестован пресвитер Второй баптистской церкви Владивостока Михаил Васильевич Петров. В заключении он провел 1 год и 3,5 месяца, после чего был отпущен. С 1930 года его община (55 человек) перестала фигурировать в официальных документах.

В январе-феврале 1931 года были арестованы пресвитер Первой Владивостокской церкви баптистов Павел Дмитриевич Скворцов и еще один член этой церкви Чеслав Владиславович Пелка, а также член Владивостокской церкви ЕХ Аристарх Степанович Гончаренко и благовестник ДОВСЕХ Константин Семенович Чеченков. Через несколько недель после ареста их выпустили. Скворцова после этого выслали в тайгу. В 1934 году он был вновь арестован, без права переписки. Из лагеря он не вернулся...

В том же году был арестован пресвитер Уссурийской общины баптистов Антон Павлович Мартыненко. Это был уже второй его срок. Первый срок (1 год) он отбыл в 1928–29 годах. В 1932 году его выпустили, а через год выслали в Омск, где в его доме продолжали собираться верующие. В 1936 году он был арестован и позднее расстрелян, — по одному делу с П. Я. Винсом.

В 1932 году в Приморском крае прошла регистрация общин. По информации Владивостокского горсовета на 22 октября 1932 в городе в общине евангельских христиан официально состояло 189 верующих. Руководители общины — Басок Василий Прокопьевич, Данилов Иван Иванович,

Пересыльный лагерь Владивостока. Через него прошли сотни тысяч людей: сюда прибывали этапы с заключенными со всей страны, здесь они рассортировывались и направлялись в лагеря Колымы, Сахалина, Приморья, Хабаровского края... Фото ГАПК ф. П-9116

Вахник Иосиф Антонович. Характерно, что из трех руководителей двое (Басок и Вахник) – из тех, что еще в 1912 году подписывали заявление на регистрацию первой в городе евангельско-баптистской общины. Благополучно перерегистрировалась также Первая баптистская церковь Владивостока (официально – 40 верующих) Однако по мнению властей, настоящее количество верующих баптистами скрывалось. Секретарь Владивостокского Горсовета Корягин писал, что баптисты представляют в списках лишь норму, допускающую законное существование общины, в то время как «в действительности же, община, нужно полагать, имеет массовое членство»¹⁴⁹. Кроме Владивостокских общин, в крае перерегистрацию прошли 12 общин ЕХ общей численностью 190 чел. и 2 баптистских – 73 человека¹⁵⁰.

А аресты все продолжались... В 1932 году арестовали еще одного благовестника ДОВСЕХ – Владимира Михайловича Блуштейна. После отбытия 5-летнего срока В. М. Блуштейна, не выпуская на свободу, судили повторно и расстреляли в 1938 году. В том же 1932 году был арестован член Совета ДОВСЕХ, один из старейших членов Владивостокской общины ЕХ Николай Николай Протасов. Его осудили к 3 годам высылки в Западную Сибирь. В то время ему было 62 года. О дальнейшей судьбе его

149 ГАПК ф.Р-86 оп. 5 д.16 л.18

150 РГИА ДВ ф. Р-2413 оп. 4 д 1675 л.43,104,148, 216,218, 275, 294, 301, 314

Фотография конца 1920-х. В нижнем ряду слева - Мартыненко Антон Павлович, благовестник Дальневосточного Союза баптистов, пресвитер Уссурийской церкви баптистов в начале 1930-х. Арестован в 1929 году, отсидел год. Вновь арестован в 1931 году. В 1933 году был выслан в Омск. В 1936 году вновь арестован и после года тюрьмы - расстрелян. В нижнем ряду справа - Косицин Василий Васильевич, проповедник и диакон Благовещенской церкви баптистов. Арестован в 1932 году, умер в заключении. В верхнем ряду крайний справа - Перцев Василий Никитович, служитель Дальневосточного Союза баптистов, член Хабаровской церкви баптистов. Его первый арест - в 1936 году, второй - в 1938 году, умер в заключении. Рядом с ним - Скворцов (Скворцов-Иконников) Павел Дмитриевич, благовестник Дальневосточного Союза баптистов, пресвитер Первой Владивостокской церкви баптистов в 1929-1931 годах. Арестовывался в 1931 и 1934 годах, умер в заключении. Остальные изображенные на фотографии неизвестны.

ничего неизвестно. В 1933 году посадили Евстафия Максимовича Захарченко, исполнявшего обязанности пресвитера Первой Владивостокской церкви баптистов после ареста Скворцова. Через 4 месяца он умер в заключении, — ему было 55 лет. В 1934 году арестовали пресвитера Спасской церкви Емельяна Власовича Прокуда. После отбытия срока, в 1938 году, его выслали в Новосибирск (режимный город). Позднее ему было предложено уехать и оттуда, но вернуться на Дальний Восток не разрешили. Он уехал с семьей в Краснодар.

К 1934 году относятся последние официальные сведения о Первой баптистской церкви Владивостока. Видимо, с этого года она прекратила легальное существование.

В мае 1935 года были арестованы двое руководителей Владивостокской общины ЕХ — Иосиф Антонович Вахник и Иван Иванович Данилов, а спустя месяц еще один член этой общины — Роман Васильевич Толстолесов. Вахника, на тот момент 68-летнего старца, приговорили к высылке на 5 лет в Красноярский край. Дальнейшая его судьба неизвестна. Толстолесова приговорили к 1 году исправработ. В 1937 году он был арестован повторно и приговорен к 10 годам исправительных лагерей. Данилову вменили в вину попытку нелегальной эмиграции и осудили на 2 года лишения свободы с конфискацией имущества. Вскоре после его ареста чекисты арестовали также и верующую из Первой баптистской церкви Владивостока — Матрену Яковлевну Емелину. Ей обвинили в недонесении о готовящемся переходе госграницы и приговорили к 1 году исправительных работ. Что касается Ивана Ивановича Данилова, то он спустя несколько месяцев после своего освобождения, в декабре 1937 года, был повторно арестован и через месяц — расстрелян.

5 декабря 1936 г. была принята «сталинская» Конституция, ст. 124 которой звучала так: «В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами». Это выглядело насмешкой, впрочем, сам текст Конституции был малодоступен обычным гражданам¹⁵¹.

Еще до принятия новой Конституции Владивостокскую церковь ЕХ (последнюю из легально действующих евангельских общин города) лишили регистрации. Президиум Приморского областного исполкома 3 апреля 1936 г. вынес постановление:

«Виду отказа бывшей группы верующих от молитвенного здания (на ул. Пушкинской, 12, — прим. авт.) и отсутствия желающих взять в пользование <...> культовое имущество — ликвидировать. Молитвенное здание передать <...> Тихоокеанскому Флоту для организации клуба»¹⁵².

Однако община продолжала сопротивляться, и в апреле 1937 года ей удалось зарегистрироваться¹⁵³. Видимо, они стремились таким образом защи-

151 А. И. Соженицын «Архипелаг ГУЛАГ»

152 ГАПК Р-25 оп. 5 д. 61 л. 152

153 ГАПК Р-25 оп. 4 д. 16 л. 14

тяться от репрессий. Более того, община даже подала заявление во Владивостокский горсовет с просьбой отвести им участок земли в районе Куперовой пади для постройки молитвенного дома. Горсовет рассмотрел это заявление и отказал «ввиду того, что по ген. проекту район Куперовской пади подлежит застройке капитальными зданиями не ниже 4 этажей»¹⁵⁴.

Между тем волна арестов не только не спадала, но напротив, все усиливалась. 31 июля 1937 года вышел печально известный оперативный приказ НКВД № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов», подписанный наркомом внутренних дел Ежовым и утвержденный Политбюро ВКП (б) под руководством Сталина. В число антисоветских элементов входили и «сектанты» Именно этим приказом было положено начало Большому террору 1937–38 годов.

Для каждой области, края и республики был определен план по обеим категориям репрессируемых. Для начала предписывалось арестовать 259 450 человек, из которых 72 950 расстрелять. В течение 1937–38 годов эти цифры (т. н. «лимиты») были многократно превышены. Все подлежащие аресту граждане разбивались на две категории: первая – подлежала немедленному расстрелу, вторая – заключению в лагерь или тюрьму на срок от 8 до 10 лет¹⁵⁵.

Эти дела рассматривались в упрощенном порядке, не судами, а квазисудебными органами, – Особыми тройками НКВД. В состав тройки обычно входили: председатель – местный начальник НКВД, члены – местные прокурор и первый секретарь областного, краевого или республиканского комитета ВКП (б). Зачастую тройки судили заочно, без вызова обвиняемых и предоставления защиты. За одно заседание тройки могли быть рассмотрены десятки дел, часто – групповых.

Приказ № 00447 предписывал начать операцию с 5–15 августа, в зависимости от региона. Для Дальнего Востока – с 15 августа. Однако волна арестов здесь началась на несколько дней раньше. Первыми под нее попали руководители все еще надевавшейся на легальное существование Владивостокской общины ЕХ: пресвитер Калиник Кононович Прокопенко и его помощники, – Прокопий Александрович Грачев и Назар Иванович Синцов. Их арестовали 12–15 августа 1937 года. А расстреляли в один день – 22 января 1938 года (в этот же день были расстреляны один из пресвитеров Первой Владивостокской общины баптистов Павел Адамович Мильгин, еще один из руководителей Владивостокской общины ЕХ Иван Иванович Данилов и еще трое верующих из Владивостока).

После ареста Прокопенко, Грачева и Синцова Владивостокская община ЕХ прекратила свое легальное существование. Спустя неделю, 20–23 августа был арестован актив Спаской церкви – Афиноген Федорович Вильчик (один из основателей общины), Иван Семенович Репкин, Ермолай Андреевич Мех, а из Сучанской церкви – Иван Никитич Мокренко и Яков Васильевич Гончаров. Всех судили тройки НКВД, все они были расстреляны...

154 ГАПК ф. Р-85 оп. 1 д. 141 л. 17

155 Н. Петров «Сталинский план по уничтожению народа: Подготовка и реализация приказа НКВД № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов»

Волна репрессий в то время захлестнула страну. Конечно, жертвами были не только «сектанты». Точные масштабы репрессий до сих пор неизвестны. В Приморье, по предварительным подсчётам, таковых было более 100 тысяч. Для территории с населением в то время менее 1 миллиона человек, это очень много. Профессор-историк Алексей Пантелеевич Деревянко, начинавший исследовать эту проблему ещё в начале 90-х годов, утверждал, что в Приморье количество репрессированных на порядок больше, чем в центральных регионах страны (в расчете на тысячу проживающих). Всего, по данным Деревянко, в архивах УФСБ ПК хранится более 80 тысяч архивно-следственных дел. Из них удалось разобрать 25 тысяч дел. Составлена картотека с именами примерно 9 тысяч расстрелянных. В 2002 году Алексей Пантелеевич скончался, и работа по разбору остальных дел остановилась¹⁵⁶.

В числе расстрелянных, занесенных в эту картотеку, — десятки евангельских христиан и баптистов (см. Мартиролог в конце главы). Брали уже не только священнослужителей, но всех, кто хоть как-то проявлял активность. Убийства были поставлены на поток, — с момента ареста до расстрела проходило 1–3 месяца, а в отдельных случаях — 3 недели. (Это можно называть «убийством»: ведь пройдут десятилетия и в справках о реабилитации будут писать, что расстрельный приговор отменен в связи с «отсутствием состава преступления»).

Так заканчивалась «безбожная пятилетка»... В 1937 году власти стали подводить ее итоги. В тот год проводилась перепись населения. По распоряжению Сталина в переписной лист были включены вопросы, касающиеся религиозных убеждений. Пять миллионов человек уклонились от ответа. Тем не менее 50 % опрошенных в НЕАНОНИМНОМ государственном вопроснике заявили о своей религиозности¹⁵⁷.

Несмотря на все зверства, план «уничтожить религию» к 1937 году провалился...

Приложение 1

Ярославский Емельян Михайлович
(настоящее имя — **Миней Израилевич Губельман**) — революционер,
деятель Коммунистической партии, идеолог и руководитель
антирелигиозной политики в СССР.

Родился в семье ссыльнопоселенцев, окончил трехклассное городское училище, выдержал экзамен за 4 класса гимназии. В 1898 году вступил в РСДРП, занимался подпольной работой, в том числе партийной журналистикой. Был одним из руководителей Боевого центра партии, организовывавшего теракты и «экспроприации» — грабежи банков и частных лиц, средства от которых

156 газета «Утро России» 9 июля 2009 г.

157 А. Щипков. «Во что верит Россия. Религиозные процессы в постперестроечной России»

Руководитель СВБ Емельян Ярославский. Советская открытка

направлялись на партийные нужды. После очередного ареста в 1907 году был приговорен к 7 годам каторги. Февральскую революцию 1917 года встретил на поселении в Якутской области. Вернулся в центральную часть России, вновь занялся партийной работой. Сделал головокружительную карьеру. С начала 30-х годов — приближенный к Сталину. С 1939 до смерти — член ЦК партии. Академик АН СССР. Урна с его прахом замурована в Кремлевской стене.

Ярославский — автор биографии Ленина, соавтор «Краткого курса истории ВКП(б)» — официальной версии истории Компартии. В 1939 г. написал книгу «О товарище Сталине» («Рядом с Лениным, начиная с конца 90-х годов, и всегда вместе с Лениным, всегда по одной дороге, никогда не сворачивая с этого пути, идет товарищ Сталин...»). Был автором большого числа других подобного рода

публикаций по истории Коммунистической партии и революции.

Но более всего Ярославский известен как главный идеолог и руководитель борьбы с религией в СССР, организатор и вдохновитель террора против верующих. По воспоминаниям Н. С. Хрущева, Ярославского называли «главным советским попом».

С 1922 года Ярославский возглавил Центральный совет Союза воинствующих безбожников. В 1923 г. вышла его книга «О религии». Он — автор лозунга: «Борьба против религии — борьба за социализм». Был редактором журналов «Безбожник», «Безбожный крокодил», «Безбожник у станка», под его руководством издавалось множество антирелигиозных брошюр, плакатов и открыток кощунственного содержания.

В журнале публиковались статьи партийных лидеров по религиозному вопросу, которые указывали направление руководителям на местах, например «...выселение богов из храмов и перевод в подвалы, злостных — в концлагеря» (из статьи Н. И. Бухарина). Как «аморальное издание» журнал «Безбожник» был запрещен к ввозу на территорию Великобритании специальным актом английского парламента.

В конце 1920-х годов Ярославским был наложен запрет на исполнение духовной музыки Чайковского, Рахманинова, Моцарта, Баха, Генделя и других композиторов. «В данный момент, — писал Ярославский, — церковная музыка, хоть бы и в лучших ее произведениях, имеет актуально-реакционное значение». Ярославский составлял и подписывал списки запрещенных книг, в которые вошли произведения Платона, Канта, Вл. Соловьева, Л. Толстого, Достоевского и др. Такие списки рассылались по библиотекам, где обреченные книги должны были быть переданы в спецхраны или уничтожены.

Ярославский имел непосредственное отношение и к антицерковному террору: он лично составлял списки на аресты верующих.

«...одним из убежищ, одним из прикрытий для крестьянина, который не хочет в колхоз... остается религиозная организация с гигантским аппаратом, полторамиллионным активом попов, раввинов, мулл, благовестников, проповедников всякого рода, монахов и монашек, шаманов и колдунов и т. п. В активе этом состоит вся махровая контрреволюция, еще не попавшая в Соловки, еще притаившаяся в складках огромного тела СССР, паразитирующая на этом теле». (Емельян Ярославский «Соцсоревнование и антирелигиозная пропаганда».

Основной источник — «Википедия»

Приложение 2

Скворцов-Иконников Павел Дмитриевич 1902-193...?

Павел Дмитриевич вырос в Чите, в верующей семье. В 1915 году, еще будучи школьником, принял крещение по вере. Из школы его, как верующего, исключили, однако потом разрешили экстерном сдать экзамены за последний класс, что он успешно сделал.

В середине 20-х годов женился на Настасье Васильевне Кондрашевой. Он был разъездным благовестником Дальневосточного союза баптистов. Много потрудился в Читинской области — в холодном крае с сильными ветрами и морозами зимой до -50 градусов. Вопреки трудностям, евангелизация района была успешной. Был прекрасным проповедником, по утверждению Г. П. Винса (книга «Тропой Верности»), его проповеди *«отличались глубиной и отточенностью прекрасно выраженной мысли».*

В конце 20-х переехал во Владивосток, стал помощником пресвитера, а затем и пресвитером Первой Владивостокской церкви баптистов. В феврале 1931 года его арестовали, но вскоре выпустили. После этого он вернулся в Благовещенск, однако там начались аресты служителей.

«Арестован был и Павел Дмитриевич, но в связи с тем, что у него было в это время уже 6 маленьких детей, его вместе с семьей отправили на ссылку на Оборскую Ветку, суровое место в Хабаровском крае, — сообщает в своей книге Г. П. Винс. — Их семью поселили в лесу в одинокой маленькой избушке. Был конец ноября, снега выпало выше колен, топлива не было, и Павлу Дмитриевичу и его жене нужно было ежедневно ходить в лес и рубить ветки, чтобы протопить избушку. Был голодный год, есть было почти нечего. Точно не могу сказать, сколько времени прошло, но не более года, и от истощения умерла его жена. Он остался в тайге один с малютками, положение было трагическое. Жена перед смертью просила его жениться на своей подруге, и та согласилась приехать к нему в тайгу. Перед женитьбой он целый день провел у могилы жены — что было

Актив Первой Владивостокской церкви баптистов, около 1930 г. В первом ряду первый слева – пресвитер П. Д. Скворцов, второй – диакон Р. Г. Эверт, во втором ряду первый слева – А. В. Мицура (будущий пресвитер Находкинской церкви ЕХБ). Фото из архива В. Т. Лебедева

у него в душе, знает Один Господь! Но он сохранил верность Господу и не пошел ни на какой компромисс с неверием, чтобы избежать страданий. От второй жены у него родилась дочь, жили они по-прежнему в том же лесу.

В 1934 году Павел Дмитриевич был снова арестован и уже навсегда, без права переписки, как тысячи верующих. Где его могила и когда он умер — только вечность откроет в свое время. Дети его были разобраны разными семьями верующих, о дальнейшей судьбе детей ничего неизвестно».

Приложение 3

Мартыненко Антон Павлович 1899-1937

Уверовал в Бога в 1915 году и тогда же присоединился к общине христиан-баптистов. Вскоре стал проповедником. В 20-е годы был благовестником Дальневосточного Союза баптистов. Стал пресвитером церкви Уссурийска. В 1927 году был лишен гражданских прав, как служитель культа. В 1928 г. был осужден на 1 год лишения свободы за уклонение от трудповинности, в 1929 г. был осужден на 2 мес. принудработ. В 1931 г. привлекался органами ОГПУ по ст. 58-10 УК, отбыл 5 мес. ареста. В феврале 1933 года был выслан из Уссурийска в Омск как административно-ссылный. Вместе с Антоном Павловичем переселилась в Омск и его семья — жена и трое детей. В Омске в его жилом доме собирались верующие в 1935-36 гг.

В книге Г. П. Винса «Тропой верности» приводятся воспоминания Лидии Михайловны Винс:

«В Уссурийске молитвенный дом баптистов власти конфисковали в 1931 году. Пресвитером у них был Мартыненко Антон Павлович, украинец по происхождению. У него был красивый тенор, он хорошо пел и сильно проповедовал. Собрания верующих продолжались в Уссурийске и после отнятия молитвенного дома, но уже на квартирах. Тогда власти арестовали Мартыненко, и он пять месяцев просидел в тюрьме. Когда его выпустили, он продолжал посещать собрания и проповедовать. Антон Павлович был жизнерадостным и очень простым в обращении, у него было доброе сердце и глубокая преданность Богу. Семья Антона Павловича состояла из жены и троих детей. Жена его Анисия Андреевна, простая малограмотная женщина, была искренней христианкой. У Антона Павловича была хорошая специальность: он был столяром. В Уссурийске у них был небольшой домик, в котором часто собирались верующие. В железнодорожной конторе, где я работала, было несколько человек из верующей молодежи: кто работал счетоводом, кто бухгалтером. Все мы ходили на собрания, где проповедовал Мартыненко. Из нашей конторы стали ходить на собрания даже неверующие приближенные»...

А.П. Мартыненко. Тюремная фотография. Архив ФСБ, дело П-663 (опубликована в книге Г.П.Винса «Тропой верности»)

26 апреля 1936 года Антон Павлович был арестован одновременно с еще тремя служителями — П. Я. Винсом, А. Н. Клименко и В. Н. Перцевым. После ареста Мартыненко без кормильца осталось трое детей: Лариса — 12 лет, Валентин — 10 лет, Зоя — 4 года, и жена Анисья Андреевна. На суде его обвиняли, что в проповедях под словом «сатана» и «дьявол» он имел в виду советскую власть и коммунистов. Потом спросили: «Зачем вы собирали деньги?» Он ответил: «Хотели отправить брата в Москву, чтобы он похлопотал, чтоб нам вернули молитвенный дом. А еще собирали деньги на помощь верующим, потому что где-то кто-то умер, а противозаконного мы ничего не делали». 26 августа 1937 года Антон Павлович был расстрелян. В 1963 году реабилитирован посмертно. Все его дети стали верующими.

Источники — книга Г. П. Винса «Тропой верности», рукопись В. Т. Лебедева «История насаждения церквей на Дальнем Востоке», РГИА ДВ ф. р-2413 оп. 4 д.1653.

Приложение 4

Воспоминания Всеволода Владимировича Блуштейна

В 2001 году вышла книга мемуаров Всеволода Владимировича Блуштейна «По следам Христа». Автор — христианин, ныне живущий в Сакраменто

(США, Калифорния). Его отец, Владимир Михайлович Блуштейн, был членом Владивостокской общины ЕХ в 1917-1931 годах и нес служение благовестника ДОВСЕХ.

Биография Владимира Михайловича сама по себе примечательна. Он родился в 1887 году в семье евреев-аристократов. Его родители были ортодоксальными иудеями, строгими ревнителями Моисеева Закона, регулярно посещавшими синагогу. Владимир Михайлович окончил гимназию, владел немецким, французским, английским языками. Изучал древнееврейский. Так как родился в Бессарабии, знал также русский и украинский. В 19-летнем возрасте через труд немца-евангелиста Шетлера, который был сапожником, он уверовал во Христа как обетованного евреям Мессию и своего личного Спасителя и через святое крещение по вере присоединился к общине евангельских христиан в Одессе.

Его будущая жена Ирина Михайловна Станиславская родилась в 1893 году недалеко от г. Одессы в семье православных украинцев. В юные годы она переехала в Одессу, где окончила гимназию и работала. Познакомившись с хорошо воспитанной, образованной, очень красивой девушкой, Владимир Михайлович пригласил ее в евангельское собрание. Она стала регулярно посещать собрания и, подобно отцу, всей душой приняла Христа в свое сердце и вступила через святое крещение по вере в Одесскую церковь евангельских христиан.

Нужно сказать, что родители Владимира Михайловича поставили перед ним ультиматум: «Или оставь свое «заблуждение» и не позорь наш род, или мы откажемся от тебя, лишим своей поддержки и наследства, будем считать, что ты умер для нас и забудем, что у нас был сын.» Но его это не остановило. Он стал пламенным проповедником Христа.

Перед началом 1-ой мировой войны Владимир Михайлович начал работать управляющим домами и сделал предложение Ирине. Она дала согласие. Однако вскоре начались предвоенные гонения на христиан, и Владимир Михайлович был арестован. После заключения он был приговорен к ссылке в Сибирь, в Енисейскую губернию. В 1916 году туда приехала его невеста и они поженились. Освободившись после революции 1917 года, они переехали в Приморье, где у них родилось 8 детей. Здесь он присоединился к Владивостокской общине ЕХ и стал благовестником ДОВСЕХ. В 1923 г., когда из г. Владивостока отплывал последний американский пароход, верующие предлагали эмигрировать и ему, но он отказался.

В.М. Блуштейн. Фото из семейного архива Блуштейновых

В мемуарах его сына есть некоторые детские воспоминания начала 30-х годов. С разрешения Всеволода Владимировича в эту книгу включены некоторые из них.

«С 1931 года начался искусственный голод на Дальнем Востоке. Чтобы сберечь семью, родители решили переехать в Спасск. Здесь находились обширные сельскохозяйственные районы, и было несколько легче прокормить семью, где подрастали восемь маленьких детей. Отец продолжал работать на производстве и приводить души ко Христу.

<...>

Когда мы переехали в Спасск, там тоже начался голод. Но Господь хранил нашу семью. Мама варила мерзлую тыкву, хотя и ее не было вдоволь; из жмыха делала кофе – пережигала жмых и заваривала его. Но и эти мизерные запасы приходилось экономить, чтобы их хватило на дольше...

<...>

В начале ноября 1932 г., когда пригородные поля были скованы льдом, покрыты толстым слоем снега, который надежно укрыл полусгнившие бобы, сою, фасоль, другие сельскохозяйственные культуры, два моих старших брата, десятилетний Павлик и восьмилетний Сережа, пошли в поле, чтобы хоть немного принести зерновых или бобовых и мама могла сварить хоть какой-то суп. Они раскапывали промерзший снег окоченевшими пальчиками, доставали бобовые, выковыривали из стручков и складывали их в боковые карманы своих пальтишек. Сережа не знал, что у него в кармане была маленькая дырочка, и горошинки сыпались в полу пальтишка...

Вдруг на лошадях налетели объездчики, что стерегли поля. На поле было много детей и взрослых, которые, ослабев от голода, и бегать уже толком не могли. А объездчики на здоровых, сытых лошадях догнали детей, зверски избили их кнутами, затем слезли с лошадей и у всех вывернули карманы, а собранное с таким трудом их содержимое высыпали прямо в снег. И это было намного обиднее и больнее кнутов...

А по взрослым объездчики стреляли крупной солью... Заряжали ружья солью, гнали на лошадях и на полном скаку стреляли... Раны от соли долго не заживали, гнили и кровоточили, поскольку обрабатывать их было нечем...

Мои братья пришли домой в слезах... Замерзшие, избитые. Мама, как могла, успокоила их, раздела. И при этом заметила, что пальтишко Сережи было намного тяжелее, чем Павлика. Увидев дыру в кармане, мама вспорола подкладку и высыпала из нее много гороха и сои. Мамочка поблагодарила Бога за эту милость и несколько дней варила нам супчик, пока папа не раздобыл немного каких-то продуктов».

В том же 1932 году семья Блуштейнов, продав свои вещи, переехала в Петропавловск-Камчатский в надежде найти там хлеб и работу. Однако в начале 1933 года Владимира Михайловича Блуштейна арестовали за проповедь Евангелия. Но в апреле его выпустили, после чего они решили на пароходе вернуться во Владивосток.

«Когда пароход подошел к пристани во Владивостоке, шел небольшой дождь. Наша семья высадилась на пристани. Вещей было много. А вот детей... И все мал мала меньше: Оленьке тогда было восемь месяцев, Олежеку – два с половиной года, мне – четыре с половиной, Томочке – шесть с половиной, Сереже – восемь с половиной, Павлику – десять с половиной...

*Дети Блуштейнов, слева направо: Сергей, Тамара, Вера, Павлик, Всеволод. 1934 г.
Фото из семейного архива Блуштейнов*

Подходят к отцу двое молодых мужчин в штатском. Спрашивают его:

— Это вы Владимир Михайлович Блуштейн?

Отец ответил утвердительно.

А эти двое отцу говорят:

— Вы должны пройти с нами. Нам нужно проверить все ваши документы в милиции, и через полчаса вы вернетесь к своей семье. Так что не волнуйтесь.

Это были сотрудники ГПУ. Моя сестричка Тamarочка схватила папину штанину и начала громко плакать и кричать:

— Не отпуска моего папочку!

Чувствовало детское сердечко, что отца заберут не на полчаса, как обещают, а навсегда. Мы все тоже начали плакать. Вокруг нас собралась толпа зевак. Один из чекистов оттащил Тамару от отца, и они очень быстро ушли вместе с отцом. Его вновь арестовали. Мама осталась с восемью малолетними детьми, младшей из которых, Оле, было всего восемь месяцев. Маму лишили гражданских прав, она стала «лишенкой», т. к. отец был христианином и проповедником. И ни малейшей помощи.

...Мы с мамой остались на пристани. Вот уже прошло несколько часов, а папы все нет. Дождь, который едва моросил, усилился. Мама наняла извозчика с большой телегой. Грузим вещи на телегу и едем по адресу, который был у мамы, к одной верующей сестре. Муж этой сестры тоже находился в тюрьме за Слово Божие.

<...> Мы ехали на телеге, грязные, мокрые, замерзшие и голодные. Но никто не плакал. Все сидели тихо, никто не шалил, и у всех была одна мысль: как же мы теперь будем без папы. Мама тоже была спокойна. Она не плакала, не голосила, не заламывала руки, оставшись среди зимы без мужа, крыши над головой, имея на руках восемь детей. Она только тихонько нам сказала:

– Не будем плакать. Господь не оставит нас. У нас есть Отец Небесный, который поможет нам в трудную минуту, пошлет нам жилье, пищу, утешенье. Будем всегда надеяться на него.

И она сказала это так убедительно и так спокойно, что ее уверенность и спокойствие передались и нам...

Когда мы подъехали к дому, указанному в адресе, начинало уже темнеть... У сестры, которая нас приютила, оказалась небольшая квартира. Но приняла она нас очень хорошо. Передела нас, поскольку мы все были промокшие и грязные, накормила чем Бог послал, напоила горячим чаем и уложила спать кого где. Мы помолились нашему Господу, поблагодарили его за все и уснули крепким, спокойным сном.

На следующий день мама распределила нас по домам верующих сестер. Большинство их мужей также находились в заключении за Слово Божие. Меня временно взяла одна верующая тетя. Она была очень доброй женщиной, и мне у нее было хорошо. Но я очень тосковал по маме, по своим братикам и сестричкам. Однажды я так заскучал за мамой, что начал плакать и попросил тетю:

– Давайте помолимся, попросим Бога, чтобы мама пришла к нам, я за ней очень соскучился.

Мы с тетей стали на колени и начали горячо молиться. Я молился со слезами и с огромной верой. И как только мы закончили молитву, только встали с колен, как раздался стук в дверь. Это Господь по нашей молитве привел маму».

.....

Основную часть заключения Владимир Михайлович отбыл в лагере на окраине Хабаровска. Семья перебралась в Хабаровск, чтобы быть ближе к нему.

«Однажды на свидание с папой пустили моего старшего брата Сергея. Ему тогда было около 12 лет. Папа взял его за руку. Они вдвоем медленно шли по зоне вдоль колючей проволоки, тихонько разговаривали. Смотрят, едет извозчик на телеге. Лошадь идет не спеша, а на телеге что-то накрыто брезентом. Недалеко от колючей проволоки лежала куча глины. Подъехал к ней извозчик, сбросил то, что было на телеге, и поехал себе дальше.

А мальчику любопытно посмотреть, что же там так глухо упало. Подбежал он к куче глины, видит – яма глубокая, а вней совершенно голый мертвый человек лежит, скорчившись, вниз головой и вверх ногами. Испугался Сережа, прибежал к отцу со слезами, рассказывает о том, что видел. Отец успокоил сына, погладил его по голове, обнял и говорит, что сейчас нет досок. Когда доски привезут, сделают гроб и дядю похоронят, как положено... А в разговоре с мамой отец сказал, что досок вообще никогда не привозили и по-другому здесь не хоронят»...

.....

«В 1937 году в городе Хабаровске жил брат в Господе, дедушка Сединко, со своей верующей женой Маней. Было им уже за 70, а детей у них не было... Дедушка понемного сапожничал. Мама, бывало, принесет ему кучу старых детских валенок (катанок). А он их подошьет, починит, дыры залатает... Мама ему деньги за работу дает, а он не берет, говорит:

– Я, сестричка, для твоих деток обувку починил, как для Господа, пусть носят на здоровье...

Да еще с женой маму чайком напоят, о Боге с ней поговорят...

Дедушка Сединко знал, что мама одна воспитывает детей, что мужа ее забрали. Поэтому жалел ее и нас, сочувствовал... Говорит как-то маме:

– Скоро и за мной придут.

Это ему Господь каким-то образом открыл. Мама заплакала. А он велел своей жене насушить сухарей, приготовить две пары теплого белья и одежду потеплее...

...Пришли чекисты за Сединко ночью, как злодеи... Попросил он их в последний раз с женой помолиться. Разрешили. Стали супруги на колени, помолились друг за друга, за братьев и сестер, за церковь свою, за гонителей тоже помолились... Попрощался Сединко с женой. Открыл ему Господь, что увидится он со своей Маней разве что у ног Христа...

Так и случилось. В лагерях заключения он и умер...»

.....

Когда подходил к концу 5-летний срок, на который был осужден В. М. Блуштейн, ему предложили в качестве платы за освобождение публично, через газету, отречься от Христа. Он отказался. Его так и не выпустили. Вскоре родным сообщили, что ему дали дополнительно 10 лет строгого режима без права переписки и отправили за Полярный Круг в город Ухту. До недавнего времени родные считали, что там он и умер. Только недавно в Интернете в мартирологе Амурской области они обнаружили запись о том, что в 1938 году В. М. Блуштейн был приговорен к расстрелу. Это была обычная практика тех лет: родственникам приговоренных к расстрелу лгали, что их близкий осужден на длительный срок без права переписки.

Приложение 5

Роберт Андреевич Фетлер 1892-1941

Роберт Фетлер родился 4 июня 1892 года в городе Тукумс, в ста километрах от Риги. Отец его, Андреис Фетлерс, был образованным человеком и талантливым проповедником. Мать Маргарита была христианкой и в вере воспитала своих детей. Андреис Фетлерс нес служение пастора в церкви баптистов, где Роберт еще в ранней юности посвятил свою жизнь Господу. В 1909 году 17-летний юноша уехал в Санкт-Петербург, где старший брат его Вильгельм Андреевич нес служение благовестника в общине баптистов. Через два года Роберта направили в Англию, в Библейский колледж имени Сперджена, где раньше учился и старший брат. Закончив ее в 1915 году (в самый разгар Первой мировой войны), Роберт вернулся в Россию, в Петроград (переименование города по случаю войны с немцами произошло в августе 1914 года).

Старшего брата к этому времени в Петрограде уже не было: еще в сентябре 1914 года он был осужден к ссылке в Сибирь за активную проповедь Евангелия,

*Р.А. Фетлер с семьей, 1932 г. Фото из архива Санкт-Петербургской Церкви ЕХБ
ф. 4 оп. 1 д. 15*

однако, благодаря ходатайству влиятельных лиц, сибирскую ссылку ему заменили высылкой за пределы России. Сначала Вильгельм Андреевич уехал в Англию, куда к нему в январе 1915 года переехала и супруга его – Варвара Ивановна со своим четырехмесячным сыном-первенцем.

А Роберт Андреевич, находясь в Петрограде, нес служение в общине Дома Евангелия, основанной братом. Осенью 1916 года Роберт Андреевич был приговорен к ссылке в отдаленный район Якутии, как опасный элемент еретического убеждения. Направлялся он туда без конвоя, поэтому на пути следования имел возможность задерживаться в городах, где имелись общины баптистов. А таких городов на длинном пути в Якутию не перечисть. Роберт Андреевич не спешил: он останавливался, посещал общины, знакомился с верующими, проповедовал Евангелие в богослужбных собраниях, делился опытом и советом. В феврале 1917 года, когда он доехал уже до Иркутска, в Петрограде вспыхнула революция, самодержавие пало. Учитывая политические изменения, Роберт Андреевич, конечно, дальше не поехал, а, отдохнув и погостив у братьев и сестер в Сибири, тем же путем двинулся обратно в Петроград.

18 ноября 1917 года состоялось бракосочетание Роберта Андреевича с Татьяной Ивановной.

Татьяна Ивановна родилась 10 января 1893 года. Богослужбные собрания баптистов она начала посещать в 1909 году. Тогда они проходили на вилле И. Я. Урлауб на Лесном проспекте в Петербурге. Крещение девушка приняла в 20 лет, в 1912 году. Причем крещение группе молодежи из 9 человек преподавалось в будний день и в закрытом помещении: во избежание

неприятностей при совершении его на публике. Работала Татьяна Ивановна в оптическом магазине И. Я. Урлауб. С Робертом Татьяна была обручена еще в 1913 году, однако пожениться тогда помешали война и высылка жениха в Якутию. В 1917 году такая возможность, наконец, появилась. Богослужения тогда проходили в доме княгини Чертковой, поскольку в Доме Евангелия разместился организованный общиной госпиталь для раненых воинов. В доме Чертковой и прошло бракосочетание молодой пары.

Вскоре после этого новобрачные отправились в Омск по приглашению руководства местной церкви. Дело в том, что, возвращаясь из несостоявшейся ссылки, Роберт Андреевич останавливался в Омске, где познакомился с церковью и сблизился с ней. Они пригласили его к себе, поручив нести служение помощника пресвитера, которое он совершал до 1919 года. В 1919 году старший брат пригласил их приехать к нему в Америку. Тогда молодая пара направилась во Владивосток, где находилось американское консульство, чтобы получить разрешение. Однако консульство во въездной визе им отказало, опасаясь их как коммунистов.

Во Владивостоке они встретились с миссионером Эриком Олсоном, который чрезвычайно обрадовался встрече с ними, видя, что в лице Роберта Андреевича может иметь прекрасного сотрудника. Служение пресвитера во Владивостокской церкви баптистов в это время нес Ефим Викентьевич Забудский, который еще в 1918 году, познакомившись с Робертом Андреевичем на съезде в Омске, приглашал его для работы в церкви.

Вскоре Роберт Андреевич стал пресвитером Владивостокской церкви, а Забудский принял служение помощника пресвитера. С марта 1919 года Роберт Андреевич начал издавать журнал «Благовестник». В первом номере журнала он писал: *«Уже давно Господь побуждал мое сердце взяться за этот серьезный труд, но трудности переживаемых дней и надежда, что, может быть, другая, более опытная, рука возьмется за это святое дело, замедлили появление «Благовестника»...*

В апреле 1923 года семья Фетлер перебралась в Харбин, куда ранее уехал Эрик Олсон. Старший брат Роберта, Вильгельм Андреевич, в это время уже вернулся в Латвию из Америки (в 1922 году). В конце 1924 года Роберт Андреевич и Татьяна Ивановна также переехали в Латвию.

Здесь, в Риге, в 1925-36 годах Роберт Андреевич нес служение пресвитера в латышской церкви баптистов при Доме Голгофа.

В 1935 году его старший брат снова уехал в Америку. Вместе с ним уехал и русский пресвитер Храма Спасения – церкви, построенной Фетлером-старшим. Таким образом русская баптистская община осталась без пресвитера и его место занял Роберт Андреевич... Тихая благословенная жизнь семьи Фетлер изменилась внезапно, в один день, – 14 июня 1941 года. Незадолго до этого советские войска вошли в Латвию. Вот что вспоминала Татьяна Ивановна Фетлер:

«Утром 14 июня 1941 г., как обычно, я ушла в магазин за молоком. У нас было пятеро детей: два сына и три дочери.

Старшему сыну Боре исполнилось двадцать лет, младшей дочери Маргарите

– десять лет. Возвращаюсь из магазина и не могу понять, что случилось. В квартире у нас пять чужих мужчин, трое в штатском, один в военном и милиционер-латыш.

– В чем дело? – спрашиваю я.

– Не спрашивайте, скорее собирайтесь, берите теплые вещи, поедете в Сибирь! Этот озлобленный ответ парализовал мое сознание. Что думать? Что брать с собой? На сборы дан был всего один час, внизу ожидала машина, и эта пятерка мужчин торопила нас.

С узлами и чемоданами погрузились мы в машину, а на станции нас пересадили в товарный вагон с теплушкой, где уже сидело несколько семей, как и мы. Целый длинный эшелон, наполненный семьями, обреченными на изгнание, лишение и смерть, повезли на Восток, в Сибирь.

Вдруг на одной станции подходит женщина в военной форме и командует: «Мужчины выходите, а женщины и дети оставайтесь!» Мужчины, как один, заявили, что никуда не пойдут, что останутся со своими семьями, и закрыли дверь. Но это не помогло. Через время снова раздался крик: «Выходите из вагона, он никуда не пойдет!» Пришлось выгружаться, и тут нас рассортировали, мужчин увели. Ушел от нас Роберт и оба сына. Осталась я одна с тремя моими девочками. Больше уже ни мужа, ни сыновей моих я никогда не видела. Это было наше последнее с ними свидание и разлука навсегда.

А далее мужчин еще раз разделили – молодых особо, пожилых особо. Таким образом нашу семью разделили окончательно, увели сыновей от отца. После мы узнали, что сыновья, Боря и Юрий, оказались где-то в Новосибирской области. Куда направили Роберта Андреевича, мы ничего до сих пор не знаем.

Голод, тяжелый труд, изнурение, горечь разлуки с родными, одиночество довели молодой организм сыновей. Двадцатилетний Боря умер в октябре того же 1941 года. О Юрочке НКВД сообщило мне, что он умер в 1943 году. Только матери, пережившие боль «оружия, прошедшего сердца», поймут всю горечь и муку души, утратившей своих любимых.

Невинные жертвы, мученики бесчеловечности... За что?..

Меня с девочками привезли в Красноярский край, в Тасеевский район, деревня Сухова. Теснота, грязь, неудобства, изнурение... Как все это пережили мы?! Как перенесли все эти лишения? – Бог только один знает.

Через год семнадцатилетнюю дочь Иру выслали в Игарку, где она прожила восемь лет и вернулась к нам. Так мы и проскитались с моими девочками, не зная, что папы нашего давно уже нет в живых. Только в 1947 г. нам стало известно, что он от пережитых ужасов умер раньше сыновей, 3 октября 1941 г.

Татьяна Ивановна Фетлер, 1976 г.
Фото из архива РС ЕХБ

После долгих лет изнурения в глуши Красноярского края, перенеся тяжелую утрату любимых и дорогих, на закате жизни я снова в Риге. Здесь пережито столько благословенных лет в кругу родных и близких братьев и сестер и не забыты страшные, горькие переживания в роковой день 14 июня 1941 г. Гнетущую тоску и горечь разлуки мы угасали в молитвенном общении перед всезнающим нашим Отцом Небесным, утешаясь надеждой на скорую встречу с ними там, в небесах».

В последние годы Татьяна Ивановна жила в Риге. 20 октября 1981 года на 89-м году жизни она отошла в вечные обители.

Основной источник – рукопись С. В. Севастьянова «Роберт Андреевич Фетлер», 1973 год, архив РС ЕХБ.

Приложение 6

Мартиролог. Евангельские верующие Приморского края, пострадавшие в репрессиях 1930-1950 годов

Владивостокская церковь баптистов

Букин Николай Степанович

Родился в 1876 г., Пермская губ.; русский; образование начальное; б/п; учетчик на Базе Акционерного Камчатского Общества Рыбснаба. Проживал: г. Владивосток.

Арестован 16 февраля 1938 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 10 марта 1938 г., обв.: в религиозной деятельности (баптист).

Приговор: ВМН. Расстрелян 12 мая 1938 г. Место захоронения – г. Владивосток. Реабилитирован 30 января 1959 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Буравов Никита Иванович

Родился в 1869 г., Самарская губ.; русский; образование начальное; б/п; боец пожарной охраны на бондарном заводе. Проживал: г. Владивосток.

Арестован 30 сентября 1937 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 3 декабря 1937 г., обв.: в религиозной деятельности (баптист).

Приговор: ВМН. Расстрелян 22 января 1938 г. Место захоронения – г. Владивосток. Реабилитирован 1 ноября 1956 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Гущина Умита Акимовна

Родилась в 1873 г., Курская губ.; русская; неграмотная; б/п; пенсионерка. Проживала: г. Владивосток.

Арестована 23 июля 1938 г.

Приговорена: Приморский облсуд 26 марта 1939 г., обв.: по ст. 58-10 УК.

Приговор: дело прекращено, из-под стражи освобождена.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Давыденко Николай Григорьевич

Родился в 1887 г., Полтавская губ.; русский; малограмотный; б/п; сторож на судоверфи торгпорта. Проживал: г. Владивосток.

Арестован 23 февраля 1938 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 26 марта 1938 г., обв.: в религиозной деятельности (баптист).

Приговор: ВМН. Расстрелян 11 мая 1938 г. Место захоронения – г. Владивосток. Реабилитирован 30 января 1959 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Добровольский Николай Антонович

Род. в 1892 в г. Очакове Херсонской губ. Русский, из мещан, образование среднее. Баптист. Проживал в г. Владивостоке, плавал за границу судоводителем. Выслан в 1933 из г. Владивостока. Проживал в г. Красноярске. Работал агентом технического снабжения транспортной конторы ГУСМП. Арестован 17.04.1938. Обвинение по ст. 58-8, 58-9 УК РСФСР. Дело прекращено 11.03.1939 военным прокурором 326-й военной прокуратуры по реабилитирующим обстоятельствам, из-под стражи освобожден.

Источник: Книга памяти жертв политических репрессий Красноярского края.

Емелина Матрена Яковлевна

Родилась в 1874 г., Симбирская губ.; русская; образование начальное; б/п; Домохозяйка. Проживала: г. Владивосток.

Арестована 27 сентября 1935 г.

Приговорена: Военный трибунал ТОФ 5 февраля 1936 г., обв.: в недонесении о готовящемся переходе госграницы по ст. 58-12 УК.

Приговор: к 1 году исправительных работ Реабилитирована 26 апреля 1993 г. прокуратурой Приморского края.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Примечание: По всей вероятности, дело Емелиной М. Я. связано с делом И. И. Данилова из Владивостокской церкви евангельских христиан (см. ниже)

Ерошин Дмитрий Степанович

Родился в 1896 г., Смоленская губ.; русский; образование начальное; б/п; дегазатор на электростанции. Проживал: г. Владивосток.

Арестован 26 сентября 1937 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 3 декабря 1937 г., обв.: в религиозной деятельности (баптист).

Приговор: ВМН. Расстрелян 22 января 1938 г. Место захоронения – г. Владивосток. Реабилитирован 1 ноября 1956 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Захарченко Евстафий Максимович

Родился в 1878 г., Украина; украинец; образование начальное; б/п; десятник стройбазы УНИМСа.

Проживал: г. Владивосток.

Арестован 8 апреля 1933 г.

Приговорен:, обв.: в антисоветской агитации. Приговор: Дело прекращено. Умер в тюрьме 22.07.33г. Реабилитирован 30 мая 1985 г. прокуратурой Приморского края.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Примечание: В 1931-1933 гг. Захарченко Е. М. нес служение и. о. пресвитера.

Захарченко Владимир Ефстафьевич

Родился в 1904 г., Волынская губ.; русский; образование среднее техническое; б/п; прораб судоремонта морского агентства АКО. Проживал: г. Владивосток.

Арестован 15 февраля 1938 г.

Приговорен: УНКВД по Приморскому краю 25 февраля 1939 г. Приговор: дело прекращено, из-под стражи освобожден.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Исаков Василий Андреевич

Родился в 1893 г., Самарская губ.; русский; образование начальное; б/п; рабочий на военно-производственном комбинате. Проживал: г. Владивосток.

Арестован 13 февраля 1938 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 10 марта 1938 г., обв.: в религиозной деятельности (баптист).

Приговор: ВМН. Расстрелян 12 мая 1938 г. Место захоронения – г. Владивосток. Реабилитирован 30 января 1959 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Килин Иван Ермилович

Родился в 1862 г., Вятская губ.; русский; малограмотный; б/п; сторож в гастрономе. Проживал: г. Владивосток.

Арестован 12 февраля 1938 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 10 марта 1938 г., обв.: в религиозной деятельности (баптист).

Приговор: ВМН. Расстрелян 12 мая 1938 г. Место захоронения – г. Владивосток. Реабилитирован 30 января 1959 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Мильтин Павел Адамович

Родился в 1893 г., Эстония; латыш; образование начальное; б/п; портной в гостинице «Версаль». Проживал: г. Владивосток.

Арестован 16 октября 1937 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 3 декабря 1937 г., обв.: в религиозной деятельности (баптист)..

Приговор: ВМН. Расстрелян 22 января 1938 г. Место захоронения – г. Владивосток. Реабилитирован 1 ноября 1956 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Примечание: П. А. Мильтин (в других транскрипциях Мильтын, Мильтынь, Мильтен) был пресвитером Владивостокской общины примерно в 1923-28 годах. К 1928 году был лишен избирательных прав. Продолжал оставаться в активе общины.

Онопrienко Григорий Матвеевич

Родился в 1890 г., Киевская губ.; украинец; образование начальное; б/п; электромонтер вагоно-ремонтного пункта. Проживал: г. Владивосток.

Арестован 20 января 1937 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 15 марта 1938 г., обв.: в религиозной деятельности (баптист).

Приговор: ВМН. Расстрелян 31 мая 1938 г. Место захоронения – г. Владивосток. Реабилитирован 31 июля 1970 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Пелка Чеслав Владиславович

Родился в 1896 г., Варшавская губ.; поляк; образование среднее; б/п; чернорабочий на Дальзаводе. Проживал: г. Владивосток.

Арестован 3 февраля 1931 г.

Приговорен: Пп ОГПУ ДВК 17 марта 1931 г., обв.: по ст. 58-10 УК.

Приговор: дело прекращено, подписка о невыезде от 08.03.31г. отменена.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Петров Михаил Васильевич

Родился в 1899 г., Саратовская губ.; русский; образование начальное; б/п; бондарь бондарной мастерской Промсоюза. Проживал: г. Владивосток.

Арестован 25 января 1930 г.

Приговорен: Пп ОГПУ ДВК 8 мая 1931 г., обв.: по ст. 58-10 УК.

Приговор: дело прекращено, из-под стражи освобожден.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Примечание: Пресвитер Второй Владивостокской общины баптистов. После 1931 года община прекратила легальную деятельность.

Платов Александр Сергеевич

Родился в 1905 г., Тамбовская губ.; русский; образование среднее; б/п; начальник снабжения строительного сектора Сахалинснаба. Проживал: г. Владивосток.

Арестован 24 июля 1938 г.

Приговорен: УНКВД по Приморскому краю 22 марта 1939 г., обв.: по ст. 58-6 УК.

Приговор: дело прекращено, из-под стражи освобожден.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Платов Кузьма Петрович

Родился в 1885 г., Саратовская губ.; русский; образование среднее; б/п; заместитель главного бухгалтера морской транспортной конторы Севморпути. Проживал: г. Владивосток.

Арестован 26 февраля 1938 г.

Приговорен: тройка при УНКВД ДВК 31 марта 1938 г., обв.: за связь с немецким баптистским проповедником, организацию собраний.

Приговор: к 10 годам ИТЛ. Реабилитирован 29 сентября 1955 г. постановлением Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края

Пустовалов Евул Федорович

Родился в 1893 г., Томская губ.; русский; образование начальное; б/п; заключенный 2-го отделения Дальлага.

Арестован 20 сентября 1937 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 26 сентября 1937 г., обв.: по ст. ст. 58-10, 58-11 (баптист)..

Приговор: ВМН. Расстрелян 23 декабря 1937 г. Место захоронения – г. Владивосток. Реабилитирован 24 ноября 1989 г. на основании Указа ПВС СССР.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Скворцов Павел Дмитриевич

Родился в 1902 г., Самарская губ.; русский; образование среднее; б/п; пресвитер общины баптистов. Проживал: г. Владивосток. Арестован 4 февраля 1931 г.

Приговорен: Пп ОГПУ ДВК 17 марта 1931 г., обв.: по ст. 58-10 УК. Приговор: дело прекращено, из-под стражи освобожден.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Повторный арест — в 1934 году. Из заключения не вернулся.

Источник: книга Винс Г. П. «Тропою верности».

Фетлер Роберт Андреевич

Латыш. После ввода в Латвию советских войск Р.А.Фетлер вместе с женой и пятью детьми был арестован и скончался в заключении в 1941 году. Два сына Роберта Андреевича – Борис и Юрий – также скончались в заключении. Дочери и супруга, Татьяна Ивановна, отбыли ссылку в Сибири.

Источник: воспоминания Т. И. Фетлер в неопубликованной рукописи Севастьянова «Роберт Андреевич Фетлер».

Владивостокская церковь евангельских христиан

Блуштейн Владимир Михайлович

Родился в 1887 г., г. Кишиневе; еврей.

Арестован в 1932 году. После отбытия 5-летнего заключения не был отпущен. После отказа отречься от веры во Христа через газету был вновь судим. Находился в заключении в Юхтинской трудколони.

Приговорен: тройка при УНКВД по ДВК 31 марта 1938 г.

Приговор: Расстрел.

Источник: Книга памяти Амурской обл., а также воспоминания его сына, Всеволода Владимировича Блуштейна.

Вахник Иосиф Антонович

Родился в 1867 г., Польша; поляк; образование начальное; б/п. Проживал: г. Владивосток.

Арестован 23 мая 1935 г.

Приговорен: Особое Совещание НКВД СССР 14 октября 1935 г., обв.: по ст. 58-12 УК.

Приговор: к высылке в Красноярский край на 5 лет. Реабилитирован 3 июля 1990 г. на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16.01.89г.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Примечание: Вахник Иосиф Антонович стоял у истоков первой евангельско-баптистской общины в 1912 году. Он же ее возглавил, когда первый пресвитер союзный благовестник евангельских христиан Яков Никитич Ходюш покинул Приморский край. После разделения общины на баптистов и евангельских христиан Вахник на протяжении более чем 20 лет был пресвитером евангельских христиан. На момент высылки в Сибирь ему было 68 лет. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Водянов Василий Васильевич

Родился в 1859 г., Пензенская губ.; русский; малограмотный; б/п; бондарь-столяр в Главвоенпорте. Проживал: г. Владивосток.

Арестован 3 ноября 1937 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 3 декабря 1937 г., обв.: в религиозной деятельности (секта евангелистов).

Приговор: ВМН. Расстрелян 22 января 1938 г. Место захоронения – г. Владивосток. Реабилитирован 1 ноября 1956 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Гончаренко Аристарх Степанович

(Гончаров) Родился в 1881 г., Харьковская губ.; русский; малограмотный; б/п; конторщик ст. Владивосток. Проживал: г. Владивосток.

Арестован 25 января 1931 г.

Приговорен: Владивостокский окружной отдел ПП ОГПУ ДВК 4 февраля 1931 г., обв.: по ст. 58-10 УК.

Приговор: дело прекращено, из-под стражи освобожден.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Гончаров Николай Петрович

Родился в 1874 г., Курская губ.; русский; образование начальное; б/п; сторож в артели Востоккустарь. Проживал: г. Владивосток.

Арестован 30 сентября 1937 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 3 декабря 1937 г., обв.: в религиозной деятельности (секта евангелистов).

Приговор: ВМН. Расстрелян 22 января 1937 г. Место захоронения – г. Владивосток. Реабилитирован 1 ноября 1956 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Грачев Прокопий Александрович

Родился в 1913 г., г. Ростове-на-Дону; русский; образование среднее; б/п; механик на сейнере № 2 Дальрыбакколхозсоюза.

Проживал: г. Владивосток.

Арестован 13 августа 1937 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 3 декабря 1937 г., обв.: в антисоветской агитации.

Приговор: ВМН. Расстрелян 22 января 1938 г. Место захоронения – г. Владивосток. Реабилитирован 1 ноября 1956 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Данилов Иван Иванович

Родился в 1881 г., Воронежская губ., Острогорский р-н; русский; образование начальное; б/п; секретарь артели «Такелаж». Проживал: г. Владивосток.

Арестован 5 мая 1935 г.

Приговорен: Военный трибунал ТОФ 5 февраля 1936 г., обв.: в подготовке перехода госграницы по религиозным мотивам.

Приговор: к 2 годам лишения свободы с конфискацией имущества. Реабилитирован 26 апреля 1993 г. прокуратурой Приморского края.

Вновь арестован 14 октября 1937 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 3 декабря 1937 г., обв.: в религиозной деятельности (секта евангелистов).

Приговор: ВМН. Расстрелян 22 января 1938 г. Место захоронения – г. Владивосток. Реабилитирован 1 ноября 1956 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Леденева Акулина Ефремовна

Родилась в 1888 г., Западно-Сибирский кр.; русская; неграмотная; б/п; домохозяйка. Проживала: г. Владивосток.

Арестована 26 июня 1938 г.

Приговорена: УНКВД по Приморскому краю 31 декабря 1938 г., обв.: по ст. 58-10 УК.

Приговор: дело прекращено, из-под стражи освобождена.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Лоскучерявый Ефим Сергеевич

(Лоскучерявий, Лускучерявий) Родился в 1905 г., Киевская губ.; русский; образование начальное; б/п; мастер по ремонту музыкальных инструментов. Проживал: г. Владивосток.

Арестован 25 февраля 1938 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 26 марта 1938 г., обв.: в религиозной деятельности (секта евангелистов).

Приговор: ВМН. Расстрелян 11 мая 1938 г. Место захоронения – г. Владивосток. Реабилитирован 28 декабря 1989 г. на основании Указа ПВС СССР.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Мархель Григорий Федорович

Родился в 1878 г., Черниговская губ.; русский; малограмотный; б/п; инвалид. Проживал: г. Владивосток.

Арестован 26 февраля 1938 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 31 марта 1938 г., обв.: в антисоветской агитации.

Приговор: ВМН. Расстрелян 4 июня 1938 г. Место захоронения – г. Владивосток. Реабилитирован 24 ноября 1989 г. на основании Указа ПВС СССР.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Примечание: Еще в 1915 году пристав 4-й части Владивостокской полиции Парамонов в секретном рапорте городскому полицмейстеру назвал имена

четырех руководителей Владивостокской общины евангельских христиан. Из четырех названных приставом человек трое спустя 20 с лишним лет были репрессированы Советской властью и сейчас в этом списке. Это Вахник И. А., Протасов Н. Н. и Мархель Г. Ф.

Охримец Филипп Кондратьевич

Родился в 1871 г., Винницкая обл.; украинец; малограмотный; б/п; сторож в Академии наук. Проживал: г. Владивосток.

Арестован 26 сентября 1937 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 3 декабря 1937 г., обв.: в религиозной деятельности (секта евангелистов).

Приговор: ВМН. Расстрелян 22 января 1938 г. Место захоронения – г. Владивосток. Реабилитирован 1 ноября 1956 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Прокопенко Калиник Кононович

Родился в 1890 г., Киевская губ.; украинец; образование начальное; б/п; сторож в Дальрыбснабе. Проживал: г. Владивосток.

Арестован 15 августа 1937 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 3 декабря 1937 г., обв.: в религиозной деятельности (секта евангелистов).

Приговор: ВМН. Расстрелян 22 января 1938 г. Место захоронения – г. Владивосток. Реабилитирован 1 ноября 1956 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Примечание: пресвитер Владивостокской церкви евангельских христиан в 1937 году.

Протасов Николай Николаевич

Родился в 1869 г., Смоленская губ.; русский; образование среднее; б/п; безработный инвалид. Проживал: г. Владивосток.

Арестован 17 января 1932 г.

Приговорен: Тройка при ПП ОГПУ ДВК 25 января 1932 г., обв.: по ст. 58-10 УК.

Приговор: к высылке в Западную Сибирь сроком на 3 года. Реабилитирован 28 июня 1990 г. на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16.01.89г.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Примечание: был членом общины ЕХ почти с самого начала. Был крещен одним из руководителей российских баптистов Н. В. Одинцовым в 1913 году, во время его поездки на Дальний Восток. Н. Н. Протасов упоминается в книге Попова «Стопы благовестника» (о В. Г. Павлове). В 20-е годы входил в совет ДОВСЕХ (ДВ Отдел Всероссийского союза евангельских христиан). У себя в

общине в 20-х организовал музыкальную группу, которая впоследствии была преобразована в духовой оркестр. На момент высылки ему было 62 года.

Сербинович Ананий Алексеевич

Родился в 1873 г., Черниговская губ.; украинец; малограмотный; б/п; водовоз в леспроме. Проживал: г. Владивосток.

Арестован 27 ноября 1937 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 10 августа 1938 г., обв.: в религиозной деятельности (секта евангелистов).

Приговор: ВМН. Расстрелян 15 сентября 1938 г. Место захоронения – г. Владивосток. Реабилитирован 6 сентября 1958 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Синцов Назар Иванович

Родился в 1873 г., Вятская губ.; русский; образование начальное; б/п; сторож в управлении Дальрыбпродукта. Проживал: г. Владивосток.

Арестован 12 августа 1937 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 3 декабря 1937 г., обв.: в антисоветской деятельности.

Приговор: ВМН. Расстрелян 22 января 1938 г. Место захоронения – г. Владивосток. Реабилитирован 1 ноября 1956 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Толстолесов Алексей Григорьевич

Родился в 1911 г., Приморский кр., Уссурийский р-н, с. Городечное; русский; образование начальное; б/п; токарь в Дальрыбпродукте. Проживал: г. Владивосток.

Арестован 11 февраля 1938 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 10 марта 1938 г., обв.: в религиозной деятельности (секта евангелистов).

Приговор: ВМН. Расстрелян 12 мая 1938 г. Место захоронения – г. Владивосток. Реабилитирован 25 октября 1956 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Толстолесов Роман Васильевич

Родился в 1899 г., Приморский кр., Уссурийский р-н; русский; образование начальное; б/п; шофер мукомольного комбината, евангелист. Проживал: г. Владивосток.

Арестован 25 июня 1935 г.

Приговорен: Военный трибунал ТОФ 5 февраля 1936 г., обв.: по ст. 58-12 УК.

Приговор: к 1-му году исправительных работ.

Вновь арестован 1 ноября 1937 г.

Приговорен: Постановлением Тройки УНКВД ДВК 3 декабря 1937 г., обв.: обвинялся по ст.ст. 58-10, 58-11 УК.

Приговор: к 10 годам ИТЛ Постановлением УМГБ Кемеровской области.

16 сентября 1950 года подвергнут новому аресту. Реабилитирован 1 ноября 1956 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Чефранов Владимир Дмитриевич

Родился в 1897 г., Ростове-на-Дону; русский. Проживал: Владивосток.

Арестован в 1936 г.

Приговорен: тройка при УНКВД по Дальстрою 7 сентября 1937 г., обв.: контрреволюционная вредительская группа.

Расстрелян 13 октября 1937 г. Реабилитирован 4 сентября 1961 г.

Источник: Книга памяти Магаданской обл.

Артемовская церковь

Кравченко Сергей Маркиянович

Родился в 1877 г., Киевская губ.; украинец; малограмотный; б/п; рабочий на кирпичном заводе. Проживал: г. Артем.

Арестован 2 июля 1937 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 2 сентября 1937 г., обв.: в религиозной деятельности (баптист).

Приговор: ВМН. Расстрелян 11 сентября 1937 г. Место захоронения – г. Владивосток. Реабилитирован 20 октября 1989 г. на основании Указа ПВС СССР.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Лещенко Василий Яковлевич

Родился в 1909 г., Винницкая обл.; украинец; малограмотный; б/п; шахтер. Проживал: г. Артем.

Арестован 3 июля 1937 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 2 сентября 1937 г., обв.: в религиозной деятельности (баптист).

Приговор: ВМН. Расстрелян 11 сентября 1937 г. Место захоронения – г. Владивосток. Реабилитирован 20 октября 1989 г. на основании Указа ПВС СССР.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Ларченко Андрей Потапович

Родился в 1885 г., Черниговская губ.; русский; образование начальное; б/п; сторож в коммунальном отделе. Проживал: г. Артем.

Арестован 18 февраля 1938 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 10 марта 1938 г., обв.: в религиозной деятельности (баптист).

Приговор: ВМН. Расстрелян 12 мая 1938 г. Место захоронения – г. Владивосток. Реабилитирован 29 сентября 1955 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Себякин Трофим Дмитриевич

Родился в 1888 г., Калужская губ.; русский; малограмотный; б/п; плотник в Центральных мастерских. Проживал: г. Артем.

Арестован 18 февраля 1938 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 10 марта 1938 г., обв.: в религиозной деятельности (баптист).

Приговор: ВМН. Расстрелян 12 мая 1938 г. Место захоронения – г. Владивосток. Реабилитирован 29 сентября 1955 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Себякина Анна Лаврентьевна

Родилась в 1889 г., Калужская губ.; русская; неграмотная; б/п; домохозяйка. Проживала: г. Артем.

Арестована 18 февраля 1938 г.

Приговорена: Тройка при НКВД 10 марта 1938 г., обв.: в религиозной деятельности (баптистка).

Приговор: ВМН. Расстреляна 12 мая 1938 г. Место захоронения – г. Владивосток. Реабилитирована 29 сентября 1955 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Хромов Василий Федорович

Родился в 1891 г., Московская губ.; русский; малограмотный; б/п; рабочий на кирпичном заводе. Проживал: г. Артем.

Арестован 8 июля 1937 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 2 сентября 1937 г., обв.: в религиозной деятельности (баптист)..

Приговор: ВМН. Расстрелян 11 сентября 1937 г. Место захоронения – г. Владивосток. Реабилитирован 20 октября 1989 г. на основании Указа ПВС СССР.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Примечание: Вероятно, нес пресвитерское служение.

Чередник Яков Корнеевич

Родился в 1893 г., Киевская губ.; русский; малограмотный; б/п; плотник по ремонту на шахте № 3ц. Проживал: г. Артем.

Арестован 3 июля 1937 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 2 сентября 1937 г., обв.: в религиозной деятельности (баптист)..

Приговор: ВМН. Расстрелян 11 сентября 1937 г. Место захоронения – г. Владивосток. Реабилитирован 20 октября 1989 г. на основании Указа ПВС СССР.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Шендиков Дорофей Маркович

Родился в 1877 г., Могилевская губ.; русский; образование начальное; б/п; сторож в ОРСе. Проживал: г. Артем.

Арестован 18 февраля 1938 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 10 марта 1938 г., обв.: в религиозной деятельности (баптист)..

Приговор: ВМН. Расстрелян 12 мая 1938 г. Место захоронения – г. Владивосток. Реабилитирован 29 сентября 1955 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Уссурийская церковь

Алексеев Василий Георгиевич

Родился в 1903 г., г. Омска; русский; образование среднее; б/п; машинист в депо. Проживал: г. Уссурийск.

Арестован 10 августа 1938 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 10 августа 1938 г., обв.: в религиозной деятельности (баптист).

Приговор: ВМН. Расстрелян 8 октября 1938 г. Место захоронения – г. Уссурийск. Реабилитирован 17 апреля 1958 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Бражник Евдоким Афанасьевич

Родился в 1899 г., Черниговская губ.; русский; малограмотный; б/п; плотник на ремонтном заводе. Проживал: г. Уссурийск.

Арестован 13 ноября 1937 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 7 января 1938 г., обв.: в религиозной деятельности (баптист).

Приговор: ВМН. Расстрелян 14 февраля 1938 г. Место захоронения – г. Уссурийск. Реабилитирован 13 декабря 1956 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Гайдук Тимофей Константинович

Родился в 1901 г., Черниговская губ.; русский; образование начальное; б/п; инспектор в отделе технического контроля ПВРЗ. Проживал: г. Уссурийск.

Арестован 11 декабря 1937 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 16 февраля 1938 г., обв.: в религиозной деятельности (баптист).

Приговор: ВМН. Расстрелян 29 марта 1938 г. Место захоронения – г. Уссурийск. Реабилитирован 17 апреля 1958 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Мартыненко Антон Павлович,

Родился в 1899 г, благовестник Дальневосточного союза баптистов и пресвитер церкви баптистов в Уссурийске до февраля 1933 г. Семья – жена, трое детей. Отсидел несколько месяцев в 1931-32 гг. С 1933 г. был выслан и проживал в Омске, где в его жилом доме собирались верующие в 1935-36 гг. Расстрелян в Омске в 1937 году по одному делу с П. Я. Винсом.

Источник: книга Винс Г. П. «Тропою верности».

Поляков Василий Никитович

Родился в 1899 году.

Когда осужден, – неизвестно. Отбывал срок в лагере. Освободился около 1957 года. В 1962-1976 годах – пресвитер Уссурийской церкви.

Источник: архив церкви Спасска-Дальнего.

Твердохлеб Яков Иванович

Родился в 1888 г., Харьковская губ.; украинец; образование начальное; б/п; пыльщик в военно-передвижной мастерской связи № 26. Проживал: г. Уссурийск.

Арестован 27 августа 1937 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 7 января 1938 г., обв.: в религиозной деятельности (баптист).

Приговор: ВМН. Расстрелян 14 февраля 1938 г. Место захоронения – г. Уссурийск. Реабилитирован 13 декабря 1956 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Школа Архип Пантелеевич

Родился в 1875 г., Черниговская губ.; украинец; неграмотный; б/п; колхозник. Проживал: Михайловский р-н, с. Вознесенка.

Арестован 26 ноября 1937 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 10 февраля 1938 г., обв.: в религиозной деятельности (секта евангелистов).

Приговор: ВМН. Расстрелян 19 марта 1938 г. Место захоронения – г. Уссурийск. Реабилитирован 20 июня 1966 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Церковь с. Тарасовка

Кравчук Макар Семенович

Родился в 1878 г., Киевская губ.; украинец; малограмотный; б/п; пчеловод в колхозе. Проживал: Михайловский р-н, с. Тарасовка.

Арестован 6 августа 1938 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 14 октября 1938 г., обв.: в религиозной деятельности (секта штундистов).

Приговор: ВМН. Расстрелян 5 ноября 1938 г. Место захоронения — г. Уссурийск. Реабилитирован 2 июня 1972 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Людвик Афанасий Данилович

Родился в 1899 г., Михайловский р-н, с. Тарасовка; русский; малограмотный; б/п; пчеловод. Проживал: Михайловский р-н, с. Тарасовка.

Арестован 21 февраля 1938 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 15 марта 1938 г., обв.: в религиозной деятельности (баптист).

Приговор: ВМН. Расстрелян 18 мая 1938 г. Место захоронения — г. Уссурийск. Реабилитирован 8 июня 1957 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Церковь с. Новопокровка и с. Телянза (ныне — часть Новопокровки)

Безкровный Никодим Трофимович

Родился в 1900 г., Харьковская губ.; русский; малограмотный; б/п; заготовитель в леспромхозе. Проживал: Анучинский р-н, с. Телянза.

Арестован 7 марта 1938 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 15 марта 1938 г., обв.: в религиозной деятельности (баптист).

Приговор: ВМН. Расстрелян 18 мая 1938 г. Место захоронения — г. Уссурийск. Реабилитирован 4 сентября 1962 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Бражник Степан Афанасьевич

Родился в 1895 г., Черниговская губ.; русский; малограмотный; б/п; плотник в Сельском совете. Проживал: Анучинский р-н, с. Телянза.

Арестован 25 ноября 1937 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 7 января 1938 г., обв.: в религиозной деятельности (баптист).

Приговор: ВМН. Расстрелян 14 февраля 1938 г. Место захоронения — г. Хабаровск. Реабилитирован 11 июня 1971 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Верченко Авраам Федосеевич

Родился в 1880 г., Черниговская губ.; украинец; неграмотный; б/п; колхозник в колхозе «Заря тайги». Проживал: Анучинский р-н, с. Телянза.

Арестован 26 ноября 1937 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 7 января 1938 г., обв.: в религиозной деятельности (баптист).

Приговор: ВМН. Расстрелян 14 февраля 1938 г. Место захоронения — г. Хабаровск. Реабилитирован 11 июня 1971 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Гуйда Корней Васильевич

Родился в 1873 г., Харьковская губ.; украинец; малограмотный; б/п; крестьянин-единоличник. Проживал: Анучинский р-н, с. Новопокровка.

Арестован 30 января 1938 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 10 февраля 1938 г., обв.: в религиозной деятельности (баптист).

Приговор: ВМН. Расстрелян 19 марта 1938 г. Место захоронения — г. Уссурийск. Реабилитирован 24 ноября 1989 г. на основании Указа ПВС СССР.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Миненко Прохор Иванович

Родился в 1876 г., Черниговская губ.; украинец; образование начальное; б/п; сторож в школе. Проживал: Анучинский р-н, с. Телянза.

Арестован 30 сентября 1937 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 28 ноября 1937 г., обв.: в религиозной деятельности (баптист).

Приговор: ВМН. Расстрелян 19 декабря 1938 г. Место захоронения — г. Уссурийск. Реабилитирован 6 марта 1958 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Прошка Сергей Ефимович

Родился в 1888 г., Черниговская губ.; русский; малограмотный; б/п; сторож в Нефтепроводстрое. Проживал: Анучинский р-н, с. Новопокровка.

Арестован 5 марта 1938 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 15 марта 1938 г., обв.: в антисоветской агитации.

Приговор: ВМН. Расстрелян 1 июня 1938 г. Место захоронения — г. Уссурийск. Реабилитирован 24 ноября 1989 г. на основании Указа ПВС СССР.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Стрижаченко Семен Григорьевич

Родился в 1888 г., Харьковская губ.; украинец; малограмотный; б/п; плотник в Нефтепроводе. Проживал: Анучинский р-н, с. Новопокровка.

Арестован 16 февраля 1938 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 15 марта 1938 г., обв.: в антисоветской агитации.

Приговор: ВМН. Расстрелян 1 июня 1938 г. Место захоронения – г. Уссурийск. Реабилитирован 12 октября 1961 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Тимошенко Даниил Федосович

Родился в 1896 г., Черниговская губ.; украинец; малограмотный; б/п; колхозник в колхозе «Труженик». Проживал: Анучинский р-н, с. Новопокровка.

Арестован 23 января 1938 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 10 февраля 1938 г., обв.: в религиозной деятельности (баптист).

Приговор: ВМН. Расстрелян 19 марта 1938 г. Место захоронения – г. Хабаровск. Реабилитирован 5 октября 1961 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Усов Яков Трофимович

Родился в 1910 г., Харьковская губ.; украинец; образование начальное; б/п; колхозник. Проживал: Анучинский р-н, с. Телянза.

Арестован 16 февраля 1938 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 15 марта 1938 г., обв.: в религиозной деятельности (баптист).

Приговор: ВМН. Расстрелян 18 мая 1938 г. Место захоронения – г. Уссурийск. Реабилитирован 30 января 1963 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Храмцов Николай Антонович

Родился в 1880 г., Черниговская губ.; украинец; малограмотный; б/п; колхозник в колхозе «Труженик». Проживал: Анучинский р-н, с. Новопокровка.

Арестован 28 февраля 1938 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 15 марта 1938 г., обв.: в религиозной деятельности (баптист).

Приговор: ВМН. Расстрелян 18 мая 1938 г. Место захоронения – г. Уссурийск. Реабилитирован 13 октября 1961 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Шугалей Арсентий Матвеевич

Родился в 1894 г., Черниговская губ.; украинец; малограмотный; б/п; рабочий в Военторге. Проживал: Анучинский р-н, с. Телянза.

Арестован 2 ноября 1937 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 28 ноября 1937 г., обв.: в религиозной деятельности (баптист).

Приговор: ВМН. Расстрелян 19 декабря 1937 г. Место захоронения – г. Уссурийск. Реабилитирован 6 марта 1958 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Лесозаводская (Лутковская) церковь и окрестности**Безугленко Яков Егорович**

Родился в 1875 г., Воронежская губ.; украинец; малограмотный; б/п; без определенных занятий. Проживал: Шмаковский р-н, с. Архангеловка.

Арестован 10 ноября 1937 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 20 января 1938 г., обв.: в религиозной деятельности (секта евангелистов).

Приговор: ВМН. Расстрелян 26 февраля 1938 г. Место захоронения – г. Уссурийск. Реабилитирован 30 марта 1961 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края

Примечание: был руководителем группы евангельских христиан в селе Архангеловка. Источник: ГАПК ф.Р-813 оп.6 д.21

Войцещук Северьян Никифорович

Родился в 1884 г., Волынская губ.; украинец; образование начальное; б/п; кузнец в леспромхозе. Проживал: Шмаковский р-н, с. Шитуха.

Арестован 30 сентября 1937 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 21 марта 1938 г., обв.: в антисоветской агитации.

Приговор: ВМН. Расстрелян 5 июня 1938 г. Место захоронения – г. Уссурийск. Реабилитирован 22 мая 1958 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Примечание: был руководителем группы евангельских христиан в селе Шитуха. Источник: ГАПК ф.Р-813 оп.6 д.21.

Кузмин Тимофей Петрович

Родился в 1888 г., Тамбовская губ.; русский; образование начальное; б/п; бухгалтер в НЖЧ-5 ст. Ружино. Проживал: Приморская обл.*Уссурийская обл., Шмаковский р-н, с. Ружино.

Арестован 25 марта 1938 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 7 апреля 1938 г., обв.: в антисоветской агитации.

Приговор: ВМН. Реабилитирован 23 декабря 1959 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Лещук Мифодий Иванович

Родился в 1903 г., Приморская обл.*Уссурийская обл., Шмаковский р-н, с. Ольховка; русский; малограмотный; б/п; столяр. Проживал: Приморская обл.*Уссурийская обл., Шмаковский р-н, с. Ольховка.

Арестован 25 мая 1938 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 10 августа 1938 г., обв.: в религиозной деятельности (баптист).

Приговор: ВМН. Расстрелян 30 октября 1938 г. Место захоронения – г. Уссурийск. Реабилитирован 28 мая 1959 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Лойко Семен Максимович

Родился в 1873 г., Волынская губ.; украинец; малограмотный; б/п; крестьянин-единоличник. Проживал: Приморская обл.*Уссурийская обл., Шмаковский р-н, с. Донское.

Арестован 21 октября 1937 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 30 января 1938 г., обв.: в религиозной деятельности (секта евангелистов).

Приговор: ВМН. Расстрелян 26 февраля 1938 г. Место захоронения – г. Уссурийск. Реабилитирован 29 декабря 1955 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Примечание: Лойко С. М. был руководителем группы (8 человек) евангельских христиан в селе Успенка Шмаковского района.

Мостовенко Василий Семенович

Родился в 1895 г., Киевская губ.; украинец; образование начальное; б/п; без определенных занятий. Проживал: Шмаковский р-н, с. Березовка.

Арестован 20 ноября 1937 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 21 марта 1938 г., обв.: в антисоветской агитации..

Приговор: ВМН. Расстрелян 5 июня 1938 г. Место захоронения – г. Уссурийск. Реабилитирован 22 мая 1958 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Примечание: Был руководителем группы евангельских христиан. Источник: ГАПК ф.Р-813 оп.6 д.21. Также упоминается в журнале «Слово

и Жизнь» №3-4 за сентябрь-октябрь 1922, где говорится, что на 3-ем съезде ДОВСЕХ он избран районным благовестником.

Остроносенко Александр Семенович

Родился в 1885 г., Черниговская губ.; украинец; образование начальное; б/п; крестьянин-единоличник. Проживал: Приморская обл.*Уссурийская обл., Шмаковский р-н, с. Медведицкое.

Арестован 29 сентября 1937 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 20 января 1938 г., обв.: в религиозной деятельности (секта евангелистов).

Приговор: ВМН. Расстрелян 26 февраля 1938 г. Место захоронения – г. Уссурийск. Реабилитирован 29 декабря 1955 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Черноус Андрей Давыдович

Родился в 1900 г., Приморская обл.*Уссурийская обл., Шмаковский р-н, с. Бельцово; русский; образование начальное; б/п; плотник в леспромхозе. Проживал: Приморская обл.*Уссурийская обл., Шмаковский р-н, с. Успенка.

Арестован 16 июля 1938 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 14 октября 1938 г., обв.: по ст. 58-10 (баптист).

Приговор: ВМН. Расстрелян 1 ноября 1938 г. Место захоронения – г. Уссурийск. Реабилитирован 30 ноября 1956 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Спасская церковь

Вильчик Афиноген Федорович

Один из основателей Спасской церкви, уверовал проходя службу в армии, во Владивостоке, в 1917 году.

Родился в 1877 г., Подольская губ.; украинец; малограмотный; б/п; конюх в Педагогическом техникуме. Проживал: г. Спасск.

Арестован 23 августа 1937 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 19 сентября 1937 г., обв.: в религиозной деятельности (сектантство).

Приговор: ВМН. Расстрелян 25 сентября 1937 г. Реабилитирован 28 мая 1960 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Горбенко Михаил Павлович

Родился в 1906 г., Херсонская губ.; русский; малограмотный; б/п; сцепщик вагонов на ДВЖД. Проживал: Спасский р-н, ст. Евгеньевка.

Арестован 17 января 1938 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 15 марта 1938 г., обв.: в религиозной деятельности (баптист).

Приговор: ВМН. Расстрелян 5 июня 1938 г. Реабилитирован 18 июля 1957 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Мех Ермолай Андреевич

Родился в 1890 г., Черниговская губ.; украинец; образование начальное; б/п; рабочий на цементном заводе. Проживал: Спасский р-н, с. Евсеевка.

Арестован 20 августа 1937 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 19 сентября 1937 г., обв.: в религиозной деятельности (секта евангелистов).

Приговор: ВМН. Расстрелян 25 сентября 1937 г. Место захоронения – г. Уссурийск. Реабилитирован 2 марта 1957 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Мусяенко Иван Елисеевич

Родился в 1884 г., Полтавская губ.; украинец; образование начальное; б/п; сторож в пчелосовхозе. Проживал: г. Спасск.

Арестован 20 июня 1937 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 2 сентября 1937 г., обв.: в религиозной деятельности (сектантство).

Приговор: ВМН. Расстрелян 7 сентября 1937 г. Место захоронения – г. Уссурийск. Реабилитирован 30 декабря 1958 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Прокуда Емельян Власович

Родился ок. 1881 г. Один из основателей и пресвитер Спасской церкви. Был арестован в 1934 году. После заключения в 1938 году был выслан в Новосибирск (режимный город). Позднее ему было предложено уехать и оттуда, но вернуться на Дальний Восток не разрешили. Уехал в Краснодар, где в 1974 году отошел в вечность.

Источник: летопись Спасской церкви, со слов дочерей Прокуда.

Репкин Иван Семенович

Родился в 1902 г., Харьковская губ.; украинец; образование начальное; б/п; плотник в Спасском педагогическом училище. Проживал: г. Спасск.

Арестован 22 августа 1937 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 19 сентября 1937 г., обв.: в религиозной деятельности (сектантство).

Приговор: ВМН. Расстрелян 25 сентября 1937 г. Реабилитирован 28 мая 1960 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Рябов Калистрат Афанасьевич

Родился в 1891 г., Пермская губ.; русский; образование среднее специальное; б/п; столяр в воинской части № 1811. Проживал: г. Спасск.

Арестован 11 июня 1937 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 2 сентября 1937 г., обв.: в антисоветской деятельности.

Приговор: ВМН. Расстрелян 7 сентября 1937 г. Место захоронения – г. Уссурийск. Реабилитирован 30 декабря 1958 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Самойленко Василий Дмитриевич

Родился в 1910 г., Спасский р-н, с. Хвалынка; русский; образование начальное; б/п; шофер в Автогужтресте. Проживал: г. Спасск.

Арестован 25 февраля 1938 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 21 марта 1938 г., обв.: в религиозной деятельности (сектантство).

Приговор: ВМН. Расстрелян 5 июня 1938 г. Место захоронения – г. Уссурийск. Реабилитирован 17 сентября 1955 г. определением Верховного суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Примечание: нес пресвитерское служение.

Свинтицкий Николай Алексеевич

Родился в 1904 г., Волынская губ.; русский; образование начальное; искл. из ВКП(б); дорожный мастер в ПЧ-8. Проживал: Спасский р-н, ст. Евгенийевка.

Арестован 3 марта 1938 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 15 марта 1938 г., обв.: в религиозной деятельности (баптист).

Приговор: ВМН. Расстрелян 5 августа 1938 г. Место захоронения – г. Уссурийск. Реабилитирован 25 июля 1957 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Иман (Дальнереченск) и окрестности**Голя Трофим Николаевич**

Родился в 1896 г., Харьковская губ.; украинец; образование начальное; б/п; плотник в Иманском лесозаготовительном отделении Охототреста. Проживал: г. Иман.

Арестован 11 июля 1937 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 15 октября 1937 г., обв.: в религиозной деятельности (секта евангелистов).

Приговор: ВМН. Расстрелян 21 октября 1937 г. Место захоронения –

г. Хабаровск. Реабилитирован 5 мая 1961 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Журавлев Павел Кузьмич

Родился в 1903 г., Воронежская губ.; украинец; малограмотный; б/п; сортировщик пиломатериалов на Иманском лесозаводе. Проживал: г. Иман.

Арестован 24 июня 1937 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 15 октября 1937 г., обв.: в религиозной деятельности (секта евангелистов).

Приговор: ВМН. Расстрелян 21 октября 1937 г. Место захоронения — г. Хабаровск. Реабилитирован 5 мая 1961 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Коваленко Павел Степанович

Родился в 1907 г., Донская обл.; украинец; образование начальное; б/п; бракер на лесозаводе. Проживал: г. Иман.

Арестован 24 июня 1937 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 15 октября 1937 г., обв.: в религиозной деятельности (секта евангелистов).

Приговор: ВМН. Расстрелян 21 октября 1937 г. Место захоронения — г. Хабаровск. Реабилитирован 5 мая 1961 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Плис Илья Григорьевич

Родился в 1908 г., Волынская губ.; украинец; образование начальное; б/п; бондарь в Акционерном обществе бондарного завода. Проживал: г. Иман.

Арестован 9 марта 1938 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 13 марта 1938 г., обв.: в религиозной деятельности (секта евангелистов).

Приговор: ВМН. Расстрелян 28 апреля 1938 г. Место захоронения — г. Хабаровск. Реабилитирован 3 июля 1958 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Подлесный Илья Назарович

Родился в 1904 г., Полтавская губ.; украинец; малограмотный; б/п; рабочий в Дорстрое. Проживал: Иманский р-н, с. Веденка.

Арестован 15 сентября 1938 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 28 сентября 1938 г., обв.: в религиозной деятельности (баптист).

Приговор: ВМН. Расстрелян 9 октября 1938 г. Место захоронения — г. Хабаровск. Реабилитирован 31 августа 1961 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Чернобай Иван Михайлович

Родился в 1899 г., Минская губ.; белорус; образование начальное; б/п; квасный мастер на квасном заводе. Проживал: г. Иман.

Арестован 6 августа 1938 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 28 сентября 1938 г., обв.: в религиозной деятельности (баптист).

Приговор: ВМН. Расстрелян 9 октября 1938 г. Место захоронения – г. Хабаровск. Реабилитирован 9 февраля 1963 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Чеченков Константин Семенович

Родился в 1898 г., г. Чита; русский; контора «Дальлесстрой», плотник. Проживал: г. Иман ДВК..

Арест. Иманским ПО ОГПУ 28 января 1931 г.

Приговорен: ОУ 2 отд. СО ПП ОГПУ ДВК 19 марта 1931 г., обв.: по ст. 58-10 УК РСФСР.

Приговор: дело прекращено за недоказанностью обвинения, реабилитирован.

Источник: Книга памяти Хабаровского края.

Примечание: в 20-е годы – разъездной благовестник ДОВСЕХ.

Церковь Сучана (ныне г. Партизанск)

Афанасенко Григорий Степанович

Родился в 1904 г., Украина; русский; малограмотный; б/п; плотник на стройучастке № 3. Проживал: г. Сучан.

Арестован 23 февраля 1938 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 26 марта 1938 г., обв.: в религиозной деятельности (баптист).

Приговор: ВМН. Расстрелян 11 мая 1938 г. Место захоронения – г. Владивосток. Реабилитирован 3 января 1957 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Гончаров Яков Васильевич

Родился в 1894 г., Гродненская губ.; русский; образование начальное; б/п; сторож на шахте № 10. Проживал: г. Сучан.

Арестован 23 августа 1937 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 2 сентября 1937 г., обв.: в религиозной деятельности (баптист).

Приговор: ВМН. Расстрелян 11 сентября 1937 г. Место захоронения – г. Владивосток. Реабилитирован 5 июня 1958 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Забродоцкий Александр Титович

Родился в 1904 г., Дальневосточный кр., Сучанский р-н; русский; образование начальное; б/п; токарь на шахте № 3. Проживал: г. Сучан.

Арестован 5 июля 1937 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 2 сентября 1937 г., обв.: в религиозной деятельности (баптист).

Приговор: ВМН. Расстрелян 11 сентября 1937 г. Место захоронения – г. Владивосток. Реабилитирован 5 июня 1958 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Колесников Захар Яковлевич

Родился в 1898 г., Харьковская губ.; русский; образование начальное; б/п; кочегар в столовой № 1. Проживал: г. Сучан.

Арестован 23 февраля 1938 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 26 марта 1938 г., обв.: в религиозной деятельности (баптист).

Приговор: ВМН. Расстрелян 11 мая 1938 г. Место захоронения – г. Владивосток. Реабилитирован 3 января 1957 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Колесников Моисей Артамонович

Родился в 1870 г., Курская губ.; русский; неграмотный; б/п; плотник вагонного цеха на Сучанской железной дороге. Проживал: г. Сучан.

Арестован 28 февраля 1938 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 26 марта 1938 г., обв.: в религиозной деятельности (баптист).

Приговор: ВМН. Расстрелян 11 мая 1938 г. Место захоронения – г. Владивосток. Реабилитирован 3 января 1957 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Колтунов Дмитрий Ефимович

Родился в 1899 г., Украина; украинец; образование начальное; б/п; плотник на стройучастке № 2. Проживал: г. Сучан.

Арестован 3 июля 1937 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 2 сентября 1937 г., обв.: в религиозной деятельности (баптист).

Приговор: ВМН. Расстрелян 11 сентября 1937 г. Место захоронения – г. Владивосток. Реабилитирован 5 июня 1958 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Малека Василий Павлович

Родился в 1877 г., Могилевская губ.; русский; неграмотный; б/п; пенсионер. Проживал: Сучанский р-н, с. Ново-Веселая.

Арестован 23 февраля 1938 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 26 марта 1938 г., обв.: в религиозной деятельности (баптист).

Приговор: ВМН. Расстрелян 11 мая 1938 г. Место захоронения — г. Владивосток. Реабилитирован 3 января 1957 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Мальтов Лаврентий Ефимович

Родился в 1895 г., Приморская обл., Сучанский р-н, с. Фроловка; русский; малограмотный; б/п; кочегар столовой № 1 Сучанского райтрансторгпита. Проживал: г. Сучан.

Арестован 17 февраля 1938 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 26 марта 1938 г., обв.: в религиозной деятельности (баптист).

Приговор: ВМН. Расстрелян 11 мая 1938 г. Место захоронения — г. Владивосток. Реабилитирован 3 января 1957 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Мокренко Иван Никитич

Родился в 1903 г., Черниговская губ.; русский; неграмотный; б/п; сторож на кирпичном заводе. Проживал: г. Сучан.

Арестован 23 августа 1937 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 2 сентября 1937 г., обв.: в религиозной деятельности (баптист).

Приговор: ВМН. Расстрелян 11 сентября 1937 г. Место захоронения — г. Владивосток. Реабилитирован 5 июня 1958 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Овчинников Николай Яковлевич

Родился в 1908 г., Приморская обл., Сучанский р-н, с. Казанка; русский; образование начальное; б/п; шофер в Сучанском рудоуправлении. Проживал: г. Сучан.

Арестован 10 июля 1937 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 2 сентября 1937 г., обв.: в религиозной деятельности (баптист).

Приговор: ВМН. Расстрелян 11 сентября 1937 г. Место захоронения — г. Владивосток. Реабилитирован 5 июня 1958 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Олейников Иван Ефимович

Родился в 1897 г., Черниговская губ.; русский; неграмотный; б/п; грузчик в Военторге ТОФ. Проживал: Сучанский р-н, с. Краснополье.

Арестован 23 февраля 1938 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 26 марта 1938 г., обв.: в религиозной деятельности (баптист).

Приговор: ВМН. Расстрелян 11 мая 1938 г. Место захоронения – г. Владивосток. Реабилитирован 3 января 1957 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

По данным рукописи В. Т. Лебедева «История насаждения церквей на Дальнем Востоке», Иван Ефимович Олейников уверовал во Христа в 1917 г., когда проходил воинскую службу во Владивостоке и вместе с группой солдат посещал собрания местной церкви. После демобилизации он уехал в село Краснополье близ Сучана (современный г. Партизанск). В селе он создал общину, которая, по словам Лебедева, к 1923–24 гг. насчитывала до 100 душ. «Молодой брат, чей труд Господь обильно благословляет,» – писали о нем в 1922 году в журнале «Слово и Жизнь», издававшемся во Владивостоке евангельскими христианами.

Сиротюк Степан Сидорович

Родился в 1906 г., Дальневосточный кр., Сучанский р-н; русский; образование начальное; б/п; кочегар в столовой № 1 на шахте № 2. Проживал: г. Сучан.

Арестован 23 февраля 1938 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 26 марта 1938 г., обв.: в религиозной деятельности (баптист).

Приговор: ВМН. Расстрелян 11 мая 1938 г. Место захоронения – г. Владивосток. Реабилитирован 3 января 1957 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Чепур Петр Яковлевич

Родился в 1882 г., Полтавская губ.; русский; образование начальное; б/п; десятник в рудкомхозе. Проживал: г. Сучан.

Арестован 3 июля 1937 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 2 сентября 1937 г., обв.: в религиозной деятельности (баптист).

Приговор: ВМН. Расстрелян 11 сентября 1937 г. Место захоронения – г. Владивосток. Реабилитирован 5 июня 1958 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Отдельные группы

Белябля Петр Михайлович

Родился в 1900 г., Черниговская губ.; украинец; малограмотный; б/п; колхозник. Проживал: Яковлевский р-н, с. Варфоломеевка.

Арестован 1 марта 1938 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 15 марта 1938 г., обв.: в религиозной деятельности (баптист).

Приговор: ВМН. Расстрелян 28 мая 1938 г. Место захоронения — г. Уссурийск. Реабилитирован 29 сентября 1989 г. на основании Указа ПВС СССР.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Герасименко Михаил Никитович

Родился в 1904 г., Черниговский р-н, с. Сиваковка; украинец; образование начальное; б/п; стрелочник. Проживал: на ст. Гайдамак ДВЖД.

Арестован 17 августа 1937 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 3 декабря 1937 г., обв.: в религиозной деятельности (баптист).

Приговор: ВМН. Расстрелян 22 января 1938 г. Место захоронения — г. Владивосток. Реабилитирован 17 июля 1959 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Ганзюк Митрофан Саввич

Родился в 1889 г., Киевская губ.; украинец; малограмотный; б/п; колхозник. Проживал: Ольгинский р-н, с. Звездочка.

Арестован 10 октября 1937 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 26 ноября 1937 г., обв.: в религиозной деятельности (баптист).

Приговор: ВМН. Расстрелян 23 декабря 1937 г. Место захоронения — г. Владивосток. Реабилитирован 30 мая 1957 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Исаак Абрам Гердгардович

Родился в 1902 г., Самарская губ.; немец; образование начальное; б/п; колхозник в колхозе «Прогресс». Проживал: Черниговский р-н, с. Вассиановка.

Арестован 15 января 1938 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 10 февраля 1938 г., обв.: в религиозной деятельности (секта меннонитов).

Приговор: ВМН. Расстрелян 19 марта 1938 г. Место захоронения — г. Уссурийск. Реабилитирован 17 декабря 1971 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Пронченко Петр Иосифович

Родился в 1884 г., Черниговская губ.; украинец; малограмотный; б/п; крестьянин. Проживал: Чугуевский р-н, с. Чугуевка.

Арестован 19 января 1938 г.

Приговорен: Тройка при НКВД 10 февраля 1938 г., обв.: в религиозной деятельности (секта евангелистов).

Приговор: ВМН. Расстрелян 19 марта 1938 г. Место захоронения – г. Уссурийск. Реабилитирован 24 ноября 1989 г. на основании Указа ПВС СССР.

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

**Северные пятидесятники
(Красноармейский и Дальнереченский районы)**

Ашлабан Антон Семенович, пятидесятник, с. Незаметное

Около 1951 года осужден на 10 лет. В 1953 году освобожден по амнистии.

Источник: Воспоминания епископа ОЦ ХВЕ В. Г. Григорьева, журнал «Евангелист» №3, 2004 год.

Генцьшина Ольга, пятидесятница, с. Ариадное Дальнереченского р-на

В начале 1950-х осуждена на 10 лет. Отбывала срок во Владивостоке в лагере в районе Второй Речки. Умерла в лагере после 3 лет заключения. Захоронена вблизи лагеря.

Источник: Воспоминания епископа ОЦ ХВЕ В. Г. Григорьева, журнал «Евангелист» №3, 2004 год.

Гончарук Тимофей Максимович, священнослужитель общины пятидесятников, с Новокрещенка.

Около 1951 года осужден на 25 лет. Сидел в лагере в г. Бодайбо. Отбыл 8 лет, после чего был освобожден.

Источник: Воспоминания епископа ОЦ ХВЕ В. Г. Григорьева, журнал «Евангелист» №3, 2004 год.

Григорьев Владимир Григорьевич

Родился в 1932 году.

Осужден около 1955 года на 4 года. Из них отбыл 1 год и 8 месяцев, освобожден по зачетам.

Источник: Воспоминания епископа ОЦ ХВЕ В. Г. Григорьева, журнал «Евангелист» №3, 2004 год.

Ефимов Евлантий Ермолаевич,

Пятидесятник. Около 1951 года осужден на 10 лет. В 1953 году освобожден по амнистии.

Источник: Воспоминания епископа ОЦ ХВЕ В. Г. Григорьева, журнал «Евангелист» №3, 2004 год.

ГЛАВА 8

1940-1950 годы. Военный и послевоенный периоды

«Как это не парадоксально звучит, но, по горькой иронии, именно война спасла все церкви от полного истребления, дав им возможность продемонстрировать свою лояльность, — отмечает историк Вальтер Заватски. — Взамен Сталин даровал некоторые новые свободы, правда, не подкрепленные защитой закона. По мере улучшения ситуации два единственных оставшихся на свободе лидера Орлов и Андреев во время войны объезжали свои общины, помогая им вновь встать на ноги. Ведь к тому времени большинство лидеров баптистов были уничтожены или отправлены в заключение»¹⁵⁸.

С началом Великой Отечественной войны перестал выходить журнал «Безбожник». В сентябре 1941 года по поручению Сталина была написана и опубликована статья Ярославского «Почему религиозные люди против Гитлера». Тон ее разительно отличался от того, что писал руководитель СВБ ранее: он высоко оценил патриотическую деятельность Московской Патриархии РПЦ и некоторых других церквей.

Глава РПЦ митрополит Сергей призвал верующих пожертвовать всем ради защиты Отечества. Кроме того, православные собрали значительные пожертвования на военные нужды. Такой же позиции придерживались и руководители Всесоюзного Совета евангельских христиан. Уже в первые дни войны председатель ВСЕХ Михаил Орлов провел в Московской общине большое патриотическое собрание, после которого многие члены церкви выразили желание вступить добровольцами в Красную Армию. А 28 июня 1941 года ВСЕХ разослал обращение к общинам ЕХ, где говорилось:

«Сейчас, дорогие братья и сестры, наступили дни не на словах, а на деле показать наше искреннее отношение к Родине и к переживаемым нашей страной событиям. <...> Многие братья будут призваны к защите своей страны. Мы зовем их исполнить свой долг до конца, не из страха наказания, но по совести.

<...>

Дорогие братья! Пусть и в наших <...> евангельских рядах не будет ни одного отказчика от военной службы, в каком бы виде она не была нам предложена.

<...>

Мы обращаемся и к тем нашим братьям и сестрам, которые работают в крестьянстве, на фабриках, заводах и учреждениях. Пришло время удешевить нашу ревность в труде. Братья и сестры, стремитесь быть первыми и лучшими работниками. Покажем, что мы умеем не только молиться, но и хорошо трудиться.

**ВСЕМ ЕВАНГЕЛЬСКИМ ХРИСТИАНАМ И БАПТИСТАМ,
НАХОДЯЩИМСЯ ПОД ГНЕТОМ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ
ОККУПАНТОВ.**

Дорогие наши братья и сестры!

Мы снова обращаемся к вам с вострым упреком и ободрением. Всем вам надлежит радоваться востраде в Господе (Филип. 4, 1).

В воскресенье, 7-го февраля с. г. мы, верующие, евангельские христиане и баптисты, совместно со всем Всесоюзным Советом баптистов, имели великий день объединенной молитвы, когда наши братья и сестры по вере во всяку страну молились о нас, русских верующих, о всем деле Божиим в нашей великой стране и о победе ее над злыми врагом, провозвещающим свои оравлавающие руки к жизни обетованной.

Молились и раньше дати Божией об освобождении святой родной земли от гитлеровского изуверства — и теперь надлежит величайшие усилия нашей славы Красной Армии. В короткое время, один за другим — Сталинград, Харьков, Курск, Ростов на Дону, сходят укрепленные Рейх, Неман были вырваны из вражеской руки поработителей войны напором наших героических воинов.

Скоро будут верны дни наши и величественные страдания наши над гнетом немецко-фашистских оккупантов сменятся радостью освобождения.

Враг истребляет мирод наш зенитными орудиями Аиша (Ефрейр 4,6). Вы — свидетели и очевидцы этой беспримерной несправедливости. На ваших глазах совершаются ужасы, делаются кровью человечество: раскидываются люди добры, расстреливаются близкие вам и вы в чем несправедливо ищите людей — не одной только нами, что они — русские, завоеватели приходят владыку безжалостно поработителя. Круг времени работы против гнетит над нашими головами, и вы падаете обессиленные неисчислимыми рабскими трудами. — И все это имеет одну святолюбивую цель: уничтожить физически как можно больше нашего дорогого русского народа.

Отступая под грозным натиском наших славных войск, враг прибегает к новому способу истребления нашего народа: он изгладительно упрекает ищет освобождения Красной Армией ищет в свой тыл — это вражий фашистский самолет — стоит перед нами, как благодарственно подожжени народный вестя за кровь и слезы потоптанной врагом родной земли.

Братья и сестры! Не дожидайтесь такого печального конца, не участвуйте! Не допустите, чтобы враг выкачал свой злобный нашето уничтожение!

Вступайте в ряды партизан! Партизаны — это мужественные народные герои, выполняющие зло, зловражде врагов — немцев. Гитлеровское зло достойно такого наказания! Помните, как расправлялся в 1812 году славные русские партизаны с дрянными нахальцами того времени — Наполеоном. Бесстрашные партизаны нашей Первой Отечественной войны — Давыдов, Фигнер, Сославиц, Чернышев — стоят перед нами, как благодарственно подожжени народный вестя за кровь и слезы потоптанной врагом родной земли.

Наша смелые партизаны расправятся и в этой войне с тонкими и злое граждан противником. Помните их, братья и сестры, и их большой благодарной задачей освобождения оккупированных мест родной земли! Помните личным участием в их деле! Помните кровью, слезами, материальными средствами! Если наши братья до вера сражаются мужественно на фронте, почему вы не можете сражаться мужественно и тылу у врага? Итак — вступайте в ряды партизан!

Желаем вам верноподобно стоять за свою родину! Показали всему миру, как мы, верующие во Христа, умеем любить свой родной народ! Отдадим все, если нужно и самую жизнь, для блага его!

Мы верим, что скоро увидимся с вами.

Наш братский привет всем вам!

Ваша братья —

Председатель Всесоюзного Совета евангельских христиан и баптистов М. Орлов

Товарища председатели: Н. Левицкий
А. Андреев

Члены: И. Жидков
М. Голубев
А. Карса
В. Урицкий

Апрель 1943 г.

Этим прославится наш великий Спаситель — Христос! Принесем все, что можем, на жертвенник нашей любимой Родины»¹⁵⁹.

Это обращение было особенно важно, учитывая, что среди евангельских верующих до сих пор сильны были пацифистские настроения¹⁶⁰.

В ходе войны руководители ВСЕХ многократно выступали с призывами защищать Родину с оружием в руках, добросовестно трудиться, жертвовать на нужды Красной Армии (например, на пожертвования евангельских верующих был построен санитарный самолет «Добрый самарянин»). Несколько посланий было адресовано евангельским христианам и баптистам, находящимся на оккупированных Германией территориях. В них верующих призывали идти в партизаны.

Нужно отметить, что война со всеми страхами, нестабильностью, лишениями была временем массового обращения людей к Богу. Возросшей религиозностью в своих прагматичных инте-ресах пользовалось и командование Германии. Как правило, немцы не препятствовали открытию церкви (как православных, так и протестантских) на своей территории, а иногда

¹⁵⁹ Обращение ВСЕХ 28 июня 1941 года. Архив РС ЕХБ.

¹⁶⁰ Вальтер Заватски «Евангелическое движение в СССР после Второй мировой войны».

даже способствовали этому. В связи с чем позднее, с конца 50-х годов и до самого развала советской власти, во время пропагандистских кампаний евангельских верующих будут обвинять в коллаборационизме. Однако во время войны советская пропаганда не пыталась изобразить протестантов «пятой колонной» немцев, как это было во время Первой мировой¹⁶¹.

В сентябре 1943 года Сталин принял руководителей РПЦ и разрешил провести Архиерейский Собор, на котором был избран патриарх, Сергей (Старгородский). А в феврале 1945 года в Москве состоялся духовный концерт в часть Поместного Собора РПЦ, на котором присутствовала советская элита.

Смягчилось отношение советского руководства и к протестантам: началась их постепенная легализация. В 1942 году им разрешили создать Временный совет евангельских христиан и баптистов, в который вошли испытанные работники обоих братств. Большинство из них подвергались репрессиям, некоторые отбыли сроки в лагерях, а Яков Иванович Жидков, осужденный в 1938 году на 8 лет ссылки на Колыму, отпущен досрочно. Временный совет занялся подготовкой всесоюзного совещания — съезда евангельских христиан и баптистов в Москве.

Этот съезд состоялся с 26 по 29 октября 1944 года после получения разрешения от правительства. В работе съезда приняли участие 45 делегатов — старейших работников обоих союзов (тридцать из них были рукоположенными пресвитерами) — и некоторые старые члены московских и подмосковных общин. Съезд принял историческое решение об объединении евангельских христиан и баптистов в одно братство и в один Союз. В резолюции было отмечено: «Предав полному забвению все разногласия в прошлом, из двух союзов... создать один союз: Союз евангельских христиан и баптистов с руководящим органом — Всесоюзным Советом евангельских христиан и баптистов (ВСЕХиБ) с пребыванием его в г.Москве». В состав ВСЕХиБ вошли: председатель — Яков Жидков, товарищи председателя — Михаил Голяев и Михаил Орлов, казначей — Павел Малин, секретарь — Александр Карев, члены — Алексей Андреев, Филипп Пятковский и Николай Левинданто¹⁶². В 1946 году букву «и» в аббревиатуре ВСЕХиБ решено было убрать. Совет стал называться ВСЕХБ, а верующие — евангельскими христианами-баптистами (ЕХБ).

«Объединение евангельских христиан и баптистов завершилось без открытых совещаний и публичных обсуждений, в обход демократических принципов, свойственных этим конфессиям даже при обсуждении таких локальных вопросов, как выборы пресвитера, диакона, прием в общину нового члена и т. д., — отмечает историк Татьяна Никольская. — Тем не менее объединение действительно состоялось и выдержало испытание временем. Этому способствовала близость вероучения евангельских христиан и баптистов. Но самым важным была моральная готовность к объединению — как церковных лидеров, преодолевших личные разногласия (в результате смены поколений), так и рядовых верующих»¹⁶³.

161 Т. К. Никольская «Русский протестантизм и государственная власть».

162 С. В. Санников «История баптизма».

163 Т. К. Никольская «Русский протестантизм и государственная власть».

Участники совещания ВСЕХиБ, Москва, 1945 г. В первом ряду первый справа — Александр Карев, рядом Михаил Голяев, рядом Яков Жидков. Архив РС ЕХБ

Для надзора за верующими и проведения единой государственной политики в отношении религиозных организаций в 1943 году при Совете Министров СССР был создан Совет по делам РПЦ (СДРПЦ), а в 1944 году — Совет по делам Религиозных Культур (СДРК), который контролировал всех неправославных верующих. Практически в каждом регионе страны были назначены специальные уполномоченные от СДРПЦ и в большинство — от СДРК. В структуры обоих советов, как правило, назначались люди с опытом чекистской работы.

Стремясь упростить контроль за протестантами, власти решили ко ВСЕХБ присоединить еще и пятидесятников (ХВЕ — христиан веры евангельской). Однако это было не так просто, как в случае объединения евангельских христиан и баптистов, поскольку у пятидесятников с ними были довольно значительные расхождения в вероучениях. Прежде всего речь шла о пятидесятнической практике глоссолалии, как правило, неприемлемой для евангельских христиан-баптистов.

Самостоятельное существование пятидесятническим союзам, как это было до войны, власти не разрешили. Можно предположить, что это было связано не только с глоссолалией (якобы вредной для здоровья), но и стремлением к самоизоляции от общества, в большей степени проявлявшегося у пятидесятников, чем у ЕХБ. С подачи властей между руководителями ВСЕХБ и пятидесятников начались сложные переговоры, которые в конце концов вылились в так называемое «Августовское соглашение» — соглашение об объединении христиан веры евангельской с евангельскими христианами и баптистами в один союз, принятое 27 августа 1945 года. По условиям этого документа общины пятидесятников могли входить во ВСЕХБ самостоятельно

или сливаться с существующими общинами ЕХБ. Его условием был отказ от практики публичной глоссолатии, а также распространенного во многих пятидесятнических общинах обряда омовения ног перед Вечерей. ЕХБ в ответ признавали рукоположение священнослужителей пятидесятников – старших пресвитеров, пресвитеров, диаконов, благовестников...

Однако на местах «Августовское соглашение» не признавала значительная часть общин и просто верующих с обеих сторон. И вообще союз ЕХБ с пятидесятниками не был прочным. Необходимость отказа от глоссолатии во время богослужений и омовения ног воспринималась многими пятидесятниками болезненно, в общинах возникали конфликты. Нередко пятидесятники, посещая общие богослужения, параллельно собирались и своими, сугубо пятидесятническими, группами. Со временем значительная часть пятидесятнических общин и отдельных верующих, ранее вступивших во ВСЕХБ, из него вышла.

Ситуация в Приморье в 1939-1954 годах

Во время войны Приморский край находился в глубоком тылу, хотя здесь постоянно ощущалась угроза возможного нападения Японии (союзницы Германии), в связи с чем на протяжении всей войны на территории края дислоцировались значительные силы Красной Армии. Автору не известно ни одного случая отказа от воинской службы евангельских христиан и баптистов Приморского края. Верующие в полной мере разделяли все военные тяготы советского народа. Точно так же, как и все остальные, они призывались на фронт и участвовали в боевых действиях.

Нужно отметить, что после Большого террора 1937-38 годов в Приморье не осталось ни одной легальной евангельской церкви. Наступил период рассеяния. Однако по свидетельству диакона Хабаровской церкви ЕХБ Владимира Тарасовича Лебедева, собиравшего в 50-80-е годы свидетельства верующих и написавшего рукопись «История насаждения и жизнь церквей ЕХБ на Дальнем Востоке в 1889-1981 гг», религиозная жизнь в крае не замерла окончательно. Верующие, в условиях строгой конспирации собирались для совместных молитв маленькими группами. Во время войны эти группы начали объединяться.

Первой «ласточкой» стали регулярные собрания общины села Ильинка Ханкайского района – начиная с 1941 года¹⁶⁴. Дальше – больше. *«Отсутствие политической работы привело к тому, что в районе начинают появляться отпрыски сектантства, – сообщалось в материалах отдела пропаганды крайкома ВКП(б) в 1944 году. – В Старой Варваровке и Виноградовке передаются репрессированными элементами религиозные записки о «спасении души»¹⁶⁵.*

«В Красноармейском районе в селе Картун в течение 8 лет начальником гидрометеостанции работал Садовой, который, являясь воинствующим баптистом, использовал свое положение для активной религиозной пропаганды, – сообщалось на III

164 ГАПК ф. 1578 оп.1 д.60 л.8.

165 ГАПК ф.П-68 оп.5 д109 л. 26.

Молодежь из церквей Приморья. Фото из архива Уссурийской церкви «Свет миру»

Приморской краевой партийной конференции в феврале 1948 года. — На молитвенных собраниях, проводимых в помещении метеостанции, Садовой проповедовал о “божественном” начале всего существующего, о приоритете “духа” над материей”¹⁶⁶.

Во Владивостоке пожилые женщины-верующие собирались группами в различных местах; затем они объединились и проводили молитвенные собрания в доме Горящей по улице Первая Рабочая. Жестокие репрессии и трудности военного времени примирили евангельских христиан и баптистов. Пресвитером группы был избран старец Яценко, который впоследствии предоставил свой дом для проведения собраний. Дом находился в двадцати шести километрах от Владивостока; верующие добирались поездом, на что уходило не менее сорока минут, потом шли пешком еще тридцать минут¹⁶⁷.

Весной 1945 года Владивостокская община ЕХБ предприняла первую попытку зарегистрироваться. Заявление было рассмотрено Приморским краевым исполкомом 15 мая 1945 г. Исполком (председатель А. Блошаненко) отклонил заявление. Причины в официальном решении не объясняются¹⁶⁸.

Забегая далеко вперед, отметим, что в 1977 году, уполномоченный Совета по делам религии по Приморскому краю Валерий Иванович Чупин насчитает только в период с 1953 по 1967 год 11 обращений Владивостокской общины с заявлением о регистрации. Государственный чиновник Чупин признает, что все отказы на эти обращения были незаконными¹⁶⁹.

166 ГАПК ф. П-68 оп.6 д. 84 л.55.

167 «История ЕХБ в СССР» М, 1989.

168 ГАПК ф.Р-26 оп. 20 д.133 л. 135.

169 ГАПК Р-1578 оп 1 д 71 л.33.

Спасская церковь, 1956 г. В среднем ряду в центре – пресвитер Д.Д.Тевс, третий справа – П.Д.Белявский Фото из архива Спасской церкви

Между тем за пределами Приморья беспрепятственная легализация протестантских общин продолжалась до 1946 года. Например, удалось зарегистрироваться церквям ЕХБ в Хабаровске, Благовещенске и других городах¹⁷⁰. В 1948-49 годах регистрация общин практически прекратилась, а кое-где ее лишили ранее зарегистрированные церкви¹⁷¹. В последние годы сталинизма (1949-1953) стала возрождаться практика посадок верующих на длительные сроки по обвинению в антисоветской агитации и прочих «контрреволюционных преступлениях», хотя сажали далеко не так густо, как в 1930-е...

Но вернемся в Приморье: в конце войны и в первые послевоенные годы пробуждение наблюдалось не только во Владивостоке, но и по всему краю.

В 1944 году в Сучане прошло первое богослужение, на котором присутствовало 18 человек. Пресвитером этой общины стал Иосиф Денисович Гутник. К 1949 году община выросла до 100 человек¹⁷². В пятидесятые годы Сучанская церковь крестила 15-20 человек ежегодно и выросла уже до 250 членов, правда через несколько лет ее численность сильно уменьшилась из-за разделения, произведенного пятидесятником Кошубой¹⁷³.

В Лесозаводске первое послевоенное крещение состоялось в 1946 году, – крестили Марию Дивиричеву. В 1948 году крестили уже троих. Пресвитером общины стал Аверьян Захарович Голодный. Богослужения проводились в доме Петра Андреевича Козыря (будущего пресвитера) по ул. Кустарная, 2. В 1949 году община также подала заявление о регистрации

170 В. Т. Лебедев «История насаждения и жизнь церквей ЕХБ на Дальнем Востоке».

171 Т. К. Никольская «Русский протестантизм и государственная власть».

172 ГАПК ф. П-68 оп. 6 д.108 л. 172.

173 В. Т. Лебедев «История насаждения и жизнь церквей ЕХБ на Дальнем Востоке».

Крещение в Спасской церкви, 1957 г. Фото из архива Спасской церкви

П. А. Козырь, пресвитер Лесо-заводской общины в 50-60-е гг. ГАПК ф.Р-1578 оп.1 д.77 л.12

Верующие из Уссурийской церкви. 1955 г. В первом ряду слева: супруги Лавриненко, в центре – пресвитер Баландин, справа – супруги Таран. Во втором ряду второй справа – И. Р. Тютюник. Фото из архива Уссурийской церкви «Свет миру»

и также получила отказ. Несмотря на это к 1950 году эта община выросла до 50 душ¹⁷⁴.

В Уссурийске в 1947 году во время своего посещения общины старший пресвитер по Дальнему Востоку и пресвитер Хабаровской церкви Владимир

¹⁷⁴ ГАПК ф.Р-26 оп. 20 д.133 л. 92, В. Т. Лебедев «История насаждения и жизнь церквей ЕХБ на Дальнем Востоке».

Иванович Косицын рукоположил на пресвитерское служение Алексея Антоновича Тарана. С 1950 года начались регулярные богослужения группы ЕХБ в Находке, — после того, как в город приехал верующий Кульбера с женой и нашел там трех верующих женщин¹⁷⁵.

«Для оценки деятельности церковников и сектантов в нашем крае в данный момент характерно повышение их активности во всех районах края и особенно в Калининском, Спасском, Ханкайском, Красноармейском, Шмаковском, Шкотовском, Михайловском, Хорольском, Чугуевском, Яковлевском, Буденновском районах и городах Артеме, Ворошилове, Сучане, Владивостоке», — отмечалось на XXVII Пленуме Приморского краевого комитета ВКП(б) 7-8 октября 1947 г.

Возродились общины в Вознесенке Черниговского района (1945 г.), Арсеньеве (1948 г), Кавалерово (1955 г.), Раздольном (1955 г.) Тетюхе (1948 г.), селе Ивановка Михайловского района (1953 г.), Галенки Пограничного района (1949 г.), Гранатовке Уссурийского района (1946 г.) и Ново-Сысоевке Кавалеровского района (1954 г.)¹⁷⁶.

В 1950 году возобновились регулярные служения в Спасской церкви. В первые годы служение в ней несли Клешнин, Белявский Петр Дорофеевич, Мусиенко и другие. В 1955 году в Спасск приехал молодой энергичный верующий из немцев — Тевс Дитрих Дитрихович, который возглавил общину. В 1956 году они арендовали дом для богослужений на ул. Ипподромной. В 1958 году Тевс был вынужден уехать из Спасска, пресвитером стал Василий Стефнович Лавринов — офицер запаса, бывший коммунист и начальник отделения милиции (которого, как верующего, вынудили уволиться из милиции)¹⁷⁷.

В целом можно отметить, что, несмотря на ухудшение отношения государства к протестантам начиная с конца 40-х годов, церкви довольно успешно росли на протяжении всех 1950-х годов.

Северные пятидесятники

Строго говоря, первыми (известными автору) пятидесятниками в Приморье были супруги Пейсти. Однако нет данных, чтобы в результате руководства Николаем Ивановичем Пейсти Уссурийской общиной баптистов в 1919-1923 году, кто-то из членов общины перешел в пятидесятничество. Неудивительно, что Н. И. Пейсти всегда сохранял прекрасные отношения с баптистами.

Распространяться же пятидесятничество в крае стало в 40-х годах благодаря миграции в край пятидесятников из других регионов страны. В 50-е годы сильные общины пятидесятников, независимо друг от друга, образовались на севере Приморья и на юге — в городе Находка.

Пятидесятники на севере — это бывшие евангельские христиане, начавшие практиковать глоссолалию и принявшие представления пятидесятников о пророчествах и других дарах Святого Духа. Многочисленные общины еван-

175 В. Т. Лебедев «История насаждения и жизнь церквей ЕХБ на Дальнем Востоке».

176 ГАПК ф. 1578 оп.1 д.60 л.8.

177 «История Спасской церкви», устные воспоминания И. Р. Тютюнника.

Супруги Бруснецовы (сидят) и Игнатенко. Конец 1930-х или начало 1940-х годов. И. Е. Бруснецов – пресвитер, А. Т. Игнатенко – диакон Арсеньевской церкви. Фото из архива Первой церкви ЕХБ города Арсеньева

этим Объединением (№3 за 2004 г). По словам Григорьева, в 1947 году в поселок Незаметный (30 км от Новокрещенки) из Сибири приехала семья пятидесятников. От них пятидесятничество приняли две верующие женщины в возрасте около 50 лет, а семья эта вскоре уехала обратно в Сибирь. В 1948 году группа молодых людей из верующих семей пришла из Новокрещенки в Незаметный, чтобы проведать этих женщин, – от них и молодежь научилась глоссолалии. Через молодежь эта практика распространилась в их семьях, и вскоре практически вся община перешла в пятидесятничество.

В 1950-51 годах началось гонение. Тимофей Максимович Гончарук, священнослужитель из Новокрещенки, был осужден на 25 лет. Такой же срок получил Антон Семенович Ашлабан из поселка Незаметный, а Евлантий Ермолаевич Ефимов был осужден на 10 лет.

Примерно в то же самое время в Имане (60 км от Новокрещенки) местная община также перешла в пятидесятничество. Там также один верующий был осужден на 10 лет. В Калининском (ныне Дальнереченском) районе в селе Ариадное жила со своим мужем и детьми пятидесятница Ольга Генцышина, приехавшая туда по вербовке. Ее муж умер. Благодаря ей в селе образовалась группа около 15 человек. В начале 50-х годов Ольгу осудили на 10 лет. Трех несовершеннолетних детей отняли и отдали в детдом, двое были уже взрослыми.

гельских христиан появились здесь еще в 20-е годы в результате успешной миссионерской работы разъездных благовестников ДОВСЕХ. Так, в 1928 году община ЕХ в Имане (пресвитер Федор Степанович Степанов) насчитывала 420 человек. Крупная община существовала в селе Новокрещенка (пресвитер Виталий Романович Мельник). Эта община была кустовой – то есть центр и молитвенный дом в Новокрещенке, а группы верующих, входящие в общину, проживали в окрестных селах. В конце 30-х годов эти общины, как и все остальные в крае, были рассеяны.

О том, как они стали пятидесятичными, рассказал один из старейших членов общины в пос. Незаметном (близ Новокрещенки) Владимир Григорьевич Григорьев, ныне епископ Объединения Церквей христиан веры евангельской Дальнего Востока. Его воспоминания были опубликованы в журнале «Евангелист», издаваемым

Группа верующих из церквей сел центральных районов Приморья (с. Чернышевка и др). В первом ряду верующие из Арсеньевской церкви (справа налево) Галич, Алексей Трофимович Игнатенко (диакон), Иван Бруснецов (пресвитер). Фото из архива Первой церкви ЕХБ города Арсеньева

Ольга отбывала свой срок в районе Второй Речки (в то время пригород Владивостока), в женском лагере, где о ней заботились верующие из Владивостока, регулярно посещая ее. Здоровье у нее было уже подорвано, и через три года заключения она заболела и умерла. Узнав об этом, верующие г. Владивостока (в их числе был В. Григорьев) посетили ее могилку на Второй Речке, где ее похоронила лагерная служба.

Т.М.Гончарук отбывал свой срок в г. Бодайбо, на Севере, а Е.Е.Ефимов и А.С.Ашлабан содержались в лагерях Приморья. Отсидев часть срока, они в 1953 году освободились по амнистии.

Сам Григорьев около 1955 года был осужден за веру на 4 года, из них отбыл 1 год и 8 месяцев, освободившись по зачетам. Прожив некоторое время на Сахалине, он приехал в Иман. Члены общин в то время безоговорочно верили в «откровения» своих пророков, не проверяя их Священным Писанием. В связи с чем Григорьев вспоминает:

«Из уз вернулся Гончарук Тимофей Максимович. Из двадцати пяти лет он отбыл восемь. По возвращении в церковь Гончарук попал в немилость у пророчицы Лиды Виноградской из группы рядом с с. Новокрещенка. Через эту пророчествующую сестру было открыто, что якобы он в зоне, во время своих уз, совершил блуд. И несмотря на его категорическое опровержение обвинения, все равно был отлучен от церкви по откровению.

Он посещал собрание, но с решением церкви был в несогласии, поэтому с ним запретили приветствоваться. Он очень болезненно переживал сложившуюся вокруг него обстановку и неоднократно срывался, за что его еще дольше держали на отлучении. Болезненно переживали это и многие члены церкви, видя его

непреклонное утверждение в невиновности. После некоторого времени пророчица призналась, что было откровение: «Не блуд по плоти, а отступление в духе, духовное заблуждение» (может быть, он рассказывал, что в зоне были верующие разных толков и учений)».

«Когда молодой служитель В. Григорьев об этом узнал, у него началась внутренняя борьба, — говорится в журнале «Евангелист». — Он решил сам исследовать этот вопрос, для чего посетил эту пророчицу, и нашел, что при здоровом рассуждении по Слову не было основания для отлучения служителя-узника. Старших служителей тогда на Дальнем Востоке не было, и посоветоваться было не с кем. Он решил сам собрать общее собрание и положить конец неевангельскому порядку в применении даров Духа Святого в церкви, но взять за основу Слово Божие. Это было как гром среди ясного неба в ушах богобоязненных и послушных голосу откровений старых членов церкви. Происшедшие события подвигали церковь к зрелости, и за этим стоял Господь. Пришло время, и Церковь ХВЕ в Приморье преодолела детскую болезнь водительства откровениями вопреки Писанию и здравому смыслу».

ГЛАВА 9

1958-1962 годы. Хрущевские гонения

От воинствующего атеизма — к «научному»

Оглядываясь на события XX века, можно констатировать: что практически во все время существования советской власти русские христиане-протестанты подвергались гонениям разной степени интенсивности. Но гонения гонениям рознь. История показала, что гонения условно можно разделить на два типа: гонения, направленные на физическое уничтожение верующих, и гонения, направленные на их перевоспитание, разубеждение. В первом случае вера воспринимается как нечто “врожденное” и неотчуждаемое, во втором случае — как нечто приобретенное — то, что можно отнять. Конечно, как правило, в борьбе государства с религией присутствуют оба типа гонений, но при этом обычно один из двух типов доминирует.

Смерть Сталина в 1953 году была очень значимой вехой в истории нашей страны. Несколько лет политика государства была не очень внятной — на самых верхах разбирались, кто будет рулить государством, и в каком направлении оно будет двигаться дальше. Это время — середина 50-х — было временем относительно ровных отношений Церкви с государством. Не было ни широкомасштабного потепления, ни по-настоящему жестоких гонений. Новый поток посадок священнослужителей, начавшийся во время позднего сталинизма, прекратился. Началось массовое возвращение репрессированных служителей из лагерей, причем многие вышли досрочно. Уже с середины 50-х годов начался постепенный процесс реабилитации репрессированных.

Новый политический курс определился к 1958 году. По классификации известного религиоведа Л. Н. Митрохина в это время произошел переход от “воинствующего атеизма” (1920-30-е годы) к “атеизму научному” (1960-80-е годы). Если в первый период в борьбе с Церковью преобладали гонения, направленные на физическое уничтожение церковных лидеров и просто верующих, как носителей враждебной идеологии, то во время “научного атеизма” государство стало стремиться перевоспитать их агрессивной пропагандой. Однако переход к “воспитательным” мерам не предполагал полного отказа от репрессий и административного давления, а только отводил им вспомогательную роль.

Возможно, переход ко второму типу гонений объясняется позицией Церкви, которую она заняла во время войны, — когда верующие с оружием в руках защищали страну, показав, что они не чужды советскому обществу, что они — его часть, делящая с остальными и горе, и радости. В то же время

*Праздник Жатвы в одной из церквей Приморья 1950-е или 1960-е годы.
Фото из архива Первой церкви ЕХБ города Арсеньева*

расставаться со своей идеологической монополией власти не собирались, так как в советском руководстве, отринувшем сталинизм, сильны были надежды на построение в обозримом будущем коммунистического общества. Так, в ходе XXI съезда КПСС, состоявшемся в январе 1959 года, было объявлено о «полной и окончательной победе социализма в СССР». Глава партии и государства Никита Сергеевич Хрущев провозгласил начало перехода страны к коммунизму. Однако в этом утопическом проекте не было места религии, и на том же съезде Хрущев пообещал через семь лет показать по телевидению «последнего попа».

Окончательно идеология периода «научного атеизма» была оформлена в Четвертой Программе КПСС, принятой в 1961 году. В ней религия была названа «пережитками капитализма в сознании и поведении людей», а борьба против этих пережитков – «составной частью работы [КПСС] по коммунистическому воспитанию». Здесь слово «воспитание» имеет ключевое значение, потому что с этого времени Коммунистическая партия считала своей главной целью уже не осуществление диктатуры пролетариата, а «воспитание нового человека, гармонически сочетающего в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство». Именно таким видели партийные лидеры человека «социалистического» общества, и именно такой человек, по их представлениям, должен был вполне соответствовать прописанному в этой же Программе «моральному кодексу строителя коммунизма»¹⁷⁸.

Еще одной особенностью хрущевской антирелигиозной кампании была ее «антисектантская» направленность. Конечно, «бомбардировке» подвергались позиции всех вероисповеданий СССР, однако, в первую очередь, острие пропаганды было направлено против «сектантов», к которым власти относили

178 Е. И. Панич «Гонения на верующих в эпоху «научного атеизма» и проблема свободы служения христианина».

*Священнослужители, начало 60-х. Крайний справа – Полянский, перед ним А. Т. Лавринова, рядом с ней в первом ряду пресвитер Уссурийской церкви А. А. Таран, рядом с ним в первом ряду пресвитер Спасской церкви В. С. Лавринов. Во втором ряду первый слева – ст. пресвитер ВСЕХБ по Восточной Сибири и Дальнему Востоку Е. Н. Раевский.
Фото из архива Уссурийской церкви ЕХБ «Свет миру»*

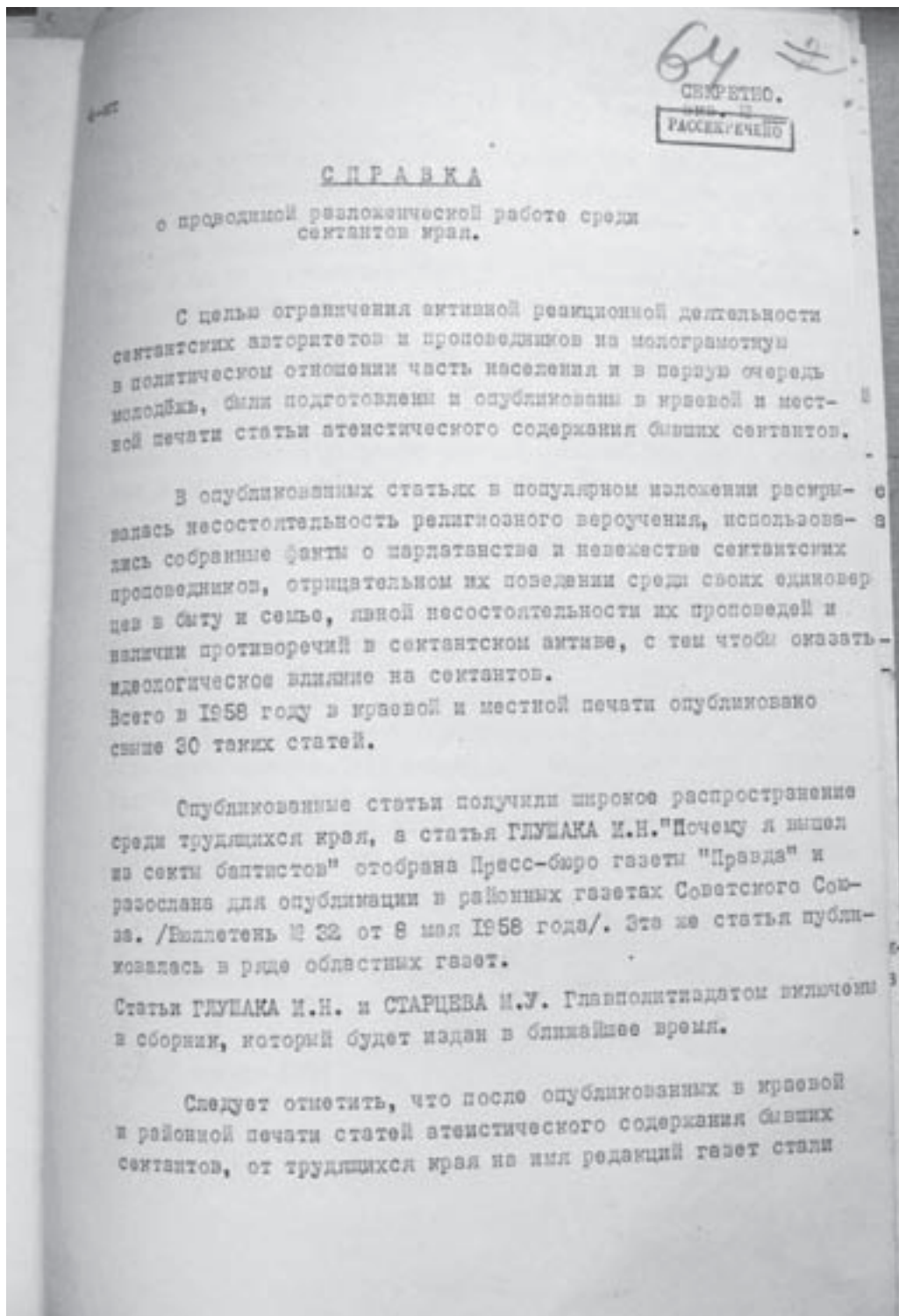
христиан-протестантов. Эта особенность отмечалась, например, в 1958 году на одном из заседаний бюро Приморского крайкома КПСС, где рассматривался вопрос «О недостатках научно-атеистической пропаганды в крае». Там говорилось, что *«до последнего времени она (антирелигиозная работа – прим. авт.) была направлена только против сектантов и почти совершенно не велась против православной церкви»*¹⁷⁹. Именно «сектантам» было посвящено более всего пропагандистских фильмов, газетных статей, атеистических лекций. Над ними чаще устраивали показательные судебные процессы. Можно предположить, что такое ожесточение против «сектантов» было вызвано, в первую очередь, их живучестью и способностью быстро восстановиться даже после ужаса предыдущих десятилетий.

Пропаганда

Сталинский Союз воинствующих безбожников прекратил фактическую деятельность в 1941 году. А юридическое его существование закончилось в 1947 году, когда его имущество и полномочия были переданы созданному в том же году обществу «Знания». В каком состоянии на тот момент находилась антирелигиозная пропаганда, можно судить по такому примеру, озвученному на XX пленуме Приморского краевого комитета ВКП(б) в октябре 1945 года:

«В Соколовском (ныне Лазовский – прим. авт) районе в райком вызвали

179 ГАПК ф. П-68 оп. 6 д.312 л.175-177.

Справка КГБ «о разложеческой работе». ГАПК ф.П-68 оп.34 д.812 л.64,65

поступать письма от родственников сектантов и отдельных граждан с предложениями принять более эффективные меры профилактики и ограничения сектантского влияния на население и молодежь. Некоторые рабочие и служащие в частных беседах высказывали упрёки в адрес органов Советской власти, что они мало принимают мер и пресечения деятельности сектантов.

В сентябре 1958 года был подготовлен сборник "Истина о сектантах", в который помещены опубликованные в краевой и районной печати края в 1958 году рассказы агностического содержания бывших сектантов и их родственников двадцати авторов с предисловием об истории и сущности сектантской идеологии. В ближайшие дни сборник выйдет на печати Приморского книжного издательства в 15 тысячным тиражом и поступит в продажу.

Подготовлен и сдан в печать рассказ бывшего сектантского проповедника Ф.Н. МЯЧИНА. В этой брошюре рассказывается об обстоятельствах вовлечения МЯЧИНА в детском возрасте в секту пятидесятников, как он стал проповедником, о причинах разрыва с религией, разоблачается шарлатанство и реакционная деятельность проповедников, "пророков" и "тонователей" секты пятидесятников. В рассказ включены факты реакционной деятельности сектантских авторитетов пятидесятников в Приморском крае. Брошюра в ближайшие дни выйдет из печати 30 тысячным тиражом.

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛЕНИЯ ОТДЕЛА УПРАВЛЕНИЯ
КГБ ПРИ СМ СССР ПО ПРИМОРСКОМУ КРАЮ
С. К. Косырин

" 17 " ноября 1958 года.

«Правда о сектантах», «Кому служит слово Божье», «Мой разрыв с сектантами-трясунами», — «антисектантские» книги, выпущенные Приморским книгоиздательством в 1958-59 годах. ГАПК

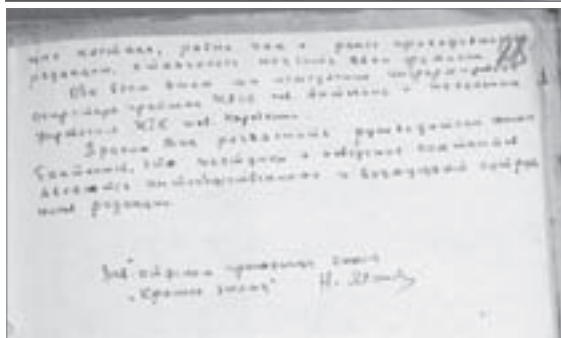
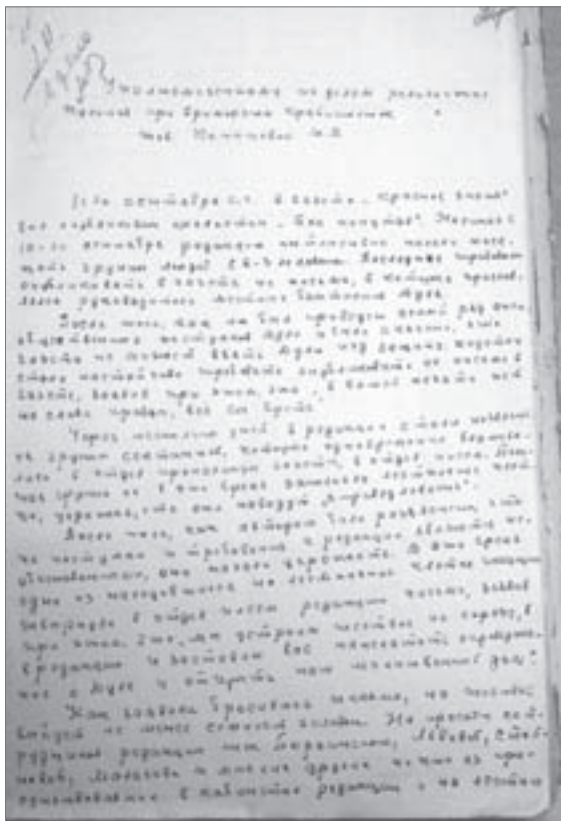
одновременно это иначе рассматривать. И вот в этой лекции он говорит, что в природе ничего без причины не бывает и в подтверждение приводит пример: «Вот, корова отелилась, — какая здесь причина? Она погуляла с бычком»¹⁸⁰.

Общество «Знание», приняв эстафету, взялось за подготовку профессиональных лекторов, написание антирелигиозной литературы и попытку «научно» обосновать атеизм. Надо отметить, что в отличие от СВБ для «Знания» антирелигиозная пропаганда была не единственным видом деятельности, к тому же общество не предполагало массового членства рядовых граждан. Более того, по большому счету обществу «Знание» в хрущевской антирелигиозной кампании отводилась даже не главная роль. Особенностью тех лет было вовлечение в антирелигиозную работу многочисленных институтов общества — исполнительных органов власти и правоохранительных структур, администраций предприятий и рабочих коллективов, профсоюзов и комсомола, школы и общественных организаций. А организовывали и координировали их работу партийные органы и КГБ.

Уже в 1954 году вышло постановление ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения», подхлестнувшее кампанию. К концу 1950 — началу 1960-х вышли в свет повести «Чудотворная» и «Чрезвычайное» В. Тендрякова, «Грешница» Н. Евдокимова, «Тучи над Борском» С. Лунгина и И. Нусинова, «Спасите наши души!» С. Львова и др. Некоторые из них были экранизированы.

Культовым фильмом того времени стала картина «Тучи над Борском», где героиню — старшеклассницу Ольгу изуверы-сектанты пытались принести в жертву и едва не распяли на кресте. (Кстати, этот фильм до настоящего времени иногда демонстрируется на федеральных телеканалах). Непонятно, зачем вообще «сектантам» понадобилось распинать школьницу? Как-то не вяжутся с

некоего Карпова и сказали: «В связи с тем, что сектанты активизируются, подготовь антирелигиозную лекцию» (без названия, ибо обстановка изменилась). Карпов собрал всю литературу первых лет после революции, основным источником у него была «библия для неверующих» и лекцию подготовил. Три четверти лекции он разоблачает попов, все их проделки, жульничество и в конце говорит, что партия сейчас изменила отношение к религии, поэтому надо

Жалоба редакции газеты «Красное знамя» на «сектантов» ГАПК ф.Р-1578 оп.1 д.32 л.27,28

Уполномоченному по делам религиозных культов при Приморском крайисполкоме тов. Конишевой М. А.

1-го сентября с. г. в газете «Красное Знамя» был опубликован фельетон «Бес попутал». Начиная с 10-го сентября редакцию интенсивно начали посещать группы людей в 2-3 человека. Последние требовали опубликовать в газете их письма, в которых прославлялся руководитель местных баптистов Дуля.

После того, как им был приведен целый ряд антиобщественных поступков Дули и было сказано, что газета не может взять Дулю под защиту, ходатаи стали настойчиво требовать опубликовать их письма в газете, заявив при этом, что «в вашей газете нет ни слова правды, все вы врете».

Через несколько дней в редакции стали появляться группы сектантов, которые одновременно вламывались в отдел пропаганды газеты, в отдел писем. Большая группа их в это время заполняла лестничные клетки, угрожая, что они наведут «справедливость».

После того, как авторам было разъяснено, что их поступки и требования к редакции являются необоснованными, они начали угрожать. В это время одна из находившихся на лестничной клетке женщин швырнула в отдел писем редакции письмо, заявив при этом что «мы устроим шествие по городу, в редакции и заставим вас написать опровержение о Дуле и открыть наш молитвенный дом».

Как заявила бросившая письмо, на шествие выйдут не менее семисот человек. На просьбы сотрудников редакции тт. Торчинского, Львовой, Стояновой, Малахова и многих других никто из присутствовавших в кабинетах редакции и на лестничных клетках, равно как и ранее приходившие в редакцию, отказались назвать свои фамилии.

Обо всем этом мы немедленно информировали секретаря крайкома крайкома КПСС тов. Антохина и начальника управления КГБ тов. Коробкина.

Просим Вас разъяснить руководителю секты баптистов, что поступки и поведение сектантов являются антиобщественными и возмущают сотрудников редакции.

Зав. отделом пропаганды газеты «Красное Знамя»
18.09.1959

действительностью некоторые детали, говорящие о некомпетентности авторов. Например, в фильме сектант Митя на глазах верующих обнимает и целует девушку — это очень нетипичное для верующего юноши поведение, не говоря уже о том, что, увидев это, единоверцы непременно бы его строго одернули. Однако можно предположить, что, многие зрители, судящие о «сектантстве» только по пропагандистским поделкам, воспринимали фильм как нечто вполне реалистичное и достоверное. И можно только догадываться, какие чувства пробуждались у этих зрителей в результате просмотра...

Не отставали и пропагандисты на местах — см. фотокопию документа на предыдущей странице. Обратите внимание, что автор документа — офицер КГБ, это говорит об участии спецслужбы в подготовке кампании. Знакомство с газетными публикациями, о которых идет речь, оставляет тягостное впечатление. Значительная часть публикаций — это письма неверующих о своих верующих родных. Трудно сказать, как удавалось убедить людей решать свои семейные проблемы через газету, да еще и в таком ракурсе. Жена (А. Соколова из Шкотово) жаловалась на мужа-баптиста, сын (М. В. Вышиванов из Уссурийска) разоблачал веру своего отца (цитата: *«это семидесятилетний, отсталый, малограмотный старик. <...> Под влиянием религии и царского гнета его воспитали в духе рабской покорности, повиновения тем, кто угнетал и эксплуатировал наш народ. И этот рабский дух так прочно засел в нем, что даже в годы советской власти отец не сумел освободиться от него»*), мать (Ю.И. Барановская из Владивостока) — на дочерей...

Вот только один из примеров — статья М. Губанова, опубликованная сначала в краевой газете «Красное знамя» (от 14 июня 1958 года), а затем вошедшая в сборник «Правда о сектантах». Автор описывает свои семейные обстоятельства после двух судебных процессов, в которых заявителем выступал пресвитер Владивостокской общины ЕХБ Алексей Яковлевич Дуля, пытавшийся привлечь Губанова к ответственности за систематические избиения жены-баптистки.

В своей статье Губанов рассказывает, что его жена уверовала в 1955 году в результате общения с проповедником Иваном Драгалиным и его женой Евдокией Акимовной. Губанов запрещал жене посещать богослужения в церкви, в ответ она, по его словам, стала инсценировать побои и провоцировать их. А потом ушла от него.

«После этого я действительно оказался для членов баптистской секты врагом, и они организовали через мою жену форменное гонение на меня, — писал Губанов. — Начались провокации, инсценировки побоев мною жены, фабрикация ложных показаний и, наконец, передача жалобы на меня в народный суд. Судебные органы приняли справедливое решение, провокации баптистов потерпели полный провал».

Жена вернулась к Губанову. Через некоторое время она приняла крещение.

«После крещения моя жена стала еще злее, — жаловался автор. — Убедившись, что меня затянуть в баптистскую секту невозможно, она, по указанию руководства секты, применила новый метод борьбы со мною. Он заключался в следующем. Зачитывалось из евангелия то место, где повествуется, что если тебя ударят по правой щеке, то ты должен подставить и левую. Прочтя сие изречение в при-

сутствии баптистских «сестер», жена начинала ко мне приставать, требуя, чтобы я ее и «сестер» отлупил и притом так, как это только мне будет угодно. Мне внушалось, что это нужно для того, чтобы показать богу, что они безропотно выполняют все его заветы и принятие каких-либо побоев их только радует. В действительности же это им потребовалось для того, чтобы иметь материал о совершенных мною побоях в присутствии свидетелей, а затем избавиться от меня. Вот на какие провокации способны эти святоши во главе со своим руководством.

В один из апрельских дней жена беспричинно бросилась на меня с криком: «Бей меня!» Я ее отстранил. Тогда она схватила борт моего пиджака и оторвала его, а затем расцарапала [себе] лицо до крови. Я взял ее за руку и осторожно выпроводил за дверь квартиры, а через некоторое время услышал из коридора душераздирающие крики, что ее избил муж».

После этого был второй судебный процесс, но «судья правильно оценил обстановку и справедливо разрешил наш вопрос».

Подобные публикации вызывали большой резонанс в обществе. Видимо, под влиянием фильмов, вроде «Тучи над Борском», многие люди готовы были поверить в самые нелепые рассказы об «изуверствах» «сектантов».

Еще одна часть публикаций — это «разоблачения» бывших «сектантов» — И. Глушака, М. Старцева и др. Их стаж пребывания в общине составлял 4–5 лет и не всегда понятно, были ли они крещены (то есть приняты в члены общины) или просто посещали богослужения. Насколько искренними были выступления отрекшихся? И почему им захотелось делиться своими откровениями через газету, причем именно в разгар пропагандистской кампании? На это нет ответа... Исключение составляет автор книги «Мой разрыв с сектантами-трясунами» Федор Мячин (бывший член находкинской общины пятидесятников). Историю его предательства читайте в приложенном к этой главе отрывке из автобиографической книги Н. П. Горетого «СССР — Апокалипсический Вавилон», где Мячин выведен под именем Колька М.

Книга «Кому служит «Слово Божье» представляет собой компилят из атеистических произведений и информации местной прессы. Посвящена она пресвитерам и проповедникам общин. В частности, в книге утверждалось, что пресвитер владивостокской общины А. Я. Дуля якобы присвоил 43 тысячи рублей — пожертвования членов общины — и купил на них «Москвич», а также построил два дома для сыновей (на самом деле община активно жертвовала на строительство и ремонт молитвенного дома, и деньги тратились именно на эти цели, но об этом подробно чуть позже). Там же утверждалось, например, что проповедник Савченко из Лесозаводской церкви ЕХБ якобы вымогает с верующих деньги. Цитата: «Проводив поздно ночью своих «братьев» и «сестер», Савченко и Ефимов в самом высоком расположении духа принимают за главное: подсчитывают собранные с верующих деньги, делят их, укладывают в карманы и с улыбкой говорят: «Опять бог помог!» Автор что, свечку рядом держал?»

В целом для газетных публикаций того времени характерно взывание к эмоциям читателей. Публикации были направлены не на убеждение читателей в истинности атеизма, а в провоцировании у них враждебности к верующим. Весьма характерной для того времени была пропагандистская кампания вокруг дела о смерти 12-летнего школьника Коли Балыклова из Усурийска.

Обстоятельства дела были таковы. 19 ноября 1962 года мать и отчим Коли позвонили в милицию и сообщили о его смерти. Следственные органы в квартире, где жила семья, нашли тело повешенного мальчика. На теле были явные многочисленные следы побоев. Также была найдена записка, написанная от имени Коли: *«Бабушка, я плохой человек. Я обманывал господу, я обманывал вас, папу и маму, Юру и людей. Я просил господу, чтобы он меня простил, но я грешен, и он меня не простил. Коля»*. Родители утверждали, что с утра они уехали по делам, оставив Колю одного, а, вернувшись, обнаружили труп.

Выяснилось, что мать мальчика работает сторожем, отчим – кочегаром, злоупотребляет спиртным. Как писали в уссурийской газете «Коммунар» (14 декабря 1962 года) в статье «Жертва мракобесия»: *«Домашняя обстановка была не совсем ладной. Коля наблюдал, как в семье вдруг вспыхивали ссоры между матерью и отчимом (родной отец Коли умер, когда мальчик был совсем маленьким), как отчим появляется дома подвыпившим. Мать не слишком баловала Колю лаской, а отчим – тем более»*. (В газете умолчали, что мальчик дома подвергался систематическим побоям, в первую очередь, – со стороны отчима).

Еще выяснилось, что у мальчика была бабушка-баптистка Надежда Тихоновна Полозова, которая, хотя и жила отдельно, в основном и занималась его воспитанием. Бабушка неоднократно заявляла в милицию об избиениях ребенка, но мать и отчима к ответственности за это не привлекали (о заявлениях в милицию в газетной статье не упоминали).

Следствие, основываясь на найденной записке, сделало вывод о самоубийстве мальчика на религиозной почве, – якобы под влиянием бабушки и других членов Уссурийской церкви. Следователь вскоре дал об этом информацию в местную газету. Первая же публикация вызвала большой резонанс – в редакцию пошли гневные отклики читателей. Так, к примеру, в опубликованном в «Коммунаре» от 23 декабря письме читательницы А. Скороход говорилось:

«Прочитав статью И. Бойко «Жертва мракобесия», я до глубины сердца возмущена тем, что Коля Балыклов погиб трагической смертью.

У нас не единичны случаи, когда баптисты уродуют души людей. Много раз на страницах газет выступали по этому поводу, но до сего времени вопрос, как говорится, остается открытым.

Хочется спросить у директора школы №16, да и у классного руководителя: почему баптисты так быстро смогли подействовать на Колю своим «божественным» внушением? Почему школа не спасла Колю от мракобесов?

<...>

Я, конечно, на стороне мнения общественности и хочу, чтобы поняли меня как мать, имеющую детей. Нужно наказать по всей строгости закона и Колину бабушку, и родителей, и всех мракобесов, повинных в смерти Коли Балыклова».

Остальные отзывы были примерно такого же содержания. А 26 декабря, при большом стечении людей, в Уссурийске состоялся общественный суд. Ответчиками были как мать и отчим Коли, так и баптисты – бабушка Коли, пресвитер общины Диомид Полозов, а также Кирилл Безик и Клавдия Евсютина. Полозов и Безик были приговорены к 5 годам высылки, дело в

отношении бабушки передано для уголовного преследования, по результатам которого она позднее была осуждена на 3 года лишения свободы. Евсютина отделалась строгим предупреждением. Что касается родителей, то им было вынесено общественное порицание.

Этот процесс освещался также в краевой прессе. В зале суда производилась киносъемка, и позднее был смонтирован документальный фильм, который в рамках антирелигиозной кампании показывали в кинотеатрах разных городов и поселков края.

Верующие, между тем, писали ходатайства, и в конце концов уголовное дело по факту смерти Коли было пересмотрено. Повторное расследование установило, что ребенок умер в результате избиения родителями. А те, скрывая следы, инсценировали его самоубийство и сочинили записку. По этому делу состоялся повторный суд. Родители получили минимальные сроки – по 5 лет. Бабушка, осужденная уголовным судом, была оправдана и освобождена. О пересмотре приговора общественного суда в отношении остальных верующих ничего не известно, видимо, он не пересматривался. И, разумеется, в газетах по этому поводу опровержений не публиковали и новое кино не снимали...¹⁸¹

Подобного рода пропаганда вызывала у значительной части граждан, доверяющих советской прессе, резко негативное отношение к сектантам, даже на бытовом уровне.

«Тунеядство»

В мае 1961 года вышел указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об усилении борьбы с тунеядцами». Формально он был направлен против попрошайек, бродяг и просто граждан, не работающих (и не учащихся) более четырех месяцев, которым теперь грозило наказание вплоть до лишения свободы. Не иметь официального трудоустройства более продолжительное время разрешалось только домохозяйкам, имеющим детей.

Фактически этот указ нередко использовался против священнослужителей, просто верующих, а также политических диссидентов (самый широко известный пример — поэт Иосиф Бродский, будущий лауреат Нобелевской премии, осужденный по этому указу на полтора года высылки). Что касается «религиозников», то в целом по СССР в 1961-64 годах «за тунеядство» были осуждены на различные сроки 806 человек и более 400 — высланы¹⁸².

Приморский край не был исключением. Местных протестантских священнослужителей активно судили «за тунеядство», по подсчетам верующих, только евангельских христиан-баптистов (не считая пятидесятников) у нас в крае в это время было осуждено 18 человек¹⁸³.

Часто такие судилища использовались для антирелигиозной пропаганды и проходили при большом скоплении людей (например, на суд над И. Р. Тютюнником собралось 4,5 тысячи человек¹⁸⁴. В 1961 году был осужден и вы-

181 ГАПК ф. Р-1578 оп.1 д.32 л.144.

182 Т. К. Никольская «Русский протестантизм и государственная власть».

183 ГАПК ф.П-68 оп.3 д.51 л.101.

184 Устные воспоминания И. Р. Тютюнника.

Служители Уссурийской церкви: Иван Алексеевич Васенев (стоит слева), Василий Семенович Лавриненко (стоит справа), Алексей Антонович Таран (сидит). Все они (Васенев еще и с женой) в 1961 году были высланы на 5 лет «за тунеядство». А. А. Таран во время ссылки ушел в вечность. Фото из архива Уссурийской церкви ЕХБ «Свет миру»

слан за пределы Приморского края пресвитер Кировской общины В. Т. Лойко. Его, офицера-фронтовика, инвалида Великой Отечественной войны, имеющего три правительственные награды, к тому же всегда работавшего, отца пятерых детей, сочли тунеядцем. Причем арестован Лойко был 28 апреля, то есть за неделю до выхода указа. В Сучане за «тунеядство» выслали пресвитера Иосифа Денисовича Гутника.

В Уссурийске суд приговорил к высылке «за тунеядство» сразу четверых верующих: пресвитера Тарана (во время высылки он отошел в вечность), диакона Лавриненко и супругов Васеневых. Все были арестованы прямо на работе. Васенев — больной, инвалид третьей группы¹⁸⁵. Суд над ними состоялся в 1961 году, то есть за год до процесса по делу о «самоубийстве» Коли Балыклова и высылки за «тунеядство» еще двух верующих из этой церкви — Полозова и Безика, а также осуждения бабушки ребенка.

Вообще наличие постоянной работы и даже положительные характеристики с места работы в таких случаях не являлись «алиби». На общественных судах в таких случаях приходили к парадоксальному выводу: постоянная работа является маскировкой тунеядства.

В Спасске судили пресвитера Василия Стефановича Лавринова — тоже ветерана ВОВ, бывшего начальника местного отделения милиции и коммуниста. Его обвинили в том, что он живет на пожертвования верующих и даже якобы купил себе автомобиль. Правда, в ходе следствия выяснилось, что автомобиля у него нет, а есть велосипед с моторчиком (в те годы были распространены такие средства передвижения, как «мотовелосипед»), на котором он ездит на предприятие, где работает жестянщиком. Время, потраченное им на хождение к следователю, на работе засчитали за прогулы. Над ним устроили показательный процесс в местном Дворце культуры цементников и приговорили к 5 годам высылки¹⁸⁶.

После этого пресвитером Спасской церкви был избран пенсионер Григорий Архипович Чугай. Спустя несколько месяцев судили и его: при большом

185 ГАПК ф.Р-1578 оп.1 д.32 л.39.

186 Летопись Спасской церкви ЕХБ.

Конец 50-х. Верующие Уссурийской церкви. В третьем ряду в центре – регент хора Руди (Юрий Юрьевич) Энс. Вскоре он вышел из общины. Во время показательных процессов начала 60-х над верующими Руди Энс выступал с «разоблачениями» как свидетель обвинения. Фото из архива Уссурийской церкви ЕХБ «Свет миру»

*Пресвитер Спасской церкви Василий Стефанович Лавринов с женой Анной Терентьевной во время высылки на станции Амазар в Забайкалье. 1961 г.
Фото из архива Спасской церкви*

скоплении зрителей в том же Дворце культуры цементников. В ходе суда слово взял адвокат Тубалевский (местный общественник-антирелигиозник, такой же, как и народный судья Елькин). Тубалевский принес с собой Библию и пытался ее высмеять и опровергнуть, но старец легко выиграл словесное состязание¹⁸⁷. Как потом отметили в крайкоме КПСС, этот процесс «не дал желаемых результатов»: хотя Чугая местный суд также признал «тунеядцем» и приговорил к высылке, однако краевой суд по кассационной жалобе отменил это решение в связи с пенсионным возрастом «тунеядца»¹⁸⁸.

Во Владивостоке в течение нескольких месяцев милиция ходила по родственникам пресвитера местной церкви А. Я. Дули, вероятно, чтобы и его привлечь к ответственности, как «тунеядца». Однако найти его не смогли: родственники утверждали, что он уехал ухаживать за больной матерью¹⁸⁹.

Как проходили показательные процессы? Что чувствовали при этом верующие? Ниже приводятся выдержки из коллективного обращения членов Владивостокской общины ЕХБ к Генеральному прокурору СССР, где как раз описывается один такой процесс.

«8 апреля 1962 года общественный суд села Раздольного Приморского края рассмотрел дело по обвинению верующих Евангельских Христиан Баптистов – гражданок Чавкиной и Юван и был вынесен приговор об их выселении из села Раздольного сроком на пять лет.

Было ли на данном судебном процессе рассмотрено дело Чавкиной и Юван и вынесен приговор только им? – Нет.

Повесткой суда было рассматривать только их дело, фактически обвинялись все Баптисты, и приговор, вынесенный Чавкиной и Юван, – приговор всем Баптистам Советского Союза.

Материалы и процесс суда не установили за гражданками Чавкиной и Юван никакого поступка – кроме того, что они верующие.

Возмущает и такой факт, что предварительно перед началом была прочитана лекция. Лектор тов. Прохоров, осветив историю Баптизма, подробно остановился на обрядах Баптистов и подробно описал «вред» Его.

Народ в зале суда со слов лектора понял, что Баптисты – это люди с антисоветским духом, люди, которые отказываются брать в руки оружие, воевать и защищать свою Родину.

На вопрос из зала суда: «Где были Баптисты во время войны?» последовал ответ, что они дезертировали. Со слов лектора я понял, что руководят Баптистами американцы, а Баптисты – американские шпионы.

Выступавший подполковник в отставке объявил, что Баптисты во время революции расстреливали революционеров.

Достаточно было провести такую подготовку, чтобы уже при выявлении в зале суда, что Чавкина и Юван – Христиане Баптистки, чтобы народ готов уже, не слушая сути дела, им вынести приговор об их выселении, так как шпионам и дезертирам нет места в нашей стране.

187 Там же.

188 ГАПК ф.П-68 оп.3 д.51 л.101.

189 ГАПК ф.Р-1578 оп.1 д.32 л.39,51,52.

Пунктами обвинения были следующие:

1. Вербовка в ряды верующих.
2. Распространение религиозной литературы.
3. Паразитический образ жизни.

В ходе суда из выступлений свидетелей не было выявлено ни одного случая, где бы Юван и Чавкина занимались вербовкой.

Не нашлось ни одного человека, который был бы завербован ими в общину Евангельских Христиан Баптистов. Стыдно было за общественную уполномоченную, которая вымогала из подсудимых, заставляя их вспоминать, по какой причине они заходили в тот или иной дом.

Разве христианин, будучи свободным гражданином Советского Союза, не может иметь друзей и заходить к ним?

Валя Сидоренко, которая выступала на суде как свидетель и которую суд считал завербованной Чавкиной и Юван, заявила всем, что ее никто не вербовал, что в Бога она верила с детства.

Евангелие у Вали отобрали.

На суде было объявлено, что содержание нелегальной литературы, в том числе и Библии, запрещено в Советском Союзе правительственным указом. Мы, верующие, возмутились подобными фактами.

До сего дня нам неизвестны такие указы. Библия издается в нашей стране, верить в Бога не запрещено, и стало быть и иметь дома духовную литературу.

2 пункт – обвинение Чавкиной и Юван в распространении религиозной литературы. Какая нелепость!

Что могут дать христиане другим, когда многие из нас не имеют даже Евангелия.

3. Суд обвинил Чавкину и Юван в паразитическом образе жизни. Юван – мать пятерых детей от 15 до 2-летнего возраста, беременная шестым ребенком, и через месяц она мать шестерых детей.

Кто дал право суду обвинять в паразитическом образе жизни мать пятерых детей?

Домохозяйки, воспитывающие детей, являются такими же труженицами. Разве мало в нашей стране домохозяек, но никто не называет их тунеядцами.

И сопричислив этих двух тружениц к лодырям и бездельникам, суд вынес приговор о выселении их за пределы Приморского края сроком на пять лет по указу 4/5-1961г.

Под данный указ подлежат руководители нелегальных сект. В Приморском же крае нет ни одной нелегальной общины Евангельских Христиан Баптистов.

Под нелегальными мы понимаем секретную, тайную, подпольную организацию. В Приморском же крае везде богослужения проводятся открыто, в известные часы, при открытых дверях и даже под открытым небом (это намек на снос бульдозером во Владивостоке молитвенного дома, о чем речь пойдет ниже, – прим. авт.).

Поэтому нелегальных общин у нас нет, а есть только незарегистрированные. Но не зарегистрированы общины ЕХБ не по вине верующих. От регистрации мы не уклоняемся.

И мы возмущены подобными фактами беззакония, когда мать отнимается от своей семьи и детей. Это не проявление гуманизма, это чуждо духу коммунистической морали, это посягательство на свободу совести советских граждан.

Насилие и произвол, клевета и ложь — это не метод коммунистического воспитания христиан.

Мы возмущены и такими фактами произвола и насилия, как посягательство на право верующих присутствовать на любом открытом судебном процессе.

8 апреля 1962 года из зала суда были выведены один за одним все приехавшие верующие. Впоследствии выяснилось, что организаторы подобного позорного процесса побоялись выступлений верующих, которые раскрыли бы всю несправедливость и ложность обвинений ни в чем не повинных матерей семейств.

Таким образом нарушено право — свободы слова, которое гарантировано нам Советской Конституцией.

Возмущает и такой факт нарушения социалистической законности, как лишение права верующих на обжалование в вышестоящей инстанции.

Юван и Чавкиной суд не выдал на руки определение суда.

Краевые адвокаты юридической консультации г. Владивостока при обращении Юван и Чавкиной за защитой отказали им.

Это тоже грубый факт нарушения социалистической законности.

<...>

На что похожи имеющиеся факты насилия и произвола?

Они не укладываются в рамки даже имеющихся постановлений.

Статья 24 законов, принятых на Второй сессии Верховного Совета, гласит, что ссылке и высылке не подлежат:

- 1. Несовершеннолетние*
- 2. Беременные женщины*
- 3. Женщины, имеющие детей до восьмилетнего возраста*

Почему местные органы власти пренебрегают Советскими законами?

Мать пятерых детей сидит за веру в Бога во Владивостокской тюрьме. И это делается в центре Приморского края»¹⁹⁰.

Можно добавить, что муж Юван, будучи неверующим коммунистом, после этого судебного процесса отказался от членства в КПСС, сдал свой партбилет и вместе с детьми поехал за женой — жить по месту ее высылки¹⁹¹.

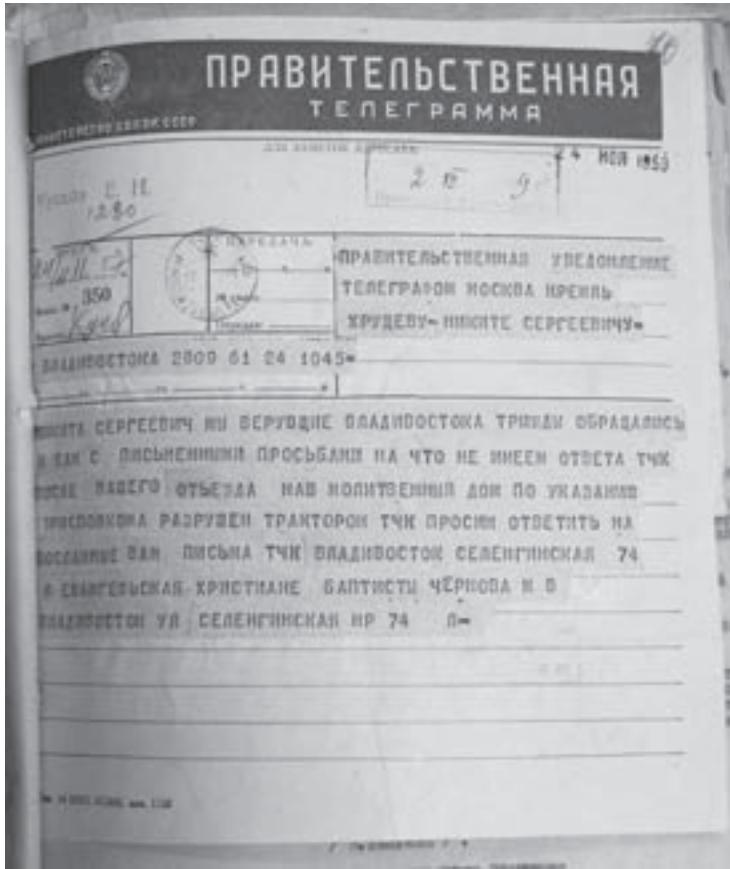
«Администрирование»

В течение 50-х годов несколько церквей ЕХБ в Приморье предпринимали безуспешные попытки легализоваться — Уссурийская, Спасская, Лесозаводская, Артемовская, однако это ни к чему не привело. Власти под разными предлогами или вовсе без таковых отказывали всем в регистрации.

Как уже упоминалось, первой в крае, еще в 1945 году, попыталась легализоваться Владивостокская община ЕХБ. Несмотря на немотивированный

190 ГАПК ф. Р-1578 оп.1 д.32 л. 56-59.

191 Устные воспоминания И.Р.Тютюнника.

*Телеграмма
Н. С. Хрущеву о сносе
молитвенного дома.
ГАПК ф. Р-1578 оп.1
д.32 л.30*

*Богослужение Владивостокской церкви ЕХБ на развалинах дома молитвы –
зимой под открытым небом. Церковь готовится к причастию*

отказ, члены общины продолжали время от времени подавать заявления о регистрации. Очередное заявление было подано в крайисполком в сентябре 1953 года. В ответ в январе 1954 года заместитель председателя крайисполкома Г. Рыбина сообщила им, что к заявлению должен быть приложен акт о санитарно-техническом состоянии здания, которое предполагается использовать «для культовых целей»¹⁹².

Подходящего здания у общины не было, и верующие стали копить деньги на покупку молитвенного дома. В 1956 году община за 25 тыс. руб. (отметим, что дело было до денежной реформы 1961 года, когда деньги менялись из расчет 10 старых рублей на 1 новый рубль) купила частный дом на ул. Селенгинская, №74л, оформив его на двух верующих¹⁹³. После чего верующие вновь обратились с просьбой о регистрации. Комиссия крайисполкома осмотрела здание, после чего Рыбина сообщила верующим:

«Так как указанный дом является местом сбора верующих, то его можно отнести к зрелищным предприятиям, поэтому согласно санитарных норм <...> площадь занимаемого помещения на 100 человек должна быть не менее 72 кв. м (имеется 33 кв.м), внутренняя высота помещения не менее 3,2 м (имеется 2,5 м)». Также сообщалось, что «в соответствии с противопожарными нормами и правилами по зрелищным учреждениям необходимо выполнить следующие мероприятия: 1) установить телефон, 2) построить водоем емкостью не менее 50 м. куб., 3) сделать запасной выход, 4) печное отопление заменить на водяное».

Община стала собирать пожертвования и в течение 1957 года произвела капитальный ремонт здания, подогнав его под требуемые нормы. Ремонт обошелся в 62 тыс. руб.¹⁹⁴ – большие деньги даже до деноминации. Сложнее всего было с бассейном, поскольку дом находился на верхней части склона сопки, но справились и с этой задачей.

Однако 28 сентября 1957 года последовало указание от Владивостокского горисполкома: поскольку перестройка дома не была согласована с городскими властями, необходимо в пятидневный срок разобрать дом и привести его в первоначальное состояние... Баптисты разбирать дом не стали, а попытались апеллировать к властям, упирая на принцип централизации власти: раз краевые власти разрешили, то почему городские против? Но это не принесло результата.

Между тем давление на церковь со стороны властей росло: из-за отсутствия регистрации общины ее богослужebные собрания объявлялись незаконными. Уполномоченная СДРК по Приморскому краю Мария Конышева даже сумела убедить верующих в ноябре 1958 года прекратить богослужения до момента регистрации, – верующие надеялись, что это произойдет в ближайшие месяцы, после приезда во Владивосток старшего пресвитера ВСЕХБ по Восточной Сибири и Дальнему Востоку Е. Н. Раевского. Однако этого не произошло – Раевский не приехал (официальная причина – его «не пустили» в закрытый город), и регистрацию община

192 ГАПК Р-1578 оп.1 д.32 л.1-5.

193 ГАПК ф. П-68 оп. 6 д.312 л.175.

194 ГАПК ф. П-68 оп. 6 д.312 л. 175.

Владивостокская церковь ЕХБ, венчание под открытым небом

не получила. Поэтому в феврале 1959 года богослужebные собрания были возобновлены¹⁹⁵.

В октябре 1959 года Владивосток посетил глава партии и государства Никита Сергеевич Хрущев. Он возвращался из Китая после неудачных переговоров с Мао Цзедунем, результатом которых стало политическое противостояние СССР и КНР. Владивосток Хрущеву понравился. Он пообещал превратить город во «второй Сан-Франциско». Вскоре после его визита вышел ряд правительственных документов, обеспечивших реализацию проекта «Большой Владивосток» – усиленного гражданского строительства в городе, резко увеличившего численность его населения (в течение 1959-70 годов – с 290 до 440 тысяч человек¹⁹⁶) и превратившего город из военно-морской базы в крупный общественно-политический центр.

Трудно сказать, повлиял ли визит Хрущева на то, что произошло месяц с лишним спустя: 28 ноября 1959 года городские власти бульдозером снесли молитвенный дом на улице Селенгинской. От дома уцелела только часть коридора, а также пристройка-сторожка (впрочем, в 1961 году и эта сторожка была снесена по распоряжению властей). Может, никакой связи с визитом Хрущева здесь и не было.

После этого в течение ближайших 4 лет община, зимой и летом, проводила богослужения под открытым небом – на развалинах дома молитвы. Нередко богослужениям мешали хулиганы, оскорблявшие верующих и бросавшие

195 ГАПК ф. Р-1578 оп.1 д.32 л. 20.

196 Сборник «Владивосток. Штрихи к портрету», В., 1985.

в них камни¹⁹⁷. Зимой 9 декабря 1962 году к месту такого богослужения под открытым небом приехали операторы местного телевидения Тимош и Забалов и, установив камеры, начали съемку. Шум и треск кинокамер мешали ходу собрания. К операторам подошли трое верующих: Жестовский, Москвич и Ткаченко и попросили прекратить съемку. Те отказались. Тогда верующие забрали у них пленку, кассету и аккумулятор, чтобы потом заявить в милицию и предъявить их в качестве вещественных доказательств.

Однако, когда позднее проводилось следствие по этому эпизоду, всех троих признали виновными в хулиганстве и каждого приговорили к 1 году лишения свободы. *«Все это совершенно незаконно и необоснованно, т. к. в данном конкретном случае представители киностудии, явившиеся без разрешения и договоренности Тимош и Забалов, являлись не представителями общественного порядка, а нарушителями этого порядка, в частности, процесса богослужения»*, писали потом верующие в коллективной жалобе, однако приговор остался в силе¹⁹⁸.

Снос молитвенного дома во Владивостоке и необходимость проводить богослужения под открытым небом в дальнейшем заметно сказались на религиозной жизни края и в какой-то степени «аукается» до сих пор. Все-таки Владивостокская церковь ЕХБ на тот момент была одной из самых крупных протестантских общин края (более 200 человек) и, безусловно, самой влиятельной — на нее равнялись многие... Снос молитвенного дома, в который было вложено столько сил и средств и с которым связывались надежды на нормальную спокойную жизнь церкви, стал своеобразным «водоразделом» в отношении значительной части верующих к власти.

До сноса молитвенного дома церковь всячески стремилась к компромиссам с властью и шла ради этого на серьезные жертвы. Начиная с этого момента значительная часть Владивостокской церкви принципиально отошла от компромиссного пути. Многие стали считать грехом любое сотрудничество с властью. Забегая вперед, можно сказать, что пройдет полтора десятка лет и ситуация поменяется с точностью до наоборот: уже власть будет искать компромисс с той частью церкви, которая к тому моменту будет оставаться на нелегальном положении. А «подпольщики», проводя богослужения на руинах, будут выставлять заведомо неприемлемые для власти условия своей регистрации. Развалины дома молитвы стали символом злой воли государства, чем-то вроде пепла Клааса, стучавшего в сердце Тиля Уленшпигеля.

Приложение

Отрывок из книги Н. П. Горетого «СССР — Апокалипсический Вавилон».

КОЛЬКА М.

«Похоть плоти рождает грех, а сделанный грех рождает смерть» — сказано нам в Писании.

197 ГАПК Р-1578 оп 1 д 32 л.65-68.

198 ГАПК Р-1578 оп 1 д 32 л.65-68.

Колька М. действительно был мне знакомым от самой юности, но не как друг, а просто как верующий, из семьи верующих. Отца он не знал, рос без отца. А мать, уверовав, отдала своего сына на воспитание деду. М. должно сказать, что для спасения души он имел все хорошее и от матери, и от деда.

Дед его отбыл 10 лет заключения за веру в Бога, 1937 по 1947 год включительно, и затем был осужден еще на 15 лет за то же самое. Но, со смертью Сталина, был амнистирован, отсидев всего три года.

Колька М. был строен и красив, что дало ему шансы опередить меня в выборе спутницы жизни, которая, отказав м не, отдала ему свою руку. Я, поплакав немного, вскоре нашел себе ту, с кем живу и поныне, и благодарю Бога за его выбор, ибо, по моей сердечной молитве, это был его выбор.

А в судьбе Кольки М. был печальный пример для неопытной молодежи. Этот пример, как и случай с Ананией и Сапфирой, стал страхом для многих. В чем же суть — я скажу. В Писании сказано: «Брак у всех да будет честен, а ложе — непорочно». В брачной же жизни Кольки М. и его избранницы Анны случилось так, что они познали друг друга прежде брачного сочетания, о чем не исповедались ни он, ни она перед венчанием.

И вот, когда стали дарить подарки для новобрачных, после священного ритуала церковного сочетания, случилось так, что подаренная красивая фарфоровая ваза, стоявшая на столе, где подарки, без чьего-либо прикосновения лопнула и развалилась на две части. Все собрание охнуло. А Мария М., старый член церкви, сказала: «Недобрый знак». Пока все удивлялись, по-разному рассуждая, обеполовинки злополучной вазы еще раз лопнули, каждая пополам. Тут уж страх привел всех к единству мнения: «Бог разрушит дважды их брак». Мария Мачульская, состарившаяся в безбрачии, спросила у растерявшейся невесты:

— Анна! Дитя мое! Скажи, что случилось?

И Анна, вся в слезах, горестно зарыдав, призналась, что она уже не девица, ибо Колька познал ее прежде брака...

Пресвитер спросил:

— Что нам делать? Признать сочетание недействительным? Или решить как-то иначе?

И решили, что, поскольку церковь тут не повинна, а только брачная пара, то сам Господь пусть будет всему судией. И преподав наставления для опороченной пары, церковь не стала их беспокоить.

Спустя два года Колька М. был взят в армию. Во время службы жена его Анна от кого-то получила неутешительную весть: «Кольку своего домой не жди, он нашел себе здесь другую». С этой «другой» он жил и после демобилизации из армии. В первый же год его службы у Анны родился сын, которого она назвала именем его деда. Молодая мама горько плакала, растя сына. Но вдруг письмо: «Анна! Прости! Если примешь — приеду». Что делать? Стала молиться Богу, и было ей сказано во время молитвы: «Выбирай между плотью и духом, ибо большое горе и теснота ожидают тебя. Смиряться, смиряться...», — и что-то еще в этом духе.

— Что мне делать, Петрович? Дитя-то его. Что мне делать? — спрашивала у меня, как у пресвитера, сестра Анна.

Я советовался с братьями дьяконами и членами нашего церковного совета. Мнения были разные. Одни говорили:

– Если она примет прелюбодея, то и ее исключить, потому что церковь должна быть без порока. А другие, более милосердные, говорили:

– Надо себя поставить на ее место. Вступить в новый брак при живом муже она не может. Но, если мы вправе запретить ей сойтись с ним, то должно разрешить ей развод и дать право на новый брак, если она захочет.

Поставили вопрос перед церковью: что скажут члены. И церковь решила – пусть примет его.

Год спустя Кольку решили простить и члены церкви. Все эти события произошли в г. Барнауле.

А когда барнаульские пятидесятники, начиная с меня, перебазировались в г. Находку, майор КГБ Скворцов и неуч юстиции Черныш, взяли М. в оборот за сделанную аварию, когда он работал шофером. Ему угрожали сроком заключения, припоминая и то, как его родной дед сидел при Сталине по статье 58 как политический враг Советской власти, в прошлом — кулак и так далее.

– Но если ты согласишься работать с нами и поможешь разоблачить извергов-пятидесятников, а также их главаря Петровича, то от срока тебя мы избавим, будешь в чести, и мы дадим тебе хорошее место работы.

Колька согласился на все условия, лишь бы власть была к нему милостива.

И вот Колька М. в неподдельной роли предателя. В паре с антирелигиозным лектором Лентинным из г. Владивостока он стал выступать против Бога в городских клубах. Власти, имея в руках такую находку, не скупилась на рекламу, приглашая слушателей на лекции богоотступника.

Вскоре вышла и книга под авторством Кольки М. под названием: «Мой разрыв с сектантами-трясунами».

Забыв Бога и совесть, М. набрался смелости преподнести мне как подарок такую книгу.

– Мой вам сюрприз, Петрович. Тут и дарственная, моею собственной рукою.

Я открыл книгу-брошюру. В уголке было написано: «Пресвитеру пятидесятников Петровичу от Кольки».

– Ты неправильно подписался, — сказал я.

– Как неправильно? Вот, смотрите, четко и ясно: от Кольки М.

– Нет, надо было по существу, а не так.

– А как же все-таки?

– Как? Надо было не от Кольки М., ибо этим ты срамишь своего деда М., отсидевшего большой срок за веру в Бога. Надо было тебе написать так: «От сатаны и предателя, Иуды Искаротского», а потом уже «Кольки М.». Ты же должен гордиться теперешним именем.

Колька М. взъярился.

– Мало вам этой оплеухи — ждите большей! За мною не заржавеет. Я покажу всем вам, какой я дьявол и Иуда Искаротский. Вы еще попляшете под мою дудку!

– Ладно, ладно, сатана. Ты уже сделал достойный тебя подарок, а теперь можешь идти, чтобы жать то, что посеял.

Колька М. хлопнул калиткой и побежал, как ошпаренный, то в одну, то в другую сторону. Анну, жену свою, он покинул и стал путаться с находкинскими

красотками легкого поведения. Стал много пить, потому что душа Иуды уже не знала покоя. Анна плакала, потому что у нее было уже трое детей.

Вскоре она уехала в Казахстан, к отцу и матери, где отец ее, после десятилетнего срока заключения, отбывал ссылку. Уезжая, сказала:

– Простите меня, Петрович. Брачная ваза рассыпалась у меня, лопнув раз и другой. Это было знамением для моей трудной жизни.

Я не стал укорять бедную душу, а только сказал:

– Молись, Анна! Бог услышит тебя и поможет.

PS. Как рассказал автору Виктор Николаевич Горетой (сын Н. П. Горетого), жена и сын Федора Мячина сменили фамилию. После падения советской власти они вместе с остальными пятидесятниками-эмигрантами уехали из СССР. В начале 2000-х годов по приглашению сына на ПМЖ в США выехал и сам Федор Мячин. «Так что Федор Мячин на себе переживает Божье откровение о выходе народа Божьего из СССР», – констатирует В. Н. Горетой. (Подробно о судьбе находкинской общины пятидесятников, о полученном ими откровении о выходе из СССР и об их Исходе рассказывается в 11-й главе).

ГЛАВА 10

1961-1966 годы. Раскол

Последствием беспрецедентной травли верующих государством и ошибок руководителей из ВСЕХБ стал раскол в евангельско-баптистском братстве, не преодоленный до сих пор. Это стало самым большим потрясением для братства за всю его историю. «Шторм, начавшийся в августе 1961 года, превзошел все прежние волнения», — заявил на пленуме ВСЕХБ, состоявшемся в ноябре 1961 года, генеральный секретарь Александр Карев.

Нужно отметить, что последствия раскола стали крайне неприятными для властей: поскольку в результате в государстве возникла нелегальная организация, состоящая из церквей, вышедших из ВСЕХБ, и насчитывающая многие десятки тысяч человек — людей жертвенных, дисциплинированных, убежденных в своей правоте и горящих желанием служить Богу...

Предпосылки к расколу были заложены еще в 1944 году, когда создавался ВСЕХиБ. Для евангельских христиан — баптистов свойствен конгрегационализм — принцип, по которому поместными церквями никто не может управлять, за исключением Главы Церкви — Иисуса Христа. В вопросах, которые не могут быть решены на уровне одной поместной церкви (т. е. общины), главным авторитетом является съезд делегатов поместных церквей.

В предыдущей практике деятельности обоих союзов Совет, Правление (в Союзе баптистов) или Президиум (в Союзе евангельских христиан) являлись исполнительными, а не руководящими органами в периоды между съездами. Между тем, согласно Положению о Союзе евангельских христиан и баптистов 1944 года ВСЕХБ имел статус *руководящего* органа Союза. Кроме того, Положением вообще не предусматривалось проведение съездов представителей поместных общин¹⁹⁹.

Была окончательно заменена и федеративная система устройства союзов, которые в 20-е годы состояли из содружества региональных советов, самостоятельно выбиравших свое руководство и регулярно проводивших региональные съезды. Вместо них еще в 1931 году на пленуме евангельских христиан и баптистов в Москве была принята система региональных «уполномоченных», которые назначались «сверху»²⁰⁰. Окончательно такая «вертикаль власти» была выстроена уже в послевоенное время, когда уполномоченные стали именоваться «старшими пресвитерами» по региону. (Так, аж до 1975 года старшим пресвитером ЕХБ по Восточной Сибири и Дальнему

199 С. В. Санников «История баптизма».
200 «Братский вестник» 1945 г., №1

Молодежь из церквей Приморья. В первом ряду лидеры – Николай Дуля (слева) и Иосиф Тютюнник. Во время хрущевских гонений оба были в гуще событий. Обоих судили за веру. В 70-е годы их пути разошлись: Николай Алексеевич стал пресвитером незарегистрированной церкви Владивостока, а Иосиф Романович – по сей день служит диаконом в зарегистрированной церкви. Фото из архива Уссурийской церкви ЕХБ «Свет миру»

Востоку был Евгений Николаевич Раевский, назначенный «уполномоченным» еще в начале 30-х годов).

Несменяемые в течение десятилетий старшие пресвитеры нередко становились «страшными пресвитерами» (по выражению А. В. Карева): не считаться с их мнением было наказуемо. Нарушая принцип автономии церквей, они самостоятельно отлучали от Церкви недовольных верующих и даже в некоторых случаях назначали в поместные общины пресвитеров, в то время как обычная практика – выборы пресвитера самими членами общины. Обстановка усугублялась тем, что не оправдавшие себя служители из числа пресвитеров и старших пресвитеров не заменялись новыми, более достойными. Старшие пресвитеры нередко были прямыми проводниками на местах политики органов советской власти в отношении религии. Например, Е. Н. Раевский, которого Владивостокская община слезно просила посодействовать в регистрации, самоустранился от этой проблемы (см. иллюстрацию). Даже если он и не имел рычагов влияния на органы местной власти, отказывающие владивостокским верующим, он мог, как минимум, приехать в город, чтобы успокоить и ободрить их. Однако вместо этого он переслал письма верующих уполномоченной СДРК по Приморскому краю М. А. Кобышевой с просьбой разъяснить, что ничем помочь им не в состоянии.

Сейчас достаточно распространено мнение о том, что стать служителем ВСЕХБ или старшим пресвитером можно было только сотрудничая с «органами». Считается, что «сотрудничали» и многие пресвитеры общин и

Владивостокская община. Фото из архива РС ЕХБ

рядовые верующие. Хочется отметить, что сотрудничество сотрудничеству рознь. Одно дело — общение с властями и поиск разумных компромиссов, в чем нет греха, и другое дело — доносительство на верующих или прямое проведение антиевангельской политики властей. Хотелось бы предостеречь верующих от огульных обвинений и бесчинств, ибо сказано: *«Всякий человек да будет скор на слышание, медлен на слова, медлен на гнев, ибо гнев человека не творит правды Божией»*²⁰¹.

Нужно принять во внимание, что руководители ВСЕХБ вынуждены были идти на постоянные уступки власти, опасаясь возможного закрытия и разгона выстраданного Союза. В результате чего церкви вынуждены были бы полностью перейти на нелегальное положение...

И тем не менее, многие верующие считали, что руководители ВСЕХБ в своих компромиссах перешли черту греха. В то время, как на местах общины подвергались жестокому давлению, они регулярно ездили в заграничные командировки, убеждая зарубежных верующих в свободе вероисповедания в СССР, и получали правительственные награды за, миротворческую деятельность. *«Религиозная свобода в СССР — очевидный факт и напрасно люди, враждебно настроенные против республики трудящихся, стараются нести клевету о том, что якобы для религии в СССР нет свободы, — отмечал на страницах «Братского Вестника» председатель ВСЕХБ Яков Жидков»*²⁰². — *Бог не только поставил, но и укрепил Советское государство. В результате Советская страна стала во главе всех свободолюбивых народов в их неуклонном*

201 Библия, Иак. 1:19-20.

202 «Братский Вестник» 1946 г. №6.

стремлении к миру, к социальной и политической справедливости». «Мы горячо благодарим Бога и за религиозную свободу, дарованную нам Советским правительством, дающую нам возможность проповедовать в наших церквях Евангелие и строить Царствие Божие на земле», — говорил он же в одном из зарубежных радиообращений²⁰³.

В то же время руководители ВСЕХБ шли навстречу желанию советской власти ограничить миссионерскую деятельность и остановить приток молодежи в церкви. Например, в статье «Наше водное крещение»²⁰⁴ Я. И. Жидков убеждал в необходимости крестить молодежь только по достижении 18-летнего возраста, в то время как баптисты традиционно крестили подростков при условии их твердой сознательной веры. Все это, в сочетании с усиливающимся давлением со стороны советской власти, привело братство к глубокому духовному кризису. Бурный рост церквей, характерный для первых послевоенных лет, замедлился. Энтузиазм верующих подавлялся на местах.

«Последней каплей, переполнившей чашу терпения» были принятые декабрьским 1959 года пленумом ВСЕХБ документы: «Положение о Союзе ЕХБ в СССР» и «Инструктивное письмо старшим пресвитерам ВСЕХБ». Инструктивное письмо предлагало ограничить доступ к крещению молодежи до 30 лет, препятствовать присутствию на богослужениях детей, «изжить» практику предоставления кафедры приезжим проповедникам, домашние собрания, поездки в другие общины, помощь нуждающимся и даже декламацию стихов. Пресвитеры должны были «сдерживать нездоровые миссионерские проявления» (по привлечению в общины новых верующих) и «строго соблюдать законодательство о культах». «Даже призывы к преодолению изоляционизма и культурного нигилизма (здравые и полезные при иной исторической ситуации) в контексте той эпохи выглядели как духовный компромисс с атеистическим окружением», — отмечает историк Татьяна Никольская²⁰⁵.

Старший пресвитер по Восточной Сибири и Дальнему Востоку Е. Н. Раевский, 60-е годы. Фотография из архива В. Т. Лебедева

Известие об этих документах вызвало в среде верующих волну возмущения. Многие сочли это предательством со стороны ВСЕХБ. В 1961 году появилась Инициативная группа (такой вариант предусматривался советским законодательством о культах) по созыву Всесоюзного съезда делегатов поместных церквей ЕХБ. История создания Инициативной группы достаточно туманна и до сих пор плохо изучена, — в различных источниках приводятся даже разные сведения о тех, кто «стоял у ее истоков».

Называются имена пресвитеров Узловской общины ЕХБ Геннадия Константиновича Крючкова и Павла Афанасьевича Якименко, а также

203 «Братский Вестник» 1958 г. №2.

204 «Братский Вестник» 1946 г. №5.

205 Т. К. Никольская «Русский протестантизм и государственная власть».

проповедника Алексея Федоровича Прокофьева. В Интернете размещено открытое письмо «Каким судом судите» Бориса Максимовича Здоровца, — близкого к Прокофьеву проповедника, отсидевшего 10 лет (1962-72 годы) и через 10 месяцев после освобождения вновь посаженного на 4 года. В этом письме утверждается, что всего у истоков стояло пятеро (называются Прокофьев, Крючков, Якименко, сам Здоровец, а пятый — не называется).

Там же утверждается, что инициативники не верили в то, что власти разрешат проведение съезда: *«И как впоследствии выяснилось, Геннадий Крючков использовал идею съезда, чтобы опорочить ВСЕХБ, отделить часть верующих и на той базе создать свой Союз и возглавить его; Прокофьев надеялся воспользоваться легитимным правом «обращаться со Словом, которое он имел, непосредственно ко всему народу Божию...» (за то право он был готов и душу свою потерять); Здоровец мечтал «о великих потрясениях»... И т.д. Всем нам идея съезда служила ширмой, не опасным и для самых робких, требованием пред властями... Маневр, или обман, точь-в-точь соответствующий Моисеевому: «..отпусти нас в пустыню на три дня пути, принести жертву Господу..». А в уме: вывести народ из земли Египетской и ввести в Ханаан, землю текущую молоком и медом. И у каждого из нас было что-то на уме. А общее — произвести «возмущение воды в купальне» ВСЕХБ...»*

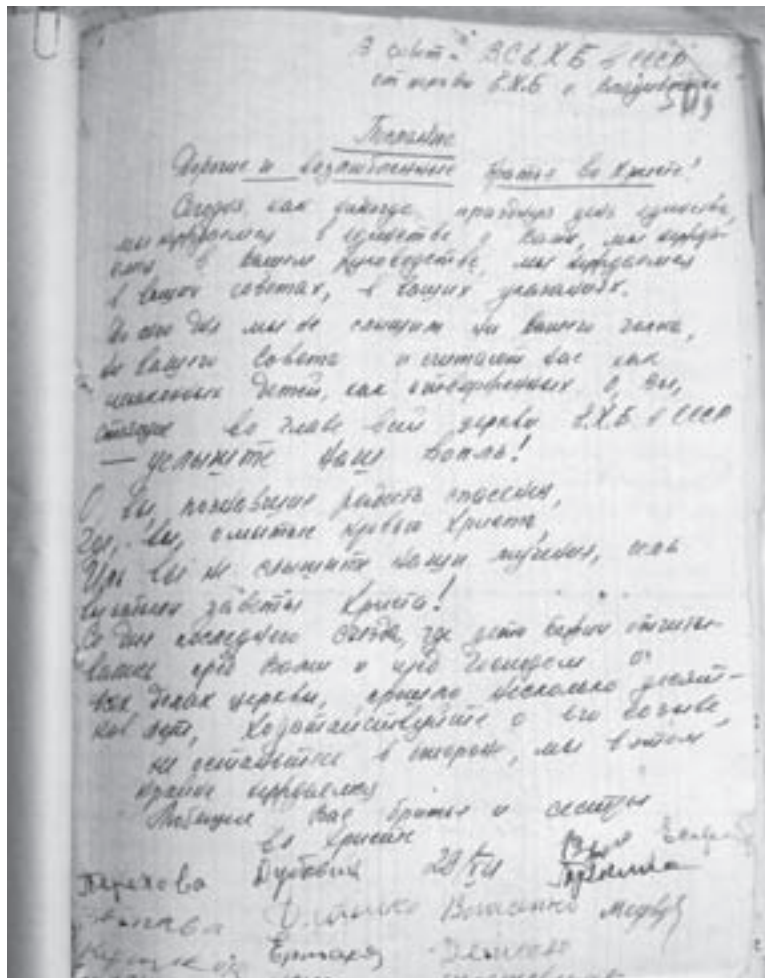
Так или иначе, 13 августа 1961 г. Инициативная группа доставила во ВСЕХБ письмо, в котором осуждалось и советское законодательство о культах, и инструкция, а также выдвигалось требование о проведении чрезвычайного съезда. Реакции не последовало. Тогда 23 августа группа направила письмо Никите Сергеевичу Хрущеву: *«Церковь ЕХБ в СССР переживает состояние глубокого кризиса, вызванного отступлением ряда служителей от чистоты евангельского вероучения и проведением ими в жизнь неправильной политики служения... Просим Вас дать разрешение на созыв и проведение Всесоюзного чрезвычайного съезда»²⁰⁶.*

Помимо этого Инициативная группа стала рассылать обращения к общинам ЕХБ по всему СССР, по ее предложению началась кампания по отправке писем из общин во ВСЕХБ, СДРК, правительство с просьбой разрешить съезд. Только до конца 1961 года таких писем было направлено 272 (по другим данным, — 400)²⁰⁷.

В конце ноября ВСЕХБ провело совещание 19 старших пресвитеров, основным вопросом повестки дня которого была деятельность «инициативников». Предложение ходатайствовать о проведении съезда не получило поддержки, а само движение характеризуется как опасное для братства явление. А.В. Карев призвал бороться с этим явлением твердо, но с любовью, — исключая из членов церкви только после предварительного увещания, беседы и замечания. Однако на местах многие старшие пресвитеры заняли жесткую позицию, отлучая иногда целые группы верующих, что только усугубляло положение.

206 ГАРФ ф.Р-6991 оп. 4 д.124 л.5, цитируется по Т. К. Никольской «Русский протестантизм и государственная власть».

207 Т. К. Никольская «Русский протестантизм и государственная власть».

Письмо
Владивостокской
общины во ВСЕХБ.
ГАПК ф. Р-1578 оп. 1
д. 32 л. 50

В совет ВСЕХБ в СССР
от церкви ЕХБ г. Владивосток

Послание

Дорогие и возлюбленные братья во Христе!

Сегодня, как никогда, праздная день единства, мы нуждаемся в единстве с Вами, мы нуждаемся в Вашем руководстве, мы нуждаемся в Ваших советах, в Ваших указаниях.

До сего дня мы не слышали ни Вашего голоса, ни Вашего Совета и считают нас как незаконных детей, как отверженных. О, Вы, стоящие во главе всей церкви ЕХБ в СССР — услышите наш вопль!

О, Вы, познавшие радость спасения,

Где, Вы, омытые кровью Христа,

Иль Вы не слышите наши мучения, иль Вы забыли заветы Христа!

Со дня последнего съезда, где дети Божии отчитывались пред Вами и пред Господом о всех делах церкви, прошло несколько десятков лет, ходатайствуйте о его созыве, не останьтесь в стороне, мы в этом крайне нуждаемся

Любящие вас братья и сестры во Христе

29.10.61

Примечание: конец страницы и оборотная сторона целиком — подписи

Тем временем власти, почувствовав, что ситуация выходит из-под контроля начали репрессии против членов Инициативной группы и тех, кто был рядом, а также против ее сторонников на местах. Многие были арестованы (из членов Инициативной Группы на свободе остался Г. К. Крючков). Те, кто оставался на свободе, много ездили по церквям, собирая сторонников. На местах начался активный выход поместных церквей из ВСЕХБ. Где-то общины выходили целиком или основная их часть, в других местах происходили разделения церквей. До половины братства присоединились к инициативникам.

В 1962 году Инициативная группа была переименована в Оргкомитет по созыву съезда. 23 августа 1962 года на расширенном заседании Оргкомитет объявил отлученными от церкви председателя ВСЕХБ Я. И. Жидкова, генерального секретаря А. В. Карева и еще 25 сотрудников ВСЕХБ и старших пресвитеров (в их числе был и Е.Н. Раевский). Разумеется, во ВСЕХБ это отлучение не признали. Так или иначе это решение еще более накалило ситуацию. (До сих пор оно считается одним из основных препятствий к преодолению раскола).

В 1963 году ВСЕХБ удалось получить разрешение властей на проведение Всесоюзного совещания — съезда, который состоялся в октябре 1963 года в Москве, — через девятнадцать лет после последнего съезда 1944 года. На нем были отменены документы, вызвавшие такую бурную реакцию в 1960-61 году. Вместо Положения был рассмотрен и принят Устав ВСЕХБ. Однако Оргкомитет встретил съезд своим отрицанием, заявив, что в принятом Уставе содержится «более утонченная сеть для нашего братства»²⁰⁸. Этот съезд, таким образом, не способствовал восстановлению единства.

Не привел к желаемым результатам и очередной съезд, который состоялся через три года (в 1966 году): слишком прозрачным было давление на работу съезда со стороны СДРК. В своем обращении к съезду инициативники заявили, что «...сотрудничать со ВСЕХБ — значит сотрудничать с атеистами», поэтому все мероприятия, проводимые под началом ВСЕХБ, их организация «считает и будет считать недействительными»²⁰⁹. К этому времени Оргкомитет был переименован в Совет Церквей ЕХБ (структуру, параллельную ВСЕХБ), окончательно закрепив таким образом раскол в братстве.

Отношение верующих из Совета Церквей к тем, кто оставался во ВСЕХБ часто было пренебрежительным. Многие прибегали к принципу «не здороваться и не иметь общения». В письме Бориса Здоровца подчеркивается, что изначально идеи раскола братства в планах инициативников не было.

«В начале Движения определяющим девизом было: «Стать в проломе за народ Божий». Но когда Геннадий Крючков развернул Движение и оно пошло вспять, его определяющим и направляющим девизом стало: «..выйдите из среды их и отделитесь». А как бы кто ни пытался, невозможно соединить в одно те два направления.

«Стать в проломе...»(Иез.22 гл.) — это, по большому счету, пророчество о Христе. Мы, последователи Христа, лишь «восполняем недостаток в плоти своей

208 Цитируется по С.В.Санникову «История баптизма».

209 С. В. Санников «История баптизма».

скорбей Христовых за тело Его, которое есть Церковь». Христос впереди, а те, кто Христос — за Ним рядом с Ним.

Вражескую атаку на град Божий на земле — церковь, первыми встречают те, у кого достало сил и мужества стать в проломе со Христом. Это первенцы, герои веры, пусть лучшая часть народа Божия. Но никогда не вся Церковь.

Как израильские первенцы не могли быть всем народом Израильским; как защитники города, бросившиеся в пролом и закрывшие его своими телами, не могут быть всеми жителями города, подобно и кто в 1961 году возвысил голос за правду, и кто позже присоединился, то сколько бы их ни было — они не могут и не имеют права считать себя всей Церковью. Они глаз, рука, нога или что там еще, но НЕ вся «единственная верная Церковь». Это непреложная Истина.

Призыв «выйдите из среды их и отделитесь», воспринимаемый буквально, в корне меняет выше представленную картину духовной брани. Если в первом представлении ставшие в проломе защищают прочих жителей города — слабых и трусливых, детей и взрослых, воров и честных граждан города — то буквальное исполнение повеления «выйдите из среды их и отделитесь» объявляет всех жителей и сам город-церковь — Вавилоном. Но тогда ставшие в проломе, получается, сражались, страдали и умирали... за Вавилон!?»

В 1963–64 годах, еще до смещения Хрущева, гонения постепенно пошли на убыль. Вероятно, на это повлияло как сопротивление верующих, так и, позднее, смена власти в государстве. Попытавшись одолеть религию очередным кавалерийским наскоком, государство, образно говоря, «сломало зубы» и стало думать, что делать дальше. Это было уже не сталинское время, — в обществе не было уже того леденящего душу страха, люди стали свободней, в стране постепенно росло диссидентское движение, в том числе — и религиозное.

В октябре 1964 года Н.С.Хрущев был освобожден от обязанностей главы партии и правительства. В январе 1965 года было принято Постановление Президиума Верховного Совета СССР «О некоторых фактах нарушения социалистической законности в отношении верующих», часть осужденных за веру в начале 60-х годов была освобождена и реабилитирована. В том же году Совет по делам РПЦ и Совет по делам религиозных культов слили в один Совет по делам религии (СДР) при Совете Министров СССР. Сам институт уполномоченных уцелел, просто они теперь одновременно наблюдали и за православными и за всеми остальными верующими (в Приморье — преимущественно, «сектантами»). В 1966 году было подкорректировано законодательство о культах в сторону смягчения наказания за некоторые, не очень значительные, нарушения. В частности, за уклонение от регистрации религиозных общин и проведение несанкционированных богослужений предполагался штраф в размере до 50 руб.

Получив нежелательные последствия в виде массового движения нелегалов из СЦ и его аналогов (правда, куда менее многочисленных) в других христианских деноминациях, государство все больше стало переходить к тактике поощрения лояльных верующих при непрекращающихся репрессиях против нелегалов. Если раньше хотели «перевоспитания» всех и вся, то теперь

решили оставить веру старшему поколению, лишь бы они не передавали ее молодежи.

Раскол во Владивостокской церкви

С самого начала Владивостокская община, подвергающаяся жестокому прессингу властей и проводящая богослужения под открытым небом на развалинах дома молитвы, была целиком на стороне Инициативной группы. Масла в огонь подлило повторное снесение в 1961 году пристройки к молитвенному дому, уцелевшей во время первого разрушения 1959 года, а также не прекращающиеся в течение 1961-1962 гг. открытые судебные процессы над верующими, высылки священнослужителей «за тунеядство» и продолжающаяся травля в СМИ. Симпатии к движению инициативников испытывали и многие верующие в других городах и селах края, особенно они были сильны в Уссурийской общине, у которой в 1961 году власти отобрали молитвенный дом²¹⁰. Характерно, что на съезде ВСЕХБ 1963 года среди 210 делегатов из самых разных регионов страны приморцев не было.

Для Владивостокской общины, как наиболее активной, это было время многочисленных жалоб и обращений в самые различные органы власти, начиная от краевых (крайком КПСС) и заканчивая всесоюзными – главе государства, генеральному прокурору, министру юстиции и т. д.

В 1964 году через уполномоченного по делам религии начались переговоры о возможной регистрации Владивостокской общины на условиях отхода ее с позиций СЦ и соблюдения советского религиозного законодательства. Тут и выявились разногласия. Часть наиболее активных членов: пресвитер Алексей Яковлевич Дуля, его сыновья – Николай и Матвей, Иосиф Романович Тютюнник и другие верующие были не склонны к компромиссам (от самой идеи регистрации они не отказывались, но только при условии легального присутствия детей на богослужениях и открытой миссионерской деятельности). Другие – во главе с Павлом Григорьевичем Вегера и Иваном Степановичем Драгалиным – готовы были идти на уступки ради легализации общины (надеясь на то, что власти будут в обмен на лояльность закрывать глаза на те же нарушения законодательства о культурах). Ядро этой группы составляли 30-40 человек, кроме того, несколько десятков колебались.

18 апреля 1964 года эта группа отделилась от основной общины, подала заявление о регистрации и 14 октября была зарегистрирована, став первой легальной «сектантской» общиной в Приморье с довоенных времен. Выбирая себе «исполнительный орган» (требование законодательства), верующие зарезервировали в нем места для тех членов общины, которые пребывали в раздумье. Пресвитером был выбран Вегера. Места резервировали не напрасно – из основной части общины началась миграция верующих, и уже 7 ноября было принято решение о воссоединении общины. Деятельное участие в воссоединении принял ст. пресвитер по Восточной Сибири и Дальнему

Уполномоченный Совета депутатов
 Раевского Культа в приходе
 Митрофанов Е. И. по 20 км. от
 края п. в. Золотыева № 4.

Письма Вам писала верую-
 щие Е. Х. Б. г. Владивостока
 адресованные мне, с просьбой чтобы я приехал
 в г. Владивосток для регистрации общины
 и открытия молитвенного дома. На основании
 решения Совета Культа регистрация занимает
 местные власти и разрешается на открытие моли-
 твенных домов также дело местных Советов

депутатов трудящихся, а поэтому я бы
 просил Вас сделать верующим более
 точное объяснение, что это дело местных властей,
 но не дело Старших Пресвитеров. Верующие
 считают, что с моим приездом будет решен их
 вопрос, т. е. открытие молитвенного дома, и
 так ли это?

Прошу об этом сообщить мне по адресу г. Ура-
 льск Пермской области в Райсовет С. Ч.

С искренним уважением к Вам
 Стар. Пресвитер ВСЕХБ
 по В-Сибири и Д. Востоку Раевский

Письмо
 Раевского
 Коньшиевой,
 18 июня 1959
 года. ГАПК ф.
 Р-1578 оп. 1
 д. 32 л. 26, 26
 об.

Посылаю Вам письма верующих ЕХБ г. Владивостока, адресованные мне, с просьбой, чтобы я приехал в г. Владивосток для регистрации общины и открытия молитвенного дома. На основании решения Совета культа регистрацией занимаются местные власти и разрешение на открытие молитвенных домов также дело местных Советов депутатов трудящихся, а потому я бы просил Вас сделать верующим более точное объяснение, что это дело местных властей, но не дело Старших Пресвитеров. Верующие считают, что с моим приездом будет решен их вопрос, т. е. открытие молитвенного дома, но так ли это?

Прошу об этом сообщить мне по адресу....

С искренним уважением к Вам
 Старш. Пресвитер ВСЕХБ по В-Сибири и Д. Востоку Раевский

Востоку Е. Н. Раевский. Пресвитера нерегистрированных Алексея Яковлевича Дули на тот момент во Владивостоке не было.

Воссоединившаяся община начала копить деньги на новый дом молитвы и летом 1965 года, с разрешения властей, приобрела частный дом по улице Стрелковой, 14. Поскольку разрешение выдавалось зарегистрированным, то дом был оформлен не на частных лиц, а, в соответствии с тогдашним законодательством, передан в собственность муниципалитету с последующей целевой передачей общине в безвозмездную аренду.

Однако, учитывая разные точки зрения на возможность компромисса с властями, уживаться вместе было непросто. Вскоре во Владивосток вернулся А. Я. Дуля. Атмосфера накалялась. Спустя год после воссоединения, 20 ноября 1965 года, было проведено членское собрание, на котором преобладали сторонники зарегистрированных. Собрание констатировало, что после воссоединения «церковь испытывала духовный застой, причиной которого явились всевозможные беспорядки, крики, оскорбления, злоба, разногласия, мятежи, разделения, устраиваемые под руководством некоторых братьев и сестер». Поэтому на собрании было принято решение об отлучении от церкви лидеров нерегистрированных – Николая и Матвея Дулей, а также Иосифа Тютюнника.

На следующий день нерегистрированная часть собрала свое членское собрание, отдельно от зарегистрированных, и постановила считать решение об отлучении недействительным, а пресвитера Вегеру и весь церковный совет – отстранить от служения. Пресвитером поставили Алексея Яковлевича Дулю, *«который избран в 1948 г. и церковь не снимался»*, также был избран новый церковный совет²¹¹.

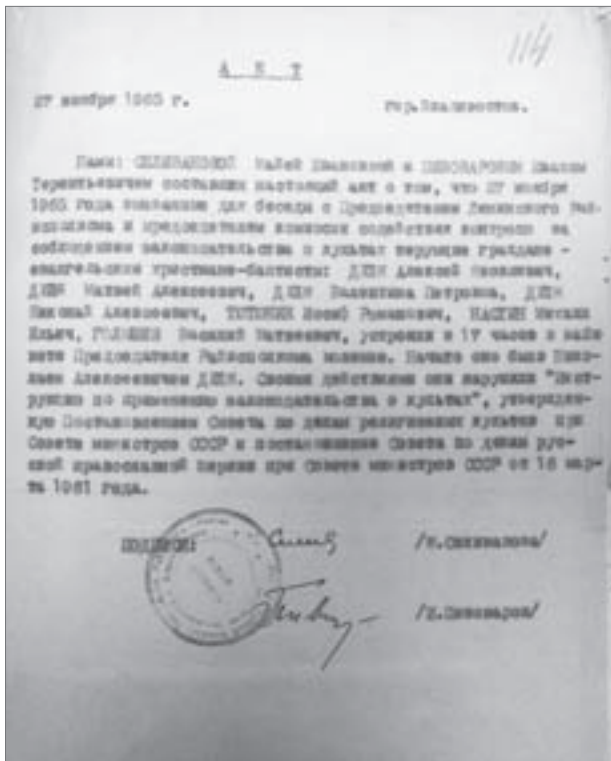
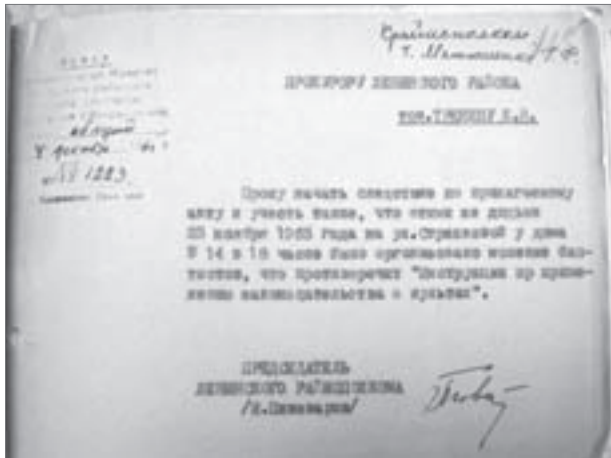
К моменту разделения на стороне зарегистрированных было около 100 верующих, нерегистрированных – 120-130. Между тем нерегистрированные пытались вести переговоры о возможной отдельной регистрации с органами власти, однако без особого успеха.

Власти недолго пребывали в растерянности и 4 декабря 1965 года председатель исполкома Ленинского района Владивостока Иван Пивоваров опечатал молитвенный дом на Стрелковой. Богослужения опять стали проходить на улице и по квартирам (зарегистрированные собирались дома у Макаровых по ул. Сопочная, 13).

Сторонники А. Я. Дули 19 марта 1966 года вошли в опечатанный молитвенный дом, составив об этом акт. В доме молитвы были организованы круглосуточные дежурства верующих, а 5 апреля было подано заявление с

И. С. Драгалин. С 1969 года – пресвитер зарегистрированной Владивостокской церкви ЕХБ. ГАПК ф.Р-1578 оп.1 д.54 л.67

Заявление и акт председателя Ленинского райисполкома Пивоварова. ГАПК ф. Р-1578 оп.1 д.32 л.114,115

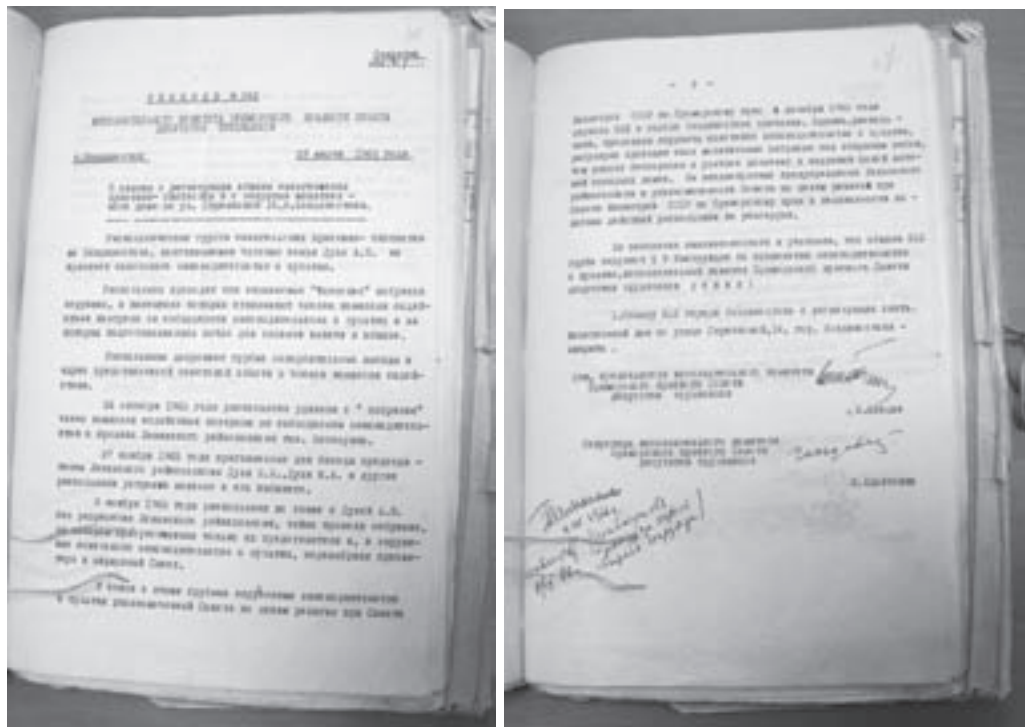
просьбой о регистрации в составе 143 человек. Просьба не была удовлетворена. Более того, 13 апреля Пивоваров, а также сотрудники милиции и «люди в штатском» вошли в молитвенный дом, где дежурили пять женщин, и зачитали бумагу от прокурора о необходимости освободить молитвенный дом. Женщины отказались уходить, тогда милиционеры вытолкали их силой. Двоих, сопротивлявшихся особо энергично, увезли в милицию и арестовали на 15 суток.

Когда на следующий день верующие пришли на богослужение, они увидели, что подходы к дому перекрыты грузовиками. Они попытались прорваться, но тщетно.

«*Вся улица была запружена народом: ремесленниками (учащимися ремесленного училища – прим. авт.), дружинниками, сотрудниками милиции. Верующих, которые пытались возражать против таких незаконных действий, хватали за волосы, давили за горло, закрывали рот, скручивали руки, били по голове резиновыми дубинками и тащили в машины, потрясая перед лицами верующих дулом пистолета. Невзирая на воз-*

раст верующих, юные дружинники и ремесленники наносили многочисленные оскорбления нам, толкали в грудь и спину», – говорилось в протесте верующих, направленном в многочисленные инстанции – от генпрокурора до генсека Л. И. Брежнева²¹². В результате еще 5 верующих получили по 15 суток ареста.

212 ГАПК Р-1578 оп 1 д 32 л 137.

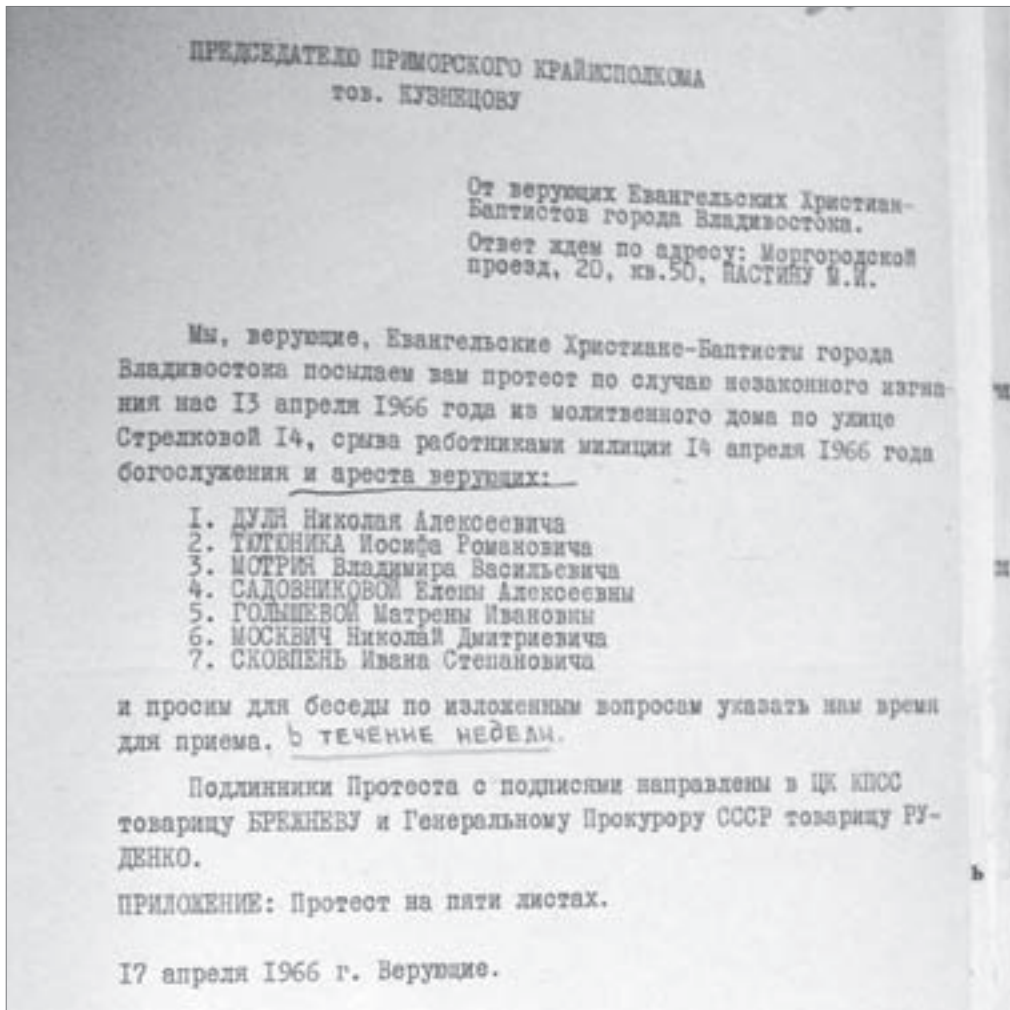

*Решение о снятии Владивостокской общины с регистрации. ГАПК ф. Р-26 оп.34 д.69
л.36, 37*

С этого времени неконформисты распрощались с надеждой обрести в ближайшем будущем молитвенный дом и вернулись на развалины дома на Селенгинской.

Общине, возглавляемой Вегерой, взамен здания на Стрелковой летом 1966 года был предоставлен дом на ул. Третий Рабочей, 68, и она была вновь зарегистрирована. На этот раз разделение было окончательным, хотя в дальнейшем в течение двух десятилетий миграции отдельных верующих из одной общины в другую и обратно были обычным явлением. Так во Владивостоке появились две баптистских церкви – СЦЕХБ и ВСЕХБ.

Могли ли братство вообще и, в частности, Владивостокская община избежать раскола? В среде верующих были две различные точки зрения на то, как нужно реагировать на давление, запреты и ограничения со стороны государства. Одна из них неофициально воплощалась ВСЕХБ и состояла в том, что запрещающие документы «не вечны», поэтому если поместным церквям удастся в практике повседневной жизни их нарушить без особого для себя ущерба, то это состояние можно считать нормальным. Вторая точка зрения не сразу, но постепенно, сформировалась в среде оппозиционного движения. Она состояла в том, что необходимо организовать массовое движение верующих с требованиями изменить советское законодательство. Но для этого, по их мнению, необходимо было сначала искоренить то приспособленчество служителей ВСЕХБ, которое

*Протест после изгнания из молитвенного дома неконформистской части
Владивостокской общины и столкновения верующих с милицией и студентами ГАПК
ф. Р-1578 оп. 1 д.32 л.136*

позволяло этой институции существовать в условиях тоталитарного государства и которое оппозицией считалось греховным отступлением от Божьей истины²¹³.

Первые оправдывали свои действия ссылками на 13-ю главу «Послания к Римлянам» («*Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога...*»), оппозиция — на 4-ю главу книги «Деяния Апостолов» («*...справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога?*»). По мнению автора, между двумя этими отрывками нет противоречия, но, впрочем, эта книга не богословская...

213 Е. И. Панич «Гонения на верующих в эпоху «научного атеизма» и проблема свободы служения христианина».

Приложение 1

*Президиум ВСЕХБ. Слева направо: М. А. Орлов, П. И. Малин, Я. И. Жидков,
А. В. Карев и М. И. Голяев*

***Александр Васильевич Карев
1894-1971***

Александр Васильевич родился в Санкт-Петербурге, его отец был начальником маленькой железнодорожной станции Ириновка, а мать работала швейей в артели «Работа бедных женщин». Родители были возрожденными евангельскими христианами, и поэтому мальчик рос в атмосфере живого христианства. Когда маленькому Саше исполнилось три года, отец его ушел в вечность. Желая дать сыну хорошее образование, мать отдала его в пятилетнем возрасте в пансион для полусирот, где мальчик воспитывался пять лет.

Находясь в пансионе, юный Александр посещал богослужения лютеранской церкви. По окончании учебы в пансионе Александр Карев поступил в немецкую среднюю школу, где, кроме немецкого, ученики изучали также английский и французский языки. В школьные годы он стал участником кружка евангельской молодежи, которым руководил Яков Иванович Жидков, и спустя несколько месяцев принял Христа в сердце. Второго декабря 1914 года Александр был крещен по вере и стал членом Петербургской общины евангельских христиан.

В 1913-1917 гг. он учился в Политехническом институте и одновременно слушал духовные лекции в Петербургском христианском студенческом кружке, руководимом П. Н. Николаи. В октябре 1918 года А. В. Карев женился на христианке Анне Иосифовне Громовой, которая стала его спутницей на всю жизнь.

В 1919 году он был призван в ряды Красной Армии и направлен в Казань на борьбу с сыпным тифом. Здесь он одновременно проповедовал в Казанской

общине евангельских христиан. По воспоминаниям жены, Анны Иосифовны, в 1920 году он был арестован. Правда, в лагерь для заключенных попал не сразу – после ареста свалился с тифом и много месяцев тяжело болел, после чего попал в лагерь.

После освобождения, в начале 1922 года, Карев был принят на работу во Всесоюзный совет евангельских христиан, где замещал часто отсутствовавшего И.С.Проханова, возглавлял отдел переписки, преподавал на библейских курсах, а также трудился проповедником Ленинградской церкви. После эмиграции Проханова А.В. Карев вместе с Я.И.Жидковым вновь попал в заключение. Оно длилось 3 месяца.

Вместе с Всесоюзным советом евангельских христиан в 1930 году Карев переехал из Ленинграда в Москву.

В марте 1934 года он, по воспоминаниям жены (в официальных биографиях советских лет такие события не упоминались), вновь был арестован и осужден на 5 лет, срок отбывал в лагере под г. Котласом Архангельская область). В его семье на тот момент было шесть детей.

В октябре 1944 года, когда на съезде евангельских христиан и баптистов был создан объединенный Союз евангельских христиан-баптистов во главе с Всесоюзным советом (ВСЕХБ) А.В.Карев был избран его генеральным секретарем. С тех пор в течение 27 лет он беспрерывно нес это служение, являясь одновременно и главным редактором журнала «Братский вестник». Александр Карев был богословом, проповедником, писателем и поэтом.

Однако его деятельность в качестве генерального секретаря ВСЕХБ воспринималась неоднозначно. После выхода в свет «Инструктивного письма», положившего начало расколу братству, инициативники потребовали от него, а также от Я.И.Жидкова и других руководителей из ВСЕХБ покаяния.

В стихотворении, адресованном А. В. Кареву, один из лидеров инициативников Г.П.Винс писал (1965 год):

*«О, братья, что вы сделали, зачем
До сделок с атеизмом опустились?
<...>
Путь покаяния – лишь это нужно вам!
Спасайте душу, пока сердце бьется!
Бог дал предел минутам и годам,
Когда нить жизни вашей оборвется!
Я вас любил, но ныне лишь скорблю...»*

Так было или нет покаяние за «Инструктивное письмо»?

В «Обращении ко всем братьям и сестрам, вышедшим из общин Союза евангельских христиан-баптистов» от 15 июля 1966 года, подписанном ВСЕХБ (без указания фамилий руководителей), говорилось:

«Приняв на съезде 1963 г. новый Устав, мы тем самым всему нашему братству показали, что мы умеем сознавать свои ошибки и недостатки, и всегда готовы к исправлению их. В этом и заключается истинное покаяние. <...>

Возлюбленные дети Божии! В глубоком смирении мы склоняемся перед Тем, Кто один имеет власть прощать на земле грехи (Матф. 9:6), и перед милосердным Господом мы исповедуем наши ошибки, недостатки и согрешения, «ибо все мы много согрешаем» (Иак. 3:2). Мы стремимся не только осознавать свои ошибки и недостатки, но и исправлять их, то есть приносить достойный плод покаяния».

Однако при этом основная часть этого документа была посвящена полемике с Советом Церквей и обличению его.

Об «ошибках» говорилось и на съезде Союза ЕХБ 4-7 октября 1966 года. В частности, в своем выступлении Карев сказал:

«Мы не считаем, что ВСЕХБ совершил смертный грех, подчиняясь установленным в нашей стране законам, которые не запрещают нам отправлять наши богослужения и проповедовать Евангелие. <...> Мы молимся за наших пострадавших вследствие некоторых своих ошибочных действий братьев и сестер из «Совета церквей» и надеемся, что органы власти проявят гуманность и снисхождение к тем, кто находится в настоящее время под следствием».

Совет церквей не признал эти выступления за покаяние.

Источники: «Братский Вестник» №1, 1972 г., «Братский Вестник» №6, 1966, Воспоминания А.И.Каревой, Стихотворение Винса Г.П.Кареву А. В., «Обращения ко всем братьям и сестрам, вышедшим из общин Союза евангельских христиан-баптистов» от 15 июля 1966 года.

Приложение 2

Геннадий Константинович Крючков 1926-2007

Геннадий Константинович Крючков родился в Туле. Его отец был руководителем хора в Московской общине евангельских христиан. В 1929 году отец был осужден на три года. В семье было пятеро детей, Геннадию тогда было три года. После освобождения отца выслали сначала в Донбасс, а затем на станцию Узловую Тульской области, где он работал шахтером, несмотря на пошатнувшееся здоровье. После смерти матери в 1955 году отец вернулся в Москву, женился во второй раз и стал активным членом общины. В 1961 году отец примкнул к движению инициативников.

Геннадий Крючков служил в Советской армии в 1944-1950 годах. После демобилизации вернулся в Узловую и пошел работать на шахту электриком. Вскоре он обратился к Богу, крестился и женился на Лидии Васильевне. В это же время он начал проповедовать, был избран руководителем хора, потом диаконом и, наконец, стал пресвитером в официально незарегистрированной церкви в Узловой. В 1955 году со стороны руководства ВСЕХБ Крючкову предложили получить богословское образование в Англии, однако, по его словам, ценой за это должно было стать его «сотрудничество» с чиновниками СДР. Крючков отказался.

В начале 60-х Крючков стал одним из лидеров инициативников и перешел

на нелегальное положение. В 1966 году после массовой акции баптистов у здания ЦК КПСС Крючков был арестован и осужден на три года. После освобождения почти на 20 лет ушел на нелегальное положение. Жил отдельно от семьи, на специально оборудованной квартире в Прибалтике, окруженный только узким кругом приближенных. Заседания Совета происходили 1-2 раза в год на квартире Крюčkова, в остальное время сообщение шло только через аудиозаписи. В это время в СЦ густеет атмосфера подозрительности и недоверия друг к другу. В то же время в церквях СЦ Крючков пользуется непререкаемым авторитетом. В 70-х, после того как секретаря СЦ Георгия Винса сначала надолго сажают, а затем лишают гражданства и высылают в Америку, Крючков становится единоличным руководителем СЦ.

В конце 80-х Крючков выходит из подполья. Он много ездит по различным христианским конференциям, часто бывает за границей. СЦ под его руководством сохраняет непримиримую позицию по отношению сначала ко ВСЕХБ, а затем к преемнику ВСЕХБ – РС ЕХБ. Люди, попавшие в немилость к Крючкову, теряют возможность с ним общаться. В конце 80-х – начале 90-х в опалу попадает живущий за границей секретарь СЦ Георгий Винс.

Земной путь Крюčkова закончился 15 июля 2007 года. Христиане по-разному относятся к нему: одни его превозносят, другие считают, что он причинил колоссальный вред баптистскому братству, расколов его. Бесспорно, что Крючков был одаренным человеком, сильной и целеустремленной личностью.

Основной источник – доклад «Совет церквей и движение Независимых церквей», CD «История евангельского движения в Евразии 1.0»

ГЛАВА 11

1950-1980-е годы. Пятидесятники.

Исход²¹⁴ (движение за эмиграцию) из СССР

Находкинская община

Немало головной боли чиновникам, надзирающим за религией, доставила Находкинская община пятидесятников, возглавляемая до 1961 года епископом Николаем Петровичем Горетым. Горетой считал СССР воплощением библейских пророчеств о блудном городе Вавилоне и «зверем» из книги Апокалипсис (после своей эмиграции в 1988 году он написал автобиографическую книгу, которая так и называется «СССР – Апокалипсический Вавилон»).

Спасаясь от преследований, община Горетого кочевала по СССР. В середине 40-х годов, когда Горетой присоединился к ней, демобилизовавшись из армии, община находилась в Киргизии (г. Фрунзе). С 1948 года пятидесятники стали активно сажать. Многие получали срока по 10 и 25 лет (правда, после смерти Сталина в 1953 году их стали выпускать досрочно). Спасаясь от широкомасштабных преследований, община перебралась в 1950 году в Кемерово, оттуда в 1952 году – в Барнаул, а затем в Находку. Первым в Находку приехал сам епископ Николай Горетой с семьей (в сентябре 1957 года), а затем в течение нескольких месяцев перебрались остальные. Как и большинство пятидесятников, эта община не признала Августовского соглашения о включении пятидесятников во ВСЕХБ. Община Горетого отказалась от предложений пресвитеров зарегистрированных баптистских церквей во Фрунзе и Барнауле о слиянии с ними «под крышей» ВСЕХБ, – подозревая этих пресвитеров в слишком тесном сотрудничестве с властями²¹⁵.

В 1958 году община в Находке насчитывала 300 человек²¹⁶. В первое время власти отнеслись к пятидесятникам спокойно. «В поселке Американка мы приобрели дом, собрав с членов, по мере возможного, денежные средства, – вспоминал Горетой. – Из этого дома мы вынесли все перегородки, оставив в виде колонн две потолочных подпорки. Сделали кафедру для проповедников и начали проводить наши регулярные богослужения. Начальник ми-

214 Исходом в одноименной книге Библии называется выход евреев из египетского рабства, в результате чего они стали независимым народом и обрели землю обетованную. В Библейском повествовании Исход стал прообразом всякого освобождения, совершаемого Богом на благо Своего народа

215 Н. П. Горетой «СССР – Апокалипсический Вавилон»

216 ГАПК ф.П-68 оп. 34 д.812 л.52

Николай и Варвара Горетые, начало 1950-х годов. Фото из архива семьи Горетых

лиции, в районе которого было наше собрание, дал нам устное разрешение на его проведение. Мы сердечно благодарили нашего Господа, за то, что Он расположил к нам сердца властей г. Находки»²¹⁷.

Однако идиллия длилась недолго: антирелигиозная кампания в стране подходила к своему апогею. Нонконформисты-пятидесятники, среди которых к тому же было немало пацифистов, стали самым подходящим объектом для преследований. Против пятидесятников использовались те же методы борьбы, что и против баптистов: травили в прессе, увольняли с работы, отказывали в прописке, проводили «профилактические беседы» в КГБ и милиции, подстрекали молодежь к хулиганским выходкам в отношении верующих...

В начале 1960-х находкинская пресса издевательски писала о пророчествах, подвигнувших пятидесятников к переезду в Находку. Якобы есть в Америке высокий утес, на котором покоится громадный белый ковчег. «Скоро поднимется вода в море-океане, и ковчег сойдет со скалы. Он придет к берегам молодого города, заберет все покаявшиеся души», — пересказывал пророчество в своей книге «Мой разрыв с сектантами-трясунами» бывший проповедник этой общины Федор Мячин. По его словам, ковчег должно было принять другое государство, и там народ Божий отдохнет. (Кстати, книга Мячина была издана в Приморье тиражом в 30 тыс. экземпляров, это вдвое выше тиража выпущенной в том же 1959 году антибаптистской книги «Правда о сектантах»).

В эти годы негативные статьи в местной и краевой прессе о пятидесятниках выходили практически ежемесячно. К газетчикам присоединилось только что созданное в Приморье краевое телевидение (студия «Дальтелефильм»). «Корреспонденты, вооруженные кинокамерами, не давали проходу, — вспо-

Федор Сиденко с женой и детьми, ст. Старотитаровская, 1977 год. Фото из архива семьи Горетых. (Федор Сиденко – верующий, получивший срок за попытку в 1965 году передать в ООН через японского торгпреда списки пятидесятников-эмигрантов, всего отсидел 3 срока за веру)

Италия, Ватикан, 1988 год. Папа Римский Иоанн Павел II принимает Николая Горетого. Фото из архива семьи Горетых

минал Николай Петрович Горетой в своей книге. – Иду ли пеший, один – строчат, как с пулемета. С группой ли братьев – строчат так же. И так целых два месяца снимали меня и других кинокамерой, для «киножурнала», как они похвалялись. Киножурнал видеть мне не пришлось, а другие – видели. По случаю того, что мы закрывали лица при их наглых наскокиваниях, видно, что плохо у них получилось, хотя часами дежурили у самого дома.

Но один момент снят был удачно. А было так. Я любил прогуливаться по берегу моря, наблюдая, как бегут волны, чтобы иметь возможность что-то запечатлеть на полотне красками (Н. П. Горетой – профессиональный художник – авт.). Вот этот момент и уличил кто-то из кинорепортеров. Я стою на берегу и смотрю вдаль, любясь восходом, а диктор объясняет мое поведение: «Вот он, Петрович, главарь изуверской секты пятидесятников, смотрит с тоскою вдаль – не появятся ли на горизонте Белые корабли, чтобы принять на борт Петровича и иже с ним».

Тоска и на самом деле была, но «белых кораблей» мы не ждали. Верили в Исход с самого 1945 года, когда впервые имели о том пророчества, но не фантазировали, на чём выедем, предоставляя Богу Самому распорядиться видами транспорта»²¹⁸.

218 Н. П. Горетой «СССР – Апокалипсический Вавилон»

Николай Петрович Горетой (в центре) в колонии во время первой отсидки в начале 60-х годов. Фото из архива семьи Горетых

Идея эмиграции (Исхода) из СССР стала популярной среди пятидесятников по всей стране. Николай Петрович в своей книге писал об этом так: «Вскоре (после переезда основного костяка Барнаульской общины – авт.) в Находку стали прибывать все новые и новые христиане с разных концов страны – с Украины, Белоруссии, Урала, Сибири, Киргизии, Казахстана, Узбекистана и других мест, где власти вновь взбунтовались против верующих, стали запрещать богослужения. Но не только поиск религиозной свободы влек их в Находку, эта причина была не самой значительной, а повеление Духа Святого, собиравшего свой народ в единомыслии для Исхода. Фрунзенская церковь, в которой я принял епископство по повелению Господа и благословению братства в 1948 году, стала рекою движения за исход из атеистического государства. Барнаул стал парадным городом для такого движения, а Находка – сборочным штабом эмиграционной армии Иисуса. Мы хранили в большом секрете планы нашего Господа в отношении эмиграции, и так, как на мне лежала главная роль, я никому из любопытствующих не давал прямого ответа, что, безусловно, сбивало властей со всякого толка»²¹⁹.

Горетой отметил интересный эффект от газетной травли: «Но «не бывает худа без добра» – так гласит старая русская пословица. О наших молитвенных собраниях в Находке, в поселке именуемом Американка, мало кто знал. А поскольку в газетах был адрес нашего молитвенного дома, то многие заинтересовались, что мы за люди»²²⁰.

219 Н. П. Горетой «СССР – Апокалипсический Вавилон»
220 Там же

Пытаясь спастись от гонений, церковь начала собираться не вместе, а разбилась на группы, которые проводили богослужения отдельно друг от друга, на квартирах верующих. Руководители групп каждый раз менялись, чтобы сбить с толку КГБ. Несмотря на сопротивление властей, община продолжала расти, в основном за счет приезжающих из других регионов в надежде на эмиграцию. Н. П. Горетой, составивший в 1961 году эмиграционные списки, насчитал более 1000 человек (взрослых и их детей)²²¹.

Однако до осуществления эмиграции было еще далеко: в 1961 году состоялся судебный процесс над Горетым, а также проповедниками Райляном и Бобарыкиным. (ГАПК ф.П-68 оп. 3 д.51 л.86) Максимальный приговор получил Горетой – 6 лет лагерей и еще 5 лет – ссылки. Кроме этого, в в 1959–62 годах состоялось два показательных и три обычных судебных процесса над верующими за отказ от воинской повинности²²². Эти меры ослабили эмиграционное движение.

В 1961–63 годах община подала 3 заявления властям с просьбой прекратить их преследовать и разрешить собираться свободно. Как и баптистам, им этого не позволили. Ситуация усугублялась еще и тем, что из-за практики глоссолалии и особого отношения к пророчествам пятидесятников считали «изуверской сектой». Председатель Находкинского горисполкома Н. Дубовка, отчитываясь перед краевым партийным начальством о своей реакции на эти заявления, сообщал, ссылаясь на заключение СДРК, что «в вероучении этой секты имеются положения, исполнение которых приводит к психическому расстройству верующих». «Данное положение было доказано и при проведении следствия по делу Горетого и др. путем заключения судебно-психиатрической экспертизы и свидетельскими показаниями, – писал Н. Дубовка. – Несмотря на свободу вероисповедания, советское государство не может допускать регистрации пятидесятников и других изуверских сект <...> руководители которых проводят враждебную работу по отношению к нашей стране и странам социализма. Враждебное отношение пятидесятников выражается в отказе от службы в армии (Ремаренко, Райлян, Зоненберг, Янцен). Необходимо отметить, что группа Находкинских пятидесятников, несмотря на конкретные предупреждения, нарушает Советское законодательство. Под различными прикрытиями продолжают иметь место сборы верующих»²²³.

«Детский вопрос»

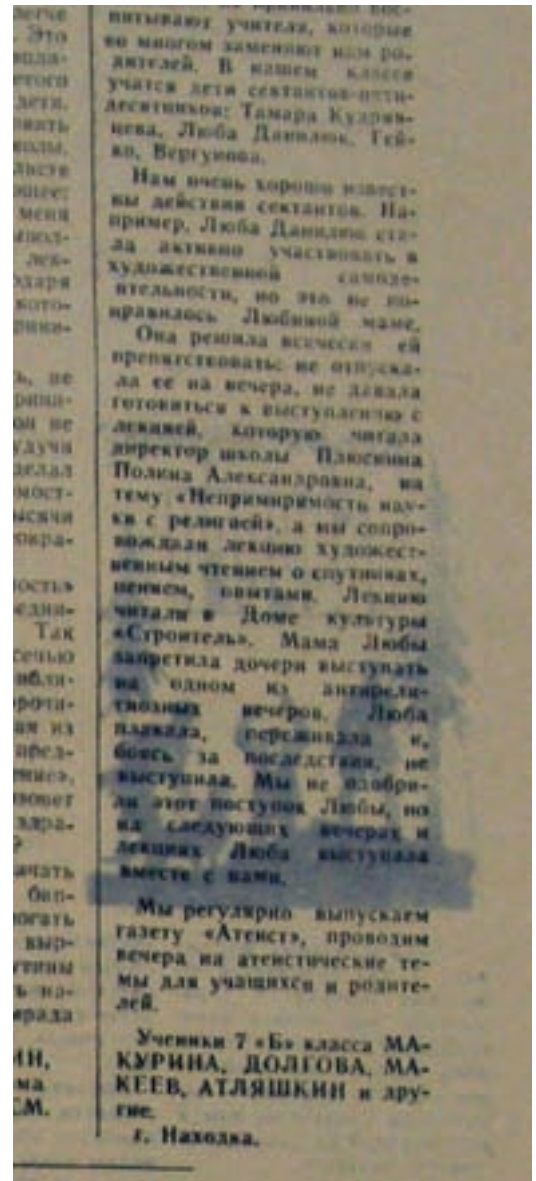
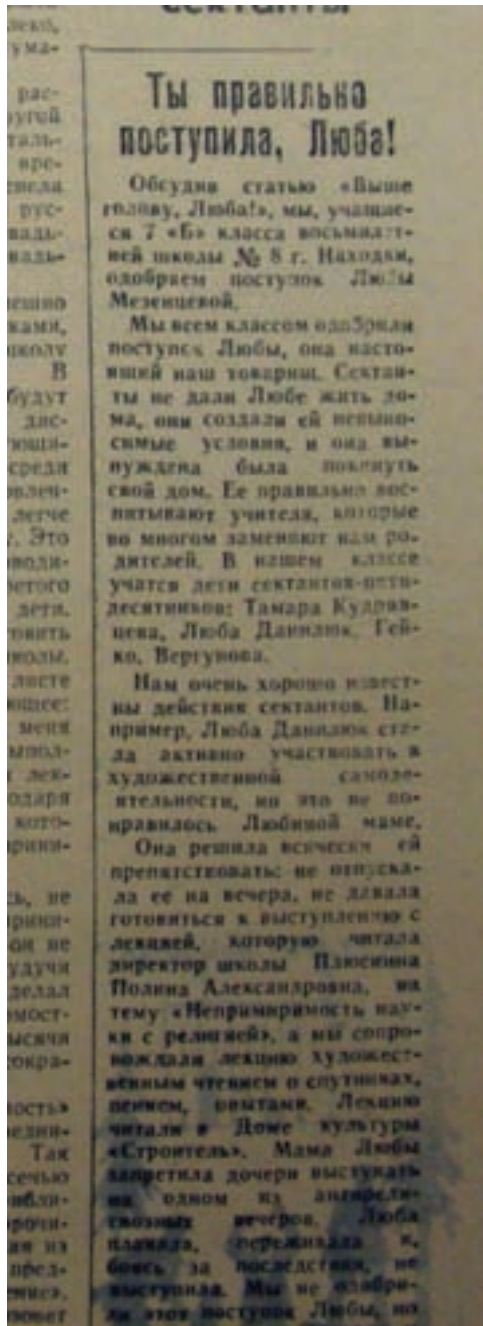
Настоящая война развернулась за детей верующих. Власти всеми силами пытались воспрепятствовать тому, чтобы родители воспитывали в вере своих детей. В некоторых случаях власти лишали верующих родительских прав и помещали детей в интернаты. Так, только в период с 1960 по 1964 годы в трех семьях находкинских пятидесятников взрослые были в судебном порядке лишены родительских прав за воспитание своих детей верующими²²⁴. Дети семьи

221 Там же

222 Там же

223 ГАПК ф.Р-1578 оп. 1 д.47 л.12

224 Б. Перчаткин «Огненные тропы»

Статья «Ты правильно поступила, Люба!» («Тихоокеанский комсомолец» 5 февраля 1961 года)

Воевых несколько раз убежали из интерната, но их вылавливали с собаками и отправляли обратно. Известен также случай, когда власти решили отобрать еще не родившегося ребенка по достижении им 9-месячного возраста²²⁵. Кстати, аналогичные случаи имели место и у баптистов, — например, в 1960 году в Уссурийске была лишена родительских прав баптистка Короткова²²⁶.

Однако чаще власти пытались не отбирать, а по своему «воспитывать» детей, натравливая их на своих родителей. Находкинские пятидесятники селились компактно и, в основном, их дети ходили в четыре городские школы. Больше всего посещало школу № 8. Вот как описывал на страницах газеты «Тихоокеанский комсомолец» «передовой опыт» этой школы секретарь Находкинского горкома ВЛКСМ Н. Шивыдкин:

«Здесь несколько десятков детей сектантов почти все активно участвуют в жизни школы. Но это стало возможно не сразу. Педагогический коллектив, комсомольская и пионерская организации в течение нескольких лет ведут повседневную борьбу с религией. <...> Детям и их родителям разъясняется, что сектантство вырывает советских людей из рядов активных, сознательных строителей коммунизма, отгораживает от общественной жизни, от жизни полной, настоящей, приносящей людям радость и счастье.

В школе создан уголок атеиста, выпускается газета «Атеист» выпускается витрина с подбором антирелигиозной литературы. Каждый комсомолец школы, каждый преподаватель ведет систематическую антирелигиозную работу, раскрывает реакционную сущность сектантства. В школе работает исторический кружок, возглавляемый комсомолкой М. Кирилловой. В плане работы кружка особое внимание отведено атеистической пропаганде. Так, например, членом кружка Устинцевой был сделан доклад «Религиозные чудеса и их разоблачения». К таким чудесам относятся: «святая» вода, «превращение» воды в молоко, икона «кровоточащая». Этот доклад сопровождался химическими опытами, которые делали дети сектантов Зайцев и Тюкленко. Родители-сектанты тоже присутствовали на этом вечере.

А вот 23 января школа № 8 совместно с правлением Дома культуры строителей провела вечер на тему «Есть ли бог?». Ученица Фирманова рассказала собравшимся о происхождении религии, о спутниках, затем директор школы № 8 т. Плюснина сделала доклад «Непримиримость науки с религией». Доклад сопровождался опытами, выступлениями отдельных специально подготовленных номеров художественной самодеятельности. Выступали преподаватели Кириллова, Золоторгова.

На трибуну вышла ярая сектантка Данилюк. В зале сидит ее муж и девочка — ученица школы № 8. Она говорила о религии, о том, что вольна воспитывать ребенка как хочет. «Лишить ее материнства!» — раздались дружные голоса из зала. На вечере было шестьсот человек. Простые советские люди дали отпор сектантам.»

Большим успехом у борцов с «сектантством» считалось добиться, чтобы

225 Документы Московской Хельсинкской Группы, 1977 г. «Отчет о поездке в общины пятидесятников станицы Старо-Титаровская Краснодарского края и гор. Находки (5–23 декабря 1976 года)» Л. Воронина

226 ГАПК ф.Р-1578 оп. 1 д.32 л.55

дети обвинили своих родителей в религиозности. Тот же «Тихоокеанский комсомолец» 8 января опубликовал статью «Выше голову, Люба!» о пионерке Любе Мезенцевой, «восставшей против религиозной морали» своей мамы-пятидесятиницы, которая запретила дочери выступать на одном из антирелигиозных вечеров в школе. Спустя некоторое время в этой газете вышла повторная статья об этой семье. Как утверждалось в ней, после выхода первой статьи, «мать Любы встретила девочку побоями, после чего она в одном платье выбежала на улицу, где ее замерзшую подобрали и обогрели соседи». «Люба (самостоятельно? — вопрос авт.) обратилась за помощью в горком комсомола и гороно. Она написала заявление с просьбой зачислить ее в школу-интернат. Неизвестно, что еще могли придумать для отместки сектанты, поэтому в тот же день Люба не вернулась домой» — сообщила газета. Несмотря на просьбы матери вернуть девочку в семью, ее определили в детский дом²²⁷. В том же номере газеты был опубликован отклик учеников школы № 8 на первую статью о Любе с характерным заголовком «Ты правильно поступила, Люба!», — см. иллюстрацию.

Как отмечалось в докладе «О состоянии антирелигиозной пропаганды в Находкинской городской партийной организации»: «Опыт школы № 8 — исключительно ценный для атеистического воспитания. Его необходимо обобщить и опубликовать через Примиздат (Дальиздат) в виде отдельной брошюры. О большой работе, которую провела школа № 8 (директор школы Плюснина П. А), можно судить по следующим фактам: из 120 детей-верующих в 1958 году порвали с религией все 120 человек»²²⁸. (На самом деле эти показатели не достоверны: по крайней мере, как известно автору, дети епископа Н. П. Горетого, также учившиеся в этой школе, выросли верующими. Можно предположить, что некоторые ученики стали скрывать свою веру, — это и позволило руководству школы рапортовать о 100-процентном успехе).

Атеистическое воспитание детей верующих, разгул антирелигиозной пропаганды, частые увольнения с работы из-за религиозных взглядов, невозможность поступления в вуз без отказа от веры, не прекращающиеся посадки (к 1983 году в целом по Приморскому краю было осуждено 39 пятидесятников, из них большинство — находкинцы²²⁹ — все это подстегивало эмиграционные настроения.

Движение за эмиграцию

Основными центрами движения пятидесятников в СССР за эмиграцию в 60-е годы были две общины, связанные между собой на уровне личных знакомств и родственных уз. Больше всего эмигрантов было в Находкинской общине, кроме того, такие настроения были сильны в община города Черногорска в Сибири.

В 1961 году был осужден на 5 лет пастор Черногорской общины Григорий Ващенко (будущий руководитель наиболее нонконформистской группы в Находке) за «создание группы, деятельность которой, проводимая под предлогом проповедования ре-

227 «Тихоокеанский Комсомолец» 5 февраля 1961 года

228 ГАПК, ф П-68 оп. 3 д.51 л.85

229 ГАПК ф.П-68 оп. 115 д.103 л.45

лигиозных вероучений, сопряжена с причинением вреда здоровью граждан”. Вместе с ним были осуждены еще 15 человек. Спустя год его двоюродный брат Петр Вашенко во главе группы из 14 взрослых и 18 детей смогли проникнуть в американское посольство в Москве, однако дипломаты вежливо их выпроводили²³⁰. Черногорских пятидесятников это не остановило и в последующие годы они стали направлять письма в различные инстанции с просьбой разрешить им выехать из СССР²³¹.

Что касается находкинцев, то первая известная автору попытка наладить связь с Западом была осуществлена в 1964 году Федором Сиденко и Василием Патрушевым. Она подробно описана в книге Бориса Перчаткина²³² «Огненные тропы».

«Все началось с того, что им попалась брошюра «Декларация прав человека», — пишет Перчаткин. — Ознакомившись с ней, они решили, во что бы то ни стало, сообщить на Запад, что происходит с верующими в Советском Союзе. Василий разработал два варианта передачи информации на Запад. Первый: привязывать бумаги к камням и забрасывать их на борт иностранных пароходов в порту. Второй вариант: Федя Сиденко должен был устроиться сантехником в гостиницу «Интурист» и попытаться войти в контакт с каким-нибудь русскоговорящим иностранцем.

В конце 1964 года Федя выяснил, что по-русски говорит японский консул, Исида Исава, и что проживает он в гостинице «Интурист». По второму варианту, Федя должен был сделать аварию в квартире консула, в то время, когда тот находился дома. Во время ремонта он должен был с ним поговорить.

Для этого Федя залез на чердак, и через газоотвод по канализационному стояку, опустил веревку с пробкой, которая, по Фединому расчету, опустилась чуть ниже унитаза в квартире консула. Федя побежал в мастерскую и стал ждать, когда его вызовут устранять аварию. Минут через двадцать в гостинице начался переполох.

Затапливало квартиру консула. Федю срочно вызвали и допустили к ремонту без сопровождающего агента КГБ. За это время Федя сумел договориться с консулом, чтобы тот помог переправить документы в ООН. Но, Федя нарушил инструкцию Патрушева, который предупреждал, что квартира консула прослушивается и переговоры вести нужно только записями на бумаге. Их разговор был подслушан КГБ и операция Василия и Феде провалилась.

Их арестовали. Долго держали под следствием, сажали в психбольницу, избивали, заставляли выдать тех, кто их поддерживал. Федю два раза выводили во двор и инсценировали расстрел. В конце концов, ничего не добившись, Феде дали четыре года, а Василию, три года лагерей строгого режима, и отправили в лагерь для политзаключенных. В этом была большая ошибка властей. В лагере Василий и Федя познакомились с одним из первых диссидентов, Александром Гинзбургом. А Гинзбург после освобождения и помог наладить связь с Западом»²³³.

230 Лев Симкин, «Посольская история», «Знамя» 2010, № 7

231 Т.К. Никольская «Русский протестантизм и государственная власть»

232 Борис Перчаткин — член Находкинской общины пятидесятников, ставший в конце 1970-х годов одним из руководителей движения эмигрантов

233 Борис Перчаткин «Огненные тропы»

Отклика из ООН на переданные документы не было²³⁴. Между тем после ареста Сиденко и Патрушева находкинская община раскололась. Большинство ее членов не поддержало эмигрантов, считая, что их действия только усиливают раздражение властей. Многие выступали за исключение Сиденко и Патрушева из общины²³⁵. Это разделение сохранялось в общине до самого конца советской власти: число сторонников эмиграции в разные годы то увеличивалось, то уменьшалось.

Движение за эмиграцию, 1970-е

В 1970-е годы внутренняя политика СССР заметно смягчилась. Советский Союз «заигрывал» с общественным мнением на Западе, пытаясь представить себя как цивилизованную страну, где соблюдаются права человека. В русле общей политики смягчилось и отношение властей к верующим, в том числе изменилась позиция властей по вопросу регистрации пятидесятнических общин. Если ранее общины не подлежали регистрации как «изуверские», то, начиная с 1971 года с находкинскими пятидесятниками, наоборот, стала проводиться работа по склонению их к регистрации. Однако, как отмечал в секретной справке «О деятельности церковников и сектантов в Приморском крае», подготовленной для Приморского крайкома КПСС, автор документа — офицер КГБ Мекшун, «на словах соглашаясь о проведении религиозной деятельности в рамках закона, авторитеты пятидесятников на деле под различными предлогами отказываются от регистрации, не желая попасть под контроль органов Советской власти»²³⁶.

К началу 1970-х Находкинская община, по официальным данным, насчитывала около 400 человек. Группу наиболее нонконформистски настроенных верующих возглавили бывший пастор Черногорской общины Григорий Лаврентьевич Ващенко (который после отбытия 5-летнего лагерного срока не вернулся в Сибирь, а поселился в Находке), а также Евгений Адольфович Бресенден (ранее отсидевший 3 года).

Основными методами борьбы пятидесятников за право эмигрировать стали многочисленные обращения к мировой общественности. В отгороженном от Запада «железным занавесом» Советском Союзе это было нелегко делать, однако помогали крепнувшие связи с советскими политическими диссидентами, имевшими контакты с иностранными журналистами и дипломатами. КГБ всячески противодействовало и диссидентам, и пятидесятникам-эмигрантам, считая их агентами западного влияния.

«Ващенко и Бресенден систематически направляют в различные инстанции заявления с требованиями о выезде на жительство в Израиль, или любую другую капиталистическую страну, при этом допускают клеветнические измышления, порочащие Советский государственный и общественный строй, — отмечал в упомянутой справке Мекшун. — Под их воздействием

234 «Документы Московской Хельсинкской Группы»

235 Борис Перчаткин «Огненные тропы»

236 ГАПК ф.П-68 оп. 54 д.104 л.7–8

8 рядовых членов этой группы также направили заявления о выезде за границу вместе со своими семьями (общая численность которых составляет более 30 человек).

С Ващенко и Бресенденым через местные органы власти неоднократно проводились беседы по поводу их антиобщественной деятельности. Однако, должных выводов они для себя не сделали и продолжают заниматься подобной деятельностью. Ващенко и Бресенден неоднократно выезжали в г. Москву, где установили контакт с членами т. н. «Комитета защиты прав человека в СССР» (группа Сахарова), которые передавали клеветническую информацию о деятельности сектантов.

<...>

Одновременно Ващенко и Бресенден, выдавая себя за представителей всех пятидесятников в СССР, установили связь с иностранными корреспондентами в Москве, которых также снабжали клеветнической информацией о положении верующих в СССР. Эти материалы Ващенко и Бресендена неоднократно передавались радиостанциями «Голос Америки», «Би-Би-Си» и публиковались в зарубежной прессе»²³⁷.

Федор Сиденко, освободившийся после очередной отсидки, также обивал пороги в УВД с просьбами разрешить ему выезд в Израиль. В течении одного лишь 1974 года Сиденко направил 5 обращений в центральные инстанции и первому секретарю Приморского крайкома КПСС Ломакину. Кроме того, он написал письмо премьер-министру Израиля. В ответ его опять на месяц поместили в Уссурийскую психбольницу²³⁸.

Особенно бурным на события был 1974-й год. В феврале Ващенко и Бресенден направили два послания в Комитет по правам человека при ООН с просьбой помочь им выехать в Израиль или в Австралию. Под первым посланием стояло 20 подписей пятидесятников, под вторым – уже 80. «Наших священнослужителей освободили из мест лишения свободы, сняли официальный запрет на деятельность нашей секты, но неофициальный запрет так и остался. Нам по-прежнему запрещают мирные молитвенные собрания, штрафуют, угрожают лишить свободы с ведома представителей по делам религии при Совете Министров СССР тов. Шландакова в г. Находка Приморского края и представителей власти в г. Черногорск Красноярского края», – говорилось в одном из посланий. По словам авторов заявления, заместитель горисполкома г. Находка назвал желающих выехать из СССР предателями и изменниками Родины и угрожал им судом и лишением родительских прав. В нем говорилось: «Когда же мы стали говорить, что ...Советское правительство ратифицировало Пакты о правах человека, то прокурор г. Находка Бохан сказал по этому поводу: „Чихали мы на международные законы... У нас есть инструкция министра, и ею мы руководствуемся“... Факт, что мы не можем добиться разрешения на выезд по религиозным убеждениям, доказывает, что прокурор г. Находка Бохан прав»²³⁹.

237 ГАПК ф.П-68 оп. 54 д.104 л.7–8

238 ГАПК ф.Р-1578 оп. 1 д.87 л.30

239 Документы МХГ «Хроника текущих событий» выпуск 32

Спустя три месяца после направления посланий в ООН Григорий Ващенко и Евгений Бресенден от имени пятидесятников СССР обратились к христианам всего мира. Обращение призывало зарубежных христиан всех направлений ходатайствовать перед своими правительствами о том, чтобы они согласились принять пятидесятников на жительство в свои страны. Одновременно 188 пятидесятников обратились с открытым письмом к Президенту США. «У нас нет родственников за границей, и потому мы обращаемся непосредственно к Вам, г-н Президент, с просьбой о принятии наших семейств на постоянное жительство в Вашу страну», — говорилось в письме²⁴⁰. В день отправки открытого письма Ващенко и Бресенден встретились с иностранными журналистами и ответили на их вопросы. Они рассказали журналистам о вмешательстве властей в дела общины, об угрозах и преследований, которым подвергаются верующие. Так, капитан УКГБ гор. Черногорска Иконников и прокурор по надзору г. Красноярска говорили им: «Вас скоро не будет, мы вас сотрем в порошок, сошлем на Крайний Север к белым медведям. Там для вас строят зоны. Там на вас испытают атомную бомбу»²⁴¹.

Но эти обращения возымели действие, и в советской системе что-то дрогнуло: в 1975 году Евгению Бресендену с семьей разрешили выехать из СССР. Вслед за ними отпустили и семью Багриных, — тоже активно добивавшихся выезда членов находкинской общины. Насколько известно автору, это был первый в стране случай, когда пятидесятникам-нонконформистам разрешили уехать. Багрины переехали в п. Онтарио (Канада), а Бресендены — в Лос-Анджелос. Там Евгений возглавил радиовещательную корпорацию «Голос дружбы» и, как писал о нем позднее уполномоченный СДР по Приморскому краю В. Чупин, «развернул активную деятельность по провоцированию своих единоверцев на выезд в США на постоянное место жительства по религиозным мотивам»²⁴². Судя по всему, КГБ раскаивалось, что выпустило Бресендена, — «вреда» от него на Западе было еще больше, кроме того, его успех только подстегнул эмиграционные настроения пятидесятников.

Находку стали посещать лояльные советской власти пятидесятнические и баптистские священнослужители, которые стремились сгладить конфликт. По воспоминаниям Перчаткина, приезжала группа групп из пяти епископов, во главе с очень уважаемым в пятидесятнической среде Виктором Ивановичем Белых²⁴³. С теми же целями в 1974–1978 город несколько раз посещали делегации ВСЕХБ, в которых неизменно присутствовал представитель пятидесятников во ВСЕХБ Петр Климентьевич Шатров. Шатров проводил встречи с пятидесятниками, по результатам которых предоставлял подробные отчеты о своих действиях уполномоченному СДР по Приморскому краю²⁴⁴.

С 1975 года к набирающему мощь движению пятидесятников-эмигрантов присоединились члены общины станицы Старотитаровской Краснодарского края, которой руководил епископ Николай Петрович Горетой.

240 Там же

241 Там же

242 ГАПК Р-1578 оп1 д87 л.179

243 Борис Перчаткин «Огненные Тропы»

244 ГАПК ф.Р-1578 оп. 1 д.87

С этого времени движение, затрагивающее локальные общины, стало разрастаться, — к нему подключились пятидесятнические общины Ровенской и Донецкой области²⁴⁵, потом другие...

После отъезда в Америку Бресендена находкинскую группу эмиграционников возглавили Борис Перчаткин, Василий Патрушев и еще несколько верующих. Из примерно 400 членов находкинской общины в группу вошло около 260 человек. К находкинцам присоединились пятидесятники Владивостока и Чугуевки. В это время эмиграционники тесно сотрудничали с советскими диссидентами из Московской Хельсинкской Группы²⁴⁶ — Александром Гинзбургом, Анатолием (Натаном) Шаранским, Юрием Орловым, Людмилой Алексеевой. Контачили с академиком Андреем Сахаровым, а также христианской межконфессиональной группой правозащитников о. Глеба Якунина. Через диссидентов эмиграционники установили контакты с западными журналистами. Диссиденты помогали Перчаткину в организации пресс-конференций, передавали на Запад информацию о преследованиях, принимали в Москве. Радио «Голос Америки» регулярно передавало сообщения о положении находкинских пятидесятников.

Московская Хельсинкская группа направила в Находку и Старотитаровскую своего представителя — Лидию Воронину для изучения положения верующих. Ее отчет был опубликован в диссидентском самиздате. Летом 1976 года пятидесятниками был подготовлен сборник «Выходи из нее, народ мой», — более 500 машинописных страниц с биографиями верующих из Находки и станицы Старотитаровской, на протяжении поколений переносивших преследования советской власти²⁴⁷. Сборник произвел большое впечатление на верующих за границей: от них советским пятидесятникам пошли многочисленные вызовы-приглашения для эмиграции, а также посылки с вещами (ведь многим из них местные власти не давали устроиться на работу). Всего в Приморье приглашения на выезд в США, Канаду, ФРГ Австралию и Израиль получили 55 семей (169 взрослых и более 180 детей).

«В Находке, всех, кто получили вызовы, пригласили в паспортный стол и официально заявили, что в сентябре всех отпускают за границу, — вспоминал Борис Перчаткин в своей книге «Огненные тропы». — Оформляйте документы, продавайте дома, увольняйтесь с работы, готовьтесь к выезду, — заявили нам, — Времени у вас мало. За три-четыре месяца у вас все должно быть готово.

Люди так и делали. Мы с Василием Патрушевым предупреждали, что это — вполне возможная провокация, но люди не слушали. Некоторые продали дома, перешли жить к родственникам, к друзьям, уволились с работы, но, когда наступил обещанный сентябрь, разрешения на выезд никому не дали.

245 ГАПК ф.П-68 оп. 115 д.103 л.47

246 Московская Хельсинкская Группа — старейшая правозащитная организация России. Создана в мае 1976 года, как независимая общественная организация для контроля за выполнением соглашений международного совещания в столице Финляндии Хельсинки в 1975 году. В этом совещании, помимо СССР участвовали официальные делегации европейских стран, США и Канады. На совещании были приняты обязательные стандарты в области соблюдения прав человека

247 сборник «Документы МХГ»

Я понимал, что власти оттягивают время, что никого отпускать они не собираются. Им нужно было остановить людей ложными обещаниями, чтобы спокойно прошла Белградская конференция по сотрудничеству и безопасности в Европе, которая будет подводить итоги Хельсинкского соглашения. Я решил, во что бы то ни стало, добиться ответа у властей до начала этой конференции. Стал настоятельно убеждать всех, кому обещали в сентябре дать разрешение на выезд — особенно тех, кто лишился домов и работы, — идти и требовать любой ответ. Многие так и делали. Власти никакого ответа не дали, и основная масса людей поняла, что их обманули.

Почти до рассвета мы решали церковным советом, что делать, и пришли к решению: если власти боятся обсуждения нашего вопроса на Белградской конференции, то нужно сделать все, чтобы поднять наш вопрос. Мы решили составить обращение к участникам Белградской конференции, чтобы был поставлен вопрос о положении верующих в СССР, а также вопрос о тех, кого обманули в вопросе выезда, и в дни Белградской конференции объявить десятидневную голодовку. От Находки согласились участвовать в голодовке около двухсот человек. Еще свыше трехсот человек присоединились к нам из других концов Советского Союза.

В сентябре по этому поводу мы организовали пресс-конференцию на квартире Татьяны Великановой, члена группы «Хельсинки». На ее квартире впервые собрались представители пятидесятников от России, Прибалтики, Украины, Белоруссии. Наше движение набирало силу, авторитет.

После возвращения в Находку 2 октября меня вызвали в местное отделение КГБ. Майор КГБ Рудницкий зачитал мне предостережение, на основании указа Президиума Верховного Совета СССР, о том, что если я не оставлю свою деятельность, то буду привлекаться к уголовной ответственности. Такое же предупреждение получил Владимир Степанов.

10 октября «Голос Америки» передал подробную информацию о нашей голодовке и о ее причине. А «Голос Америки» — самая популярная радиостанция в Советском Союзе.

«Товарищи! Вы попали под влияние религиозных экстремистов, диссидентов, антисоветчиков, которые толкают вас на путь нарушения советских законов, — ораторствовал уполномоченный по делам религии Чупин, — Прекратите голодовку! Ведь на сегодняшний день вас не преследуют, не сажают в тюрьмы. Вот скажите, когда последний раз кого-нибудь осудили?»

«Только в прошлом году освобовился последний», — ответил кто-то.

«Ну, в этом же году, из вас никого не посадили, — продолжал Чупин, — и впредь мы вас трогать не будем. Ну, было раньше, было, мы ничего не говорим, перегибали мы, а сейчас спокойно молитесь. Регистрируйтесь, а если местные власти будут вас обижать, то зачем за границу жаловаться? Обращайтесь ко мне».

КГБ и чиновники СДР видели в голодовке происки «империалистических кругов» и «западных спецслужб». Чупин, в частности, связывал это с «подго-

товкой к празднованию 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции»²⁴⁸.

В конце 1978 года Перчаткин принес на почтамт в Находке составленную им от имени пятидесятников телеграмму президенту США Джимми Картеру (по вере — баптисту, имеющему диаконское рукоположение), где поздравил адресата с Рождеством Христовым и попросил его помолиться за тех, кто не имеет свободы вероисповедания. Обратный адрес поставил свой. Телеграмма, разумеется, попала в КГБ, откуда Перчаткину через пару дней пришла повестка²⁴⁹.

Однако на следующий год уже несколько десятков пятидесятников из 17 церквей по всей стране во главе с епископом Николаем Горетым обратились к Джимми Картеру с открытым письмом от имени всех пятидесятников и баптистов, желающих эмигрировать. «Наша борьба с деспотической властью не равна. Вооруженные до зубов, они в любой момент могли бы разделаться с нами, если бы не было международной защиты, и Вашей в Частности, мистер Картер. <...> После полутора лет бесплодного ожидания на право выезда из страны мы, с 25 августа прошлого, 1978 года, через посредничество ООН, объявили нашим властям о выходе из гражданства СССР». Эмиграционники просили «выкупить их за хлеб», — то есть обменять на экономическую помощь СССР²⁵⁰.

Между тем, КГБ, напуганное масштабами все время разрастающегося движения, принимало оперативные меры. В рамках борьбы с движением эмиграционников в Приморском крае органы власти создали Комитет по защите прав верующих, имитирующий независимые общественные организации. В этот комитет вошел уполномоченный по делам религии, учителя и т. п. Члены комитета обходили дома пятидесятников, уговаривая их забрать заявления. Одним они сулили за это квартиры, доступ к образованию, хорошую работу; другим — угрожали, читали письма от эмигрировавших пятидесятников с описанием тяжелой жизни братьев по вере за рубежом. Такая обработка велась повсеместно. Пятидесятнице Ольге Красун из Ровно обещали, если она откажется от эмиграции, перевести на работу ближе к дому, повысив зарплату и не препятствовать поступлению в институт; пастору Николаю Кунице из Дубно — начальническую должность во ВСЕХБ и заграничные командировки²⁵¹. В Краснодарском крае власти пообещали епископу Горетому разрешить выезд его семьи, если он подаст документы отдельно, без остальных членов общины — он отказался.

«КГБ не останавливался, — вспоминал Перчаткин. — Стали вербовать даже детей, чтобы они доносили на своих родителей. Это выяснилось после того, как некоторые из детей отказались ходить в школу. Когда родители стали настаивать, чтобы сказали причину, то выяснилось, что они и в школу ходить боятся и рассказывать боятся. Они были запуганы, но, все&таки, удалось узнать. В школе, прямо во время урока, детей вызывали в кабинет директора. Там сидел какой-то незнакомый им человек, которого они раньше в школе

248 ГАПК Р-1578 оп1 д87 л.178

249 Б. Перчаткин «Огненные тропы»

250 «Документы МХГ»

251 «Документы МХГ»

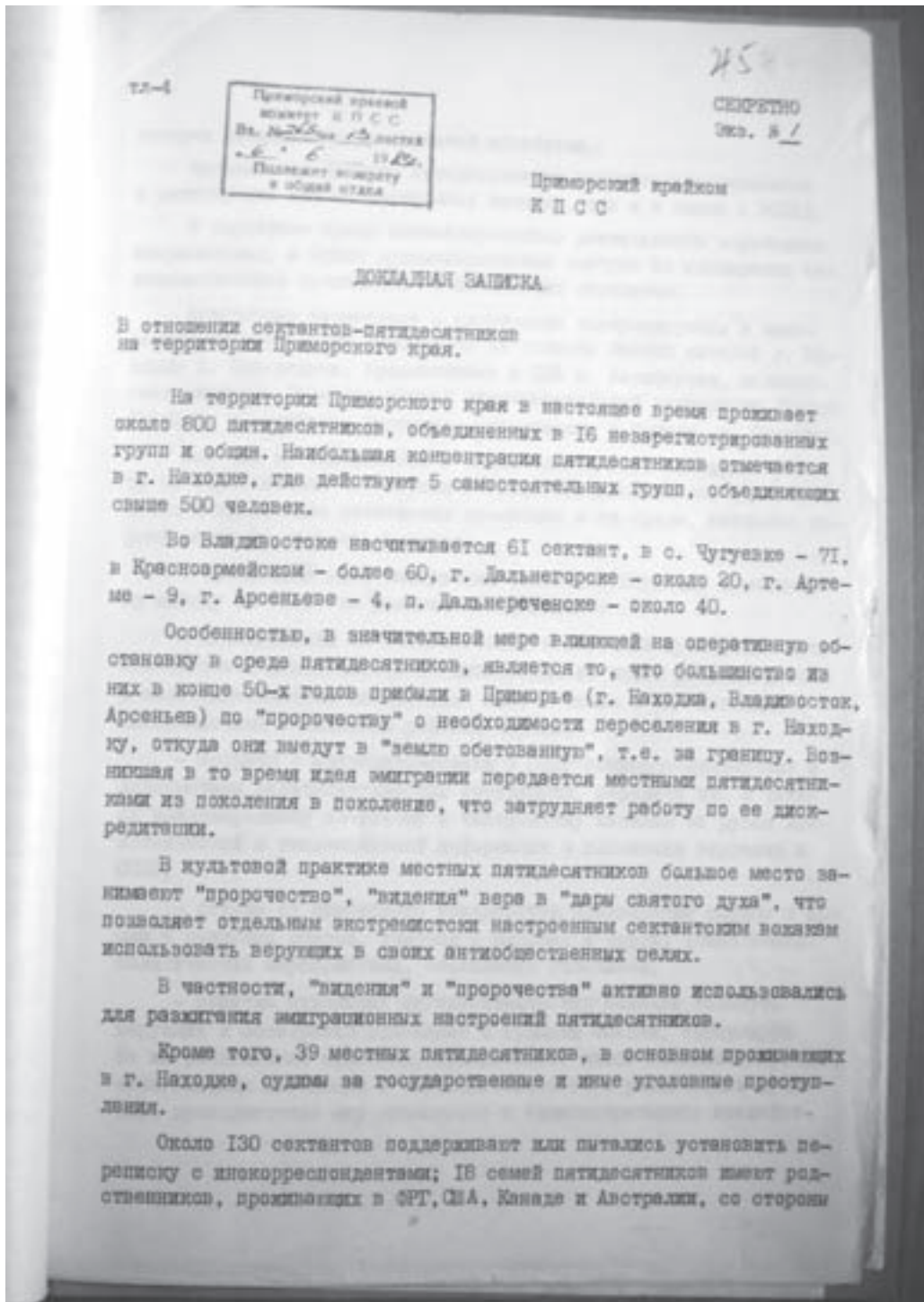
не видели. Этот человек задавал им самые безобидные, для начала, вопросы: «Как поживаешь? Где работает папа?». На следующей встрече спросил: «Заставляют ли мама с папой ходить в церковь? Если так, то им будет очень плохо». Детей приучали доносить на своих родителей и растлевали их с детства»²⁵².

В 1979 году начались аресты активистов эмиграционного движения пятидесятников. Были арестованы Николай Горетой, Федор Сиденко и Николай Бобарыкин (из Старотитаровской), Борис Перчаткин и Виталий Истомин (из Находки). Горетого приговорили к 8 годам лагерей и 5 годам ссылки (освободили его только в 1987 году в связи с политическими переменами в стране). Борис Перчаткин получил 2 года. Видя, что после выхода на свободу он «не исправился», его повторно осудили еще на 1,5 года.

В книге «Огненные тропы» Перчаткин подробно описал быт и пытки, применявшиеся к нему во Владивостокском СИЗО-1 и в тюрьме Приморского краевого управления КГБ. Во время одной из недавних пресс-конференций он рассказывал о своем заключении так:

«Двести часов я провел в «стаканах». Это — замкнутое темное пространство, в которое ставят человека и забывают о нем на десять-двадцать часов. Когда его открывают, человек просто вываливается оттуда. Несколько раз пытали химикатами. Приводили в подвал, раздевали до гола и мазали химикатами. В состав входили ацетон, керосин, хлорка, и был еще какой-то четвертый компонент. Действие этого безобидного на вид, похожего на сметану, состава было таково: первое впечатление, что тебя обдали ледяной водой. Спустя где-то тридцать секунд тело начинало жечь. Это состояние я до сих пор не могу описать, это не просто ожог. Потом включалось действие вот того четвертого элемента, который начинал проникать внутрь, и казалось, что тело изнутри начинало рваться на куски. Больше четырех-пяти минут никто не мог выдержать. Всё подписывали. Я одного встречал, который подписал, что он за один день в разных местах сделал два убийства и сорок два ограбления! Степень концентрации состава они делали по заказу следователя. Когда ко мне применили в третий раз, сказали, что у нас после такой концентрации любой признается, что он Адольф Гитлер. Вот это было следствием КГБ. Они говорили, что в милиции следователи талантливы, а у них следователи — гении. Поэтому они вышибали все, что им было нужно. Я ничего не подписал. Они смотрели на мои зрачки и боялись держать на мне тот раствор дольше, чтобы я не сошел с ума. Боль эта остается достаточно сильно еще в течение трех дней, а совсем проходит только спустя месяц.

Но самая серьезная пытка была другая. Здание КГБ стояло на большом проспекте. На втором этаже были следственные кабинеты. Вот следователь подзывает к окну и говорит: «Сколько ты не ел? Три дня? Смотри, на той стороне кафе. Через десять минут ты будешь в этом кафе есть нормальную еду. Чего ты себя мучаешь, семью мучаешь? Видишь, твоя жена идет, передачу тебе несет. Она ехала из Находки всю ночь, а мы у нее передачу не возьмем. Она с ребенком, а этого ребенка ты не видел, он без тебя родился. Чего ты ее мучаешь? Ты за какую-то свободу борешься? Да кому эта свобода нуж-

Семь страниц из рассекреченного 11-страничного доклада «консультанта дома политпросвещения крайкома КПСС» О. Ротанова (1983 г.) о мерах КГБ по разложению и знутри Находкинских пятидесятников ГАПК ф.П-68 оп.115 д.103 л.48-49

которых подвергается негативной обработке.

Большинство местных пятидесятников отрицательно относятся к регистрации как на автономных началах, так и в связи с ВСКНБ.

В последнее время активизировалась деятельность зарубежных клерикальных, а также пропагандистских центров по инспирации антиобщественных проявлений среди местных сектантов.

Наибольшая активность в инспирации экстремистских и иммиграционных проявлений отмечается со стороны бывших жителей г. Находки Е. Бресендана, проживающего в США в Калифорнии, являющегося диктором Дальневосточной радиовещательной корпорации "Голос Дружбы", и семейства Бугриных, проживающих в Канаде, в. Онтарио.

Все эти обстоятельства в значительной мере осложняют работу по нормализации обстановки в среде пятидесятников, предотвращению и пресечению негативных процессов в их среде, наиболее характерными из которых являются:

- пропаганда идеи эмиграции, склонение верующих к массовому выезду из СССР "по религиозным мотивам";
- блокирование на антисоветской основе для проведения антиобщественной деятельности с отщепенцами из числа религиозности и националистически настроенных лиц, а также с сектантскими экстремистами в западных районах страны;
- встречи с аккредитованными в СССР инкоорреспондентами и дипломатами капиталистических государств, передача им, а также по международному почтовому и телефонному каналам за рубежом клеветнической и тенденциозной информации о положении верующих в СССР;
- отказы от советского гражданства, прохождения служб в армии и военных сборов, участия в выборах и других общественно-политических мероприятиях, объявление голодовок;
- политики отдельных пятидесятнических вожаков толкнуть верующих к обострению отношений с органами власти, спекулируя на их религиозных чувствах, прикрываясь, якобы несовместимостью евангельских положений с законодательством о религиозных культурах, преподнесение мер уголовного и административного воздействия

3.

нии к отдельным сектантам, а также различных конфликтных ситуаций на производстве как уменьшение прав верующих, "гонения" на них со стороны органов власти;

- различные нарушения законодательства о культах, которые выражаются: в уклонении от регистрации, нарушении правил проведения религиозных собраний миссионерской и благотворительной деятельности, попытках организованного обучения детей религии, проведении специальных детских, юношеских, молодежных собраний, воспрепятствовании к вступлению в пионеры и комсомол, участие в общественной жизни, службе в Советской Армии, причинении вреда здоровью граждан путем отправления изуверских обрядов: "крещение духом святым", "говорение на иных языках" и т.д.

Наибольшую озабоченность вызывает эмиграционные настроения пятидесятников, инспирированные в 1977 году буржуазными пропагандистскими центрами, диссидентами и сектантскими экстремистами Н.П. Горетим (Краснодарский край), Э. Булахом (Ровенская область), В. Шляком (Ровенская область), П. Ахтерозим (Донецкая область), Б. Перчаткиным, В. Степановым, В. Патрушевым, В. Истомашным (Приморский край).

В 1977-1979 годах около 260 пятидесятников стали активно добиваться выезда из СССР, под влиянием своих главарей проводить активную антиобщественную деятельность, изготавливать для передачи за рубеж обращения и заявления враждебного содержания, передавать диссидентам, инкорреспондентам, дипломатам клеветническую информацию о положении верующих в СССР.

Для разжигания эмиграционных настроений спецслужбами противника было организовано направление местным пятидесятникам вызовов для выезда на постоянное жительство в капиталистические страны, оказывалась моральная и материальная поддержка сектантским экстремистам в проведении антиобщественной деятельности.

С 1977 года по настоящее время в адрес местных сектантов направлялось более 150 вещных посылок. Средства массовой информации на Западе постоянно уделяли внимание "движению за эмиграцию". Данный вопрос рассматривался государственными органами США.

За этот же период 55 семей (169 взрослых и более 180 детей)

4.

пятидесятников г.г. Находки, Владивостока, с. Чугуевки получили приглашения на выезд в США, Канаду, ФРГ, Австралию, Израиль. 42 семьи возбуждали ходатайство о выезде за границу.

В виду отсутствия у подавляющего большинства из них законных оснований для выезда, в целях снижения эмиграционных настроений в выезде им отказано.

Одновременно совместно с советско-партийными органами, Уполномоченным СЦПР по Приморскому краю, работниками ЦВРА была организована профилактическая работа в отношении конкретных сектантов.

С верующими проведено более 300 бесед профилактического и индивидуально-разъяснительного характера, большинство из них непосредственно сотрудниками УКГБ.

Главарям пятидесятников Перчаткину Б.Г., Степанову В.Н. (1977 г.), Перчаткиной З.И., Писменову М.И., Истомину В.С. и Еребилову В.И. (1961 г.), игравшим основную роль в инспирировании антиобщественных проявлений, объявлены официальные предостережения от имени органов КГБ.

Одновременно, через наши возможности проводились разъяснительные мероприятия среди "эмиграционников" в целях создания в их среде раскола, обстановки взаимного недоверия, компрометации их вожаков.

До основной массы верующих доводились сведения, компрометирующие вожаков "эмиграционников" с морально-бытовой стороны, распространялись "пророчества" о нецелесообразности и греховности выезда из СССР, проведения антиобщественной деятельности, через лояльно настроенных к органам власти пятидесятнических авторитетов на сектантов оказывалось выгодное нам воздействие.

По местам работы и учебы сектантов, организована индивидуальная работа, приняты меры по устранению фактов, нарушения прав верующих и оскорбления их религиозных чувств, на которых спекулировали главари пятидесятников для разжигания эмиграционных и антиобщественных проявлений среди верующих.

В результате проведенных мероприятий около 200 верующих в 1973-1961 годах от эмиграционных настроений отказались, вер-

44
5.

кулись в основную общину г. Находки, возглавляемую Райляном А.Ф.

Авторитеты "эмигрантов" В. Петрушев, И. Петрушев, В. Бурлаченко, В. Арбузов от проведения антисоциальной деятельности отказались, в настоящее время являются членами основной общины.

Внесена обстановка взаимной неприязни между ближайшими единомысленниками Перчаткиным Б. и Степановым В., в результате чего последний вышел из группы Перчаткина, действий по получению разрешения на выезд из СССР не предпринимает, религиозные потребности отрабатывает совместно с родственниками (около 15 человек).

Через наши возможности один из вожаков "эмигрантов" М. Пяменов и В. Мезенцев подвергнуты церковному наказанию и отлучены от церкви во владивостокской общине пятидесятников. Вверху осудили их деятельность.

Поскольку после осуждения в 1980 году руководителя т.н. "эмигрантского движения пятидесятников" Горетого Н.П., на роль лидера "эмигрантов" в СССР стал претендовать Б. Перчаткин, который от своих враждебных намерений не отказался, при его активном участии в 1980 году создан нелегальный т.н. "Совет церкви ХВЕ - пятидесятников, добивавшихся выезда из СССР", секретарем которого он избран, - были приняты меры к пресечению его преступной деятельности.

В 1981 году Перчаткин осужден по ст. 190^I УК РСФСР к 2 годам лишения свободы.

Осенью 1981 г. по ст. 198^I УК РСФСР за уклонение от очередных военных сборов к уголовной ответственности привлечен ближайший единомысленник В. Истомина, который пытался активизировать негативную деятельность группы Перчаткина после его осуждения, что заметно снизило активность эмигрантов.

Кроме того на основную массу пятидесятников отрицательное воздействие привлекло привлечение к уголовной ответственности авторитетов "эмигрантов" Э. Булаха, П. Ахтерова, В. Шилова, В. Бегеца, а также их связей из числа "диссидентов".

Для оказания положительного воздействия на основную массу верующих использовались средства массовой информации.

В целях разоблачения экстремистской деятельности отдельных

50
6.

пятидесятников в местной печати опубликовано 18 статей, подготовлено 3 телепередачи в программе "Четвертая проблема" из цикла "И крест - оружие".

К выступлению в печати в 1982 году нами склонены авторитеты "эмигрантов" Г. Пересади ("Призраки меркнут", "Красное знамя"), К. Зортуна ("Измерение оптом и в розницу" "Красное знамя"), - пятидесятников Зудерман Б.В. ("Дока дзюю в 25 лет" "Открытое письмо в Конгресс США" - "Голос Родины" № 6-83 г.). Статьи углубили межклассные разногласия в среде верующих, способствовали дискредитации идеи эмиграции, компрометации антиобщественно настроенных сектантских главарей.

В целях склонения к регистрации с руководителем находкинской общины Уполномоченным СЦР, представителями находкинского горисполкома в 1982 - 83 годах проведено 8 бесед, которые однако положительных результатов не принесли.

Для постепенного приведения деятельности находкинской общины в соответствии с законодательством о религиозных культурах, снижения эмиграционных настроений, в противовес "эмигрантикам" местные органы власти выделили общине молитвенный дом, не ставя на первых порах вопрос о регистрации. Представление дома большинство верующих восприняло как регистрацию. Поэтому в общине возглавляемой Райляном А.Б. (более 400 человек) произошел раскол. Расколу также способствовала позиция, занятая епископом пятидесятников Федяниным П. из г. Хабаровска, который запретил верующим посещать молитвенный дом. В связи с этим через УКГБ по Хабаровскому краю Федянин профилактирован.

В результате раскола образовались две группы пятидесятников, возглавляемых Райляном и Наваричем В.

Группе Райляна (240 чел.) перешла в молитвенный дом, где отправляет обряды с конца 1982 года. Остальные группы пятидесятников собираются в домах у верующих. В целях ограничения противозаконной деятельности сектантов-пятидесятников, создания условий для регистрации, совместно с советскими органами нами документируются их молитвенные собрания, проходящие в частных домах, с передачей материалов на административную комиссию и наложением штрафов на владельцев домов.

31
7.

Активизирована работа по группе "мигранционников" г. Находки (34 чел - 11 семей), к которым прилагает группа "отлученных" пятидесятников из г. Владивостока в количестве 13 человек, возглавляемых Писенным М.

С учетом того, что руководитель этой группы Перчаткин Б.Г. после отбытия наказания в 1982 году от своих антиобщественных действий не отказался, пытался оживить иммиграционные настроения, его противоправная деятельность задокументирована и он привлечен к уголовной ответственности за ношение холодного оружия по ст. 218 УК РСФСР к 1,5 годам лишения свободы, что используется в мероприятиях по его компрометации среди единомыслен в стране и за рубежом.

После вторичного осуждения Перчаткина в результате проведенных мероприятий в его группу внесены дополнительные разъяснения и основные инспириаторы антиобщественных проявлений семьи Истоминых и Перчаткиных вышкы из группы, возглавляемой после осуждения Перчаткина септантами Анищенко С.Я. и Прокопчиком Т.П., пытался перейти в группу во главе с Наваричем В. Таким образом группа лишалась идейных вдохновителей.

Прокопчик и Анищенко антиобщественной деятельности не проводят, в силу своих личных и деловых качеств не в состоянии возобновить и возглавить движение за эмиграцию.

Однако Истомины и Перчаткины от своих враждебных намерений не отказались. Так, в апреле с.г. ими подготовлены обращения к президенту США Р. Рейгану от своих несовершеннолетних детей в ответ на письмо американской школьницы С. Смит тов. Андропову Ю.В., в котором приводится тенденциозная информация о положении верующих в частности детей местных пятидесятников, которые "якобы испытывают гонения со стороны властей". В обращении "в знак протеста против гонений властей" они объявляют голодовку в день международной защиты детей 1 июня с.г. При попытке выехать в г. Москву и передать "обращение" иностранным корреспондентам задержана Перчаткина Л.В., негативные материалы у нее изъяты.

В настоящее время Перчаткины и Истомины установили контакты с руководителями чугуевской общины пятидесятников, пытаются

Борис Перчаткин, 1977 год. Фото предоставлено Б. Перчаткиным

После суда во Владивостоке, снимок из итальянской прессы. Фото предоставлено Б. Перчаткиным

Владивосток, апрель 1981 года. Суд над Б. Перчаткиным. Фото предоставлено Б. Перчаткиным

на? Над тобой твои же братья смеются! Мотай ты в свою Америку, только подпиши»²⁵³.

Чугуевская община

В начале 80-х в движение эмигрантов активно включилась еще одна община пятидесятников – из села Чугуевка Приморского края. Большинство верующих этой общины были немцами по национальности, возглавлял ее пресвитер Виктор Самуилович Вальтер. Эти пятидесятники прибыли в Чугуевку в течение 1981–82 годов из города Ахангара Ташкентской области, где община подверглась жестким репрессиям местных властей и в результате раскололась. Всего в Чугуевку переехало около 70 человек. Верующие стали покупать дома у местных жителей, часть из них устроилась на работу в лесхоз и выписала пиломатериал для строительства жилья. Они завели подсобные хозяйства, приобрели скотину и птицу. В первое время местное население и власти, не зная о вере приезжих, относились к ним доброжелательно. Однако, когда выяснилось, что переселенцы – «сектанты», отношение переменялось.

Власти решили добиться «полного прекращения» деятельности общины. Только за полгода, с июня по декабрь 1981 года, 22 верующих были привлечены к административной ответственности, – в основном оштрафованы на суммы от 10 до 50 руб. Кроме того, 3 человека были приговорены к 2 месяцам исправительных работ с вычетом 20% зарплаты, а 7 человек – 15 или 10 суткам ареста. Пресвитер Виктор Вальтер трижды отсидел по 10 суток.

За защитой от произвола верующие обратились к краевым властям. В Чугуевку выехала комиссия в составе уполномоченного СДР по Приморскому краю В. И. Чупина, инструктора крайисполкома В. П. Знаева и помощник прокурора края И. С. Федотова. Комиссия провела общее собрание верующих. Комиссия пришла к выводу, что в ряде случаев действия местных властей были незаконны, однако решила не опротестовывать и не отменять ранее принятые решения, «чтобы не дать сектантским экстремистам возможность трактовать этот шаг как отступление местных органов власти»²⁵⁴.

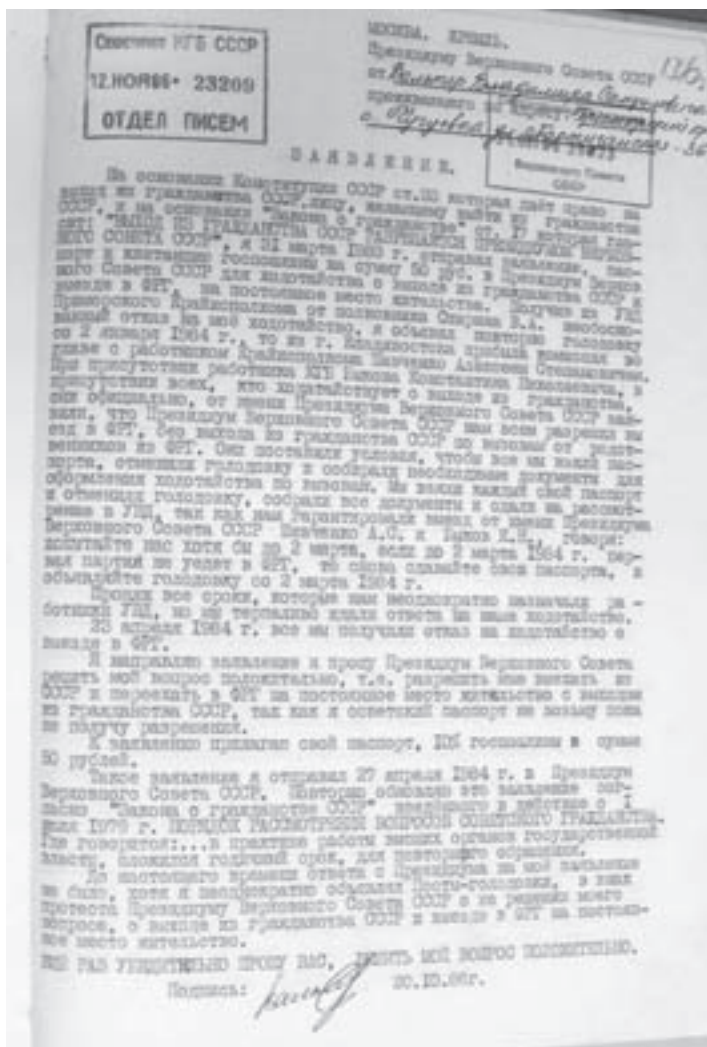
В 1982 г. давление на верующих продолжилось. Администрация предприятий стала переводить их на неквалифицированную и низкооплачиваемую работу; органы образования стали грозить родителям верующих детей лишением их родительских прав и т. д. Чтобы еще более настроить население против верующих, в местном клубе показали фильм «Тучи на Борском»²⁵⁵.

Верующих стало третировать местное население. Как рассказывал пресвитер Вальтер Чупину, в школе учителя «используют проведение атеистических часов для клеветы на верующих родителей, рассказывая о них всяческие небывлицы и натравливая на их детей неверующих учащихся», секретарь парторганизации местного канифольно-экстракционного завода, где работали пя-

253 «Борис Перчаткин: как началась эмиграция в Америку», American Russian Relief Center

254 С. М. Дударенок «К вопросу о формировании «нового» конфессионального пространства на российском Дальнем Востоке»

255 С. М. Дударенок «К вопросу о формировании «нового» конфессионального пространства на российском Дальнем Востоке»

Заявление об отказе от советского гражданства члена Чугуевской общины В. Вальтера. ГАПК ф.Р-1578 оп.1 д.166 л.136

и начал избивать их, угрожая резать. Верующие, вооружившись подручными средствами, смогли отогнать хулигана. Пресвитер заявил на него в милицию. Милиционеры задержали хулигана, однако вскоре выпустили, оштрафовав на 30 руб. и отобрав нож, которым он угрожал резать Лобзова. Выйдя из милиции, хулиган говорил верующим, что теперь им гореть и милиция ему ничего не сделает...²⁵⁶

В 1982 году пятидесятники написали коллективную жалобу на действия местных властей имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Один из верующих отвез документ в Москву и на столичном почтамте опустил письмо в почтовый ящик. Однако из Москвы это письмо пересла-

тидесятники, «какими только словами не поносил верующих, вместо того, чтобы поговорить по человечески». Он «откровенно показывал, что верующий для него не человек, такое же отношение было и у руководителей по месту работы некоторых других верующих». Вальтер рассказал, что в результате антирелигиозной пропаганды пятидесятники подвергались нападениям и избиениям местных хулиганов, выслушивали угрозы поджогов домов и убийств. В качестве примера он привел случай, когда один из соседей, — «двухметровый детина, сквернослов и пьяница», остановил пятидесятника Лобзова и его беременную жену, проезжавших мимо на мотоцикле, опрокинул мотоцикл

ли для рассмотрения в Приморский крайисполком, так что вскоре пятидесятники получили ответ: «По поручению Президиума Верховного Совета СССР ваше письмо рассмотрено Приморским крайисполкомом и краевой прокуратурой...» Далее сообщалось, что действия Чугуевского райисполкома и районного суда признаны «в основном правильными», и что им и в дальнейшем предложено «принимать все законные меры по соблюдению верующими гражданами законодательства о религиозных культах в СССР».

Административные аресты, штрафы, третирование «сектантов» на работе, а их детей – в школе продолжалось. Чугуевские пятидесятники установили контакты с находкинцами, в частности, с семьями сидящих за веру Бориса Перчаткина и Виталия Истомина. В 1983 году 50 членов Чугуевской общины «в связи с непрекращающимися гонениями, которые воздвигли власти на верующих» одновременно направили в Президиум Верховного Совета СССР свои паспорта и заявления о выходе из гражданства СССР и требованием предоставления права выезда в ФРГ (где у многих были родственники). К ним прилагалась жалоба, в которой последовательно излагались факты гонений²⁵⁷.

Через некоторое время пришел отказ Президиума Верховного Совета СССР рассмотреть их заявления. Их паспорта были пересланы в Чугуевскую милицию для вручения их владельцам, однако пятидесятники отказались их получать. Кроме того, в сентябре 1983 года они объявили 10-дневную голодовку, предварительно написав заявления по месту работы на отпуск без содержания на время проведения голодовки. В однодневной голодовке принимали участие и дети, не вышедшие в этот день в школу. Следствием голодовки для верующих стали: увольнение с работы; перевод на нижеоплачиваемую работу; выговоры с занесением в трудовую книжку; лишение премиальных и тринадцатой зарплаты. Семь верующих, уволенных по 33 статье КЗОТ за «прогул», попытались восстановиться на работе, попросив в этом содействия райисполкома, но получили отказ. Тогда они оставили в приемной райисполкома свои трудовые книжки и больше устраиваться на работу не пытались²⁵⁸.

Так как рассмотрение вопроса о возможности выезда затягивался, верующие опять решили провести голодовку, но уже сроком на один месяц. После серии переговоров с различными должностными лицами их убедили не делать этого, пообещав решить вопрос о выезде положительно в ближайшее время. Поверив властям, верующие отказались от намеченной на январь 1984 г. голодовки, забрали свои паспорта и отказались от каких-либо других акций протеста.

Власти решили, что вопрос об эмиграции отпал сам собой. Но, выждав полгода, верующие опять объявили пост-голодовку, а 29 ноября 1984 г. забрали своих детей из школы и направили письмо в Президиум Верховного Совета СССР, в котором объяснили данную акцию тем, что «в школе их детей воспитывают в атеистическом духе, подвергают постоянным оскорблениям и побоям».

257 ГАПК ф.Р-1578 оп. 1 д.166 л.97

258 С. М. Дударенок «К вопросу о формировании «нового» конфессионального пространства на российском Дальнем Востоке»

В конце 1986 года акция с отправкой заявлений и паспортов в Москву была повторена. К этому времени в стране происходили уже серьезные политические перемены и вскоре все желающие получили возможность уехать из СССР, не только из Чугуевской общины, но и из всех остальных...

По данным официального сайта Российского объединенного Союза христиан веры евангельской (пятидесятников) до 1996 года всего из страны на Запад эмигрировало более 25 тысяч пятидесятников.

Приложение 1

Горетой Николай Петрович 1921 – 1989

Николай Петрович родился в с. Кобылки Курской области. Его родители были православными. Отца потерял, когда ему было 12 лет. Во время Великой Отечественной войны служил в Красной Армии. В 1945 был ранен, после выздоровления приехал во Фрунзе (Киргизия), куда перебралась его семья. Там вошел в общину пятидесятников воронаевского толка, а в 1948 году ее возглавил, быв рукоположенным в епископский сан.

По образованию был учителем и художником, некоторое время преподавал в школе черчение, но потом был уволен, как верующий и зарабатывал на жизнь рабочим. Автор многочисленных картин, в основном на Библейские темы, христианских гимнов, стихов и поэм.

В 1961 году в г. Находке был осужден за веру на 6 лет лагеря и 5 лет ссылки. Приговор гласил: «Семерых своих детей вырастил верующими» и «являлся руководителем секты пятидесятников». Срок отбывал в Хабаровском и Приморском краях, а ссылку – на Охотском море, в поселке Чумикан, куда добраться можно было только самолетом. По освобождению же, переселился на Кавказ, где и жил до второго ареста.

Освободившись, с энергией включился и возглавил движение за эмиграцию, за что и был арестован вторично в 1979 году. Вместе с ним были арестованы его сотрудники Николай Бобарыкин, Федор Сиденко, Иван Шабура, Петр и Валентина Голиковы. Получил срок – 8 лет лагерей и 5 лет ссылки. Отбывал заключение в пермских лагерях, сидел вместе с Глебом Якуниным, Шаранским, и другими правозащитниками.

В 1987 году был освобожден из заключения в связи с политическими переменами и через полгода выехал с семьей из СССР. Во время второго срока заключения приобрел болезнь сердца.

Отец 11 детей. Все его дети и внуки сейчас живут в США и Канаде.

Источник – автобиография Н. П. Горетого в книге «СССР – Апокалипсический Вавилон».

Приложение 2

Отрывок из книги Н. П. Горетого «СССР –
Апокалипсический Вавилон»

ДОПРОС

Прокурор: – Я прокурор юстиции из г. Владивостока. Фамилия моя Безденежный, имя, отчество Олег Павлович.

В кабинете было еще два человека. Один мне не известный, очень рыжий, а другой – известный мне Черныш. Обозрев ситуацию, я спросил: – А эти двое, что же не представляются?

Черныш вскочил, будто бы его укололи булавкой. – Не ты, Петрович, здесь командуешь, а мы. Кто еще здесь, кроме прокурора, не твое дело. – Вот как? – сказал я. И затем спросил у Безденежного: – Вы будете протоколировать?

Прокурор: – Да, затем я и приехал.

Я: – Тогда почему в кабинете неизвестные лица?

Безденежный передернулся, но сдержался. А Черныш снова вскочил: – Ты что, Петрович! Меня не знаешь?

Я: – Знаю, но не с качественной стороны. Вы меня здесь со Скворцовым вымучили, если намерены быть тут, то знайте – прокурору юстиции отвечать я не буду в вашем присутствии. А другой гражданин пусть представится, чтобы я мог записать, кто он, и его должность.

Прокурор (помедлив): – Хорошо. Черныш, выйдите, а вы (указал рукой) – представьтесь. Рыжий – видно, что КГБист, – покраснел, но представился. – Служащий крайисполкома, Ромашев Юрий Исаевич.

Я записал его, Безденежного, а Черныш, сверкнув глазами, вскочил и вышел.

Прокурор: – Ну, зачем вы так расстроили человека? (Я ничего не ответил). Давайте теперь ближе к делу (записывая). Фамилия мне известна..., год рождения..., место рождения..., когда прибыли в Находку и откуда прибыли?

Он записывал мои ответы.

Я: – У вас же все эти подробности давно есть.

Прокурор: – Да. Но не в протоколе, и не от вас лично, поэтому формальность необходима. Итак – зачем прибыли вы лично, с вашей семьей, в город Находку из Барнаула?

Я: – В поисках свободы и стабильной работы.

Прокурор: – А что, у вас не было там работы?

Я: – Была, но случайная.

Прокурор: – И в вопросах религии вас притесняли?

Я: – Да, из-за этого я выехал из Барнаула.

Прокурор: – И за вами потом все поехали.

Я: – Вряд ли. В Находку была большая вербовка специалистов всех уровней...

Прокурор: – Да, существенно вербовали и многим даже давались подъемные. Ну, а здесь вы нашли работу и свободу религии?

Я: — Вначале — да, я нашел то и другое, а потом погода испортилась. Нам стали бить камнями крышу в молитвенном доме, мы переменили место. На новом месте, спустя год времени, меня вызвали в горисполком и строго-настроено запретили наши богослужения. Потом вызывали еще и еще, меня с группой братьев, и требовали от всех прекратить богослужения. А полгода назад, в кабинете мэра Дубовки, прокурор города обещал открутить мне голову.

Прокурор: — Фу, какое невежество. А как вы молитесь? Вы не сможете мне поведать?

Я: — Молимся так, как и две тысячи лет тому назад молились апостолы.

Прокурор: — Они что, две тысячи лет молились?

Я: — Тому назад.

Прокурор: — Ах, «тому назад». Так и запишем.

Я: — Вы что, и на них составите протокол?

Прокурор: — Если бы было можно, то было бы неплохо.

Я: — А вот римский кесарь и его прокураторы протоколов не составляли.

Прокурор: — Разве? Вот уж не знал, что в такой могущественной империи протоколов на верующих не составляли.

Я: — А что, это плохо?

Прокурор: — Трудно сказать. Но, стало быть, у них была низкая степень образования.

Я: — Да, на то, чтобы мучить людей за их веру во Всевышнего Бога, у них не было образования. И это видно из исторического примера. Узник, апостол Павел, мог проповедовать о Христе и в узах.

Прокурор: — Разве? Вот уж — не знал. А как ему это удавалось? Ведь стража!

Я: — И стража тоже слушала узника Павла, а некоторые из них, включая начальника одной из тюрем с его семьей, уверовали.

Прокурор: — Вот простофили... а у нас бы не разрешили. А как у вас с иноязычными? Как это вы умудряетесь говорить то, чего не понимаете?

Я: — Не всегда. Иногда разумеет.

Прокурор: — А как это? Через переводчика?

Я: — Через истолкователя.

Прокурор: — А у вас что, учебное заведение по истолкованию?

Я: — Нет, берите повыше, академия.

Прокурор: — Вот как. А кто же директор, или профессор?

Я: — Господь Иисус Христос.

Прокурор: — Вот как! Но он же Бог! И ему ли дело до академий.

Я: — Он во все вникает, в малое и большое.

Прокурор: — Чудесно. Вы его видите?

Я: — Хотя не часто, но видим и слышим.

Прокурор: — Вот как! И что он вам говорит?

Я: — Он говорит, что кто копает яму для другого, сам в нее падает.

Прокурор: — Это опасно. Лучше не копать вовсе никакой ямы.

Я: — Вам это не удастся.

Прокурор: — Почему?

Я: — Потому что вы — солдат и вас заставят копать яму другому. Вы это уже делаете.

Прокурор: — Это опасно. Ну, ладно... А как у вас бесов изгоняют?

Я: — Очень просто — именем Бога нашего, Иисуса Христа.

Прокурор: — И что при этом бывает? Какие-нибудь ароматы?

Я: — Да какие там ароматы. Такое зловоние, что ни с чем не сравнить.

Прокурор: — Ха-ха-ха! Так и запишем, что бесы самые нечистоплотные...

Я смотрел на глупого прокурора, который ради забавы вел протокол, и подумал: «А ведь ты испытываешь это реально, когда сойдешь в ад. И этот протокол будет твоим пророчеством». Затем он спросил:

— А сколько у вас детей?

— Восемь, и все еще маленькие, — сказал я.

— А что же они станут делать? Ведь вы не скоро к ним возвратитесь.

— Не знаю, — сказал я, — весь вопрос ляжет на вашу совесть.

Прокурор: — На мою совесть? А за что? Я же вам зла не делал.

Я: — Так делаете. И слезы детей не пройдут даром.

Прокурор: — И где я буду за это? В тюрьме? В аду?

Я: — Вы так много обо всем знаете, что мои богословские сведения не скажут вам ничего нового. Вам бы уверовать и покаяться, и Бог все простит.

Прокурор: — Стало быть, Он милостив. Но куда мне уйти вот от этой моей должности? Она — государственная, стало быть, кесарева. А кесарю надо отдавать долг.

Я: — Надо. Но Богу вы — тем более должники. Он сотворил вас, и Ему вы более подотчетны.

Прокурор: — Это верно. Умру — пошлет в ад, пока с долгом не рассчитаюсь. Пошлет в ад?

Я: — Зачем же. Вы сами туда пойдете.

Прокурор: — В ад? Сам? Да вы что, Петрович! А почему?

Я: — Да потому, что вы любите тьму и ненавидите свет. (Это непрямая цитата из Библии. «Суд же состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы». (Иоанн. 3:19) — прим. авт)

Прокурор: — Вот уж неправда! Я люблю свет!

Я: — Если бы любили свет, то не судили бы верующих. Потому что Бог есть свет, а все, что вне Его, — тьма.

Прокурор: — Значит, так и запишем. Петрович отослал меня в ад. А, поскольку я государственный служащий, то Петрович — государственный преступник. Распишитесь.

Я: — А зачем?

Прокурор: — Как зачем? Под всяким актом должна быть роспись.

Я: — Вот вы и распишитесь, если нужна.

Прокурор: — Вы обвиняетесь по статье 227 Уголовного Кодекса РСФСР, и для продолжения следствия вас направят этапом во Владивостокскую тюрьму, где я и далее буду вести следствие. Распишитесь.

Я молчал.

Прокурор (помедлив): — Итак, вы не будете расписываться?

Я: — Не буду, и ни под каким актом.

Прокурор: — Что же, тем хуже для вас! (Он нажал кнопку, вошел милиционер). Уведите арестованного и этапом — во Владивосток.

Приложение 3

Перчаткин Борис Георгиевич

Родился в 1946 году в Украине, в семье потомственных протестантов. Дед — баптистский пресвитер — арестован в 1933 году и расстрелян. Семья сослана в Комсомольск-на-Амуре. Мать осуждена три раза, не считая того, что выросла в ссылке. Его отец был военным летчиком, погибшим в 1947 году в авиакатастрофе. В 1949 году его мать вышла замуж за офицера-танкиста Георгия Михайловича Перчаткина.

В 1953 году Г. М. Перчаткина арестовали за невыполнение приказа по подавлению восстания в Германии. Приговорили к расстрелу, однако приговор был заменен на 25 лет лагерей, где он умер.

В конце 50-х семья Перчаткиных переехала на Дальний Восток. С 1962 года Борис стал посещать подпольную церковь пятидесятников в Находке. В 70-х женился, жена Зинаида родила ему 6 детей. Стал одним из руководителей общины.

С 1975 года сотрудничал с диссидентами-правозащитниками, снабжал их информацией о преследованиях пятидесятников. В 1978 году неудачно пытался послать телеграмму Президенту США с призывом помолиться за тех, кто не имеет свободы вероисповедания. В 1980 году, будучи пастором, заочно был выбран секретарем Совета Церквей пятидесятников в СССР. Неоднократно задерживался органами КГБ. В августе 1980 года арестован в Находке и в 1981 году осужден. Во время следствия подвергался пыткой химическими веществами. В 1982 году освобожден. В 1983-84 годах отсидел еще один год. В 1987 году написал по просьбе Конгресса США обзор о положении религии в СССР, после чего был посажен под домашний арест и режимный надзор. В том же 1987 году встречался с государственным секретарем США Шульцем по его приглашению для обсуждения проблем свободы религии и иммиграции по религиозным мотивам. В 1988 году эмигрировал с семьей. 1988-1991 годы — помощь советским пятидесятникам в групповой эмиграции из СССР. 2000-е годы — пишет и издает воспоминания на английском и русском языках. Самая известная его книга — «Огненные тропы».

Основной источник — автобиография

ГЛАВА 12

Конец 1960-х – 1980-е годы. Период расцвета ВСЕХБ

С конца 1960-х «пыль смуты и неопределенности» постепенно оседает, все отчетливее прорисовываются контуры будущего устройства российского баптизма. Около половины общин или чуть больше, как зарегистрированных, так и незарегистрированных, по-прежнему остаются во ВСЕХБ. Но параллельно выстроен СЦ ЕХБ, объединяющий до трети общин. Еще некоторая часть общин остаются автономными, не состоящими ни в одном из двух союзов.

ВСЕХБ лавирует между интересами верующих (многие из которых, оставаясь в общинах ВСЕХБ, колебались и были готовы перейти в СЦ ЕХБ – индивидуально, группами или целыми церквями) и при этом стремится не поссориться с государством. Государство, получив в результате «хрущевских» гонений мощное религиозное подполье в виде СЦ ЕХБ, а также разобщенного, но весьма активного движения пятидесятников и некоторого количества нонконформистов – адвентистов седьмого дня, начинает корректировать религиозную политику.

Гонения в отношении лояльных государству верующих закончились. Начался процесс массовой регистрации общин. Более того, с начала 70-х годов власти начали склонять к регистрации даже те общины баптистов и пятидесятников, которые к этому особо и не стремились, – лишь бы надзирать за их богослужественными собраниями и не давать распространяться нонконформистским настроениям.

Государство продолжало заниматься антирелигиозной пропагандой (хотя накал страстей был уже далеко не тот, что в начале 60-х). История, биология и другие предметы в школах, профтехучилищах и вузах преподавались с атеистических позиций. Атеизм официально выдавался за нечто наукообразное, существовал даже такой предмет в вузах, как «научный атеизм».

До самых последних лет советской власти пропагандистские антирелигиозные кампании то разгорались, то притухали, однако никогда не прекращались совсем. По-прежнему существовали законодательные запреты на присутствие детей на богослужениях и на активную миссионерскую деятельность верующих, однако в лояльных общинах эти запреты часто нарушались, и власти нередко закрывали на это глаза, в обмен на лояльность (что касается нонконформистских общин, то они эти запреты и вовсе игнорировали), – строгость законов компенсировалась необязательностью их исполнения.

В 1963 и 1966 годах ВСЕХБ провел с разрешения властей два съезда (и с тех пор по настоящее время съезды проходят регулярно), но СЦ ЕХБ не признал их легитимность. После 1969 года серьезные попытки примирения между двумя союзами прекращаются окончательно, обе структуры существуют параллельно.

СЦ ЕХБ, в свою очередь, наладил подпольную деятельность. Лидеры СЦ – Г.К. Крючков и Г.П. Винс – показали себя хорошими организаторами. Они сумели наладить четкую структуру СЦ, создали подпольное издательство «Христианин», выпускавшее нелегальные христианские журналы, Библии, духовную литературу.

Первым изданием стал небольшой бюллетень «Братский листок». В частности, помимо прочего, через «Братский листок» поместные церкви получали указания центра.

Затем начал выходить духовно назидательный журнал «Вестник спасения» (переименованный в 1976 году в «Вестник истины»).

Также был налажен бюллетень отдельной структуры, близкой СЦ, – Совета родственников узников ЕХБ. Этот совет долгое время возглавляла мать Г. П. Винса – Лидия Михайловна Винс.

В «Бюллетене Совета родственников узников ЕХБ» выходила информация о судебных процессах против верующих, содержались списки верующих, находящихся в местах лишения свободы, их фотографии, призывы молиться и адреса для оказания помощи.

В первое время издания СЦ печатались примитивным методом, однако выходили регулярно. Журналы, попадая в руки верующим, нередко в дальнейшем размножались подручными способами, включая многократное переписывание от руки. Однако с начала 70-х верующие смогли наладить типографское производство на довольно приличном профессиональном уровне. Их нелегальные печатные точки располагались по всему СССР (в том числе велись переговоры с руководством Владивостокской общины СЦ о работе точки в Приморье, однако она так и не открылась), и когда КГБ «накрывало» очередную, это не парализовывало работу издательства «Христианин» в целом.

В 1966 г. верующие провели массовую демонстрацию против гонений и

Верующие на фоне молитвенного дома Арсеньевской церкви, 1970-е годы. Слева – диакон А.Т.Игнатенко, справа – пресвитер И.Е.Бруснецов. В центре (сзади) – П.В.Скрыль (будущий пресвитер Спасской церкви ЕХБ). Фото из архива Первой церкви ЕХБ города Арсеньева

вмешательства государства в дела Церкви. 16 мая толпа из 400-600 верующих за считанные минуты, как будто бы из ниоткуда, возникла в центре Москвы, у здания ЦК КПСС (чтобы добиться эффекта одновременности и неожиданности, организаторы акции предварительно с секундомером вымеряли по всем маршрутам время подхода к этому месту). Там, у здания ЦК, верующие молились – на коленях и стоя. Все ночь верующие провели перед зданием. На следующий день милиция стала разгонять демонстрантов, сажать их в автобусы и увозить, – задержанные в это время пели псалмы. Некоторым активистам за это дали по 15 суток административного ареста, а организаторов, в том числе Крючкова и Винса, судили в ноябре 1966 года. (1966 год вообще был рекордным на количество арестов – 128 человек по всему СССР²⁵⁹). Оба использовали заседание суда для выступлений с изложением своих позиций, обоим дали по три года тюрьмы. Во время их пребывания в местах лишения свободы СЦ не прекратил деятельности, нашлись другие служители, которые занимались в это время организационной работой. После освобождения Крючкову и Винсу передали их полномочия.

Между тем не все верующие СЦ одобряли акцию в Москве: многие указывали на ее правозащитно-диссидентский характер, в то время как христианам, по мнению многих, следовало ждать защиты от Бога.

В конце 60-х политики из СДР сделали очень тонкий ход – они ввели практику автономной регистрации общин, то есть без декларации своей принадлежности к ВСЕХБ. Руководители СЦ первоначально это восприняли как победу и призвали свои церкви начать регистрацию. И СДР выборочно их регистрировал, внося таким образом некоторые противоречия в ряды СЦ, где часть общин стала зарегистрированными, со всеми их преимуществами, а часть осталась нерегистрированными. При этом в некоторых зарегистрированных автономных общинах верующие постепенно становились все более

Николай Макарович Голян, будущий (в 90-х-«нулевых» годах) пресвитер Находкинской церкви, 1967 год.

Фото из архива Находкинской церкви ЕХБ

лояльными государству, и их связь со своим нерегистрированным центром – СЦ – слабела. Поняв это, руководство СЦ приняло принцип сознательного отказа от регистрации для своих церквей.

В целом, ряд историков ЕХБ отмечает, что начиная с 1969 года в деятельности СЦ наблюдается спад. Крючков и Винс, освободившиеся из мест лишения свободы,

попытались вести переговоры о легализации СЦ. В СДР на переговоры с ними шли охотно (тем более, что сам факт переговоров компрометировал руководителей СЦ в глазах верующих), однако признавать второй баптистский союз отказывались. Стало ясно, что подполье – это надолго.

Стали портиться отношения внутри СЦ. Постепенно энтузиазм, взаимное доверие и любовь, характерные для движения в первые годы, стали сменяться подозрительностью и периодически возникавшими склоками. В непосредственном окружении Крючкова оставалось все меньше людей, которые в первые годы начинали движение инициативников. П. А. Якименков, сменивший Крючкова на посту пресвитера общины ст. Узловая, порвал с ним всяческие отношения, а приезжающих в общину сторонников СЦ просто удалял с богослужения. Находящегося в ссылке в Сибири Прокофьева отлучили от Церкви за прелюбодеяние (супружескую измену), несмотря на его покаяние²⁶⁰. Многие почти безвылазно сидели в лагерях (Румачик, Здоровец и др).

Крючков и Винс ушли на нелегальное положение. В 1974 году Винса арестовали и после 10 месяцев следствия приговаривают к 5 годам лишения свободы. А под конец срока, в 1979 году, по договоренности между Брежневым и президентом США Джимми Картером состоялся обмен Винса и 4 советских диссидентов на двух советских шпионов, арестованных американцами. Винс был лишен советского гражданства и выслан из СССР.

Что касается Крючкова, то его подполье длилось около 20 лет. Значительную часть этого времени он проводит на одной из специально оборудованных квартир вблизи Риги, окруженный только узким кругом приближенных, которые информируют его о происходящем. Заседания Совета проходили 1-2 раза в год на квартире, где скрывался Крючков, в остальное время общение происходило через аудиозаписи. Многих видных служителей СЦ постепенно переставали приглашать на совещания Совета, заменяя их другими.

В СЦ постепенно зрело недовольство. В 1974 году в одной из аудиозаписей официально констатировалось наличие внутренней оппозиции в СЦ. Оппозиционеры проводили встречи между собой. В СЦ все более заметными стали тенденции к противоречащей баптистским принципам «вертикальной структуре» организации и прямого вмешательства служителей СЦ в дела поместных церквей (то, чему изначально противостояли инициативники во ВСЕХБ). В результате в 80-х годах возник новый союз баптистских церквей,

Обложка бюллетеня Совета родственников узников ЕХБ

Конец 70-х. Сзади стоят (слева направо): представитель пятидесятников во ВСЕХБ П. К. Шатров, генеральный секретарь ВСЕХБ (сменивший на этом посту Карева) А. М. Бычков, старший пресвитер по Дальнему Востоку Ю. А. Максимчук, проповедник (будущий пресвитер Уссурийской и Владивостокской общин, будущий старший пресвитер по Приморскому краю) Г. К. Ивков. В центре – пресвитер Уссурийской общины Ф. М. Лихацкий. Фото из архива Уссурийской церкви ЕХБ «Свет миру»

вышедших из СЦ, – Братство Независимых Церквей, которые поддерживало более теплые отношения со ВСЕХБ²⁶¹.

Основные церкви ЕХБ в Приморье

В целом, в Приморье позиции СЦ были сильнее, чем «в среднем по России». Отчасти это можно объяснить влиянием руководителей Владивостокской церкви СЦ – семьи Дулей, И. Р. Тютюнника и других, которые много ездили по краю и проповедовали в церквях. С другой стороны, власти сами толкали верующих в раскол – ведь, в отличие от многих других регионов, в Приморье к началу 60-х ни одна протестантская церковь так и не была зарегистрирована.

«Реакционная часть церковников и сектантов стремится опорочить в глазах верующих марксистско-ленинскую идеологию, а атеистическую пропаганду трактовать как гонение на религию, – писал в секретной справке «О деятельности церковников и сектантов на территории Приморского края», адресованной в крайком КПСС офицер КГБ Мекишун. – Применяемые иногда в отношении верующих меры административного и уголовного характера за различные преступные деяния стараются выдать как преследование за религиозные убеждения»²⁶².

261 «Совет церквей и движение независимых церквей», CD «История Евангельского движения в Евразии» №1.

262 ГАПК ф.П-68 оп.54 д.104 л.10.

Совещание пресвитеров Дальнего Востока. В первом ряду: третий слева - пресвитер Хабаровской церкви В. Т. Фоменко, четвертый слева - генеральный секретарь ВСЕХБ А. М. Бычков, пятый слева - старший пресвитер по Восточной Сибири и Дальнему Востоку Е. Н. Раевский, шестой слева - представитель пятидесятников во ВСЕХБ П. К. Шатров, седьмой слева - помощник Раевского (сменивший его в 1975 году) Ю. А. Максимчук. Фото из архива Уссурийской церкви ЕХБ «Свет миру»

Однако и в Приморье протекали те же процессы, что в целом по России, – с середины 60-х начался процесс регистрации и легализации лояльных церквей. Государство взяло курс на нормализацию отношений с верующими. В результате постепенно влияние нелегалов стало ослабевать, все больше верующих стремились к возможности собираться на богослужения легально, пусть даже и ценой некоторых уступок государству.

По данным Мекшуна к началу 1967 года в Приморье насчитывалось 27 баптистских общин и групп (в том числе 2 зарегистрированных) с общим количеством верующих около 1000 человек. Из них более половины сочувствовало Совету Церквей. К началу 1975 года, по его данным, в крае насчитывалось 24 баптистских общины и группы (в том числе 7 зарегистрированных), с общей численностью более 800 человек. Из них на позициях СЦ стояли 8 общин и групп численностью 350 человек. «Однако за последние годы внутри их отмечается стремление к проведению религиозной деятельности в рамках закона», – констатировал он²⁶³.

К началу 1975 года основными общинами Совета Церквей, по данным Мекшуна, были Владивостокская (130 человек), Уссурийская (35 человек), Артемовская (30 человек), Раздольненская (20 человек), общины в Хорольском районе (25 человек), с. Ильинка Ханкайского района (15 человек). Кроме того, имелись небольшие группы в разных районах края.

Часть Уссурийской общины, 70-е годы. В третьем ряду в центре – пресвитер В.Н.Поляков. Крайний справа в третьем ряду – будущий пресвитер этой церкви Ф.М.Лихацкий. В первом ряду – будущий пресвитер Владивостокской общины М.А.Макаров. Фото из архива Уссурийской церкви ЕХБ «Свет миру»

Уссурийск

Уссурийская церковь была зарегистрирована всего лишь на месяц позже Владивостокской – в ноябре 1964 года, а в 1965 году с разрешения властей приобрела себе молитвенный дом по Оболонскому переулку, 16. Напомню, что в 1961 году четыре служителя этой церкви во главе с пресвитером Тараном были высланы на 5 лет «за тунеядство» (Таран во время высылки ушел в вечность). Затем в 1962 году из многострадальной церкви были высланы еще двое служителей – по делу о «самоубийстве» школьника Коли Балыклова. После этого пресвитерское служение понес Василий Никитович Поляков. Это был пожилой служитель (1899 года рождения), сидевший за веру еще в сталинских лагерях (освободился около 1957 года, когда сел, – неизвестно). Василий Никитович руководил церковью аж до 1976 года, когда его сменил Федосий Михайлович Лихацкий.

В Уссурийске было сильно влияние инициативников – сюда часто наезжали проповедники из Владивостокской общины СЦ, и зарегистрированная церковь пережила разделение: из примерно 80 членов в раскол ушло около 55 человек во главе с А. Г. Храпатым, позднее его сменил И. Ф. Марушенко. И даже после разделения зарегистрированная община продолжала испытывать мощное давление как снаружи (от заезжих проповедников), так и изнутри: помощник пресвитера Василий Кулемин и диакон Григорий Мотрий активно склоняли верующих к переходу в СЦ. За это их лишили служения, и они добровольно вышли из общины, присоединившись к СЦ. Впрочем, «бурление» наблюдалось и у отделенных: в начале 70-х от Уссурийской церкви

*Крещение Ф.М.Лихацкого. Фото из архива
Уссурийской церкви ЕХБ «Свет миру»*

Мицура Андрей Васильевич

СЦ отделились около 20 человек во главе с Б. И. Желковским, которые образовали автономную общину, не признающую ни ВСЕХБ, ни СЦ ЕХБ.

Находка

В конце 1966 года власти зарегистрировали баптистскую церковь Находки. Община эта состояла примерно из 30 верующих, в большинстве – пожилых женщин, многие из которых по состоянию здоровья не могли регулярно посещать богослужения. Возглавлял общину на тот момент 74-летний пенсионер Василий Иванович Сычев, в прошлом – кадровый военный, воевавший еще в Первую мировую, затем в Гражданскую (на стороне красных) и прошедший всю Великую Отечественную войну. Диаконом был 64-летний Андрей Васильевич Мицура, тоже ветеран Великой Отечественной войны. После Сычева церковь возглавил Мицура. Эта церковь также пережила разделения, произведенные СЦ. Пресвитером отделенных был И. А. Верченко.

Спасск

В 1968 году была зарегистрирована Спасская церковь, добивавшаяся легализации с 1957 года (и безуспешно пытавшаяся вернуть молитвенный дом, отобраанный в 1947 году). Получить регистрацию Спасской общине помог старший пресвитер ВСЕХБ по Восточной Сибири и Дальнему Востоку Е. Н. Раевский, который, посетив Приморье, писал уполномоченному СДР по Приморскому краю Матюшенко, что Спасская церковь *«на правильном пути»*, несмотря на то, что в *«нее ездят много раскольников из Хабаровска»*. Пресвитер Спасской общины Григорий Архипович Чугай, по словам Раевского, настроен лояльно к власти и *«старается жить по Уставу ВСЕХБ»*. *«Мое мнение, надо бы Спасскую общину ЕХБ зарегистрировать и этим самым отбить приезд в нее»*

Сычев Василий Иванович

Венчание в Спасской церкви Вячеслава Рябинова и Генриетты Скрыль. Венчал пресвитер Владивостокской церкви М. А. Макаров (справа). 1990 год. Фото из архива Спасской церкви

раскольников из других мест, а также своей регистрацией они воздействуют на лесозаводских баптистов, которые находятся на распутье, не зная, куда идти, в Оргкомитет или во ВСЕХБ», – писал Раевский²⁶⁴.

Дипломатия подействовала – церковь была зарегистрирована. На момент регистрации в ней было 46 членов. Наиболее активными членами были Петр Дорофеевич Белявский, Митрофан Федорович Скрыль, Василий Михайлович Холодов (все трое в разное время несли пресвитерское служение обязанности, Белявский в 80-х несколько лет был в расколе).

*Пресвитер Сучанской общины
Андрей Иосифович Бардаков*

Сучан (Партизанск)

В ноябре 1968 года, после третьего заявления, была зарегистрирована и Сучанская церковь (первое заявление она подавала в 1964 году). Численность ее на тот момент составляла 52 человека, что само по себе удивительно.

Дело в том, что в послевоенный период эта община достаточно бурно возрождалась и, по данным В. Т. Лебедева, достигла численности 250 человек (напомним, что в 20-е годы в ней было около 500 членов).

По Лебедеву, большой вред этой церкви принес пятидесятник Кашуба, произведя в ней разделение. Однако, по данным КГБ и уполномоченного СДР, крупных общин пятидесятников в Партизанске в 70-е годы не

Община Лесозаводска, 1988 год. Фото из архива Спасской церкви

было. Куда делись люди? Можно предположить, что в 40-50-х годах рост численности был обусловлен восстановлением уцелевших членов 20-х годов, которые к тому времени были уже пожилыми людьми. Возможно, произошло естественное вымирание в условиях необновления церкви молодежью...

Пресвитером церкви на тот момент был Андрей Иосифович Бардаков. В 1974 году его сменил Федор Степанович Надин. К началу 80-х в церкви были сильны настроения СЦ, и, чтобы успокоить верующих, из западных регионов страны старшим пресвитером по Дальнему Востоку для руководства этой церковью был приглашен Василий Стефанович Лавринов – тот самый фронтовик, экс-начальник отделения милиции и бывший пресвитер Спасской общины, высланный в 1961 году на 5 лет «за тунеядство». К тому времени община уменьшилась до 30 душ.

Арсеньев

Арсеньевская церковь зарегистрировалась в 1972 году, пресвитером ее был Алексей Трофимович Игнатенко, рукоположенный еще в 1953 году. В общине на момент регистрации был 51 человек, из них только трое – в возрасте от 47 до 51 года, остальные – старше. Эта община также уменьшалась естественным путем, к 1990 году в ней было 35 человек.

Лесозаводск

Пресвитерами Лесозаводской церкви были И. Т. Савченко и П. А. Козырь. К 1981 году в этой церкви, которой руководила на тот момент верующая М. П. Козырь, было 85 человек.

Артем

Здесь существовала группа верующих примерно из 30 человек (в основном, пожилых), относящих себя к СЦ ЕХБ. Руководил ими Г. М. Голохваст, рукоположенный служителями Совета Церквей на пресвитерское служение в конце 60-х годов. Однако в 70-х эта группа отошла от Совета Церквей и держалась автономно. В 80-х годах, когда и самому Голохвасту было уже за 80, группа вновь подпала под влияние Владивостокской церкви СЦ ЕХБ.

Владивосток, зарегистрированная община

О разделении Владивостокской церкви рассказано в главе 10. Нужно сказать, что и после разделения в 1965 году предпринимались попытки к примирению. Так, в 1967 году в зарегистрированной общине была избрана комиссия по примирению, которая пыталась вести переговоры с общиной Дули. Община СЦ отказалась. Спустя 2 года на членском собрании зарегистрированной церкви было принято решение просить примирения уже всей общиной. Однако и это предложение мира было отвергнуто²⁶⁵.

Тем не менее на неофициальном уровне общение существовало: некоторые члены общин посещали богослужения «соседей». Кроме того, церкви соединяли многочисленные родственные связи. Периодически происходили миграции: то отдельные верующие или небольшие группы выходили из зарегистрированной церкви и присоединялись к незарегистрированной, то наоборот. Самая большая такая «миграция» произошла в 1974 году, когда из церкви СЦ вышли и присоединились к зарегистрированной общине около 30 человек, в их числе одни из самых активных членов – Иосиф Романович Тютюнник (который до настоящего времени служит диаконом в этой общине) и Михаил Иванович Настин.

Зарегистрированная община постепенно росла. Ежегодно происходило 3-7 крещений, к тому же «сальдо миграции» между двумя общинами в конечном итоге было все-таки в пользу зарегистрированных. К 1985 году численность общины выросла до 165 человек, а в 90-х перевалила за 200. Община продолжала собираться в доме на Третьей Рабочей, 68 (дом был предоставлен властями взамен конфискованного на Стрелковой). В 1976 году в связи с застройкой этого района дом был снесен, а общине предоставили второй этаж жилого дома на Народном проспекте, 2а, из которого предварительно расселили жильцов. Первый этаж в этом здании был предоставлен зарегистрированной общине адвентистов седьмого дня. Это здание до сих пор делится между этими двумя церквями.

265

В. Т. Лебедев «История насаждения церковью ЕХБ на Дальнем Востоке».

Современная фотография. Слева — двухэтажный дом на Народном пр-те, 2а, который был предоставлен в 1976 году зарегистрированным общинам ЕХБ и адвентистов. Справа — молитвенный дом, пристроенный общиной ЕХБ в 90-х годах. Фото автора

В 1969 году в связи с выездом Павла Григорьевича Вегеры за пределы Приморского края пресвитером был избран Иван Степанович Драгалин. Он нес это служение до конца своей земной жизни — 1978 года.

В 1975 году сменился старший пресвитер ВСЕХБ по Дальнему Востоку. Е.Н. Раевский в связи с преклонным возрастом оставил это служение и был избран почетным старшим пресвитером по Дальнему Востоку. А реальные бразды правления были переданы его помощнику — Юрию Алексеевичу Максимчуку.

В 1978 году, после того как ушел в вечность пресвитер зарегистрированной общины Драгалин, встал вопрос о его преемнике. Некоторое время община была без пресвитера. Как отмечал в своем секретном «Информационном отчете» уполномоченный СДР В. И. Чупин, в результате в общине *«началась тяжба между проповедниками за право выхода на первые роли. Она первоначально вылилась в состязание по заигрыванию на религиозных чувствах определенной части верующих с целью заручиться их поддержкой. Затем стала просматриваться линия на провоцирование родителей к усилению религиозного воздействия на детей. Проведенная тогда с руководителями общества профилактическая беседа хотя и вызвала у них неприкрытое чувство внутреннего протеста, не повлекла за собой исполнения рекомендованных им мер положительного воздействия на верующих родителей. Но сами они на какое-то время прекратили открытые негативные призывы к верующим. Отсутствие согласия и последовательности в действиях руководителей общества стало вызывать недовольство верующих, оказывать на них разлагающее воздействие, в результате чего в общество Дулей ушло несколько сектантов»*²⁶⁶.

От безысходности, «за неимением другой кандидатуры», Чупину «пришлось согласиться с допуском к временному исполнению обязанностей пресвитера» Михаила Ивановича Настина — бывшего пятидесятнического пресвитера, перешедшего в баптизм (сначала в общину СЦ, а из нее — в зарегистрированную). Настин руководил общиной на протяжении полутора лет, вызвав недовольство Чупина тем, что «не освободился от груза представлений, унаследованных от крайних пятидесятников и баптистов-раскольников»²⁶⁷.

По настоянию Чупина 12 апреля 1981 года на членском собрании общины старший пресвитер ВСЕХБ по Дальнему Востоку Ю. А. Максимчук и член пресвитерского совета ВСЕХБ по Дальнему Востоку (и одновременно пресвитер Хабаровской церкви ЕХБ) В. Т. Фоменко «сломили сопротивление сторонников Настина и освободили его от исполнения обязанностей пресвитера как не выдержавшего испытательного срока»²⁶⁸. (Примечание: такое поведение служителей, не являющихся членами общины, является грубым нарушением одного из 7 принципов баптизма — принципа автономности поместной церкви, согласно которому община сама выбирает себе пресвитера. Приглашенные служители максимум могут дать рекомендацию, если им это предложат сделать, но никак не «ломать сопротивление»).

Вместо Настина временным пресвитером стал Фоменко, который периодически приезжал во Владивосток из Хабаровска. Такое положение сохранялось больше года. С Фоменко, судя по всему, у Чупина никаких разногласий не возникало, однако общине был нужен постоянный пресвитер. В конце концов Чупин, скрепя сердце, согласился на кандидатуру Михаила Ананьевича Макарова, который недавно перешел из общины Дулей (он ушел в нее в 1977 году и вернулся в 1981 году). В июле 1982 года Макаров был избран и рукоположен на пресвитерское служение.

«Время показывает, что он в целом ряде вопросов унаследовал понятия и представления, присущие сторонникам «Совета церквей ЕХБ», — неодобрительно писал о Макарове Чупин в 1983 году. — Есть основания полагать, что братья Дули используют родственные связи с Макаровым М. А. в своих целях»²⁶⁹.

Тем не менее Михаил Ананьевич оставался пресвитером до 1990 года — конца своего земного пути — и оставил о себе очень хорошую память.

Владивосток, незарегистрированная церковь

С конца 60-х руководство общиной СЦ постепенно перешло от Алексея Яковлевича Дули к его сыновьям — Николаю и Матвею. В апреле 1966 года, почти сразу после разделения, община подала заявление о регистрации²⁷⁰, однако вместо регистрации 13-14 апреля произошли столкновения с милицией у молитвенного дома на Стрелковой, 14 (описанные в 10 главе). Община в результате вернулась к развалинам молитвенного дома на Селенгинской, возведя там утепленную постройку для богослужений. В июне 1967 года она направила по-

267 ГАПК ф.П-68 оп.115 д.103 л.31.

268 ГАПК ф.П-68 оп.115 д.103 л.31.

269 ГАПК ф.П-68 оп.115 д.103 л.31.

270 ГАПК ф.Р-1578 оп.1 д.32 л.115.

Одно из собраний незарегистрированной общины Владивостока у развалин дома молитвы, 60-е. Фото из архив РС ЕХБ

вторное заявление о регистрации, однако получила отказ. Власти предложили им присоединиться к зарегистрированным, но это уже было неприемлемо для СЦ.

В конце 60-х милиция периодически разгоняла их собрания, отдельных активистов сажали на 15 суток и практически за каждое богослужение община подвергалась максимальному штрафу, предусмотренному в то время, — 50 руб. Представители власти присутствовали практически на каждом богослужении. Вот как описывался верующими один из таких инцидентов:

«3 февраля 1968 года сотрудники милиции вместе с дружинниками пришли на субботнее богослужение. Во время молитвы дежурный милиции Молчанов, растолкав верующих, пробрался к столу, богослужение было сорвано. Молчанов был с дубинкой. Настин М. И. вместе с малолетними детьми и Москвич М. Д. были отведены в Ленинское отделение милиции. <...> Причиной гонений верующих сотрудники милиции объясняют отсутствием регистрации общины и направляют верующих в зарегистрированную общину»²⁷¹.

Однако с конца 60-х разгоны собраний прекратились. Зато штрафам община подвергалась постоянно, до 1980-х годов. *«Попытки привлечения сектантских вожakov к административной ответственности путем периодического наложения на них штрафных санкций в сумме до 50 рублей положительных результатов не дали, — писал Чупин в очередном отчете. — Штрафные суммы они выплачивают из кассы общества, заодно приобретая в глазах верующих ореол «мучеников за веру». В этой связи в одной из бесед пом. пресвитера общества Дуля Николай заявил, что было бы лучше, если органы власти оштрафовали их по 50 рублей за все 52 недели года в один прием и больше не появлялись в обществе»²⁷².*

271 ГАПК ф. Р-1578 оп.1 д.32 л.161.

272 ГАПК ф. П-68 оп.115 д.203 л.33.

Препоны со стороны властей поддерживали в верующих дух сопротивления. *«На молитвенных собраниях сектантские проповедники, стремясь разжечь религиозный фанатизм верующих, основное внимание заостряют на фактах якобы имеющих место гонений верующих и даже их физического уничтожения, — писал в секретной справке «О деятельности церковников и сектантов на территории Приморского края», адресованной в крайком КПСС офицер КГБ Мекшун. — В подтверждение этого распространяют среди верующих нелегальную литературу «Совета Церквей» с клеветническими измышлениями о преследованиях сектантов»²⁷³.*

Дискомфорт от отсутствия полноценного молитвенного дома компенсировался большей свободой в действиях. Как упоминалось выше, в 1974 году из церкви СЦ перешло в зарегистрированную общину около 30 человек. Однако в том же году был и обратный поток — 18 человек вышли из зарегистрированной общины и присоединились к церкви СЦ. Разговаривая по этому поводу с уполномоченным СДР по Приморскому краю Чупиным, старший пресвитер ВСЕХБ по Дальнему Востоку Ю. А. Максимчук отмечал:

«Они видят, что если в зарегистрированном обществе верующие соблюдают требования законодательства (не вмешиваются в вопросы воспитания детей школой, не совершают миссионерских поездок по краю и т. п.), то верующие в общине отделившихся чувствуют себя значительно свободнее, они могут делать все, что им заблагорассудится. Они активно привлекают детей к участию в богослужениях, там дети верующих поют в хоре, играют в оркестре, самостоятельно в составе хора и оркестра разъезжают по краю, демонстрируя свою свободу и независимость от власти, чем разлагающе влияют на верующих зарегистрированных общин»²⁷⁴.

Однако нужно отметить, что Владивостокская церковь СЦ придерживалась умеренных позиций по сравнению с общинами СЦ в других регионах. В отличие от пятидесятников, в 1970-80-х годах в Приморье не было ни одного прецедента посадки баптистов «за веру», в то время как в целом по России посадки верующих СЦ не прекращались до 1987 года и были многочисленные случаи смертей в местах лишения свободы.

«Клеветнические измышления «Совета Церквей» в первую очередь находят отклик среди молодежи, — писал в своей секретной справке Мекшун. — Отдельные экстремистски настроенные фанатики заявляли, что община засыпает, что им не на чем проявить свою преданность Христу и провоцировали верующих на обострение отношений с органами власти. Однако руководители общины, опасаясь нежелательных для себя последствий, боятся идти на это»²⁷⁵.

Вообще, очевидно, отношения общины Дулей с руководством СЦ были достаточно прохладные. Например, в документах 1978 года она начинает именоваться общиной «Нового Совета Церквей», по-видимому, примкнув к одной из оппозиционных группировок внутри СЦ²⁷⁶. Однако уже в 1979 году старое название возвращается. Еще один характерный пример: просмотрев подшивку главного журнала Совета Церквей «Вестник Истины» за 1976-1994

273 ГАПК ф.П-68 оп.54 д.104 л.12,13.

274 ГАПК ф.Р-1578 оп.1 д.62 л.70.

275 ГАПК ф.П-68 оп.54 д.104 л.14.

276 ГАПК ф.Р-1578 оп.1 д.71 л.39,43.

годы, автор не нашел там ни одного упоминания о Владивостокской церкви, — даже когда в 1992 и 1994 годах журнал опубликовал две статьи о евангелизационных поездках групп СЦ на Дальний Восток, включая Приморье.

Отношения братьев Дуля с СЦ еще больше ухудшились в 80-х. Чупин в одном из своих отчетов (1984 год) отмечал, ссылаясь на «доверительные источники»:

«30 октября 1983 года в г. Хабаровске состоялось совещание руководителей обществ СЦ ЕХБ Дальнего Востока, на котором присутствовало 5 человек вместе с братьями Дуля. На этом совещании оба они были временно отстранены от руководства Владивостокским обществом. Отстранение их мотивировалось тем, что они не выполняют указания СЦ ЕХБ по использованию канала заграничания для установления контактов с зарубежными религиозными организациями и отказались создавать в крае нелегальную печатную точку по размножению религиозной литературы, они неохотно поддерживали СЦ ЕХБ и материально, а в последнее время прекратили пересылать им взносы. На этом совещании вместо них руководящим общины временно был назначен диакон Удовиков П. В. Но приехавший во Владивосток представитель СЦ ЕХБ на собрании верующих 5.01.84 г. поставил на пресвитерское служение Дулю Николая»²⁷⁷.

Однако несмотря на это община не спешила сближаться с властями. С 1975 года Чупин стал предлагать общине Дулей уже не присоединиться к зарегистрированной церкви, а регистрироваться автономно. Но община настаивала на своей регистрации как церкви, входящей в СЦ, что, разумеется, было неприемлемо для властей. В 1977 году Чупин писал:

«Намечавшаяся еще в 1975 году <...> основная задача — привести деятельность Владивостокской общины баптистов, сторонников т. н. «Совета Церквей ЕХБ», в соответствие с требованиями советского законодательства о религиозных культурах путем их регистрации до настоящего времени осталась невыполненной. <...> Объективный анализ причин неудач в этом вопросе показывает, что они являются следствием сформировавшегося в сознании многих верующих еще в 50-60-х годах представления об отношении власти к религии, церкви и верующим на основе имевших место случаев грубого попрания законных прав и интересов верующих отдельными представителями местных органов власти и беззастенчивой спекуляции на религиозных чувствах верующих со стороны их вожakov»²⁷⁸.

В 1979 году в связи с застройкой микрорайона застройку на Селенгинской, 74л снесли. Члены общины требовали от властей предоставления другого помещения под молитвенный дом, на что им отвечали, что, поскольку община не имеет регистрации, претендовать на другое помещение она не может. Власти ограничились выплатой денежной компенсации двум членам общины, на имена которых была оформлена застройка. Община начала собираться по квартирам. Потом приобрела частный дом по Брестскому переулку, 9. В этом доме, перестроенном и расширенном (в расчете на 500 человек), община собирается и поныне.

И все-таки эта община пришла к регистрации. О том, как это происходило, лучше всего расскажут приведенные дальше документы.

277 ГАПК ф.П-68 оп.115 д.203 л.30-34.

278 ГАПК ф.Р-1578 оп.1 д.71 л.33-35.

13

С П Р А В К А

о беседе уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Приморскому краю Н.А. Дудя с руководителем общины баптистов-инициативников в г. Владивостоке Дудей Н.А., состоявшейся в здании крайисполкома 23.04.86 г.

Н.А. Дудя — один из главных авторитетов баптистов-инициативников Приморского края. Вместе с братом Натаном он более 20 лет возглавлял незарегистрированную общину сторонников Совета церкви еванг в г. Владивостоке, которая является головной в крае и по ней разбиты все другие объединения данной конфессии.

Вой это время братья Дудя и другие руководители владивостокской общины упорно отказывались от регистрации на условиях полного признания законодательства о культах, организованно проводила в релативе несовершеннолетних, занималась миссионерской деятельностью в городе и крае.

В то же время среди районных членов общины усматривалось брожение, стремление к нормализации религиозной жизни и выходу из подполья, тем более, что рядом в нормальных условиях функционирует зарегистрированная община баптистов.

Позже докладчик установил в повелении Н.А. Дудя: он стал посещать молитвенные собрания в зарегистрированной общине, не допускал явных нарушений законодательства, установил личные контакты с генеральным секретарем Восточного Совета евангельских христиан-баптистов А.М. Игнатовым, к которому он питает большую симпатию, хотя руководящего или легального центра не признает.

После того, как произошел разрыв между братьями Дудями и раскол в руководящей или общине, Николай Алексеевич Дудя впервые по своей инициативе пошел на контакты с районным комсом и уполномоченным Совета по делам религий и просил принять его.

Он упорно оттягивала эту встречу, чтобы иметь время убедиться в серьезности его намерений и не показывать иллу заинтересованности в ней.

Встреча состоялась 23 апреля 1986 года в здании крайисполкома. Длительность ее около двух с половиной часов, проходила с глазу на глаз и отбоя отбоя была открытой, спокойной и деловой.

Начале Н. Дудя был себя осторожен, заметно колебался и, видимо, построил себя на то, что было всегда на встречах с представителями власти: взаимные обвинения, категорические требования, острый спор.

- 2 -

Поэтому понадобилось некоторое время для того, чтобы обаяние разговорами (о работе, семье, духовной литературе, обстановке в стране и крае) снять это напряжение.

Н. Дуля заметил при этом, что мне о нем, наверно, много рассказывали отрицательного и у меня о нем сложилось предвзятое мнение. С возмущением вспоминал, как его называли эстраментом и классовым противником, как оскорбляли в школе его детей учителя и ученики, а в воскресные посылали взрослых сыновей на особый учет и т.д. Говорил, что он все жизнь честно трудился, выполнял гражданские обязанности, никакого вреда Советскому государству не причинил и никогда этого не допустит, что он в таком же духе воспитывает своих детей и гордится этим.

Пришлось успокоить его и сказать, что мнение о нем в целом неплохое: его считают дисциплинированным и добросовестным работником в автономии, хорошо отзывался о нем в школе как об активном родителе, который постоянно интересуется учебной работой детей, besides других помогает в проведении школьных мероприятий. Что в целом он выполняет гражданские обязанности и нет оснований называть его классово чуждым элементом. Он искренне помогал мне за чужую спиной, которую он впервые услышал за многие годы.

После этого ему было указано на его отдельные недостатки: неспасившаяся о гонимых за веру, о поддержке Совета периферии, нарушении законодательства о культурах. Он частично соглашался с этим, замечая, что у каждого человека бывают отдельные слабости, поступки и высказывания и не всегда надо осуждать за это, а видеть в человеке главное, то, как он относится к труду, людям, семье, обществу.

В отношении нарушений законодательства о культурах он не стал, по своему обыкновению, говорить о том, что законодательство не во всем правильно и даже не стал возражать на обвинения в конкретных его нарушениях. Заметил только в ответ, что все люди изменяются и он много пережил и тоже не тот, что был раньше.

Пришлось несколько уточнить, конкретизировать отношение Н. Дуля к законодательству о культурах. Он уходил от прямого ответа, задавал встречные вопросы: попросил сказать самое главное в законодательстве, можно ли пригласить на молитвенные собрания членов других общин и давать им слово, можно ли пользоваться языком за границей литературой, особенно интересовался возможностями обучения детей религии. Попытка доказать, что участие детей в хорошем религиозном воспитании, в декларировавших на библейские мотивы не является нарушением.

- 3 -

121

В ходе беседы выяснилось, что Н. Дуля в целом признает законодательство о культурах и не разделяет позиции Совета церкви, но по отдельным вопросам (запрещение организованного обучения детей религии, организаторская деятельность и др.) он еще не готов строго следовать требованиям закона.

Кроме того, Н. Дуля считает, что он и его сторонники не допускают серьезных нарушений законодательства о культурах. "Чем мы отличаемся от зарегистрированных евангельских христиан-баптистов, которые допускают такое же нарушение?"

Когда я спрашивал о деятельности зарегистрированного объединения ехб г. Владимирского с деятельностью их общины, он заявил, что не видит большой разницы.

Разница, отметил я, доброты существенная и не только в отношении к законодательству, а и в том, что она не притупилась от лишений и нормальных условиях, в частности на горнозаконном ампла (которое является одним из лучших молитвенных домов на Дальнем Востоке) свободно без всякого постороннего вмешательства удовлетворяет свои религиозные потребности. Не пора ли Вам последовать их примеру?

На что он ответил: "Так вот я и пришел к Вам просить содействия и получения ампла для переоборудования под молитвенный дом".

Я заметил, что начинать надо не с этого, а с полного признания законодательства о культурах и регистрации общины, после чего сам собой будет решиться вопрос о месте сбора.

Н. Дуля сказал, что он и все члены общества готовы к этому, но им непонятно - как можно зарегистрироваться, если она не признает РСХБ.

Я попытался убедить его в целесообразности объединения с зарегистрированной общиной ехб и перехода в молитвенный дом по Баранскому проспекту, 2-а. Так или иначе вопрос о регистрации и выделении отдельного ампла, но он категорически отверг это предложение.

Тогда, следуя рекомендации Совета по делам религий, предложил зарегистрироваться автономно, т.е. независимо от каких-либо руководящих центров, отметил, что сейчас в стране более 30 объединений баптистов инициативная уже отошла от Совета церкви ехб и зарегистрировалась автономно.

Н. Дуля согласился с этим предложением и попросил выдать ему образцы заявлений и другие документы, необходимые для регистрации.

Чтобы еще раз уточнить отношения Н. Дуля с Советом церкви, спросил его — на Совете ли он держалась инициатива, угрозы отлучения. Он ответил, что на Совете и это вообще ему не угрожает.

Очень осторожно он отнесся к вопросу о членности верующих, отказываясь называть её, но заявил, что у них большая община. Им же было выражено удивление такому положению и сказано, что списки верующих им не нужны и на языке их требовать, но количество членов нет смысла скрывать, его можно узнать очень просто, послав на очередном обряде хлебопреложения. И попросил его хотя бы примерно назвать численность, чтобы решить вопрос об учредительной деятельности и о размерах молитвенного дома. Он попросил рассчитывать молитвенный дом примерно на 100 человек.

Как выяснилось из дальнейшей беседы, он надеется на пополнение общины за счет перехода верующих из объединенной сторонником Совета церкви, который руководит его брат Н.А. Дуля, а также за счет приезжих на богослужения из г. Артема и Илектинского района и, возможно, надеется оттолочь часть членов зарегистрированной общины по Параллельскому проспекту, 2-а.

Н. Дуля неоднократно повторял настоятельную просьбу об отводе помещения в передаче общине здания для молитвенного дома.

Я объяснил несколько вариантов возможной приобретения помещения для религиозных нужд: аренда, строительство, покупка дома, но эти варианты были отвергнуты как нецелесообразные в финансовом отношении.

Я затем спросил Н. Дулю — полномочен ли он решать все эти вопросы. Он заявил, что является руководителем общины и выражает общее мнение всех её членов.

Уходя дальнейшей беседы я пытался еще раз прояснить внимание и его взглядах, особенно на законодательство о религиозных культурах и для этого рассказал ему о деятельности объединений эхо и жне в крае, о допустимых некоторых из них нарушениях законодательства и заинтересовала его отношения к ним.

Н. Дуля хорошо знаком с религиозной ситуацией в крае, имеет широкие связи, о чем он откровенно говорил, даже для характеристики некоторым руководителям баптистских и пятидесятнических объединений.

Он осудил чужеземных пятидесятников за их связи с заграницей, стремление выехать в США и особенно за бесчеловечное отношение к своим детям, которых они лишали возможности учиться в школе.

- 5 -

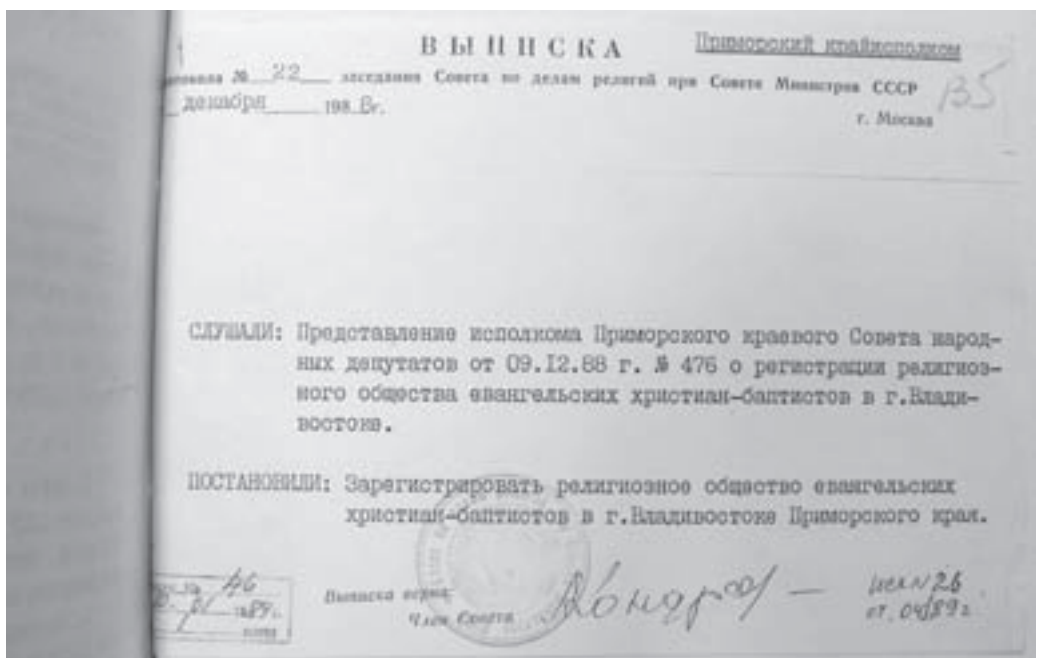
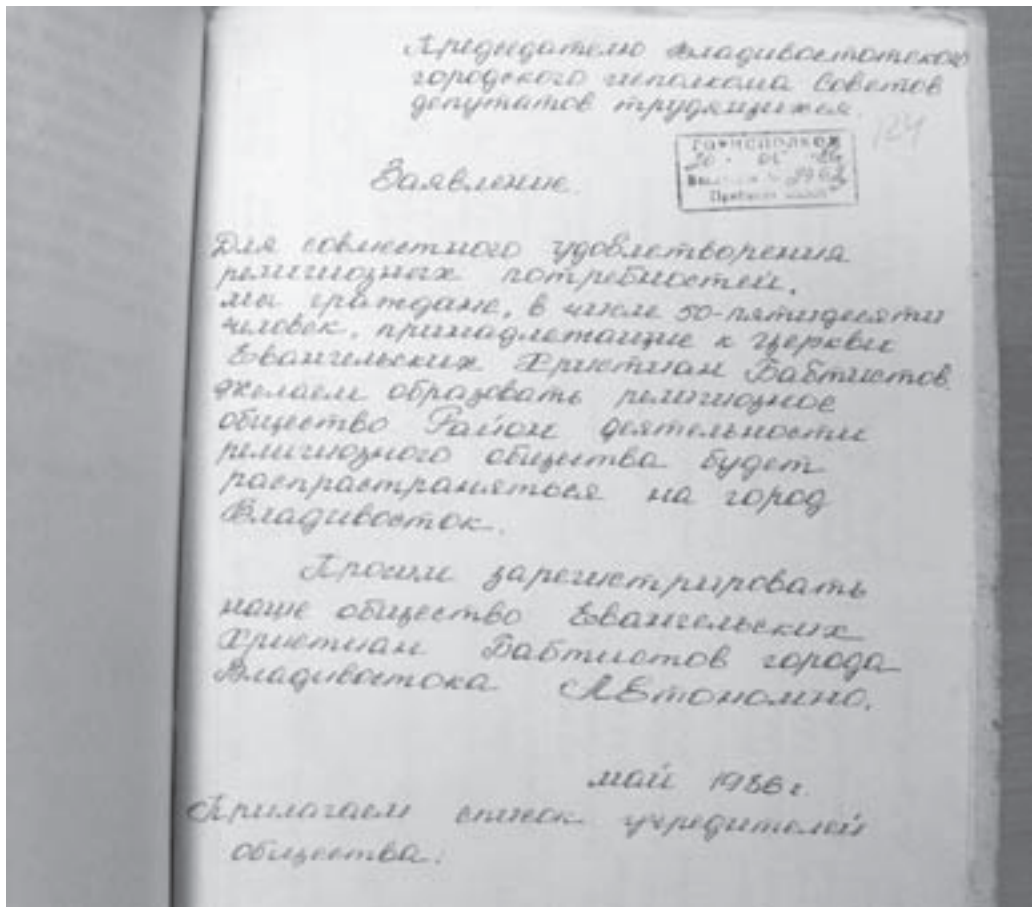
Словом, во взглядах Н.Дули произошла серьезная трансформация и, исходя, что он после долгих колебаний принял твердое решение пойти на ускоренные действия общими путями: регистрации и признания в отношении законодательства о религиозных культах.

Учитывая ситуацию, сложившуюся в этой области, а также обстановку в объединенных баптистско-инициативных в крае в целом, было бы целесообразно привести в регистрацию руководителю Н.Дулею общину и выдать ей постановление для переоборудования под молитвенный дом. Такое решение значительно облегчит работу со всеми другими объединенными баптистско-инициативными в крае.

Уполномоченный Совета по делам религий
при Совете Министров СССР
по Приморскому краю

Н.А. Бровинко

«25» апреля 1936 года

138

З А П И С Ь

Секции уполномоченного Совета по делам религий с руководителями общины СЦ ЕХБ в городе Владивостоке Дроздовым А.Р. и Дулай Н.А.

Беседа состоялась 12 апреля 1979 г. в здании крайисполкома и длилась 1,5 часа в обстановке доброжелательности и взаимопонимания. Началась она с молитвы. Затем были вынесены полномочия и цели встречи. Посетителя сообщили, что они прибыли по поручению общины, которая на своем последнем собрании более 2-х часов обсуждала вопрос о присоединении коих баптистов-аницистатинской и зарегистрированной группы руководимой Н.А. Дулай. Решение о присоединении было принято единогласно. Объединения же с зарегистрированной общиной сторонников РСНХБ руководимой Н.А. Макаровым было отвергнуто, хотя об этом в последнее время велась в общей форме переписка между Дроздовым и Макаровым. Как заявил Дроздов, объединение желательное, но оно произойдет в отдаленном будущем.

В ходе беседы ставился вопрос о выделении обществу помещения для молитвенного дома, причем в категорической форме с нападком на возможность голодной протеста в случае отказа. Договорилась войти с просьбой к руководству горисполкома об ускорении выполнения решения крайисполкома от 09.12.69 г. о передаче указанному религиозному обществу помещения в целях использования его в качестве молитвенного дома. Внесено конкретное предложение о передаче здания лютеранской церкви или мастерских траста ресторанов и кафе.

Дроздов А.Р. и Дулай Н.А. просили организовать их встречу с руководителями горисполкома тт Духовым К.П. и Сокиной Е.С.

А.Р. Дроздов позвонил нам с последним проектом закона о свободе совести, копию которого передал ему во время пребывания в марте этого года в Москве генеральный секретарь РСНХБ Вычюк А.М. Оба собеседника выразили свое полное согласие с этим проектом и своей целью узаконить на его основе деятельность руководимой ими общины. Они также говорили о полной лояльности и солидарности с политикой перестройки, несущей демократизацию и большую свободу совести, о воспитании членов общины в их самих в духе честного труда и добросовестного исполнения гражданских обязанностей. Было отвергнуто мое обвинение их в апатичности. Дроздов А.Р. отметил, что хотя политика стоит у них на втором месте после служения Богу, но она никогда не была и не будут вне политики.

Они были возмущены новшествами у них в прошлом году комиссией солидарности Ленинского райисполкома Бадляя. У них большая книга с духовной литературой. От РСНХБ, несмотря на многократные заверения его руководителей, она ничего не получает, а старший пресвитер РСНХБ по Дальнему Востоку В.А. Канюков категорически запретил местным баптистам общинам передавать обществу СЦ ЕХБ какую-либо литературу.

12.04.89г.

Уполномоченный Совет по делам религий *Д. Сокин*
(И. Дроздов)

Протестантская субкультура

Десятилетия антирелигиозной пропаганды, которая часто была направлена даже не на отрицание предмета веры, а на разжигание неприязни к ее носителям — «сектантам», сделали свое дело. Значительная часть советского общества относилась к протестантам с ненавистью, опаской, недоумением или презрением. Многие люди не хотели разбираться, где правда, а где ложь. Антирелигиозные лекции, газетные публикации такие фильмы, как «Тучи над Борском», сформировали в общественном сознании устойчивые стереотипы.

Например, многодетная мать Варвара Горетая (жена Николая Горетого) вспоминала, что когда мужа посадили, она долго не могла найти работу, но потом устроилась санитаркой в детскую больницу. Через некоторое время главврач этой больницы сказала ей: «Я бы с удовольствием перевела вас на кухню, там очень нужны такие честные и умелые люди, но не могу, так как вы баптистка (баптистами часто называли всех русских «сектантов», будь они хоть пятидесятниками, хоть адвентистами — прим. авт.), и люди знают, что вы можете отравить молоко»²⁷⁹.

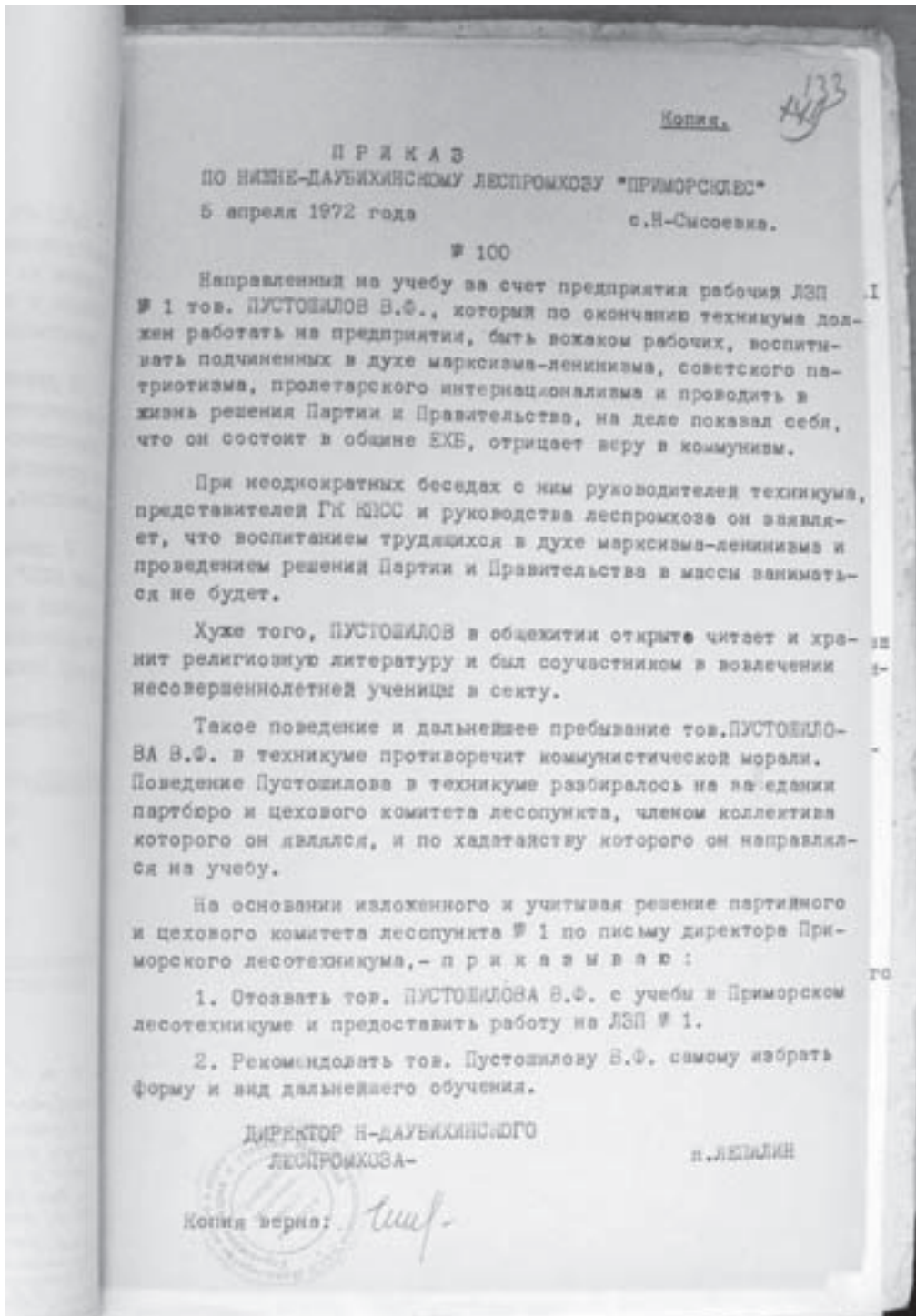
Причем общественное мнение не видело особой разницы между зарегистрированными баптистами и нерегистрированными, между «крайними» пятидесятниками и умеренными и т.д. Эта разницу видели чиновники СДР, кураторы из КГБ, иногда — лекторы общества «Знание». Для большинства же советских людей все они были одинаковыми «сектантами».

Реакцией на отторжение обществом и непрекращающееся давление властей стало формирование особой протестантской субкультуры, с характерными для нее изоляционизмом, антиинтеллектуализмом и стремлением даже внешне быть непохожими на «мир» (этим словом обозначаются все нехристиане, грешники, и часто оно имеет негативный оттенок).

Во многих общинах членов стремились максимально отгородить от взаимоотношений с атеистами — разрешалось лишь общение с неверующими родственниками, а также неизбежные контакты по месту работы или учебы. Отношение к членству в КПСС и ВЛКСМ, а иногда даже в пионерской и октябрятской организациях нередко было отрицательным (что было обусловлено атеизмом, который пропагандировался в этих организациях). Постепенно в среде христиан выработалось осторожное, а иногда и резко отрицательное отношение к получению членами общин высшего образования. Это объяснялось, с одной стороны, атеистическими предметами вроде «научного атеизма», преподаваемыми в вузах. С другой, — длительной практикой недопущения государства к получению высшего образования детей «сектантов». Среди христиан постепенно выработался стереотип: подходящие профессии для верующего — дворник, разнорабочий, сторож, санитарка, повар, в лучшем случае — слесарь. А вот верующий врач или инженер — это подозрительно, не говоря уже о чиновнике (отметим, что этот стереотип был распространен во всех общинах повсеместно). Это повлекло за собой снижение общего интеллектуального и образовательного уровня христиан.

Во многих общинах существовало настороженное (вплоть до полного отрицания) отношение к светской культуре и искусству. Не приветствовалось

279 «Документы МХГ. Отчет о поездке в общины пятидесятников станицы Старо-титовская Краснодарского края и гор. Находки (5–23 декабря 1976 года) Л. Воронина».

Приказ об отзыве студента Виктора Пустошилова из Приморского лесотехникума, 1972 г. ГАПК Р-1578 оп.1 д.90 л.133 (правда, в этом отдельном случае все кончилось благополучно: этот приказ был отменен после вмешательства в дело уполномоченного СДР Александра Шландакова).

посещение кино и светских вечеринок. «Хорошим тоном» считалось не иметь дома телевизор. К радио отношение было более лояльное, поскольку по радио верующие могли слушать заграничные религиозные передачи.

Желая отличаться от «мира», верующие придерживались «сухого закона», отказались от курения и использования ненормативной лексики. Наряду с этим во многих общинах негативно относились к использованию женской косметики (за исключением гигиенической – шампуней, дезодорантов и т. д.) и украшений (подчас в борьбе за особую чистоту к украшениям причисляли даже обручальные кольца и мужские галстуки). Своеобразной «модой» стали макси-юбки у женщин и застегнутые на все пуговицы рубашки, без галстука, но при пиджаках – у мужчин. Доходило до курьезов, – например, верующему, приехавшему в разгар лета в курортный город, в местной церкви не разрешили проповедовать из-за «легкомысленности» одежды – рубашки с коротким рукавом.

Культивировалось (и культивируется сейчас) прочность и нерасторжимость брачных отношений. Разводы были крайне редки, как правило – по инициативе неверующей стороны в случае смешанного брака (с одной из таких историй, разводом в семье Светланы Вардапетян, можно ознакомиться в приложении к этой главе). Однако в общинах тех лет наблюдался значительный численный перевес женщин, а браки «на стороне» крайне не приветствовались (в отдельных случаях – вплоть до отлучения от церкви), из-за чего многие женщины так и остались незамужними. Большое количество одиноких людей в церквях компенсировалось традиционной многодетностью баптистских семей. Семьи с пятью-десятью детьми были нормой. Обусловлено это было традицией, запретом на аборт и, в некоторых общинах, запретом на применение контрацептивов в супружеской жизни (в настоящее время запреты на контрацептивы сохранились только в небольшом количестве общин).

Пуританские строгости и изоляционизм компенсировались особо теплыми отношениями внутри общин, атмосферой любви и взаимного участия. Верующие проводили много времени вместе, встречались семьями, совместно отмечали дни рождения и семейные праздники, ездили на природу, посещали одиноких стариков и больных. В общинах была развита взаимопомощь, в том числе и материальная. Светскую культуру заменила культура христианская, это касается, в первую очередь, музыки и литературы, – многие произведения христианских авторов, без сомнения, талантливо.

В настоящее время в условиях отсутствия гонений изоляционизм в большинстве церквей постепенно слабеет, они становятся более открытыми для диалога с неверующим обществом. Этот процесс происходит небезболезненно – часть верующих по-прежнему выступают жесткими противниками «слияния с миром» (как они это трактуют). Тем не менее общий тренд на преодоление самоизоляции сохраняется.

Приложение 1

История развода Светланы Вардапетян

В конце 1974 года Владивосток попал сначала в диссидентский «самиздатовский» бюллетень «Хроника текущих событий», а оттуда – в

новостные выпуски зарубежных СМИ в связи с делом Светланы Вардапетян. Светлана со своим мужем, Юрием Б. (фамилия не называется из этических соображений), были молодыми учеными, сотрудниками НИИ Биологии моря во Владивостоке. В их семье было трое детей. В 1971 году Светлана, работая в одном из НИИ Ленинграда, познакомилась с верующим научным сотрудником и через него уверовала сама. Когда семья переехала во Владивосток, она присоединилась к церкви СЦ.

Юрий Б. (член КПСС и кандидат наук) относился к вере жены нетерпимо до такой степени, что начал ходить с жалобами по различным партийным и властным инстанциями. Так, будучи на приеме у уполномоченного СДР по Приморскому краю осенью 1973 года, он рассказал, что Светлана поддерживала связь с «раскольниками» Ленинграда (те присылали им посылки с дефицитными детскими вещами и конфетами), общалась с местными баптистами из СЦ, посещала их богослужбные собрания, куда брала с собой старшего сына Мишу (4,5 года).

Трижды баптисты приходили к ним домой, вели с ним разговоры о Боге, – но ни в чем не убедили. Более того, Юрий сам пытался переубедить жену, однако она «на разъяснения не реагировала». По словам Юрия, жена «вредно влияет на сына», заставляя его молиться и «никуда от себя не отпускает». В связи с чем дома тяжелая обстановка, и дело идет к разводу. Б. уже побывал по этому поводу на приеме у тов. Никонова из крайкома КПСС и тов. Бондарчука из горкома КПСС, а уполномоченный СДР (в то время им был А. А. Шландаков) посоветовал также посетить райком и райисполком²⁸⁰.

Но не помогло, менее чем через год Б. подал на развод, требуя передать ему на воспитание всех троих детей – Мишу (5,5 лет), Наташу (3 года) и Машу (1 год). 23-24 октября 1974 года это дело слушалось в нарсуде Владивостока. Требования развода Б. обосновывал тем, что жена воспитывала детей в религиозном духе, читала старшему сыну Библию, брала его с собой на молитвенные собрания. Он также заявил, что жена не заботилась об умственном развитии сына, не ходила с ним в кино, плохо следила за младшим ребенком, невкусно готовила. По словам Б., в воспитании детей ему будет помогать его мать, пока он не «найдет себе спутницы».

Светлана Вардапетян в суде заявила, что согласна на расторжение брака, но просила оставить детей с ней, не лишать их матери. Она настаивала на своем праве знакомить своих детей с основами своей веры, воспитывать их в духе христианской морали – «христианская мораль и коммунистическая мораль не противоречат друг другу». Она сказала, что следила за здоровьем и умственным развитием детей. Светлана отказалась отвечать на конкретные вопросы судьи Степановой, касающиеся ее религиозных убеждений, отказалась сообщить, как зовут руководителей общины, где она находится, кто дает ей религиозную литературу и т.д.

Свидетелями на суде были Т.Ф.Орехов – зав. отделом коммунистического воспитания газеты «Тихоокеанский комсомолец», мать Юрия Б., сотрудники НИИ, где работали супруги, и др. Показания свидетелей касались, в основном, вопроса о том, верит ли Светлана в Бога и вовлекает ли в веру своих детей (т.е. практически старшего сына Мишу): «Что Светлана верит в Бога, это я слышала»; «Почему-то я решила, что он (Миша) молится»; «Света... читала

вслух Евангелие, слушает религиозные передачи по приемнику»; «Мишенька после еды говорит: спасибо, Боженька». Свидетели рассказали, что на маскараде – празднике моря – Миша испугался «людей, переодетых в чертей».

На суде выступили представители общественности – сотрудники НИИ, которые просили суд отобрать детей у матери, так как она «фанатик веры». Районный педиатр Козловская заявила, что «религиозное учение способствует развитию диатеза и рахита» – это социальные болезни. Хотя физически дети были развиты соответственно возрасту. На вопрос судьи, как может отразиться на психике ребенка то, что он воспитывается без кино и телевизора, Козловская ответила: «Ребенок будет отставать в школе».

По просьбе Вардапетян в суде был допрошен профессор Дальневосточного университета, доктор наук Касакин О.Г. Он сообщил, что Миша производит впечатление нормально развитого, контактного ребенка. Дал положительную характеристику Светлане как сотруднику научной лаборатории. Касакин высказал мнение, что религиозность матери не может быть поводом, чтобы отнять у нее детей.

Суд принял решение передать всех детей на воспитание отцу, со Светланы взыскать алименты²⁸¹.

Вскоре «клеветнические измышления с выдержками из судебного заседания» (по выражению офицера КГБ Мекшуна, докладывавшего об этом деле краевому партийному начальству) попали в нелегальные журналы, издаваемые СЦ, – «Вестник Спасения» и «Бюллетень Совета родственников узников ЕХБ», а также в диссидентскую правозащитную «Хронику текущих событий». Дело «приобрело широкую огласку за рубежом», откуда «поступают документы с выражением сочувствия и призывами быть стойкой в вере», а из Швеции пришла посылка с вещами²⁸².

Между тем в декабре 1974 года приговор нарсуда был отменен судебной коллегией Приморского краевого суда. По официальной версии, основанием отмены послужил тот факт, что народный суд при рассмотрении дела не имел всех необходимых документов (например, акта, утвержденного заведующим РОНО) и не проверил условий жизни истца и его возможностей по воспитанию детей (Б. жил в так называемой «гостинке» – малогабаритной квартире, состоящей из комнаты и санузла, в которой, помимо супругов и детей, поселилась также мать Б.) Судебная коллегия, оставив брак расторгнутым, определила: решение народного суда «в части отобрания детей и передачи их на воспитание Юрию Б. и взыскания алиментов со Светланы Вардапетян» отменить и направить на новое рассмотрение в тот же суд в другом составе суда²⁸³.

Однако нового суда не состоялось. В течение нескольких месяцев Светлана по одному выкрадывала своих детей и вывозила из Владивостока. Потом вернулась в город, выписалась из квартиры, уволилась из НИИ и уехала в неизвестном направлении. В июне 1975 года Б. обратился в суд с просьбой прекратить производство по этому делу в связи с отсутствием детей²⁸⁴.

281 «Самиздатский журнал советских диссидентов «Хроника текущих событий», выпуск 34/15.

282 ГАПК ф.П-68 оп.54 д.104 л.13.

283 «Хроника текущих событий», выпуск 36.

284 ГАПК ф.П-1578 оп.1 д.71 л.25.

Сейчас, по прошествии 35 лет, уже можно открыть, куда Светлана перевозила детей: сначала к своей маме в Тбилиси, а затем, когда собрала всех троих вместе, переехала с ними в Ленинград.

Приложение 2

Семья Винс

Яков Яковлевич Винс 1874-1944

Яков Яковлевич Винс родился в семье голландских колонистов в России, меннонитов по вере. Сам Яков Яковлевич принял баптизм (очень близкий к меннонитской вере). Окончив библейские курсы, служил в 1905-1911 годах регентом хора и пресвитером в Самарской церкви баптистов.

В 1910 году участвовал в съезде русских баптистов в Ростове-на-Дону, где был избран руководителем молодежного союза баптистов. В ноябре 1910 года за проповедь Евангелия был арестован и провел 3 месяца в тюрьме.

В 1911 году за проведение крещения был оштрафован, ему запретили проживать на территории европейской части России. В том же году его делегировали на Всемирный конгресс баптистов в Филадельфии, США, после которого он с семьей остался жить в Канаде.

В 1919 году, после падения царского режима, вернулся во Владивосток вместе со шведским миссионером Эриком Олсоном. Не имея возможности добраться через Сибирь, где была в это время война, в Самару, остался на Дальнем Востоке, став пресвитером церкви в Благовещенске.

В 1922 году издавал журнал «Голос Христианской молодежи». В 1925-1928 годах служил председателем Дальневосточного союза баптистов. Он упоминается в 5 и 6 главах этой книги.

Винс – автор катехизационной брошюры «Наши баптистские принципы» с изложением 7 принципов баптизма, до сих пор эта брошюра очень популярна среди евангельских христиан-баптистов.

В 1928 году Винсу, имеющему канадское гражданство, предложили покинуть СССР. С этого времени до своего ухода в вечность в 1944 году он нес пресвитерское служение в различных церквях Канады.

Петр Яковлевич Винс 1898-1937

Сын Якова Яковлевича Винса. Родился в 1898 году в Самаре. Из-за гонений в 1911 году их семья вынужденно переехала в Канаду. В 1915 году Петр принял крещение и начал служить в баптистском хоре. В 1916-1922 годах учился сначала в семинарии в городе Рочестер (штат Нью-Йорк, США), затем в Русском библейском институте в Филадельфии (штат Пенсильвания), затем богословской семинарии Луивилла (Кентукки).

В 1922-1926 годах служил проповедником в Детройте и пресвитером русской баптистской церкви в Питтсбурге.

В 1926 году был рукоположен на миссионерское служение, прибыл на Дальний Восток и был избран пресвитером церкви в Благовещенске. В 1927 году женился на Лидии Жариковой, в 1928 году у них родился сын Георгий.

Тогда же Петру Яковлевичу, как иностранному гражданину, предложили покинуть СССР. Он отказался, сдал паспорт и принял гражданство СССР.

Впервые был арестован и осужден за религиозную деятельность в 1930 году, через 3 года был выпущен из лагеря. В 1934 году переехал в Новосибирск, на следующий год — в Омск. В 1936 году был арестован, но в январе 1937 был освобожден: за отсутствием фактов контрреволюционной деятельности. В том же году был вновь арестован и расстрелян.

Его вдова, Лидия Михайловна (1907-1985), перенесла все тяготы, воспитала сына верующим и в 1960-70-х годах присоединилась к инициативникам, став в этом движении очень заметной фигурой (в частности, она руководила Советом родственников узников). В 1970-1973 году она отбыла 3-летнее заключение за свою деятельность в СЦ ЕХБ.

Георгий Петрович Винс 1928-1998

Сын Петра Яковлевича и Лидии Михайловны. Проповедник, поэт, писатель-историк, до начала 1990-х годов — один из руководителей СЦ ЕХБ.

После расстрела отца в 1937 году он с мамой жил в Сибири. В 1945 году принял крещение. В 1946 году, спасаясь от пристального внимания чекистов, семья перебралась в Киев. Георгий стал проповедником в местной церкви и окончил Политехнический институт, став инженером-электриком.

В 1952 г. Г.П.Винс женился на Н.И.Лазарук, окончившей в КГУ ф-т по специальности «английский язык».

В 1960-х присоединился к инициативникам. После 15-суточного ареста в августе 1963 года перешел на нелегальное положение, а вскоре был избран секретарем Инициативной группы, переименованной в Оргкомитет.

После акции 16-17 мая 1966 года (когда 500 верующих молились у здания ЦК КПСС) вместе с Крючковым и другими верующими был арестован. Осужден на 3 года. После освобождения нес служение секретаря СЦ ЕХБ. В 1974 году вновь был арестован, в момент задержания при нем была нелегальная духовная литература, микрофильм с текстом Библии и краска для подпольной типографии. В 1975 году был осужден на 5 лет лагерей и последующие 5 лет ссылки. Однако в 1979 году Г. П. Винс вместе с группой советских диссидентов был обменян на арестованных в США советских шпионов и под конвоем вывезен в Америку. Вскоре к нему переехала его семья (мать, жена и пятеро детей). В США он возглавил зарубежное представительство СЦ ЕХБ.

В 1988-1993 годах произошел разрыв их отношений с Г. К. Крючковым, Винс был выведен из руководящего состава СЦ ЕХБ, благодаря чему из отделившихся от СЦ церковью образовалось Братство Независимых Церквей (БНЦ ЕХБ).

Ушел в вечность 11 января 1998 года в США.

Основной источник — книга Г. П. Винса «Тропой верности»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Кардинальный пересмотр отношений государства и религии начался во время перестройки, в 1986-1987 годах. В преддверии празднования тысячелетия крещения Руси (1988 год) появились благожелательные фильмы, книги, публикации в СМИ – в первую очередь, об РПЦ. Начало меняться отношение и к протестантам. В архиве церкви ЕХБ Спасска-Дальнего как реликвия хранится вырезка первой доброжелательной статьи из местной газеты (1989 год). Статья называется «В чистоте и благочестии» и начинается с таких слов: «Долгие годы в Церкви и сектах мы, атеисты, усматривали идеологического противника, забывая о том, что, находясь на разных платформах, должны искать точки соприкосновения»...

В 1987 году были амнистированы и выпущены из тюрем религиозные нонконформисты, осужденные за веру. Началась массовая регистрация церквей. Те из верующих, кто хотел эмигрировать, наконец, получили такую возможность. Тысячелетие крещения Руси праздновалось на официальном уровне. Руководитель страны Михаил Горбачев принял в Кремле патриарха РПЦ Пимена (Извекова).

Весной 1988 года Совет по делам религий разработал законопроект «О свободе совести и религиозных организациях в СССР», который был принят в 1990 году. В том же году был принят Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий», полностью отстранивший государство от руководства религиозной жизнью. Пришло время расцвета и надежд. Никогда за всю историю России протестанты не были в этой стране так свободны, как в начале 90-х. РПЦ в то время не имела существенных привилегий по отношению к другим конфессиям: ее не было ни в школе, ни в армии, ни в учреждениях. Причем, на первом этапе такое положение РПЦ устраивало, ей достаточно было отмены всех тоталитарных запретов.

Воспользовавшись возможностью, протестанты в это время особенно активно занялись миссионерством – для этого организовывались различные курсы по изучению Библии, проводились массовые уличные акции и т. д. В свою очередь, общество после десятилетий государственной борьбы с религией теперь испытывало к ней огромный интерес и симпатию. Так, во Владивостоке на этой волне возникла новая церковь ЕХБ «Благая Весть» (см. в приложении ее историю).

В конце июля – начале августа 1992 года во Владивостокском порту стояло миссионерское судно «Доулос» (Doulos), экипаж которого состоял из христиан, представлявших 35 стран, – Британию, Венгрию, Новую Зеландию,

Филиппины, Германию, Индию, США и др. Это было время сплошной евангелизации. Жители города приходили на судно, смотрели фильмы, слушали проповеди, послушать проповеди, получали в дар Библии и другую христианскую литературу... Евангелизации проходили на улицах с участием местных верующих. Совместные группы разъехались по городам Приморского края, устраивая евангелизации там. Кульминацией стал фестиваль, проведенный 8 августа на центральной площади Владивостока. Площадь была полна людьми – собралось несколько тысяч человек. Перед ними выступил капитан “Доулоса”, который рассказал о своем личном обращении ко Христу и покаянии. Выступали проповедники, христианские музыкальные группы, просто верующие с “Доулоса”...

Однако уже с 1992 года настроение общества стало меняться. Время первой эйфории прошло. «Многочисленные социологические опросы тех лет показывают, что если до середины 1991 г. не менее двух третей населения считало, что Россия должна брать пример со стран Запада, во всем подражать им, то уже в 1992 г. столь же подавляющее большинство считало, что у России особый путь, принципиально иная цивилизация и Запад для нее не является эталоном, – подчеркивают исследователи Роман Лункин и Сергей Филатов. – Осознание того, что рай завтра в России не настанет и правовое демократическое общество западного типа само собой после роспуска КПСС не появится, привело к судорожным и скорее эмоциональным и декларативным, чем интеллектуальным поискам нового «Я»²⁸⁵.

На этой волне происходила и трансформация сознания общества в отношении к религии. Даже в начале 90-х вместо живой веры в Бога было больше разговоров о вере и Боге. А дальше интерес к Богу, к духовному, постепенно стал заменяться чувством лояльности к национальной церкви. Причем, эта лояльность мало сказывалась на числе практикующих верующих. И та волна людей, которая наполнила церкви в начале 90-х, стала постепенно слабеть, а спустя несколько лет и вовсе откатываться. Полноценного религиозного ренессанса так и не произошло.

С 1992 года наметились тенденции к некоторому ограничению религиозной свободы. С одной стороны, это объяснялось появлением большого количества новых для России и порой довольно экзотических религиозных организаций с непонятными целями. С другой, – требованиями РПЦ, все более и более набиравшей вес в обществе, в том числе и в органах власти, и претендующей на духовную монополию. В 1992 году в российском парламенте началась подготовка нового законопроекта в этой области.

Летом 1993 года этот закон был принят, однако Президент России Борис Ельцин наложил на него вето и отправил на доработку. Напомним, в то время в стране был политический кризис, закончившийся расстрелом из танков здания парламента осенью 1993 года. В результате законопроект был на несколько лет отложен.

Между тем в 90-х годах в ряде российских регионов, в том числе и

285 Роман Лункин, Сергей Филатов «Конец 90-х: возрождение религиозной нетерпимости», «Русский Архипелаг».

*Миссионерское судно «Доулос» у причала во Владивостокском порту. 1992 г.
Фото из архива Уссурийской церкви ЕХБ «Свет миру»*

*Фестиваль-евангелизация на центральной площади Владивостока,
организованный экипажем «Доулоса», 1992 г. Фото из архива Спасской
церкви*

Приморском крае, к тому времени уже были приняты свои региональные законы, ограничивающие религиозную жизнь. В Приморье это было обусловлено традиционно слабыми позициями православия, сильным протестантизмом, а также большим количеством работавших в крае иностранных миссионеров.

Фестиваль-евангелизация на центральной площади Спасска-Дальнего, организованный экипажем «Дюлоса», 1992 г. Фото из архива Спасской церкви

(Особенно много, в некоторые годы до 30% от общего числа миссионеров, было миссионеров-протестантов из Южной Кореи). Поэтому в феврале 1996 года Дума Приморского края приняла краевой Закон «О миссионерской деятельности на территории Приморского края», ощутимо ограничивающий возможность для работы здесь миссионеров-иностранцев. В ходе заседания вице-спикер Думы Александр Прохоров охарактеризовал работу миссионеров так: *«Это на первый взгляд они такие добренькие, а на самом деле их деятельность направлена против России»*²⁸⁶.

А Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» был принят в сентябре 1997 года. В отличие от закона 1990 года, в нем вводилось дискриминационное различие между «традиционными» (православие, ислам, иудаизм, буддизм) и «нетрадиционными» религиями, причем в преамбуле говорилось об «особом вкладе» РПЦ. Хотя, безусловно, этот закон и стал серьезным шагом назад и, по мнению многих экспертов, противоречит Конституции России, особо страшного ничего не случилось. *«Вопреки своим желаниям и усилиям, государственным органам не удалось ущемить права и свободы верующих и религиозных организаций в России (не отнесенных в законе к «традиционным» — прим. авт.), — отмечают американские исследователи Уоллес Даниэль и Кристофер Марш. — Благодаря отсутствию воли у отдельных государственных структур соблюдать в полной мере букву закона и нежеланию других, чтобы это произошло, религиозные группы в России, несмотря на большие опасения, не были чрезмерно ущемлены»*²⁸⁷.

Хотя в настоящее время, несомненно, со стороны государства присутствует избирательный подход к «нетрадиционным» религиозным организациям, в целом ситуация стабилизировалась. В чем проявляется неравенство? В материальной и административной поддержке, которая выражается как в

286 Газета «Золотой Рог», 1996 год, №18.

287 Уоллес Даниэль и Кристофер Марш «Российский закон о свободе совести 1997 г. вчера и сегодня», Journal of Church and State № 49, Winter 2007.

передаче РПЦ различных ценностей, так и во введении в школе ОПК, помощи в организации мероприятий.

Кроме того, это неравенство ощутимо в отношении к различным конфессиям со стороны средств массовой информации, многие из которых зависят от государства. А ведь именно СМИ формируют общественное мнение. Исследователи Сергей Филатов и Роман Лункин, проведя в середине «нулевых» годов исследование нескольких сотен газетных публикаций и телепередач на религиозную тематику, отмечают очень сильный контраст в отношениях журналистов к православию и протестантизму.

«Представления о самобытности Православия в популярных статьях и интервью, как правило, становятся в изложении многих авторов оружием против «духовных врагов», — отмечают они. — <...> По разным причинам СМИ создают контрастный и даже гротескный образ Православия и Протестантизма в России. Карикатурные, по сути, представления о «величии» православия или же «безумии» протестантизма делают бессмысленным сам разговор о реальной роли этих церквей в жизни страны, о тех ценностях, которые они несут обществу, да и вероисповедных различиях между ними. Реальные духовные и социально-политические идеалы и ценности православия или протестантизма, которым представители этих конфессий следуют в своей общественной деятельности, остаются вне информационного поля ведущих СМИ»²⁸⁸.

В течение 90-х и «нулевых» годов в российском евангельском протестантизме произошли структурные трансформации. В целом российские евангельские христиане — баптисты пережили заметный рост. Однако под воздействием центробежных сил ВСЕХБ (после развала СССР переименованный в Российский Союз — РС ЕХБ) в 90-х пережил время выхода многих церквей из Союза. Вышедшие церкви образовали новые небольшие союзы. В «нулевых» годах, особенно после избрания нового председателя РС ЕХБ пастора Юрия Кирилловича Сипко, ситуация стабилизировалась, отток общин прекратился, наметилась обратная тенденция.

Эти два десятилетия ознаменовались феноменальным ростом харизматических церквей, многие из которых образовались на платформе бывших пятидесятнических церквей. И по числу церквей и по количеству верующих в них харизматы далеко обошли евангельских христиан — баптистов. Также как и традиционные пятидесятники, харизматы практикуют глоссологию, в богословии уделяют большое внимание вопросу даров Святого Духа. Отличие состоит в более динамичной и «молодежной», с использованием современной музыки, форме проведения богослужений. Также многие церкви харизматов в большей степени ориентированы на материальный мир. В таких церквях распространено мнение, что истинное обращение к Богу должно приводить верующих к физическому исцелению и достижению финансового успеха. Этот акцент в богословии вызывает серьезную критику со стороны евангельских христиан — баптистов и традиционных пятидесятников.

Подводя итог, нужно отметить, что за десятилетия тяжелейших гонений

288 Сергей Филатов, Роман Лункин «Образы Православия и Протестантизма в светских СМИ: благолепие и уродство», «Русское Ревью», февраль 2006 года.

Советская власть так и не смогла истребить евангельские церкви. Вопреки физическому уничтожению, посадкам, чудовищному количеству клеветы, обрушившихся на протестантов, они сумели укорениться на российской почве.

В течение двух последних десятилетий верующие постепенно избавляются от выработанного за годы гонений изоляционизма, все более гармонично вписываются в общество. Среди молодежи в церквях процент студентов, получающих высшее образование, даже выше, чем в среднем в обществе. Уже сейчас в церквях появилась по-настоящему многочисленная протестантская интеллигенция. В том числе не редкость и представители интеллигенции творческой – писатели, журналисты, музыканты, художники. Неизбежно, что они внесут свой вклад в российскую культуру.

Благодаря все той же интеллигенции, а также госслужащим и представителям бизнеса, растет вес протестантских церквей в обществе. Их многочисленные социальные проекты видны уже сейчас. Также сейчас создаются протестантские профессиональные сообщества – бизнесменов, журналистов, преподавателей...

Евангельское вероучение не разрушает цивилизационную идею Российского государства: протестанты создают крепкие семьи, ведут здоровый образ жизни. В верующих воспитывается честность, добросовестное отношение к труду, законопослушность и патриотизм. Хочется, чтобы и общество и власть, наконец, увидели в них не религиозных отщепенцев, а своих лояльных граждан, достойных доверия и благожелательности.

Приложение

История Владивостокской церкви ЕХБ «Благая Весть» (рассказ члена церкви Марины Алексеевны Венюковой)

Все началось 10 ноября 1990 года, когда во Владивостоке открылась воскресная школа по изучению Библии для взрослых. Занятия проводили братья из миссии «Милосердный Самарянин», которая состояла из верующих Владивостока и Хабаровска. Перед миссией стояла задача познакомить людей с Библией, рассказать о христианстве, его истории, о христианской жизни в семье, на работе, в быту...

И во Владивостоке, и в Хабаровске занятия начались одновременно. Во Владивостоке группа была разновозрастной (от 14 до 55 лет), ее численность менялась – от 15 до 30 человек. Показателем работы братьев, их молитв и действия Духа Святого стали вопросы о крещении. На беседы приходили по одному, хотя вопросы были одинаковые: как принять крещение, когда это будет, что нужно сделать для этого...

5 июля 1991 года владивостокская группа выехала в Хабаровск. Там тоже после изучения Библии появились желающие, и братья уже готовились к крещению. 7 июля 1991 года верующие на нескольких автобусах выехали на Красную Речку (приток Усури) и провели там совместное крещение. На празднике присут-

*Первое крещение — день рождения церкви «Благая Весть» 7 июля 1991 г.
Фото из архива церкви «Благая Весть»*

ствовавали верующие из церквей Хабаровска и Владивостока, миссионер из Японии, представители христианского радио Хабаровска.

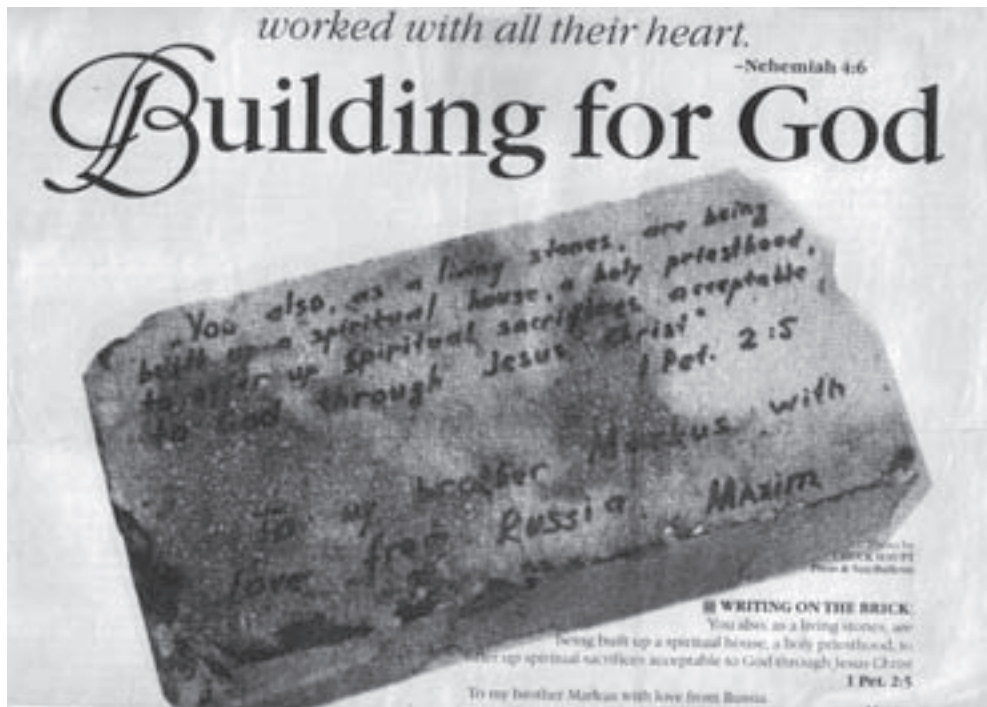
Итак, в день первого крещения, 7 июля 1991 года, и были созданы две новые церкви, а пасторами в них стали братья, которые проводили крещение: в Хабаровске — Костенков Федор Михайлович, во Владивостоке — Дроздов Александр Васильевич (Это тот самый руководитель группы Владивостокской церкви СЦ ЕХБ, который упоминается в заключительном документе 12-й главы. Из-за отказа прервать сотрудничество с «регистрированными» баптистами в миссии «Милосердный Самарянин» он был изгнан из церкви СЦ — прим. авт). После крещения был праздничный обед — вечера любви, звучали песни, которые многие из крестившихся услышали впервые. День завершился отъездом группы из Владивостока.

Наша молодая новая церковь начала свою жизнь, продолжив изучение Библии. Приходили новые люди — по объявлению, или же знакомые и друзья тех, кто стал членом церкви. По воскресеньям проводились утренние богослужения, где стали выявляться дары членов церкви (чтение и сочинение стихов, пение и игра на музыкальных инструментах), где стали крепнуть узы дружбы и любви, ибо христианское общение делало нас ближе и роднее.

В июле 1992 года во Владивосток пришло христианское судно «Доулос». Мы были рады познакомиться с таким количеством верующих из других стран. Общение с ними укрепляло веру молодых христиан нашей церкви. Мы узнали, как они пришли к Богу, слышали разные песни, увидели национальные костюмы, танцы разных народов. Мы слышали замечательные проповеди и лекции: о воспитании детей, о взаимоотношениях в семье, об укреплении веры, о том, как интересней изучать Библию, как молиться, как устоять в испытаниях. Мы слышали

Крещение, пастор А. В. Дроздов. Фото из архива церкви «Благая Весть»

Американская пресса о строительстве церкви «Благая Весть». Фото из архива церкви «Благая Весть»

*Евангелизация на острове Попова (пригород Владивостока). Июль 1997 года.
Фото из архива церкви «Благая Весть»*

Строительство молитвенного дома, 1997

личные свидетельства о жизни и вере тех людей, которые работают на судне, узнали, почему они выбрали этот труд и многое другое.

Кроме этого мы и сами смогли поучаствовать в евангелизациях на улицах. Мы раздавали духовную литературу, приглашали на собрания и встречи на судно и в церковь, работали волонтерами на судне — в роли продавцов на книжной выставке, помогая на кухне, работая уборщиками помещений, грузчиками в трюме, а в машинном отделении помогали в ремонте и профилактике судового оборудования.

В августе 1992 года 24 человека (братья и сестры, а еще и дети) поехали в первую евангелизационную поездку. За 5 дней мы объехали на пароме и автобусе весь Хасанский район. Мы провели концерты в поселках Славянка (2 выступления), Краскино, Андреевка (в 2 местах), на погранзаставе Хасан. На концертах звучали песни, свидетельства о том, как люди пришли к Богу, стихи, написанные нашими сестрами, и, конечно же, звучали слова из Писания. По окончании все желающие получали Евангелие и брошюру «4 духовных закона».

Со временем такие поездки стали постоянным служением церкви — поселок Тигровый, поселок Пластун, остров Попова... На концертах всегда было много людей, и хотя большинство не приходило в церковь, но мы думаем, что Господь касался их сердец. И через песни, стихи, свидетельства семена веры были посеяны.

В 1992 году церковь взяла себе название «Благая Весть» (так переводится на русский с греческого слово «Евангелие») и старалась оправдать это имя, неся Благую Весть людям. 5 февраля 1993 года в церкви прошло служение благословения хора и регента. Хористы начали учить гимны, готовиться к богослужениям, однако в полной мере хор начал свое служение в октябре 1993 года.

В июне 1993 года в церкви прошла ночь молитвы, во время которой решался вопрос о здании церкви (доме молитвы): строить его нам или арендовать помещения. Через молитвы, чтение Библии Господь многократно ответил: «Строить!» «Я Господь, Бог твой; держу тебя за правую руку твою, говорю тебе: «Не бойся, Я помогаю тебе». (Ис. 41:13)

14 сентября 1994 года мэрия Владивостока (мэр — Константин Толстошеин) выделила под строительство участок земли на улице Окатовой. Для строительства нужны были деньги, и члены церкви стали жертвовать, а потом сестры стали приносить свои драгоценности — кольца, серьги и др.

Церкви помогли американские верующие. В июле 1996 года во Владивосток приехал брат-американец, который сделал аудиозаписи христианских песен, исполненных мной (М. А. Венюковой — прим. авт.) и Инной Дроздовой. Записи делали на квартире, завесив окна и двери одеялами, чтобы отсечь посторонние шумы. В течение 10 дней записи были сделаны, после чего брат увез кассеты в Америку, чтобы обработать записи в профессиональной студии. Затем эти кассеты поступили в продажу в американских церквях. К кассетам прилагался проспект, где рассказывалось о нашей церкви, о строительстве молитвенного дома и предлагалось не просто купить кассету, а пожертвовать деньги на строительство, — деньги за кассету и были пожертвованиями. Кассеты были очень быстро раскуплены, а деньги стали поступать на наш валютный счет в

Пастор Александр Владимирович Барчук. Фото из архива Уссурийской церкви ЕХБ «Свет миру»

Крещение, 2009 г.

Строительство здания церкви в Спасске-Дальнем, январь 2011 года. На переднем плане – старое здание, используемое с 1960-х годов. Фото автора

Молитвенный дом церкви «Благая Весть»

«Дальрыббанке». Очень жаль, что основная часть этих средств там осталась, вероятно, навечно: банк обанкротился...

В марте 1995 года церковь принимала участие в евангелизации, которая проходила одновременно по всей планете. Одним из создателей этого проекта был знаменитый на весь мир миссионер и проповедник Билли Грэм. В евангелизации участвовали несколько церквей, а музыкальное оформление – сводный хор.

Летом 1995 года наша церковь попробовала свои силы в новом служении – организации детского христианского лагеря. Были две смены длительностью 12 дней, в каждой смене по 50 детей. Каждый день начинался и заканчивался молитвами, и Господь благословлял, а за весь лагерный период этого года 47 детей покались (многие из них сейчас стали служителями в разных церквях). К слову, служение летнего лагеря наша церковь продолжает и по сей день, только смены проводятся не только для детей, но и для взрослых.

В декабре 1996 года начали рыть котлован под фундамент молитвенного дома.

С лета 1996 года церковь работает на острове Попова. Занятия проходили в двух детских группах и в вечерней группе для взрослых. Весной 1997 года мы вновь приняли участие во всемирной евангелизации, в организации которой участвовал

Билли Грэм. В мае 1997 года был закончен фундамент нашего здания: столько сил, материалов, времени, финансов и, конечно, молитв, и это только «нулевой цикл»! 12 июня 1997г. началось строительство стен.

В конце 1997 года церковь пережила потрясение: пастор Александр Васильевич Дроздов с семьей уехал на ПМЖ в США. Церковь осталась под присмотром епископа Геннадия Кузьмича Ивкова, а временным ответственным стал диакон В. Дольник. Для многих членов церкви отсутствие пастора стало сильным ударом и проверкой веры, но церковь выстояла — ведь Господь остался с нами!

Продолжилось строительство, велись занятия по изучению слова Божьего, проводились поездки на остров Попова, хор репетировал и прославлял Бога, дети занимались в воскресной школе. «Итак каждый должен разуместь нас, как служителей Христовых и домостроителей таин Божиих. От домостроителей же требуется, чтобы каждый оказался верным». (1Кор.4:1,2) В 1999 году у нас появился новый пастор — Александр Владимирович Барчук. 11 февраля 2000 года церковь «Благая Весть» была перерегистрирована согласно требованиям изменившегося законодательства.

2 мая 2001 года состоялось торжественное собрание по поводу благословения дома молитвы. Вместе с нами пришли прославить и благодарить за помощь Бога наши друзья — братья и сестры во Христе из разных церквей, в том числе и из других городов и даже стран. Много звучало молитв и песен, читались стихи из Библии, вручались подарки. А потом была вечеря любви, где за трапезой и чаем продолжился праздник!

В июле 2002 года наша церковь участвует вместе с другими церквями города в евангелизации с участием Миссии «Возрождение» (под руководством известного проповедника Виктора Гамма). В 2005 году те семейные пары из нашей церкви, которые женились еще до уверования и в свое время не венчались в церкви, решили совместно устроить праздник благословения брака. В 2005 году пастор А. В. Барчук был вынужден уехать: его, как гражданина Украины, признали «иностранным миссионером», а наше законодательство весьма жестко к таким относится. Вместо него пастором был избран член нашей общины с 1995 года Александр Викторович Исаков. А наша церковь и ныне оправдывает свое название, неся миру Благую Весть о Христе.

Оглавление

От автора.....	3
Глава 1. 1898-1899 годы. «Секта особо вредная».....	5
Глава 2. 1909-1915 годы. Лутковская церковь.....	11
Глава 3. 1911-1915 годы. Общины Владивостока и Никольск-Уссурийского.....	18
Глава 4. 1917-1920 годы. Революция и ее последствия.....	36
Глава 5. 1918-1922 годы. Приморье, период гражданской войны.....	50
Глава 6. 1923-1928 годы. Первые годы советской власти.....	72
Глава 7. 1928-1940 годы. Время тяжелых гонений.....	90
Глава 8. 1940-1950-е годы. Военный и послевоенный периоды.....	143
Глава 9. 1958-1962 годы. Хрущевские гонения.....	155
Глава 10. 1961-1966 годы. Раскол.....	180
Глава 11. 1950-1980-е годы. Пятидесятники. Исход (движение за эмиграцию) из СССР.....	198
Глава 12. Конец 1960-х - 1980 годы. Период расцвета ВСЕХБ.....	231
Заключение.....	261

Дементьев Андрей Андреевич

E-mail: annevazh@yandex.ru

АВЕН-ЕЗЕР

Евангельское движение в Приморье

1898-1990 годы

Корректор Л. Горчинская

Дизайн-макет и верстка
Н. Баранник

Издательство «Русский Остров»
690090, г. Владивосток, ул. Алеутская, 11, офис 1110.
Тел. (4232) 61-93-74, 96-16-91.

E-mail: rusost@inbox.ru

Директор и главный редактор А. Яковец

Формат 70x100/16, объем 17 печ. л.
Печать офсетная, бумага офсетная.
Гарнитура NewtonС. Тираж 1500 экз.